

ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ ДОКТОРА И КАНДИДАТА НАУК

ЛАУРЕАТ V МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2010» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ВУЗОВСКОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

ЛАУРЕАТ VI ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2012» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

Главный редактор:

Бикеев И.И., первый проректор, проректор Института экономики, управления и права (г. Казань) по научной работе, профессор

Редакционная коллегия:

Крамин Т.В., доктор экономических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента, директор НИИ Института экономики, управления и права (г. Казань), **куратор направления экономических наук**

Кабанов П.А., доктор юридических наук, профессор, директор НИИ противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань), **куратор направления юридических наук**

Безверхов А.Г., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета (г. Самара)

Гафурова Г.Т., кандидат экономических наук, Институт экономики, управления и права (г. Казань),

Гилниский Я.И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Гумерова Г.И., доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновационными проектами Академии народного хозяйства (г. Москва)

Демченко С.Г., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и маркетинга Института экономики, управления и права (г. Казань)

Епихин А.Ю., доктор юридических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Клемян А.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Института экономики, управления и права (г. Казань)

Коростелев А.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая и управленческая подготовка» Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти)

Кругликов Л.Л., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член МАН ВШ и РАЕН РФ, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (г. Ярославль)

Кураков Л.П., доктор экономических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования (г. Москва)

Лазарев В.В., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии МВД РФ (г. Москва)

Лазарева В.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета (г. Самара)

Латов Ю.В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД РФ (г. Москва)

Лунев В.В., доктор юридических наук, профессор Института государства и права РАН (г. Москва)

Малков В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РТ, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Мальгин В.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Ольков С.Г., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Орлов С.Л., доктор экономических наук, профессор кафедры торговой политики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва)

Рабинович Л.М., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РТ, профессор кафедры финансового менеджмента Института экономики, управления и права (г. Казань)

Сафиуллин Л.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории и методологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Сулдыня Г.А., доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и права Московского государственного института международных отношений (У) МИД России (г. Москва)

Шабанова Л.Б., доктор экономических наук, профессор кафедры гостиничного и туристического бизнеса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Шаймиева Э.Ш., доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Института экономики, управления и права (г. Казань)

Шейфер С.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета (г. Самара)

Шестаков Д.А., доктор юридических наук, профессор и заведующий криминологической лабораторией юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского университета МВД РФ (г. Санкт-Петербург)

Юнусов А.А., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Зарубежные члены редколлегии:

Гондоль В.Эдвард, доктор психологии Университета Индиана в Пенсильвании (США, Индиана)

Дрёмин В.Н., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, проректор Национального университета «Одесская юридическая академия» (г. Одесса, Украина)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Поклад В.И., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии, конфликтологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел им. Э.А. Дидоренко (г. Луганск, Украина)

Меско Г., профессор, декан факультета уголовного правосудия и безопасности Университета в Мариборе (Словения)

Ответственный секретарь:
Дарчинова Г.Я.

Учредитель – частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42,
Институт экономики,
управления и права
Тел.: (843) 231-92-90,
Факс: 292-61-59
E-mail: apel@ieml.ru
Сайт: apel.ieml.ru

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» включен в Ulrich's Periodicals Directory

Подписка на журнал по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Редактор:
Фатхуллина Э.Г.

Компьютерная верстка:
Каримова С.А.

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Беляева Е.Н.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-45445 от 16 июня 2011 г.
Территория распространения:
Российская Федерация

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 35,25. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать. 02.12.13. Заказ № 15/12
Цена свободная
© Издательство «Познание», 2013

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

THE JOURNAL IS INCLUDED INTO THE LIST OF REVIEWED SCIENTIFIC JOURNALS AND EDITIONS, IN WHICH THE MAIN SCIENTIFIC RESULTS OF CANDIDATE AND DOCTORAL DISSERTATIONS MUST BE PUBLISHED

PRIZE-WINNER OF THE 5TH INTERNATIONAL COMPETITION «UNIVERSITY BOOK-2010» FOR «THE BEST PERIODICAL OF A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT»

PRIZE-WINNER OF THE 6TH ALL-RUSSIAN CONTEST «UNIVERSITY BOOK-2012» IN THE NOMINATION «THE BEST PERIODICAL EDITION»

Chief editor:

Bikeyev I.L., Vice Editor-in-Chief, First Vice Rector, Vice-Rector of Institute of Economics, Management and Law (Kazan) on Scientific work, Professor

Editorial board:

Kramin T.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), **supervisor of Economic section**

Kabanov P.A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), **supervisor of Law section** (Kazan)

Bezverkhov A.G., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Samara State University (Samara)

Gafurova G.T., PhD (Economics), Associate Professor, Counselor for economic affairs to the rector of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Gilinskiy Ya.I., Doctor of Law, Professor, of Saint Petersburg Juridical Institute, of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen (Saint Petersburg)

Gumerova G.I., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Innovative Projects Management of Academy of People's Economy (Moscow)

Demchenko S.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economics and Marketing of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Yepikhin A.Yu., Doctor of Law, Professor of Kazan (Volga) Federal University (Kazan)

Klemin A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Korostelev A.A., Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Chair «Economic and managerial training» of Tolyatti State University (Tolyatti)

Kruglikov L.L., Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, full member of International Academy of Sciences and Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov (Yaroslavl)

Kurakov L.P., Doctor of Economics, Professor, full member of the Russian Academy of Education (Moscow)

Lazarev V.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of State-Law Disciplines of Academy of Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Moscow)

Lazareva V.A., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Samara State University (Samara)

Latov Yu.V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Senior Researcher of Academy of Management of Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Moscow)

Luneyev V.V., Doctor of Law, Professor of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Malkov V.P., Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation and Tatarstan Republic, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Mal'gin V.A., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Economic Theory of Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

Ol'kov S.G., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Orlov S.L., Doctor of Economics, Professor of Russian Economics University named after G.V. Plekhanov (Moscow)

Rabinovich L.M., Doctor of Economics, Professor, Honored Researcher of Tatarstan Republic, Professor of the Chair of Financial Management (Kazan)

Safullin L.N., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic History and Methodology of Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

Sul'dina G.A., Doctor of Economics, Professor of the Chair of State Management and Law of Moscow State Institute of Foreign Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow)

Shabanova L.B., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Hotel and Tourism Business of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Shaimiyeva E.Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Management Chair of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Sheifer S.A., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Samara State University (Samara)

Shestakov D.A., Doctor of Law, Professor, Professor and Head of Criminological Laboratory of Law Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, of Saint Petersburg University of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Saint Petersburg)

Yunusov A.A., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Foreign members of the Editorial Board:

Gondolf V. Edward, Doctor of Psychology of Indiana University of Pennsylvania (USA, Indiana)

Dryomin V.N., Doctor of Law, Professor, correspondent member of National Academy of Juridical Sciences of Ukraine, Vice-Rector of National University «Odessa Juridical Academy» (Odessa, Ukraine)

Kuri H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Friburg (Friburg, Germany)

Serrano-Maillo A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Poklad V.I., PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Conflictology and Sociology of Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko (Lugansk, Ukraine)

Meško G., Professor, Dean of the Faculty of Criminal Justice and Security of Maribor University (Slovenia)

Executive secretary:
Darchinova G.Ya.

Founder – Private educational establishment of higher professional education «Institute of economics, management and law (Kazan)»

Editors Office's address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya st., Institute of economics, management and law (Kazan)

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The Journal «Actual problems of economics and law» was included into Ulrich's Periodicals Directory

Subscription for journal through the United Catalogue «Press of Russia»

Our index – 86303

Editor:
Fatkhullina E.G.

Computer lead out:
Karimova S.A.

Translator:
PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild Belyaeva E.N.

The Journal is registered by the Federal Supervising Service on observance of Laws in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
Registration certificate:
ПИ № ФС77-45445 of June 16, 2011.
Distribution area: Russian Federation

Format 60×84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 02.12.13 Order № 15/12

© Publishing House «Poznanie», 2013

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

No part of this publication may be reprinted without the reference to this Journal.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Содержание

Диалектика противодействия коррупции

И. Таузер, Р. Чайка, И. И. Болотов. Детерминанты коррупции в странах Центральной и Восточной Европы.....	5
Е. А. Акунченко. Меры безопасности как средство предупреждения коррупции при финансировании избирательных кампаний.....	14
Р. Р. Гарифуллин. Особенности личности взяточмана.....	20
Г. Н. Горшенков. Коррупция и антикоррупция – закономерности взаимодействия.....	25
И. А. Зырянова. Избирательный штаб кандидата – субъект коррупции в избирательном процессе?.....	32
П. А. Кабанов. Антикоррупционная реклама в Республике Татарстан как информационное средство противодействия коррупции: проблемы и перспективы.....	38
Т. Л. Козлов. Некоторые итоги реализации антикоррупционной политики.....	46
Ю. А. Нисневич. Электоральная коррупция и модель участия в выборах в России.....	52
В. А. Номоконов. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин.....	61
С. Б. Поляков. Неограниченность административного давления на экономику в российской правовой системе.....	68
А. В. Салов. Противодействие транснациональной корпоративной коррупционной преступности в Великобритании.....	76

Экономическая теория

С. Г. Авдонина, С. И. Грудина, А. И. Подгорная. Роль государства в формировании интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере.....	83
И. А. Киришин, О. В. Пачкова. Спецификация системного объекта государственного регулирования в условиях информатизации российского общества.....	91
В. А. Мальгин. Рационализация взаимодействия власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики.....	100

Экономика и управление народным хозяйством

Я. Г. Аймурзаева, Д. В. Рыжков. Анализ состояния и оценка эффективности энергетического аудита в России.....	106
Е. В. Вранович, О. Ю. Мичурина. Венчурный капитал в инновационном развитии экономики.....	113
Г. И. Гумерова, Э. Ш. Шаймиева. Формирование концептуальных положений модели управления знаниями в организации: теоретико-методический подход (на основе эмпирического исследования) (продолжение).....	119
С. Н. Гусев. Экономический рост в России: потенциальный уровень и ограничения.....	130
А. А. Донец. Повышение качества услуг как инструмент управления конкурентоспособностью гостиничного предприятия.....	138
Н. А. Дубинина, Е. Н. Ланцман. Анализ подходов к формированию промышленной политики.....	144
Е. Э. Колчинская, С. Н. Расторцева. Исследование факторов роста промышленности России с использованием производственной функции.....	152
Н. В. Кручинина. Амортизация как стимулирующий механизм развития природоохранной деятельности хозяйствующего субъекта.....	159

Е. А. Кузнецов. Особенности экономических отношений Россия–АСЕАН в сфере энергоносителей на современном этапе: возможности и перспективы.....	164
Г. В. Леонидова, К. А. Устинова. Образовательный потенциал молодежи как ресурс модернизации.....	172
Р. А. Набиев, В. В. Зверев. Практика совершенствования финансового обеспечения высшего профессионального образования в условиях реформирования высшего образования в Астраханской области.....	179
А. И. Орлова. Развитие конкуренции среди предприятий общественного питания на территории Нижегородской области.....	186
А. Л. Файзханова. Развитие конкурентных преимуществ лечебно-профилактических учреждений на основе программы лояльности.....	191

Гражданское право; предпринимательское право

П. А. Батайкин. О сущности юридической конструкции гражданского права и ее отраслевой специфике.....	198
А. И. Гатин. К вопросу о понятии земельного участка, находящегося в федеральной собственности, как объекта права распоряжения.....	202
А. Я. Рыженков. Дифференцирование применения принципов гражданского права в судебной практике.....	210

Теория и история права и государства

Л. Ф. Гайнуллина, Л. С. Леонтьева. Право на коммуникацию: должное и сущее.....	217
А. В. Краснов. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений.....	226
А. В. Скоробогатов. Концепт «право» в российском юридическом дискурсе.....	233

Уголовное право и криминология

Ф. В. Габдрахманов. Действие последствий судимости во времени и их классификация.....	241
С. Г. Ольков. Пределы эффективности юридической ответственности при применении однотипных наказаний и поощрений.....	247
В. И. Поклад. Социальный контроль и экономическая преступность.....	252
В. В. Сверчков. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения.....	259

Уголовный процесс, криминалистика

Н. Н. Мазина. Апелляционное производство в уголовном процессе России: коллизии предмета и пределов проверки.....	267
Д. В. Наметкин, А. О. Грязнов. Состязательность и полномочия суда по направлению уголовного дела прокурору для устранения препятствий в его рассмотрении.....	273

Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права».....	278
Требования к оформлению рукописей.....	279
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права».....	279
Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.).....	280
Требования к оформлению рукописей (на англ. яз.).....	281
Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.).....	281

Contents

Dialectics of corruption counteraction

<i>J. Taušer, R. Čajka, I.I. Bolotov.</i> Corruption determinants in the Central and East European countries.....	5
<i>E. A. Akunchenko.</i> Security measures as a means of corruption prevention when financing election campaigns.....	14
<i>R. R. Garifullin.</i> Personality features of a bribetaker-addict.....	20
<i>G. N. Gorshenkov.</i> Corruption and anti-corruption – laws of interaction.....	25
<i>I. A. Zyryanova.</i> Candidate's election head quarters as a subject of corruption in the electoral process?.....	32
<i>P. A. Kabanov.</i> Anti-corruption advertising in Tatarstan Republic as an informational means of corruption counteraction: issues and perspectives.....	38
<i>T. L. Kozlov.</i> Some results of anti-corruption policy implementation.....	46
<i>Yu. A. Nisnevich.</i> Electoral corruption and model of election participation in Russia.....	52
<i>V. A. Nomokonov.</i> Corruption in Russia: social consequences and features of causes.....	61
<i>S. B. Polyakov.</i> Unrestrictedness of administrative pressure on economy in the Russian legal system.....	68
<i>A. V. Salov.</i> Counteraction to transnational corporate corruptive crime in Great Britain.....	76

Theory of economics

<i>S. G. Avdonina, S. I. Grudina, A. I. Podgornaya.</i> The role of state in forming the small- and large-size business integration in innovative sphere.....	83
<i>I. A. Kirshin, O. V. Pachkova.</i> Specification of systemic object of state regulation under informatization of the Russian society.....	91
<i>V. A. Mal'gin.</i> Rationalization of power and business interaction under institutionally deformed economy.....	100

Economics and economic management

<i>Ya. G. Aimurzayeva, d. V. Ryzhkov.</i> Analysis of the condition and evaluation of efficiency of energy audit in Russia.....	106
<i>E.V. Vranovich, O.Yu. Michurina.</i> Venture capital in innovative economy development.....	113
<i>G.I. Gumerova, E.Sh. Shaimiyeva.</i> Forming the concepts of knowledge management model in an organization: theoretical-methodological approach (basing on empirical research) (<i>continue</i>).....	119
<i>S.N. Gusev.</i> Long-term trends of investment activity in the Russian economy.....	130
<i>A. A. Donets.</i> Increasing the quality of services as a tool for managing competitiveness of a hotel enterprise.....	138
<i>N. A. Dubinina, E. N. Latsman.</i> Analysis of approaches to forming the industrial policy.....	144
<i>E.E. Kolchinskaya, S. N. Rastvortseva.</i> Research of the factors of industrial growth in Russia using the production function.....	152
<i>N. V. Kruchinina.</i> Depreciation as a stimulating mechanism for nature protection activity of an economic subject.....	159
<i>E. A. Kuznetsov.</i> Features of Russia–ASEAN economic relations in the sphere of energy carriers in the modern period: possibilities and perspectives.....	164

<i>G. V. Leonidova, K. A. Ustinova.</i> Educational potential of the youth as a resource of modernization.....	172
<i>R. A. Nabiyeu, V. V. Zverev.</i> Practice of improving the financial provision for higher professional education under reforming higher education in Astrakhan oblast.....	179
<i>A. I. Orlova.</i> Development of competition between catering enterprises in Nizhegorodskaya oblast.....	186
<i>A.L. Faizkhanova.</i> Developing the competitive advantages of curing-prevention establishments basing on the loyalty program.....	191

Civil law; entrepreneurship law

<i>P. A. Bataykin.</i> On the essence of juridical construction of civil law and its branch peculiarity.....	198
<i>A.I. Gatin.</i> On the issue of the notion of federally owned landsite, as an object of disposition right.....	202
<i>A. I. Ryzhenkov.</i> Differentiating of implementation of civil law principles in court practice.....	210

Theory and history of law and state

<i>L. F. Gainullina, L. S. Leontyeva.</i> Right for communication: the due and the actual.....	217
<i>A.V. Krasnov.</i> Content of legal norms' sanctions in information-psychological approach to the research of legal phenomena.....	226
<i>A. V. Skorobogatov.</i> Concept of "law" in the Russian juridical discourse.....	233

Criminal law and criminology

<i>F. V. Gabdrakhmanov.</i> Functioning of conviction consequences in time and their classification.....	241
<i>S. G. Ol'kov.</i> Limits of legal liability efficiency when applying single-type punishments and awards.....	247
<i>V. I. Poklad.</i> Social control and economic crime.....	252
<i>V.V. Sverchkov.</i> Comments to the Russian Federation criminal code on indemnity: juridical nature and issue of implementation.....	259

Criminal procedure, criminalistics

<i>N. N. Mazina.</i> Appeal procedure in the Russian criminal procedure: collisions of the subject and limits of control.....	267
<i>D. V. Nametkin, A. O. Gryaznov.</i> Competitiveness and authorities of a court for sending the criminal case to a prosecutor for eliminating obstacles in its investigation.....	273

<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal.....</i>	278
<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal.....</i>	279
<i>The requirements to manuscript appearance Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal.....</i>	279
<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English).....</i>	280
<i>The requirements to manuscript appearance (in English).....</i>	281
<i>Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English).....</i>	281

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 343.9:328.185

Й. ТАУШЕР,

кандидат экономических наук, доцент,

Р. ЧАЙКА,

кандидат экономических наук, ассистент заместителя декана, старший преподаватель,

И. И. БОЛОТОВ,

кандидат экономических наук, MBA-MAE, старший преподаватель

Пражский экономический университет, г. Прага, Чехия

ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Цель: определение силы и направления зависимости между уровнем коррупции и его детерминантами в странах Центральной и Восточной Европы.

Методы: коинтеграционный регрессионный анализ Энгла и Грейнджера для панельных данных на основе расширенных тестов единичного корня Дики-Фуллера и мета-тестов Чои.

Результаты: согласно нашей модели, вступление в Европейский союз и создание более сильных парламентских коалиций благотворно влияют на коррупцию в странах региона. Наоборот, членство в Организации экономического сотрудничества и развития, централизация власти в руках президента и увеличение числа партий вместе с ростом неравномерности доходов в обществе ведут к усилению коррупции.

Научная новизна: определены детерминанты коррупции для стран Центральной и Восточной Европы на региональном уровне за 1975–2012 гг.

Практическая значимость: в возможности лучше понять негативные общественные явления в Центральной и Восточной Европе, что позволит оптимизировать антикоррупционную политику стран в будущем.

Ключевые слова: Центральная и Восточная Европа; коррупция; детерминанты; коинтеграционный анализ; регрессия.

Введение

С точки зрения социально-экономических наук наиболее упоминаемой и дискутируемой темой последних лет является мировой экономический кризис 2008 г. Центральная и Восточная Европа (далее – ЦВЕ), однако, уже долгое время сталкивается с другим негативным явлением, а

именно – с коррупцией¹. Коррупция часто обсуждается в политических дискуссиях, повседневной жизни граждан, а также является предметом ряда исследований. При этом в настоящее время не существует ни общей теории, объясняющей данное явление и его причины, ни эффективной политики, направленной на борьбу с ним.

¹ Статья была подготовлена в рамках проекта Пражского экономического университета IGS F2/9/2012 “Podnikatelské prostředí v České republice a jeho vliv na konkurenceschopnost ČR”.

² Надо отметить, что коррупция не является характерной особенностью только стран ЦВЕ. Случаи коррупции отмечались еще в древнем Китае и Египте, а также в окружении Папы Римского в Ватикане.

Тема коррупции является предметом исследования многих авторов экономического и юридического направлений [1–15] и т. д. Тем не менее большинство этих и других исследований редко производятся на региональном уровне, из-за чего в настоящее время не существует консенсуса относительно детерминант коррупции в регионе ЦВЕ. Целью данной статьи является восполнение этого пробела на основе эконометрических расчетов, что позволит сделать выводы о силе и пропорциональности зависимости между уровнем коррупции в странах ЦВЕ и группами переменных (экономическими, политическими и др.).

В статье используется коинтеграционный регрессионный анализ по методу Энгла и Грейнджера [16; 17], приспособленный к панельным данным с помощью мета-тестов Чои [18], описанный, например, в [10]. Статья основывается на данных за 1975–2012 гг. PRS Group (International Country Risk Guide), Transparency International, Группы Всемирного банка (World Bank Group), Мирового экономического форума (World Economic Forum) и Международного института управленческого развития (International Institute for Management Development).

Модель

Используемая нами модель имеет следующее формальное представление:

$$CORR_{it} = \beta_{it} X_{it} + v_i + \varepsilon_{it},$$

где $CORR_{it}$ – уровень коррупции, β_{it} и X_{it} – векторы коэффициентов и регрессоров, v_i – эффекты, ε_{it} – ошибки, i – страна ЦВЕ и t – год.

Методология $CORR_{it}$

В настоящее время не существует общепринятого определения коррупции, в том числе из-за различного восприятия этого явления в разных странах³. Американский политолог Джозеф Самуил Най [19], и Transparency International [20, с. 14] определяют ее как *поведение лица или группы лиц, при котором для достижения личной или семейной выгоды происходит от-*

*клонение от обязанностей, возложенных на него / них обществом*⁴, причем речь может идти как о бюджетном, так и о частном секторах. Transparency International выделяет несколько видов коррупции в соответствии с размером хищений / ущерба.

В связи с этим и с тем, что коррупция, как правило, скрыта внутри политической и экономической системы страны (из-за противоправности коррупционного поведения) [21], в настоящее время для измерения ее уровня чаще используется не количество выявленных случаев коррупции⁵, а качественная оценка на основе опросов общественного мнения (анкет) по определенной шкале баллов. В этой статье мы используем данные оценок PRS Group (International Country Risk Guide, 1980–1998 гг.) и Индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI) Transparency International (1995–2012 гг.), пересчитанные на шкалу PRS Group, 1–6, где 1 – самый высокий уровень коррупции, а 6 – самый низкий.

Составляющие X_{it}

В нашей модели использованы четыре группы переменных, которые наиболее часто встречаются в аналогичных исследованиях [3–15]: 1) общие; 2) экономические; 3) политические и 4) другие (институциональные, культурные и т. п.) факторы.

Группа «*общие переменные*» представлена HDI, Индексом человеческого развития как мерой качества жизни в стране, рассчитываемым по данным об уровне бедности, грамотности, образования, средней продолжительности жизни, рождаемости и об экономической ситуации в стране. HDI варьирует в пределах 0 (наименьший

⁴ Речь в таком случае идет о нарушении правила беспристрастности (равных условий для всех клиентов, поставщиков, участников тендера и т.д.) и / или о незаконном обогащении соответствующего лица / группы лиц (взятках). Оба эти явления – основные проявления коррупции и ее главные характерные признаки.

⁵ Таких случаев, как правило, больше всего в странах со «средним» уровнем коррупции, так как в странах с высоким уровнем коррупции борьба с этим негативным явлением малоэффективна, а в странах с низкой или практически нулевой коррупцией она не проводится в аналогичных масштабах. Это приводит к искажениям в результатах международных сравнений.

³ Например, небольшой подарок, передаваемый в знак благодарности в одной культурной среде, может быть расценен как взятка, т.е. как проявление коррупции, в другой культурной среде (сравни страны Азии и Западной Европы).

уровень развития) и 1 (наиболее высокий уровень развития).

Группа «экономические переменные» представлена двумя факторами: GDP, валовым внутренним продуктом в USD на душу населения после пересчета на стандарт покупательской способности и GINI (коэффициентом Джини), измеряющим неравномерность распределения доходов в стране, где 0 – равное распределение доходов, а 1 – абсолютно неравномерное распределение (1 % населения получает 100 % дохода)⁶. Источниками данных являются в обоих случаях базы данных Группы Всемирного банка (World Bank Group), World Development Indicators, Global Development Finance и другие за 1975–2012 гг.

Группа «политические переменные» представлена десятью факторами на основе Database of Political Institutions 2012 Группы Всемирного банка (World Bank Group) за 1975–2011 гг. с упрощением шкалы оценки⁷: SYS, политическая система, 1 – полупрезидентская (смешанная) республика, 2 – парламентская республика, 3 – президентская республика, 0 – другой тип; *INPOWpr*, время правления президента в годах, 0 – отсутствие точных данных; *INPOWpa*, время правления партии / коалиции в годах, 0 – отсутствие точных данных; *ORIENT*, политическая ориентация, 1 – левая, 2 – центр, 3 – правая, 0 – социалистическая (преобладала до 1989 г.), 4 – другой тип; *D_ELECTpa*, проведение выборов в парламент в данном году (1 – да; 0 – нет); *D_ELECTpr*, проведение выборов президента в данном году (1 – да; 0 – нет); *MAJpa*, степень централизации власти на основе парламентских выборов (1 – максимальная, 7 – минимальная); *MAJpr*, степень централизации власти на основе президентских выборов (1 – максимальная, 7 – минимальная)⁸; *MAJ*, доля правящей партии /

коалиции в парламенте (0 – 1); *D_Socialist*, социалистический период в истории страны ЦВЕ (1 – год, когда страна являлась социалистической, 0 – наоборот); и *TIME*, длительность существования политической системы (в годах).

Последняя группа – «остальные переменные» представлена пятью факторами: *LOC*, географическое положение страны в регионе ЦВЕ (1 – страны, принятые в Европейский союз в 2004 г., 2 – страны, принятые в Европейский союз в 2007 г., 3 – страны Содружества независимых государств, СНГ, и Украина); *D_EU*, членство в Европейском союзе (1 – да, 0 – нет); *D_OECD*, членство в Организации экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (1 – да, 0 – нет); и *D_WTO*, членство во Всемирной торговой организации, *WTO* (1 – да, 0 – нет).

Размер выборки

Для получения оценок коэффициентов модели были выбраны десять стран из «расширенного» региона ЦВЕ (ЦВЕ + СНГ и Украина): Болгария, Беларусь, Чехия, Венгрия, Казахстан, Польша, Румыния, Россия, Словакия и Украина; что позволило включить в модель крупные страны региона и компенсировать его неоднородность (сравни, например, количество новых стран-членов Европейского союза в регионе ЦВЕ и количество членов СНГ), а также недостаток данных за отдельные страны.

Выборка включает данные за 1975–2012 гг. с дорасчетом отсутствующих значений и повторений⁹ и в общей сумме составляет 380 наблюдений¹⁰.

министр / президент назначен без выборов; 3 – премьер-министр / президент избран как единственный кандидат; 4 – премьер-министр / президент избран из нескольких кандидатов одной партии; 5 – больше чем одна партия могут выдвигать кандидатов, но мандат получает лишь одна из них; 6 – мандаты получают несколько партий (кандидатов), однако, хотя бы одна (один) из них достигает 75 %; 7 – мандат получает несколько партий, однако, ни одна из них не достигает 75 %.

⁹ В случае социалистической политической системы 1970-х и 80-х гг. мы предполагаем относительную стабильность ряда переменных, что позволяет заменить отсутствующие значения повторениями предыдущих.

¹⁰ По нашим данным, эта панель является одной из наиболее крупных по теме коррупции для региона ЦВЕ.

⁶ С формальной точки зрения коэффициент Джини является соотношением интеграла так называемой кривой Лоренца (текущим распределением доходов) к площади под линией -45° (абсолютно равномерным распределением доходов).

⁷ Одним из главных изменений был перевод трудноинтерпретируемого значения -999 на 0 или 4.

⁸ Шкала для *MAJpa* и *MAJpr*: 1 – условия выборов не определены или выборы не проводились; 2 – премьер-

Методология

В данной статье оценки коэффициентов модели производятся с помощью коинтеграционного регрессионного анализа панельных данных по методу Энгела и Грейнджера [16; 17], основанного на расширенных тестах Дики-Фуллера (ADF) [22], для проверки наличия единичного корня¹¹ с обобщением для панельных данных с помощью мета-тестов Чои, показывающих степень однородности результата (гипотеза H_0 у мета-тестов Чои совпадает с H_0 у ADF теста, а H_1 обозначает неоднозначность результата – наличие стационарных и интегрированных временных рядов в панельных данных) [18].

Данный анализ является модификацией регрессионного анализа панельных данных при условии, что: 1) зависимая переменная и регрессоры имеют одинаковую максимальную степень интегрированности (как минимум, 1, в противном случае используется стандартный регрессионный анализ) и 2) ошибки регрессии являются стационарными (в противном случае, регрессия считается мнимой, а переменные не связанными между собой)¹². Подробное описание данного метода представлено, например, в [10].

Коинтеграционный регрессионный анализ панельных данных в нашем случае имеет две формы: объединенный (pooled data, $v_i = 0$) и фиксированные эффекты (fixed effects, $v_i \neq 0$)¹³.

¹¹ В качестве теста единичного корня, однако, могут быть использованы и другие тесты, например, тест Квятковского-Филлипса-Шмидта-Шина (KPSS).

¹² Данное условие является распространенным в эконометрической практике. Оригинальный метод Энгела и Грейнджера предписывает только более низкую степень интеграции ошибок регрессии, чем у переменных в регрессионной модели.

¹³ В нашем случае выборка представляет собой большую часть генеральной совокупности, поэтому использование фиксированных эффектов предпочтительнее. Кроме того, при данном количестве регрессоров 380 наблюдений недостаточно для вычисления случайных эффектов (random effects).

Результаты

Согласно результатам ADF тестов и мета-тестов Чои, все регрессоры X_{it} имеют практически однородную ненулевую степень интеграции (1), а ошибки регрессии у объединенной модели и фиксированных эффектов практически однородно стационарны при уровне значимости 5 %, что свидетельствует о немности взаимосвязи (регрессии) между $CORR_{it}$ и X_{it} .

Оценки коэффициентов β_{it} , ошибки и p -значения, а также параметры регрессии приведены в табл. 1 и 2. В обоих случаях мы корректируем гетероскедастичность, выявленную на основе тестов Вайта (при значимости 5 %) с помощью оценки Ньюи-Веста (НАС) [23].

Согласно тесту Бройша-Пагана [24], объединенная модель не является оптимальной при уровне значимости 5 %, что оправдывает применение фиксированных эффектов: прирост R^2 составляет 0,106 (в целом он составил 0,7385 при статистике Дурбина-Уотсона большей чем 0,5) (табл. 2).

Обзор статистически значимых факторов коррупции, отсортированных по силе влияния, представлен в табл. 3.

Выводы

Проведенное исследование позволило произвести оценку детерминантов коррупции в регионе Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) на выборке 10 стран за 1975–2012 гг. (380 наблюдений).

Согласно нашей модели, вступление стран ЦВЕ в Европейский союз (ЕС) и создание более сильных парламентских коалиций благотворно влияют на борьбу с коррупцией, что можно объяснить усилением общественного и политического контроля, а также изменениями в законодательстве (в связи с членством в ЕС).

Наоборот, членство в ОЭСР, централизация власти в руках президента и увеличение числа партий вместе с ростом неравномерности доходов в обществе ведут к усилению коррупции; что может свидетельствовать о слабой взаимосвязи между уровнем экономического развития страны и уровнем коррупции.

В целом, наши результаты не противоречат предыдущим исследованиям на подобную тему, однако дальнейшие изыскания позволят воссоздать более подробную картину.

Оценки объединенной модели (pooled regression)*

Model: Pooled OLS, using 378 observations

Included 10 cross-sectional units

Time-series length: minimum 36, maximum 38

Dependent variable: CORR

Robust (HAC) standard errors

	coefficient	std. error	t-ratio	p-value	
const	5.74164	1.28917	4.454	1.13e-05	***
HDI	-1.72882	1.81570	-0.9521	0.3417	
GDP	0.000196401	8.49781e-05	2.311	0.0214	**
GINI	-0.0411314	0.0116021	-3.545	0.0004	***
SYS	-0.0154159	0.258110	-0.05973	0.9524	
INPOWpr	-0.0261870	0.0107939	-2.426	0.0158	**
INPOWpa	0.00478858	0.0124729	0.3839	0.7013	
ORIENT	0.0718992	0.0699233	1.028	0.3045	
D_ELECTpa	0.00583761	0.0570207	0.1024	0.9185	
D_ELECTpr	0.0174971	0.0749856	0.2333	0.8156	
MAJpa	-0.166617	0.0815439	-2.043	0.0418	**
MAJpr	0.0218954	0.0969465	0.2259	0.8214	
MAJ	0.391014	0.304376	1.285	0.1997	
TIME	-0.0369753	0.00858170	-4.309	2.12e-05	***
D_Socialist	-0.0872086	0.402137	-0.2169	0.8284	
LOC	-0.164926	0.186818	-0.8828	0.3779	
D_EU	-0.0938514	0.181211	-0.5179	0.6048	
D_OECD	-0.599961	0.443102	-1.354	0.1766	
D_WTO	-0.220747	0.355583	-0.6208	0.5351	
Mean dependent var	2.899815	S.D. dependent var	1.138679		
Sum squared resid	171.1366	S.E. of regression	0.690437		
R-squared	0.649894	Adjusted R-squared	0.632340		
F(18, 359)	37.02251	P-value(F)	1.62e-70		
Log-likelihood	-386.5891	Akaike criterion	811.1783		
Schwarz criterion	885.9412	Hannan-Quinn	840.8505		
rho	0.731477	Durbin-Watson	0.518609		

Excluding the constant, p-value was highest for variable 6 (SYS)

* Источник: gretl, вычисления авторов.

Оценки модели с фиксированными эффектами (fixed effects)*

Fixed effects estimator				
	coefficient	std. error	t-ratio	p-value
const	6.79023	1.14851	5.912	8.00e-09 ***
HDI	-0.328559	1.10246	-0.2980	0.7659
GDP	-3.05365e-05	8.37590e-05	-0.3646	0.7156
GINI	-0.0698768	0.0136335	-5.125	4.91e-07 ***
SYS	-0.415246	0.212249	-1.956	0.0512 *
INPOWpr	-0.00225529	0.0136685	-0.1650	0.8690
INPOWpa	-0.0115460	0.0149197	-0.7739	0.4395
ORIENT	0.0306809	0.0752899	0.4075	0.6839
D_ELECTpa	-0.00601100	0.0361672	-0.1662	0.8681
D_ELECTpr	-0.0542185	0.0811814	-0.6679	0.5047
MAJpa	-0.113073	0.0645287	-1.752	0.0806 *
MAJpr	0.00127845	0.102673	0.01245	0.9901
MAJ	0.743947	0.325160	2.288	0.0227 **
TIME	-0.0189234	0.0162814	-1.162	0.2459
D_Socialist	-0.814805	0.334991	-2.432	0.0155 **
D_EU	0.418765	0.149847	2.795	0.0055 ***
D_OECD	-0.845269	0.408767	-2.068	0.0394 **
D_WTO	0.104296	0.308431	0.3381	0.7355
Mean dependent var	2.899815	S.D. dependent var	1.138679	
Sum squared resid	119.0200	S.E. of regression	0.582313	
R-squared	0.756513	Adjusted R-squared	0.738477	
F(26, 351)	41.94444	P-value(F)	2.10e-91	
Log-likelihood	-317.9498	Akaike criterion	689.8996	
Schwarz criterion	796.1417	Hannan-Quinn	732.0654	
rho	0.615764	Durbin-Watson	0.759959	
Residual variance: $119.02 / (378 - 27) = 0.339088$				
Joint significance of differing group means: F(9, 351) = 17.0774 with p-value 2.19188e-23 (A low p-value counts against the null hypothesis that the pooled OLS model is adequate, in favor of the fixed effects alternative.)				
Means of pooled OLS residuals for cross-sectional units:				
unit 1:	-0.27033			
unit 2:	-0.055445			
unit 3:	-0.14589			
unit 4:	0.40428			
unit 5:	-0.10363			
unit 6:	0.32442			
unit 7:	-0.36755			
unit 8:	0.14956			
unit 9:	-0.26387			
unit 10:	0.32553			
Breusch-Pagan test statistic: LM = 127.719 with p-value = $\text{prob}(\text{chi-square}(1) > 127.719) = 1.29329e-29$ (A low p-value counts against the null hypothesis that the pooled OLS model is adequate, in favor of the random effects alternative.)				
Omitting group means regression: insufficient degrees of freedom				

* Источник: gretl, вычисления авторов.

Обзор статистически значимых регрессоров модели*

Фактор	Сила зависимости (модуль от β_{ii})	Направление зависимости
D_OECD	0,8453	+
D_Socialist	0,8148	+
MAJ	0,7439	-
D_EU	0,4188	-
SYS	0,4152	+
MAJpa	0,1131	+
GINI	0,0699	+

* Источник: составлено авторами.

Список литературы

- Бикеев И. И. Проблемы ограничения взятки от подарка в России и за рубежом: практика и тенденции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1 (25). – С. 245–249.
- Клеймёнов М. М., Пустовит Р. В. Методологические аспекты прогнозирования коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4 (24). – С. 42–51.
- Ali, M. A., Isse, H. S. Determinants of Economic Corruption: A Cross-Country Comparison. *Cato Journal*, 2013. – No. 3 (22). – Pp. 449–466.
- Bonaglia, F. et al. How Globalization Improves Governance // Centre for Economic Policy Research, Organisation for Economic Co-operation and Development Discussion Papers, 2001. – No. 2992.
- Braun, M., Di Tella R. Inflation, Inflation Variability, and corruption // *Economics and Politics*, 2004. – No. 16.
- Fleisher, B. M. *The Economics of Delinquency*. – Chicago: Quadrangle, 1966.
- Frechette, G. R. A Panel Data Analysis of the Time-Varying Determinants of Corruption // Paper presented at the EPCS, 2001. – Pp. 1–30.
- Chmelík, J. et al. *Pozornost, úplatek a korupce*. – Prague: Linde, Praha a.s., 2003.
- Lederman, D. a kol. *Accountability and Corruption: Political Institutions Matter* // *Economics and Politics*, 2005. – No. 17. – Pp. 1–35.
- Bolotov, I. I., Evan, T. The Weak Relation between Foreign Direct Investment and Corruption: a Theoretical and Econometric Study // *Prague Economic Papers*, 2014. – Accepted for publication.
- Mauro, P. Corruption and Growth // *Quarterly Journal of Economics*, 1995. – No. 3 (110). – Pp. 681–713.
- Pellegrini, L., Gerlagh, R. Corruption and environmental policies: what are the implications for the enlarged EU? // *European Environment: the Journal of European Environmental Policy*, 2006. – No. 3 (16). – Pp. 139–154.
- Persson, T. a kol.: *The Economic Effects of Constitutions*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003. – 320 p.
- Ranjan, P., Bakshi B. Corruption, Environmental Resources, and International Trade. B. E. // *Journal Of Economic Analysis & Policy: Topics In Economic Analysis & Policy*, 2006. – 1 (6). – Pp. 1–2.
- Shlapentokh, V. Corruption, the power of state and big business in Soviet and post-Soviet regimes // *Communist & Post-Communist Studies*, 2013. – No. 1 (46). – Pp. 147–158.
- Engle R., Granger C. W. J. Co-Integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing // *Econometrica*, 1987. – No. 2(55). – Pp. 251–276.
- Arlt J. Regresní analýza nestacionárních ekonomických časových řád // *Politická ekonomie*, 1997. – No. 2.
- Choi I. Unit root tests for panel data // *Journal of International Money and Finance*, 2001. – No. 2(20). – Pp. 249–272.
- Nye J. S. Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis. // *American Political Science Review*, 1967. – No. 2(67). – Pp. 417–427.
- Transparency International. *The Anti-Corruption Plain Language Guide*, 2009. – URL: http://files.transparency.org/content/download/84/335/file/2009_TIPPlainLanguageGuide_EN.pdf
- Treisman, D. The Causes of Corruption: A Cross-National Study // *Journal of Public Economics*, 2000. – No. 76. – Pp. 399–457.
- Dickey, D. A., Fuller, W. A. Distribution of the Estimators for Autoregressive Time Series with a Unit Root // *Journal of the American Statistical Association*, 1979. – No. 74. – Pp. 427–431.
- Newey, W. K., West, K. D. A Simple, Positive Semi-definite, Heteroskedasticity and Autocorrelation Consistent Covariance Matrix // *Econometrica*, 1987. – No. 3 (55). – Pp. 703–708.
- Breusch, T. S., Pagan A. R. Simple test for heteroscedasticity and random coefficient variation // *Econometrica*. – No. 5 (47). – Pp. 1287–1294.

В редакцию материал поступил 20.09.13

© Таушер Й., Чайка Р., Болотов И. И., 2013

Информация об авторах

Йозеф Таушер, кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений по научной работе и аспирантуре, доцент кафедры международной торговли, Пражский экономический университет
Адрес: 130 67 Praha 3, nám. W. Churchilla, 4, tel.: (+420) 224 09 5248
E-mail: tauser@vse.cz

Радек Чайка, кандидат экономических наук, ассистент заместителя декана факультета международных отношений по научной работе и аспирантуре, старший преподаватель кафедры международной торговли, Пражский экономический университет
Адрес: 130 67 Praha 3, nám. W. Churchilla, 4, tel.: (+420) 224 09 5270
E-mail: radek.cajka@vse.cz

Болотов Илья Игоревич, кандидат экономических наук, MBA-MAE, старший преподаватель кафедры международной торговли, Пражский экономический университет
Адрес: 130 67 Praha 3, nám. W. Churchilla, 4, tel.: (+420) 224 09 5283
E-mail: ilya.bolotov@vse.cz

Как цитировать статью: Таушер Й., Чайка Р., Болотов И. И. Детерминанты коррупции в странах Центральной и Восточной Европы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 5–13.

J. TAUŠER,

PhD (Economics), associate professor,

R. ČAJKA,

PhD (Economics), vice dean's assistant, senior lecturer,

I.I. BOLOTOV,

PhD (Economics), MBA-MAE senior lecturer

Prague Economics University, Prague, Czech Republic

CORRUPTION DETERMINANTS IN THE CENTRAL AND EAST EUROPEAN COUNTRIES¹⁴

Objective: to determine the extent and direction of dependence between the corruption level and its determinants in Central and East European countries.

Methods: cointegration regression Engle Granger analysis for panel data, based on the extended unit root Dickey-Fuller tests and Choi meta-tests.

Results: according to our model, joining the European Union and forming the more powerful parliamentary coalitions favorably influences corruption in the countries of the region. On the contrary, membership in the Organisation for Economic Co-operation and Development, centralization of power in the hands of a president and increasing the number of parties, as well as growth of incomes inequality lead to the growth of corruption.

Scientific novelty: corruption determinants in Central and East European countries are determined at regional level for 1975–2012.

Practical value: possibility to better understand the negative public phenomena in Central and East Europe, which would allow to optimize the anti-corruption policy in these countries in future.

Key words: Central and East Europe; corruption; determinants; cointegration analysis; regression.

¹⁴ The article is prepared within the project of Prague Economics University IGS F2/9/2012 “Podnikatelské prostředí v České republice a jeho vliv na konkurenceschopnost ČR”.

References

1. Bikeev, I. I. Problemy otgranicheniya vzyatki ot podarka v Rossii i za rubezhom: praktika i tendentsii (Problems of distinguishing a bribe from a present in Russia and abroad: practice and trends), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 1(25), pp. 245–249.
2. Kleimenov, M. M., Pustovit, R. V. Metodologicheskie aspekty prognozirovaniya korruptsii (Methodological aspects of corruption prediction), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, No. 4(24), pp. 42–51.
3. Ali, M. A., Isse, H. S. Determinants of Economic Corruption: A Cross-Country Comparison, *Cato Journal*, 2013, No. 3(22), pp. 449–466/
4. Bonaglia, F. et al. How Globalization Improves Governance, *Centre for Economic Policy Research, Organisation for Economic Co-operation and Development Discussion Papers*, 2001, No. 2992.
5. Braun, M., Di Tella R. Inflation, Inflation Variability, and corruption, *Economics and Politics*, 2004, No. 16.
6. Fleisher, B. M. *The Economics of Delinquency*. Chicago: Quadrangle, 1966.
7. Frechette, G. R. *A Panel Data Analysis of the Time-Varying Determinants of Corruption*, Paper presented at the EPCS, 2001.
8. Chmelik, J. et al. *Pozornost, úplatek a korupce*. Prague: Linde, Praha a.s., 2003.
9. Lederman, D. a kol. Accountability and Corruption: Political Institutions Matter, *Economics and Politics*, 2005, No. 17, pp. 1–35.
10. Bolotov, I. I., Evan, T. The Weak Relation between Foreign Direct Investment and Corruption: a Theoretical and Econometric Study, *Prague Economic Papers*, 2014, accepted for publication.
11. Mauro, P. Corruption and Growth, *Quarterly Journal of Economics*, 1995, No. 3(110), pp. 681–713.
12. Pellegrini, L., Gerlagh, R. Corruption and environmental policies: what are the implications for the enlarged EU?, *European Environment: the Journal of European Environmental Policy*, 2006, No. 3(16), pp. 139–154.
13. Persson, T. a kol.: *The Economic Effects of Constitutions*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2003, 320 p.
14. Ranjan, P., Bakshi B. Corruption, Environmental Resources, and International Trade. B. E., *Journal Of Economic Analysis & Policy: Topics In Economic Analysis & Policy*, 2006, No. 1(6), pp. 1–2.
15. Shlapentokh, V. Corruption, the power of state and big business in Soviet and post-Soviet regimes, *Communist & Post-Communist Studies*, 2013, No. 1(46). pp. 147–158.
16. Engle, R., Granger, C. W. J. Co-Integration and Error Correction: Representation, Estimation, and Testing, *Econometrica*, 1987, No. 2(55), pp. 251–276.
17. Arlt, J. Regresní analýza nestacionárních ekonomických časových řád, *Politická ekonomie*, 1997, No. 2.
18. Choi, I. Unit root tests for panel data, *Journal of International Money and Finance*, 2001, No. 2(20), pp. 249–272.
19. Nye, J. S. Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis, *American Political Science Review*, 1967, No. 2(67), pp. 417–427.
20. *Transparency International. The Anti-Corruption Plain Language Guide, 2009*, available at: http://files.transparency.org/content/download/84/335/file/2009_TIPlainLanguageGuide_EN.pdf
21. Treisman, D. The Causes of Corruption: A Cross-National Study, *Journal of Public Economics*, 2000, No. 76, pp. 399–457.
22. Dickey, D. A., Fuller, W. A. Distribution of the Estimators for Autoregressive Time Series with a Unit Root, *Journal of the American Statistical Association*, 1979, No. 74, pp. 427–431.
23. Newey, W. K., West, K. D. A Simple, Positive Semi-definite, Heteroskedasticity and Autocorrelation Consistent Covariance Matrix, *Econometrica*, 1987, No. 3(55), pp. 703–708.
24. Breusch, T. S., Pagan, A. R. Simple test for heteroscedasticity and random coefficient variation, *Econometrica*, No. 5(47), pp. 1287–1294.

Information about the authors

Josef Taušer, PhD (Economics), associate professor, vice dean's assistant of the faculty of international relations on scientific work and post-graduate studies, associate professor of the chair of international trade, Prague Economics University
Address: nám. W. Churchilla 4, Praha 3, 13067, Czech Republic, tel.: (+420) 224 09 5248
E-mail: tauser@vse.cz

Radek Čajka, PhD (Economics), vice dean's assistant of the faculty of international relations on scientific work and post-graduate studies, senior lecturer of the chair of international trade, Prague Economics University
Address: nám. W. Churchilla 4, Praha 3, 13067, Czech Republic, tel.: (+420) 224 09 5270
E-mail: radek.cajka@vse.cz

Ilya Igorevich Bolotov, PhD (Economics), MBA-MAE, senior lecturer of the chair of international trade, Prague economics university
Address: nám. W. Churchilla 4, Praha 3, 13067, Czech Republic, tel.: (+420) 224 09 5283
E-mail: ilya.bolotov@vse.cz

How to cite the article: Taušer J., Čajka R., Bolotov I.I. Corruption determinants in the Central and East European countries, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 5–13.

УДК 343.9:328.185:342.8

Е. А. АКУНЧЕНКО,

ассистент

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ ПРИ ФИНАНСИРОВАНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

Цель: обоснование необходимости повышения эффективности защиты правоотношений в сфере финансирования избирательных кампаний с помощью применения мер безопасности.

Методы: аналитический, формально-логический (дедукции, индукции, определения и деления понятия) и сравнительно-правовой.

Результаты: на основе анализа действующего национального и зарубежного избирательного законодательства установлены авторские детерминанты коррупционных действий при финансировании избирательных кампаний и предложены средства предупреждения подобных действий, такие как институт избирательного залога и институт компенсации расходов кандидата.

Научная новизна: впервые определены такие детерминанты коррупционных действий при финансировании избирательных кампаний, как возможность отказа кандидата от участия в голосовании без вынуждающих к тому обстоятельств, а также отсутствие эффективных мер предупреждения подобного отказа. В законодательстве установлены нормы, создающие условия для совершения коррупционных правонарушений, а именно возможность использования кандидатами предоставляемых им гарантий пассивного избирательного права в корыстных целях.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические положения могут быть использованы в законотворческой деятельности, в частности, послужить основой для реформирования действующего избирательного законодательства РФ.

Ключевые слова: избирательный процесс; выборы; финансирование выборов; коррупция; меры безопасности; избирательный залог.

Введение

Финансирование выборов – неотъемлемая часть избирательного процесса, являющаяся непосредственным элементом системы обеспечения равного права граждан избирать и быть избранными, гарантированного ч. 2 ст. 32 Конституции РФ¹. При этом данный институт является одной из сфер, наиболее подверженных воздействию источников повышенной опасности, поскольку организация и проведение выборов сопряжены с серьезными финансовыми вложениями со стороны федерального, регионального или муниципального бюджета. Однако зачастую предоставляемые со стороны государства гарантии используются кандидатами для удовлетворения собственных интересов, не связанных с целями избрания и служения народу. Усугубляет ситуацию также и то, что существующее избирательное

законодательство не содержит эффективных мер предупреждения подобных действий. Поэтому вопрос о необходимости внедрения дополнительных мер безопасности в механизм защиты избирательных правоотношений, складывающихся в рамках финансирования выборов, заслуживает особого внимания.

Результаты исследования

На сегодняшний день избирательное законодательство не дает легального определения понятия «финансирование выборов». В литературе также нет единого мнения на данный счет; зачастую употребляются такие понятия, как «финансирование избирательных кампаний», «финансирование предвыборной агитации», «политическое финансирование» и др. [1, с. 18–29]. Для целей настоящего исследования мы принимаем позицию Е. И. Колюшина, который определяет финансирование выборов как деятельность, включающую в себя финансовое и материальное обеспечение организации и проведения выборов, избиратель-

¹ Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.

ных кампаний кандидатов, политических партий, избирательных объединений [2, с. 392].

Государственное финансирование избирательных кампаний кандидатов играет большую роль в обеспечении равных возможностей в сфере реализации пассивного избирательного права. В зависимости от способа предоставления денежных либо иных материальных средств выделяется прямое и косвенное финансирование. Прямое финансирование выборов – перечисление, поступление, расходование, учет, отчетность и другие действия, влекущие за собой движение бюджетных и иных финансовых ресурсов государства, юридических лиц, граждан через избирательные фонды кандидатов, политических партий, избирательных блоков, общественных объединений [3, с. 60]. Избирательное законодательство предусматривает выделение денежных средств со стороны соответствующей избирательной комиссии в избирательный фонд кандидата на муниципальном уровне, однако в настоящий момент данная практика не применяется².

Косвенное финансирование выборов связано с предоставлением бесплатного эфирного времени и печатных площадей в СМИ во время избирательной кампании, распространением бесплатной информации о кандидатах, а также предоставлением налоговых льгот, связанных с избирательной кампанией, содержанием избирательных комиссий, информационных систем, направленных на обеспечение выборов [3, с. 391–392]. Несмотря на то, что государство не выделяет кандидату денежные средства непосредственно, размер поддержки, оказанной косвенным способом, оказывается достаточно весомым. Учитывая, что общий объем, например, бесплатного эфирного времени, предоставляемого каждому кандидату или политической партии, составляет 60 минут³,

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон № 67-ФЗ от 12 июня 2002 г. // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

³ О Порядке проведения жеребьевок по распределению между зарегистрированными кандидатами, политическими партиями эфирного времени на каналах государственных и муниципальных организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание при проведении выборов Президента Российской Федерации в 2012 г.:

а стоимость одной минуты эфирного времени муниципальной телерадиокомпании 4 500 руб. [4], то общая сумма затрат на предоставление кандидату косвенного финансирования только в рамках бесплатного эфирного времени составляет 270 000 руб.

Основными адресатами выделяемого государством косвенного финансирования являются кандидаты либо политические объединения. От их активности в период ведения собственной избирательной кампании будет зависеть объем расходуемых ресурсов. И логично предположить, что эти ресурсы должны быть направлены на достижение целей избрания по результатам выборов и представления интересов избирателей, выразивших кандидату свою поддержку. Но, к сожалению, это происходит не всегда. Избирательное законодательство содержит в себе ряд положений, детерминирующих возможность противоправного использования предоставляемого со стороны государства финансирования. Среди таковых, на наш взгляд, можно выделить следующие:

- а) право кандидата на отказ от участия в выборах без вынуждающих к тому обстоятельств;
- б) отсутствие защитных мер, способных предупредить противоправные действия в рамках использования данного права.

В процессе финансирования избирательных кампаний также возможны и другие детерминанты, однако в данном исследовании будут рассмотрены только указанные выше.

Частью 30 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривается возможность отказа зарегистрированного кандидата от участия в выборах без вынуждающих к тому обстоятельств. Так, кандидат, выдвинутый непосредственно, не позднее чем за пять дней, а кандидат, выдвинутый в составе списка кандидатов, – за пятнадцать дней до дня голосования вправе обратиться в избирательную комиссию с заявлением о снятии своей кандидатуры. Несмотря на то, что данная норма дополнительно гарантирует участникам избирательного процесса свободу в реализации

Постановление Центральной избирательной комиссии РФ № 15/174-6 от 15 июня 2011 г. // СПС «Гарант».

своего пассивного избирательного права, в ряде случаев именно по причине указанной возможности происходит совершение кандидатами различных коррупционных действий.

Под коррупцией в избирательном процессе, как указывает И. А. Зырянова, понимается социально негативное явление, искажающее реальную политическую конкуренцию, заключающееся в использовании субъектами избирательного процесса своего статуса, служебного положения в личных или групповых интересах с целью противоправного извлечения выгод материального и (или) нематериального характера в ходе подготовки и проведения выборов, референдумов, а также в предоставлении или обещании таких выгод [5, с. 51–52]. Поэтому любая деятельность зарегистрированного кандидата, связанная с использованием своего статуса в целях, не предполагающих избрание и служение народу, будет являться коррупционной.

Действительность такова, что многие кандидаты принимают участие в выборах вовсе не в целях, ради которых существует этот институт в любом демократическом государстве. Довольно часто кандидаты участвуют в выборах для повышения своей узнаваемости среди населения. Привычным для нашей страны стало понятие «технический кандидат», роль которого довольно часто сводится к участию в выборах, например, для публичной критики одного из кандидатов. Нередко на одном избирательном округе наиболее популярному кандидату противостоят три-четыре однофамильца с целью запутать избирателей и «оттянуть» у него голоса [6]. Учитывая, что такие кандидаты являются полноправными участниками выборов, они также получают государственное финансирование на проведение агитационной кампании наравне с остальными.

Используя свой статус и те гарантии, которые предоставляются со стороны государства, в личных целях, такие кандидаты наносят существенный вред избирательным правоотношениям, представляющим высокую ценность для демократического общества. За пять дней до даты голосования уже потрачен основной массив выделяемого косвенного финансирования, и, по сути, кандидату, не заинтересованному в исходе голосования, ничего не мешает даже не принимать в нем участия. Возникает разумный вопрос: на что и с какой целью были потрачены деньги налогоплательщиков?

Коррупция всегда выступает в качестве источника повышенной опасности, поэтому в избирательном процессе должны быть предусмотрены различные средства защиты, способные эффективно предупреждать и пресекать подобные действия. При этом в законодательстве о выборах практически не содержится никаких мер защиты интересов общества в процессе воспроизводства власти, призванных предупредить необоснованный отказ от участия в выборах, а те меры, которые предусмотрены, распространяют свое действие на незначительное количество ситуаций. Например, если в связи с действиями кандидата, отказавшегося от участия в выборах, возникла необходимость переноса дня голосования на более поздний срок ввиду отсутствия альтернативных кандидатур, он обязан возместить все расходы, понесенные соответствующей избирательной комиссией при подготовке и проведении выборов.

Также зачастую предусмотренные в законодательстве меры имеют ретроспективный характер и не в состоянии предупредить коррупционные действия заранее. Так, в соответствии со ст. 50 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» кандидат не вправе воспользоваться бесплатным эфирным временем, если на ближайших предшествующих выборах не был избран и получил менее установленного этим законом число голосов избирателей, принявших участие в голосовании.

В сложившихся условиях становится очевидным, что существующий механизм защиты избирательных правоотношений от коррупционного воздействия нуждается в реформировании. Требуется внедрение более эффективных средств защиты, способных предупредить противоправные действия, а не компенсировать причиненный вред. К таким средствам, в первую очередь, относятся меры безопасности, которые в трактовке Н. В. Щедрина представляют собой меры некарательного ограничения поведения физических лиц и деятельности коллективных образований, применяемые специально для предотвращения вредоносного воздействия определенного источника повышенной опасности [7, с. 15]. Полагаем, что необходимыми мерами безопасности в избирательном процессе должны стать институты избирательного залога и компенсации расходов кандидата.

Институт избирательного залога существовал в российском избирательном законодательстве до 2009 г.⁴ и представлял собой ограничение, заключающееся во внесении кандидатом на специальный счет избирательной комиссии установленной законом денежной суммы. Условия ее возврата при этом могли быть различными: залог не возвращался в случае, если кандидат набирал по результатам голосования менее установленного законом числа голосов либо снимал свою кандидатуру без вынуждающих к тому обстоятельств.

Однако в представленном виде назвать институт избирательного залога эффективной мерой безопасности не представляется возможным. Дело в том, что он являлся лишь альтернативой институту сбора подписей и при желании кандидата мог в принципе не вноситься. Следует указать, что понимание института залога в национальном и зарубежном законодательствах значительно отличается. Так, например, в Японии, в отличие от России, внесение избирательного залога является необходимым и обязательным элементом процедуры регистрации кандидата, позволяющим лицу в принципе участвовать в выборах. Залог направлен на предупреждение участия заведомо непопулярных среди избирателей лиц [12, с. 410–412]. Учитывая, что по характеру воздействия меры безопасности непосредственно связаны с принуждением, то возвращение избирательного залога в российское законодательство в подобном качестве возможно только после переосмысления его предупредительной природы.

Говоря об институте компенсации расходов кандидата, необходимо отметить, что данный институт не знаком национальному законодательству. Как уже указывалось выше, в российском избирательном процессе с момента регистрации кандидата в качестве такового ему предоставляется определенный объем гарантий со стороны государства в форме косвенного финансирования, который не подлежит компенсации в подавляющем большинстве ситуаций при использовании

его кандидатом вне целей избрания и служения народу. В то же время зарубежный опыт показывает, что для предупреждения подобного поведения кандидата возможно применение принципиально другого подхода к обеспечению гарантий пассивного избирательного права.

Так, например, в Канаде государственная политика строится на принципе выделения кандидатам денежных средств, компенсирующих расходы на проведение избирательной кампании соразмерно достигнутым результатам на выборах [13, с. 110]. В соответствии со ст. 464 Закона о выборах 2000 г. [14] кандидат, принявший участие в выборах и набравший более 10 % голосов избирателей в том округе, от которого он баллотировался, вправе претендовать на компенсацию понесенных в ходе выборов расходов в размере до 60 % от потраченной суммы. Кроме того, по завершении процедур предоставления отчетов кандидаты получают залог, который они внесли при регистрации [13, с. 110].

Выводы

На наш взгляд, указанные меры способны стать эффективными средствами предупреждения коррупционных действий при финансировании выборов, осуществляя свое предупредительное воздействие как на тех лиц, которые только находятся на стадии принятия решения об участии в выборах, так и на тех, кто, уже являясь участником избирательного процесса, намерен совершить противоправное деяние. Перспективный характер действия институтов избирательного залога и компенсации расходов кандидата позволяет не только предупреждать коррупцию при использовании выделяемого государственного финансирования, но и своевременно реагировать на подобные действия. Так, невозвращенный залог может быть реализован в целях компенсации причиненного кандидатом ущерба, а положение о компенсации расходов по результатам голосования и вовсе исключает нецелевое использование предоставляемых гарантий. Проблема формирования и функционирования механизма защиты избирательных правоотношений не теряет своей актуальности и требует пристального изучения. Разработка и внедрение в данный механизм эффективных мер безопасности способны, на наш взгляд, стать основой для ее разрешения.

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой избирательного залога при проведении выборов: Федеральный закон № 3-ФЗ от 9 февраля 2009 г. // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 771.

Список литературы

1. Пшизова С. Н. Финансирование политического рынка: теоретические аспекты практических проблем // Полис. – 2002. – № 1. – С. 18–29.
2. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учебник для вузов / отв. ред. А. А. Вешняков. – М.: НОРМА, 2003. – 816 с.
3. Романенко О. В. Косвенное финансирование избирательных кампаний политических партий в России // Право и власть. – 2002. – № 3. – С. 60–69.
4. Уведомление МУП «Раменское телевидение» о готовности предоставления эфирного времени для проведения предвыборной агитации на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и депутатов Московской областной думы 4 декабря 2011 г.: Раменское Информагентство. – URL: <http://ramns.ru/2011/09/22/%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B-2011/> (дата обращения: 09.05.2013).
5. Дамм (Зырянова) И. А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие: дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 214 с.
6. Зырянова И. А., Акунченко Е. А. К вопросу о предупреждении участия в выборах технических кандидатов при помощи мер безопасности // Закон и право. – 2013. – № 12.
7. Щедрин Н. В. Источник повышенной опасности, объект повышенной охраны и меры безопасности: лекция. – Красноярск: ЮИ Крас ГУ, 2006. – 27 с.
8. Современные избирательные системы. Вып. 3: Испания, США, Финляндия, Япония / под ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитского. – М.: РЦИОТ: Типография «Новости». 2009. – 448 с.
9. Касаткина Н. М. Финансирование выборов в зарубежных государствах // Журнал российского права. – 2009. – № 5. – С. 106–116.
10. The Canada Elections Act, 2000 S.C., p. 9. – URL: <http://laws.justice.gc.ca/PDF/E-2.01.pdf> (дата обращения: 30.10.2013).

В редакцию материал поступил 05.11.13

© Акунченко Е. А., 2013

Информация об авторе

Акунченко Евгений Андреевич, ассистент кафедры деликтологии и криминологии, юридический институт, Сибирский федеральный университет

Адрес: 660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, тел.: (391)-206-23-28

Email: eakunchenko@gmail.com

Как цитировать статью: Акунченко Е. А. Меры безопасности как средство предупреждения коррупции при финансировании избирательных кампаний // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 14–19.

E. A. AKUNCHENKO,
assistant lecturer

Siberia Federal University, Krasnoyarsk, Russia

SECURITY MEASURES AS A MEANS OF CORRUPTION PREVENTION WHEN FINANCING ELECTION CAMPAIGNS

Objective: to prove the necessity to increase the efficiency of legal relations protection in the sphere of financing of election campaigns by implementing security measures.

Methods: analytical, formal-logic (deduction, induction, defining and division of a notion), and comparative-legal.

Results: basing on the analysis of the existing national and foreign election legislation, the author determines corruptive actions when financing election campaigns and suggests means for preventing such actions, such as the institution of election deposit and institution of candidate's expenses compensation.

Scientific novelty: for the first time such determinants of corruptive actions when financing election campaigns are defined as the possibility for the candidate to refuse from participating in voting without forcing circumstances, as well as the lack of efficient measures to prevent such refusal. The legislation states the norms creating conditions for committing corruption crimes, namely the possibility for the candidates to use guarantees of passive election right for sordid motives.

Practical value: the theoretical provisions formulated in the research can be used in law-making activity, in particular, to serve as the basis for reforming the existing election legislation of the Russian Federation.

Key words: election procedure; elections; financing election campaigns; corruption; security measures; election deposit.

References

1. Pshizova, S. N. Finansirovanie politicheskogo rynka: teoreticheskie aspekty prakticheskikh problem (Financing of the political market: theoretical aspects of practical issues), *Polis*, 2002, No. 1, pp. 18–29.
2. *Izbitatel'noe pravo i izbitatel'nyi protsess v Rossiiskoi Federatsii*, otv. red. A. A. Veshnyakov (Election law and elective procedure in the Russian Federation: textbook for universities, exec.editor A. A. Veshnyakov). Moscow: NORMA, 2003, 816 p.
3. Romanenko, O. V. Kosvennoe finansirovanie izbitatel'nykh kampanii politicheskikh partii v Rossii (Indirect financing of election campaigns of political parties in Russia), *Pravo i vlast'*, 2002, No. 3, pp. 60–69.
4. *Uvedomlenie MUP "Ramenskoe televidenie" o gotovnosti predostavleniya efirmogo vremeni dlya provedeniya predvybornoi agitatsii na vyborah deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii i deputatov Moskovskoi oblastnoi dumy 4 dekabrya 2011 g.: Ramenskoe Informagenstvo* (Notice of "Ramenskoye televideniye" on the preparedness to allocate screen time for pre-election propaganda for the elections of State Duma deputies of Federal Assembly of the Russian Federation and deputies of the Moscoe regional Duma on the 4 of December 2011: Ramenskoye Information Agency), available at: <http://ramns.ru/2011/09/22/%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8B-2011/> (accessed: 09.05.2013).
5. Damm (Zyryanova), I. A. *Korrupsiya v rossiiskom izbitatel'nom protsesse: ponyatie i protivodeistvie* (Corruption in the Russian elective procedure: notion and counteraction). Krasnoyarsk, 2006, 214 p.
6. Zyryanova, I. A., Akunchenko, E. A. K voprosu o preduprezhdenii uchastiya v vyborah tekhnicheskikh kandidatov pri pomoshchi mer bezopasnosti (On the issue of prevention of technical candidates from participating in elections by security measures), *Zakon i pravo*, 2013, No. 12.
7. Shchedrin, N. V. *Istochnik povyshennoi opasnosti, ob'ekt povyshennoi okhrany i mery bezopasnosti* (The source of increased danger, the object of advanced protection and security measures). Krasnoyarsk: Yul Kras GU, 2006, 27 p.
8. *Sovremennye izbitatel'nye sistemy. Vyp. 3: Ispaniya, SShA, Finlyandiya, Yaponiya, pod red. A. V. Ivanchenko, V. I. Lafitskogo* (Modern elective systems. Iss. 3. Spain, USA, Finland, Japan, edited by A. V. Ivanchenko, V. V. Lafitskiy). Moscow: RTsIOT: Tipografiya "Novosti". 2009, 448 p.
9. Kasatkina, N. M. Finansirovanie vyborov v zarubezhnykh gosudarstvakh (Financing of elections in foreign countries), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2009, No. 5, pp. 106–116.
10. *The Canada Elections Act, 2000 S.C., p. 9*, available at: <http://laws.justice.gc.ca/PDF/E-2.01.pdf> (accessed: 30.10.2013).

Information about the author

Akunchenko Evgeniy Andreyevich, assistant lecturer of the chair of delictology and criminology, law institute, Siberia Federal University
Address: 6 Maerchaka Str., 660075, Krasnoyarsk, tel.: (391)-206-23-28
Email: eakunchenko@gmail.com

How to cite the article: Akunchenko E. A. Security measures as a means of corruption prevention when financing election campaigns, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 14–19.

© Akunchenko E. A., 2013

ПОЗНАНИЕ

Абдульманов, И.М. Казначейская система исполнения бюджета: учебное пособие / И.М. Абдульманов, Т.Н. Зайцева. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 324 с.

Учебное пособие посвящено теоретическим и практическим основам становления, функционирования и развития казначейской системы исполнения бюджетов.

В нем изложены предпосылки создания, особенности, а также преимущества и инструменты реализации казначейской системы исполнения бюджетов, которые позволяют totally учитывать и контролировать весь процесс движения бюджетных средств от их поступления в бюджет до конечного использования их бюджетополучателями.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 080105 «Финансы и кредит» и по направлению подготовки 080100 «Экономика», другим экономическим специальностям и направлениям, а также для всех интересующихся данной проблематикой.

УДК 343.9:343.352

Р. Р. ГАРИФУЛЛИН,

кандидат психологических наук, доцент

Казанский государственный университет культуры и искусств, г. Казань, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ВЗЯТКОМАНА

Цель: изучить трансформации смыслов, мотивов, целей и установок коррупционеров с kleptomанической аддикцией (взяточманов).

Методы: исследования личностных структур проводились в рамках психокоррекционных сеансов с помощью таких методов, как анализ, синтез, обобщение, классификация, выявление причинно-следственных связей. Кроме того, были использованы: естественный эксперимент А. Ф. Лазурского, метод свободных ассоциаций З. Фрейда с установкой на воспоминания переживаний и размышлений в период до получения взяток и после, включенное наблюдение и анализ за деятельностью объектов исследования, контент-анализ.

Результаты: изучено, как меняются у взяточманов: цель, установка, мотивы и смыслы.

Научная новизна: выявлены трансформации личности взяточманов, на основании которых предложены рекомендации для психокоррекции взяточмании.

Практическая значимость: некоторые положения данного исследования внедрены в психокоррекционные тренинги, проводимые в рамках профилактики коррупции в Республике Татарстан.

Ключевые слова: смысловые структуры взяточмана; смыслообразующие ценности взяточмана; ценности; переживания; цель; мотив; установки взяточмана.

Введение

В прошлой статье [1] нами было показано, что особое место среди личностей-коррупционеров занимают взяточники, имеющие психологическую зависимость – взяточманы. Более того, мы показали, что взяточмания является специфической формой kleptomании. В данной работе мы попытаемся исследовать, какие составляющие личности взяточмана претерпевают существенные трансформации.

Мы предположили, что взяточмания основательно трансформирует психическую реальность, которая начинает подчиняться своим внутренним и самостоятельным законам, не поддающимся описанию в рамках классических подходов психологии. В противоположность этой точке зрения есть классическая точка зрения, что общие законы психической деятельности в случае патологии не прекращают действовать и не сменяются на какие-то особые законы, определяемые особенностью данной патологии, а лишь преломляются согласно новым условиям своего действия, когда определяют душевную жизнь дефектной личности. Это теоретическое заключение следует из предположения, что психика является инвариантной и линейной системой, законы которой не изменяются при изменении внешних условий.

В действительности, в случае патологии (маниакальности), порой, имеют место значительные изменения внутренних условий системы (психики), т. е. меняется сама система, а значит и ее закономерности. В основе феномена взяточмании лежит не просто искажение психологических процессов, которые трансформируются в результате нарушения психики, продолжающей подчиняться классическим законам психологии, а основательная трансформация закономерностей психики, которые уже не подчиняются традиционным подходам настолько, что взяточман перестает воспринимать традиционные установки социума, направленные на активизацию механизмов чести, совести и морали. Преломление законов психической деятельности при переходе от патологии к норме, о котором утверждается выше, в какой-то мере уже является их изменением.

Исследования личностных структур проводились в рамках психокоррекционных сеансов. Решающая роль в исследовании была отведена традиционным научным методам: анализу, синтезу, обобщению, классификации, выявлению причинно-следственных связей. Кроме того, были использованы естественный эксперимент А. Ф. Лазурского, метод свободных ассоциаций З. Фрейда с установкой на воспоминания пере-

живаний и размышлений в период до получения взяток и после, включенное наблюдение и анализ за деятельностью объектов исследования, контент-анализ. Были изучены личности 7 человек.

Результаты исследования

Напомним, что первая степень взяточности [1] – разовое получение вознаграждения, о котором взяточник может не думать и даже забыть. При второй степени уже возникает зависимость. Взятчик ждет этого события, прокручивая в голове образ ситуации получения взятки. Симптомом третьей степени является появление депрессивных признаков (плохое настроение по утрам, нарушение сна, изменяются ценности, многие из них перестают радовать). Приоритетной остается только одна ценность – взятки, которые превращаются в некий допинг, позволяющий испытывать ощущение комфорта. В этом случае имеет место стойкая периодичность, проявление активности в поиске взяткодателя и разработке эффективных коррупционных схем. И, наконец, возникает последняя четвертая степень, когда человек постоянно существует в потоке этих финансов, отрывается от реальности, теряет чувство сопереживания и уже не радуется тому, что получает. К сожалению, подобная личность возвращается в реальность, образно говоря, только оказавшись за решеткой. Кстати, интерес к самим деньгам может пропасть и в третьей степени.

Нами было проведено исследование смысловых структур взяточников. Анализ **смыслообразующих ценностей взяточников** показал, что в зависимости от того, какие смыслообразующие ценности после психокоррекции становились главными, зависела эффективность психокоррекции взяточности.

Под ценностью в данной работе понимается объект, вызывающий положительное эмоционально-оценочное отношение со стороны субъекта. Ценность фиксирует внимание на эмоционально-привлекательном объекте. Объектная сторона ценности (сигнальные признаки) отражается в сознании в когнитивной форме (знаемая ценность). Мы ее условно назвали **понимаемой ценностью**. Но в ценности есть еще отношенческая, эмоционально-оценочная сторона, имеющая более сложную природу. В генетическом плане наиболее ранней формой ее субъективной репрезентации

выступает эмоциональная реакция, переживание. Эту сторону ценности в данной работе мы условно назвали **ценностью переживания**.

Взяточники первого типа, для которых после психокоррекции главными ценностями жизни становились преимущественно *ценности переживания* (т. е. в качестве объекта, вызывающего положительное эмоционально-оценочное отношение выступало само переживание), достигали больших успехов в оздоровлении. Они приобрели способность положительного переживания ценностей там, где, казалось бы, полностью отсутствуют таковые.

Среди взяточников второго типа деятельностные ценности переживания были второстепенными, уступая место *внедеятельностным ценностям переживания* (отдых на природе, слушание музыки, любовные переживания и различные внедеятельностные мании: богомания, гурмания, телевизоромания и т. д.).

Мы обнаружили, что взяточники, минуя действия и волевые усилия, постепенно прекращали конструирование новых целей и останавливались в своем развитии, находясь в дальнейшем в покое, представляющем собой постоянную прокрутку одних и тех же целей (образов получения крупной взятки).

Взяточники, реализующие *деятельностные понимаемые ценности*, умели успешнее достигать чего либо (в смысле труда, направленного на достижение конечного результата). Эти ценности выступали в основном *как понимаемые ценности для других*, т. е. сам субъект не ощущал и не осознавал их ценность, хотя окружающие ему говорили об обратном. Некоторые взяточники второго типа, согласно нашим исследованиям, имели семью, детей, финансовый достаток, машину, работу, коттедж и другие атрибуты успеха, и тем не менее испытывали экзистенциальную пустоту, приводящую порой к суицидным желаниям. Это было связано с тем, что все вышеприведенные ценности были лишь *понимаемыми ценностями*, навязанными обществом. В них отсутствовала положительно переживаемая основа. Эти ценности были мнимыми, чисто формальными, в результате чего имело место несовпадение получаемых ценностей с ценностями как предвосхищаемыми образами, что приводило к тому, что смыслы жизни большинства личностей, в основе которых лежали

понимаемые ценности, рисковали оказаться *квазисмыслами*. Поэтому личность постоянно разочаровывалась достигнутыми ценностями и вновь начинала реализовывать новые. Таким образом, квазисмыслы постоянно создавались и разрушались. Эти взяточманы уставали от такого поиска смыслов и начинали искать настоящие положительно переживаемые ими ценности иными способами.

Взяточманы, для которых после психокоррекции главными смыслообразующими ценностями жизни становились преимущественно *внедеятельностные понимаемые ценности*, имели самый меньший успех жить без получения взяток. Эти ценности выступали в основном как *ценности для себя*. Для них ценности определялись позицией или отношением к обстоятельствам, ситуации, своей судьбе. Ценностью становились в этом случае понимание и оценка личностью себя как волевой, состоявшейся личности, способной не принимать взятки. Это понимание и оценка преимущественно формировалась за счет окружающей среды (семья, дети, родственники, коллеги по работе и т. д.) Именно поэтому эта ценность была преимущественно понимаемой. Она ориентировала коррупционера на достижение цели – жить (выживать) ответственным, нужным и т. п. Благодаря этому имело место противостояние деструктивным установкам взяточмании.

Мотивы взяточмана также претерпевают трансформации. Психологический анализ показал, что мотив взяточмана как причина действия практически всегда находится в прошлом (время необратимо). Взяточман любое прекрасное будущее видит как прекрасное прошлое, связанное с удачным получением взятки. У нормальной личности с достаточно высоким уровнем творческой составляющей время обратимо (т. е. имеют место скачки времени вперед и назад), и поэтому мотив никогда не остается позади, а «убегает» вперед и оказывается способным порождать и поддерживать все новые и новые действия в жизненном творчестве.

Далее проведем анализ **образов и целей** взяточмана. Наши исследования показали, что содержание ярких и жизнеутверждающих образов взяточмана это процесс формирования образа образа (самообраза). Взяточман берет взятку часто не для достижения чего либо реального, а с целью ак-

туализации воображаемого образа о достижении чего либо, т. е. речь идет о *самоцели* (о самообразе – когда-то удачно взятой сумме денег и т. п.). Самообраз, в отличие от традиционного образа, обладает рефлексивностью и отражает в психике ее же текущие состояния. В самообразе, в отличие от образа самого себя, представлено не все содержание психики (мировоззрение, самооценка и т. д.), а только выполняемый акт деятельности, независимо от того, является ли этот акт внешним или чисто психическим. Самообраз – это табло, на котором отражено текущее состояние разворачивающихся образов. Если «образ» и близкие ему понятия вводились в психологический оборот для описания свойств психического отражения внешнего мира и психической регуляции деятельности, то понятие самообраза важно, прежде всего, с точки зрения идеи отражения в психике состояний психических же образований и возможности регуляции психических процессов, т. е. психической саморегуляции.

Таким образом, для взяточмана понятие *цели* в традиционном понимании заменяется на понятие *самоцель* (деньги ради денег, комплекс Гобсека, финансовый тупик и т. п.), которое представляет собой некий «экран», на котором представлены текущие разворачивающиеся цели.

Исследование **установок взяточманов выявило**, что их основными деструктивными установками являются: установка к воображаемому удовлетворению потребности; установка к быстрому удовлетворению потребности при малых затратах усилий; установка к пассивным способам защиты при встрече с трудностями; установка к неприятию на себя ответственности за совершаемые поступки; установка к предпочтению эгоцентрических мотиваций альтруистическим; установка к малой опосредованности деятельности; установка довольствоваться временным и не вполне адекватным потребности результатом деятельности.

Исследования показали, что сведение взяточмании до деятельностной установки на получение взятки некорректно. Это более сложный и комплексный процесс, направленный на создание атмосферы выигрыша (аналогичного эйфории от игромании), которая не сводима только к установкам. Иными словами, взяточмания не сводима к другим видам деятельности, которые могли бы

компенсировать коррупционную деятельность. Все вышесказанное лишний раз подтверждает некорректность применения классических подходов (в частности, деятельностного) к психокоррекции без учета особенностей взяточности. Деятельностный подход, разработанный для нормального константного восприятия, может быть полезным лишь на предначальных стадиях взяточности (для начинающих взяточников, которые не имеют маниакальное отношение к коррупции).

Показано, что взяточность – это сложная суперпозиция установки и психологического контекста, в результате которого образуется такое неадекватное восприятие коррупционной сделки, что блокируются страх наказания за преступление. В случае взяточности формирование установок происходит не только по причине деятельностных, но и других малоизученных психических механизмов, которые основываются на процессе взяточности.

Выводы

Таким образом, нами было выявлено несколько способов, направленных на снижение позитивности восприятия образов получения взятки:

- а) разрушение образа получения взятки (стирание из памяти);
- б) превращение ее образа в тривиальный;
- в) компенсация ее другими ценностями жизни за счет внутренних механизмов психики;
- г) создание условий для образования новых жизненных ценностей, компенсирующих ценность переживания, вызванного коррупционным процессом.

Список литературы

1. Гарифуллин Р. Р. Взяткомания как одна из причин взяточничества: психологический анализ (психологические и психотерапевтические подходы к проблеме взяточничества и взяточности) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 9–13.

В редакцию материал поступил 14.10.13

© Гарифуллин Р. Р., 2013

Информация об авторе

Гарифуллин Рамиль Рамзиевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Казанский государственный университет культуры и искусств
Адрес: 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, 3
E-mail: garifullin@mail.ru

Как цитировать статью: Гарифуллин Р. Р. Особенности личности взяточника // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 20–24.

R. R. GARIFULLIN,

PhD (Psychology), associate professor

Kazan State University of Culture and Arts, Kazan, Russia

PERSONALITY FEATURES OF A BRIBETAKER-ADDICT

Objective: to research the transformations of senses, motives, objectives and attitudes of corruptionists with kleptomaniac addiction (bribe-taker-addicts).

Methods: research of personal structures were carried out within psycho-corrective sessions by such methods as analysis, synthesis, summarizing, classification, revealing the cause-effect links. Besides, such methods were used: natural experiment by A. F. Lazurskiy, free-association method by S. Freud with aiming at remembering the emotions and reflections before and after taking a bribe, inclusive observation and analysis of the objects' activity, content-analysis.

Results: the changes in objectives, attitudes, motives and senses of bribe-taker-addicts are studied.

Scientific novelty: personality transformations in bribe-taker-addicts are revealed, recommendations for bribe-taker-addicts psycho-correction are proposed.

Practical value: certain provision of the research are introduced into the psycho-corrective trainings implemented for corruption prevention in Tatarstan Republic.

Key words: sense structures of a bribe-taker-addict; sense-forming values of a bribe-taker-addict; values; emotions; objective; motive; a bribe-taker-addict's attitudes.

References

1. Garifullin, R. R. Vzyatkomaniya kak odna iz prichin vzyatochnichestva: psikhologicheskii analiz (psikhologicheskie i psikhoterapevticheskie podkhody k probleme vzyatochnichestva i vzyatkomanii) (Bribeomania as one of the causes of bribery: psychological analysis (psychological and psycho-therapeutic approaches to the issue of bribery and bribeomania), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, No. 4, pp. 9–13.

Information about the author

Garifullin Ramil Ramziyevich, PhD (Psychology), associate professor of the chair of psychology and pedagogics, Kazan State University of Culture and Arts

Address: 3 Orenburgskiy trakt, 420059, Kazan

E-mail: garifullin@mail.ru

How to cite the article: Garifullin R. R. Personality features of a bribetaker-addict, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 20–24.

© Garifullin R.R., 2013

ПОЗНАНИЕ

Лики успеха (серия: Секреты развития) / О. В. Григорьева, Е. Л. Яковлева, М. А. Зайченко, Г. В. Юсупова, А. А. Кабирова; под ред. О. В. Григорьевой, Е. Л. Яковлевой. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права,

В монографии излагаются современные взгляды на феномен успеха. Авторы на основе анализа научных данных и результатов собственных исследований показали значение успеха в жизни и развитии человека. Разграничены такие понятия как успех, успешность, удача и т. п. Авторы с различных позиций (с точки зрения философии, психологии, психофизиологии) осуществили попытку найти ответы на вопросы: «Что такое успех и каковы его составляющие?», «Как прийти к успеху, и каким образом можно оказаться успешным?», «Какие факторы (психические, физические, интеллектуальные, социальные) способствуют достижению успеха?», «Существуют ли рецепты успеха и успешного человека?», «Всегда ли успех несет в себе позитивные последствия?».

Расчитана на специалистов в области философии, психологии и педагогики, физиологии, медицины; а также адресована всем, кто интересуется вопросами гармоничного развития человека. Может быть рекомендована в качестве дополнительного учебного источника по дисциплинам: культурология, философия, психология, психофизиология и дифференциальная психология.

УДК 343.97:328.185:343.35

Г. Н. ГОРШЕНКОВ,

доктор юридических наук, профессор

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

КОРРУПЦИЯ И АНТИКОРРУПЦИЯ – ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Цель: доказать необходимость и преимущество методологического осмысления сложных связей между субъектом и объектом противодействия коррупции.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, системный и синергетический подходы.

Результаты: на основании синергетического анализа двух взаимодействующих систем – коррупции и антикоррупции – установлены и рассмотрены закономерности возникновения и развития (симпатических и антипатических) отношений между данными системами. Полученные знания представляют методологическое значение для разработки концепции антикоррупционной политики.

Научная новизна: осмысление процесса противодействия коррупции под новым, синергетическим углом зрения позволяет открыть закономерности данного процесса, знание которых позволяет, во-первых, более углубленно исследовать сложную социально-юридическую проблему коррупции; во-вторых, формировать наиболее оптимальные варианты основных концептуальных положений высшего уровня государственного управленческого воздействия на коррупцию; в-третьих, обеспечивать предметный характер программирования самой деятельности в реальных условиях региональной ситуации.

Практическая значимость: открываются возможности формирования научно обоснованной концепции реальной политики в реальных условиях региона и выстраивания практической деятельности с учетом неоднозначных (коррупционных и антикоррупционных) отношений.

Ключевые слова: взаимодействие; антагонистическая и солидаристическая (энергии); противодействие; бескомпромиссная (борьба); двухполярный линейный (ум); нетерпимость; дисфункциональный эффект; иницирующий эффект; компромисс; антикриминальная политика.

Термин «взаимодействие». Убеждены, что термин «взаимодействие» непременно вызвал у кого-то из читателей недоумение. Вроде бы, на то она и *антикоррупция* как противоборствующая система, чтобы говорить исключительно о «противодействии коррупции», «борьбе и даже «войне» с коррупцией». В деловой речи стало привычным оперировать общепринятыми терминами «противодействие коррупции», «борьба с коррупцией». Они вошли в научный оборот, нормативную терминологию. И здесь все относительно просто и понятно: в лице коррупции определена угроза национальной безопасности и в соответствии с этим организуется и осуществляется противодействие.

Дело в том, что деловая речь выражает относительно упрощенный, *предметный* подход к осмыслению коррупции как объекта противодействия в его реальных проявлениях – коррупционных правонарушениях (преступлениях). Однако в философии *объектом* определяется то,

«на что направлена *познавательная* и *иная* деятельность» субъекта, под которым понимается «активно действующий и познающий, обладающий сознанием и волей индивид или социальная группа» [1, с. 441].

В данном случае имеет место не научная, а «иная» деятельность, для которой характерна и соответствующая деловая речь, т. е. устная и письменная речь, подчиненная официально-деловому стилю. Для этого стиля присуща специфическая, в том числе юридическая, «правоохранительная» фразеология.

Термин «взаимодействие» в данном контексте характерен для другого, *познавательного* стиля мышления в фундаментальной науке, в которой выработаны другие основополагающие подходы, например, системный, синергетический. В [2, с. 85–101] было указано, что синергетический подход предполагает рассмотрение двух явлений не как взаимоисключающих друг друга, а как взаимодействующих друг с другом. По сути,

это состояние подчинено методологическому закону единства и борьбы противоположностей.

В данном случае можно говорить о соединении разных энергий, например, правовой и не правовой, коррупционной и не коррупционной, и мы определяем эти отношения как коррелятивные (лат. *correlativus* – соотносительный), или находящиеся во взаимном отношении – взаимодействии, причем это их взаимное действие друг на друга имеет две стороны: *антагонистическую* (которая диктует потребность в борьбе) и *солидаристическую* (в силу которой борьба оказывается неприемлемой).

Следовательно, в контексте рассматриваемой темы необходимо исходить из этой объективной особенности, или функциональности взаимодействия. В данном случае в основе взаимодействия выступают отношения, возникающие под воздействием коррупциогенных ситуаций, коррупционных сделок и на основе коррупционных правонарушений (преступлений).

Эти акты воспринимаются неодинаково, побуждают неодинаковые реакции и формы их проявления. Коррупционные преступления вызывают возмущение у правосознанных граждан, соответствующую реакцию – у правоохранительных органов. Возникает даже неприязненное, а порой ненавистническое отношение к преступнику, которое затем «разряжается» в виде мести или иного крайне «недружественного акта».

Бескомпромиссная борьба. Закономерно возникают инициативы, которые направлены на ужесточение наказания в отношении коррупционных преступников. Как выразился в интервью сайту «Коррупции.NET» депутат Государственной Думы, бывший директор ФСБ, генерал армии Н. Д. Ковалев: «И на вершине этой пирамиды (коррупционных – *авт.*) проблем – группа жуликов, набивающих свои карманы. Разве можно терпеть? А потому сегодня... в ход идет тяжелая артиллерия в лице новых законов» [3]. Как далее пояснил генерал, общество и государство приступили к *бескомпромиссной* (обратим внимание на это определение) борьбе по очищению административно-хозяйственного сектора от воров и взяточников, невзирая на должности и звания.

Сегодня благодаря мониторингу материалов, который проводился интернет-библиотекой СМИ Public.ru (было исследовано более 4 000 россий-

ских СМИ), можно говорить о рейтинге региональной коррумпированности министров, о которых информировала пресса в 2012 г. и которыми причинен ущерб государственному бюджету в сумме около 34 млрд руб. На «вершине» рейтинга оказались соответственно: Московская и Нижегородская области, Хабаровский край, причем Московская область вышла в лидеры с огромным отрывом – с суммой более 31 млрд руб. [4].

Безусловно, это хорошее начало бескомпромиссной борьбы, о котором можно судить, главным образом, по так называемым резонансным уголовным делам, особенно тем делам, которые заканчиваются «посадками». Однако этот новый критерий – «посадки» не всегда оказывается связан с «усидчивостью». «Взяв «разбег» в 2008 г., в 2012 г. антикоррупционная кампания вошла в активную стадию и добралась до верхних эшелонов власти» [4], – пишет Korrossia.ru. Далее отмечено, что, миновав пик активности, кампания пошла на спад, что, прежде всего, подтверждает тщетность ожиданий тех самых «посадок» по резонансным делам.

Подобные уступки коррупции вызывают в обществе наряду с разочарованием и протестное настроение. Оно обусловлено тем, что в феномене коррупционного поведения наблюдается беспрецедентный цинизм, безнаказанность, алчность, которые приводят к взрыву негодования в обществе и во власти [3].

«Двухполярный линейный ум». В этом проявляется закономерность «беспрецедентной борьбы»: с одной стороны, вызывающей торжество справедливости и закона; с другой – негодование от несправедливости и беззакония. Такой характер управленческого воздействия «предписывается» традиционным политическим подходом, который навязывает «двухполярный линейный ум». Смысл его заключается в том, что «люди и государства линейного ума, получившие привилегии, стремясь к перевоспитанию под «лучшее», т. е. под свое понимание межчеловеческих отношений, склонны и проявляют не только политическое, но и силовое насилие» [5], а в контексте данной статьи – в обеспечении «межчеловеческих отношений, лишенных коррупции» путем «политического, силового насилия», или той самой «бескомпромиссной борьбы», т. е. по известному принципу «мочить в сортире».

Разумеется, при таком подходе отдается предпочтение силовым методам. Например, профессор П. С. Яни решительно утверждает, что «только уголовно-правовые репрессии приведут к успеху в борьбе с коррупцией» [6, с. 59].

За тысячелетия стал привычным кажущийся единственно правильным этот линейный двухполярный ум. В двухполярном мышлении издревле сложилось представление о положительном и отрицательном, добре и зле, греховности и негреховности, истине и лжи, наконец, преступности и непроступности и т. п. Возникает поляризация таких, например, объектов, как положительное не коррупционное и отрицательное коррупционное поведение. Отсюда закономерно возникает стремление очистить сферу отношений от коррупции. И, в частности, в Федеральном законе «О противодействии коррупции» в ст. 6 «Меры по профилактике» самой первой мерой определено «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению»¹.

Соответственно, и в «Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 гг.» (в разделе 5), в котором содержится перечень мероприятий для государственных органов, пунктом «б» предписывается: «Активизировать работу по формированию в государственных органах отрицательного отношения к коррупции, привлекать для этого общественные объединения, уставными задачами которых является участие в противодействии коррупции, и другие институты гражданского общества, каждый факт коррупции в соответствующем государственном органе предавать гласности» [7].

Таким образом, традиционное линейное мышление политиков, ориентированное на искоренение основных причин коррупции, неизбежно требует радикальных, в том числе и таких вот информационных мер. При этом важно подчеркнуть «линейность» предполагаемой результативности целеполагания: если принимаемые меры реализуются только во благо, следовательно,

нужно рассчитывать на аналогичный результат, но давно известно, что добрыми намерениями выложена дорога в ад.

Приведем такой пример: 9 мая в видеохостинге youtube.com под заголовком «Дагестанская социальная реклама» появился мультипликационный ролик так называемой социальной рекламы. Содержание его таково: взятка помогает заключенному выйти из тюрьмы; взяточдатели радуются, а вышедший на свободу тут же оказывается жертвой борца за справедливость, который выстрелом из пистолета обрывает его жизнь. В конце клипа слышится призывный голос: «В тюрьме он был бы жив. Поощряя коррупцию, мы рискуем». Комментариев в Интернете – множество, но суть большинства из них сводится к тому, что «общество плавно и ненавязчиво подводит к мысли о самосудах» [8].

Невольно хочется процитировать мудрого Вольтера: «...право, основанное на нетерпимости, – дикое и нелепое; это право тигров, но даже еще страшнее, ибо тигры рвут свою жертву на куски только для того, чтобы ее съесть, а мы истребляем друг друга согласно параграфу» [9, с. 672]. Причем последствия такой недостаточно проработанной политики формирования нетерпимости к коррупции усиливаются неблагоприятной ситуацией в обществе.

Так, опрос, проведенный «Левада-центром», показал: в среднем рост напряжения в обществе отмечают 51 % россиян; в Москве этот показатель составляет 80 %» [10]. Мы не думаем, что эти результаты вызывают сомнение в виду того, что над этим Аналитическим центром нависла угроза признания его иностранным агентом (на счета Центра поступило из-за рубежа 3,9 млн руб.).

Дисфункциональные эффекты. В связи с этим обращает на себя внимание концептуальная непродуманность участия института массовой информации в противодействии коррупции. И правы те специалисты, которые утверждают: «Отрицательный образ правовой системы в общественном сознании складывался постепенно и в значительной мере под воздействием СМИ» [11]. В этом проявляется одна из дисфункций массовой коммуникации – «эффект бумеранга»: хотели, как лучше, а получилось наоборот [12].

Можно указать на другой дисфункциональный эффект, который именуется *наркотизирующим*

¹ Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. ((в ред. Федеральных законов № 200-ФЗ от 11.07.2011, № 329-ФЗ от 21.11.2011, № 231-ФЗ от 03.12.2012, № 280-ФЗ от 29.12.2012). – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138620> (дата обращения: 16.05.2013)

эффектом, или *эффектом сенсорного ожирения*; речь идет об информационном перенасыщении.

Публикации о мерах противодействия коррупции, безусловно, повышают уровень информированности людей. Но действия авторов публикаций по привычному постулату «чем больше, тем лучше» приводят к *информационному перенасыщению*. Факты коррупции, о которых сообщают СМИ, уже воспринимаются как само собой разумеющееся, интерес к ним повышается лишь тогда, когда сообщается нечто необычное (например, уличили в получении взятки мэра, генерала – хотя и это уже не редкость).

С другой стороны, у людей во многом подосознательно складывается отрицательный образ «живучего» коррупционера во власти непобедимой коррупции, что, с одной стороны, усиливает протестное настроение у населения к органам власти, поскольку «зерна» знаний о коррупции падают в неподготовленную «почву» общественного правосознания, а с другой – осознание непобедимости коррупции вынуждает людей принимать «правила игры».

Например, в своем блоге Людмила Савочкина, помощник депутата К. А. Лукьяновой, написала так: «Если хочешь «замылить» вопрос, спрятать проблему, необходимо довести дело до полного абсурда. Так происходит у нас в России по многим вещам, в том числе и с так называемой борьбой с коррупцией. Борьбу заболтали полностью...» [13].

Можно рассуждать о различных закономерностях связей коррупционной преступности и правоохранительной системы. Эти закономерности проявляются в различных преобразованиях: как в самих взаимодействующих системах (например, вызывая их саморазвитие или, наоборот, энтропию), так и в их взаимодействии (повышая тем самым степень угрозы национальной безопасности).

Например, в этом сложном процессе синергия «коррупции» по отношению к синергии «антикоррупции» обладает *эффектом порождения*, или, образно говоря, *иницирующим* эффектом. Сущность его заключается в том, что снижение степени энтропии (хаотичности, неупорядоченности), или повышение уровня самоорганизации коррупции инициирует антикоррупционную систему к ответным действиям (противодействию). Так, активное в последнее десятилетие самораз-

витие коррупционной преступности инициировало ответные процессы совершенствования системы противодействия, а именно: а) принятия антикоррупционного законодательства; б) образования новых управленческих, научных и иных структур; в) использования высоких технологий; г) развития межведомственных связей в борьбе с коррупцией, а также различных (штатные и общественные) национальных антикоррупционных структур, научно-исследовательских институтов, институтов уполномоченных по борьбе с коррупцией и т. п. А сколько инициировано научных трудов, уже защищенных диссертаций!

Вместе с тем повышение степени самоорганизации системы противодействия коррупционной преступности, усиление эффекта управленческого воздействия на преступность оказывают разрушительное воздействие на самоорганизацию преступности. Успех зависит от того, насколько энергия противодействия окажется сильнее энергии действия. И этот процесс, радующий ту или другую стороны кратковременным переменным успехом, бесконечен. Следовательно, расчет на силу не должен исключать потребность в уме.

Компромисс. В завершение своих размышлений коснемся непростого вопроса – о положительной стороне взаимодействия анализируемых систем. Эта сторона, несомненно, существует. Хотя бы по той «простой» методологической истине: если явление коррупции существует, значит, оно вызвано необходимостью (социальной, экономической, политической, организационно-управленческой и т. п.).

Но рассуждать о позитивной стороне коррупции вовсе не означает петь ей дифирамбы (таких певцов, думаем, хватает). Сущность размышлений мы видим в том, чтобы познать сильную сторону, внутреннюю энергию, самодетерминацию коррупции, ее «конкурентноспособность» по отношению к праву.

Например, изучая экономическую коррупцию, нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что в теневой экономике (в которую втянуто до 60 млн человек, более 40 % предприятий и около 70 % коммерческих структур страны [14]) позитивное и негативное соотносятся как 3 к 1.

Специалисты в области изучения теневой экономики представляют ее отнюдь не только как вредоносный микроб, паразитирующий на

социальном организме. В немалой степени теневая (особенно «серая») экономика, в конечном счете, скорее помогает развитию официальной экономики, чем препятствует этому. Отсюда и задача противодействия заключается в том, чтобы «сдерживать теневую экономическую деятельность (вместе с ее составляющей, т. е. коррупцией – *авт.*) в тех рамках, в которых она не разрушает экономическую систему» [15]. Как выразился писатель Д. Быков, анализируя известную работу драматурга Е. Шварца, «чтобы тень знала свое место, то есть сознавала не только свою необходимость и естественность, но и свой паразитизм, вторичность, свою роковую несамостоятельность» [16].

И здесь необходим разумный компромисс как соглашение путем взаимных уступок. Однако идея компромисса в противодействии коррупции активно отвергается. Утверждение о невозможности использования компромисса в противодействии коррупции – это как раз заблуждение, к которому неизбежно приходит политик, попав в колею традиционного линейного двухполюсного мышления.

В дополнение к сказанному об очевидном экономическом компромиссе с коррупцией следует указать и другую – уголовно-правовую форму компромисса. К нему приходят стороны в лице правоприменителя, с одной стороны, и взяткодателя как субъекта коррупционных правоотношений, – с другой. В примечании к ч. 5 ст. 291 УК РФ «Дача взятки» предусмотрены условия компромисса, в основе которого заложено освобождение от уголовной ответственности: если лицо, давшее взятку, активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления; либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица; давшее взятку лицо добровольно сообщило об этом органу, который вправе возбудить уголовное дело.

Такой же компромисс предусмотрен и в отношении тех, кто выступил посредником во взяточничестве (примечание к ст. 291.1 УК РФ). Статья 75 УК РФ предусматривает норму, в силу которой лицо, совершившее коррупционное преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Сам факт объективного существования коррупции как социально-юридического явления, подобно прочим явлениям, в том числе и в целом

преступности, вынуждает «непримиримых» все-таки мириться с этим, т. е. соглашаться с «правом на существование» преступности, коррупции, а это уже означает путь к компромиссу. В том смысле, что просвещенному правоведам и политикам следует использовать и этот метод в противодействии коррупции в соответствии с законом и здравым смыслом.

Жизнеспособность системы. Известная истина: практика без теории слепа; теория без практики мертва. Но эти явления суть целостной системы, поэтому практика не может быть слепой, а теория – мертвой. Иначе система теряет жизнеспособность.

И только непонимание этой очевидной истины чревато потерей в одном случае – зрения, а в другом – жизни. В этом случае система переходит в состояние неустойчивости, т. е. теряет внутренние связи, ее элементы как бы рассеиваются; и она превращается в систему диссипативную (от лат. *dissipation* – рассеивание), т. е. в жертву коррупции и в целом преступности.

Успех антикриминальной политики закладывается, прежде всего, на концептуальном (научном) и законодательном уровнях. И на этих уровнях должны работать системное политическое мышление и подчиненная ему политическая воля. Как хорошо сказал председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин: «Если мы не хотим, чтобы мир сорвался в пропасть – любое наше правовое действие должно, оставаясь профессиональным, становиться философско-правовым. А значит, мировоззренческим» [17]. Эти размышления уважаемого профессионала юриспруденции полезно учесть при осмыслении концептуальных положений противодействия коррупции.

Список литературы

1. Субъект и объект // Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд., перераб., и доп. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
2. Горшенков Г. Н. Принцип научности в антикоррупционной политике // Вопросы российского и международного права. – 2012. – № 2. – С. 85–101.
3. Депутат Госдумы Николай Ковалев о коррупции в России: пациент «скорее жив». – URL: <http://www.corruption.net/aboutnews/item-546.html> http://mvd.ru/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoi_bezop (дата обращения: 11.05.2013)
4. Итоги 2012. Борьба с коррупцией в регионах России. – URL: <http://korrossia.ru/rating/6356-itogi-2012-borba-s-korrupciey-v-regionah-rossii.html> (дата обращения: 03.05.2013)

5. Ленский В. Книга теорем 2. Рождение поляризованных объектов в области абстракций ума. – URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-234752.html#5951341> (дата обращения: 11.05.2013)
6. Яни П. В борьбе с коррупцией эффективны только репрессии // Российская юстиция. – 2001. – № 7. – С. 58–59.
7. Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 гг. // Сайт Президента России. – URL: http://xn--d1abbgfbaaii.xn--plai/ref_notes/1172 (дата обращения: 16.05.2013)
8. «В тюрьме он был бы жив» – соцреклама из Дагестана взорвала Интернет. – URL: <http://www.uralinform.ru/reports/society/171122-v-tyurme-on-byl-by-jiv-socrekлама-iz-dagestana-vzorvala-internet/> (дата обращения: 14.05.2013)
9. Западная философия от истоков до наших дней. От Возрождения до Канта / в пер. и под ред. С. А. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 2002. – 880 с.
10. Гудков Л. Д. Обстановка в стране. Важная статья для криминологов! – URL: www.vedomosti.ru/newspaper/article/252911/bez_buduschego (дата обращения: 21.12.2011)
11. Прикладная юридическая психология. – URL: http://yurpsy.by.ru/help/bib/stol/2_8.htm (дата обращения: 06.10.2013)
12. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, 1989. – 392 p.
13. Савочкина Л. Коррупция, как она есть в жизни и на бумаге. – URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://savochkina.ru/%3Fp%3D14&tld=ru&text=заболтали%20вопрос%20о%20коррупции&> (дата обращения: 19.05.2013)
14. Алхавев М. М. Теневая экономика как угроза экономической безопасности Дагестан: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2003. – URL: <http://www.dissertcat.com/content/tenevaya-ekonomika-kak-ugroza-ekonomicheskoi-bezopasnosti-respubliki-dagestan> (дата обращения: 19.05.2013)
15. Латов Ю. В. Экономика вне закона: Очерки по теории и истории теневой экономики. – URL: <http://www.pandia.ru/text/77/210/87486-12.php> (дата обращения: 04.05.2013)
16. Быков Д. Отбрасывать тень. – URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://1001.ru/arc/izvestiya/issue575/&tld=ru&text=чтобы%20тьень%20знала%20св> (дата обращения: 20.05.2013)
17. Зорькин В. Право – для человека // Российская газета. – 2008. – 25 ноября.

В редакцию материал поступил 01.11.13

© Горшенков Г. Н., 2013

Информация об авторе

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Адрес: 603000, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, тел.: (831) 431-04-60
E-mail: gen7976@yandex.ru

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Коррупция и антикоррупция – закономерности взаимодействия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 25–31.

G. N. GORSHENKOV,
doctor of law, professor

Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

CORRUPTION AND ANTI-CORRUPTION – LAWS OF INTERACTION

Objective: to prove the necessity and advantage of methodological reflection over the complex links between the subject and object of corruption counteraction.

Methods: general dialectic method of cognition, systemic and synergetic approaches.

Results: basing on synergetic analysis of the two interacting systems – corruption and anti-corruption – the laws are stated and researched concerning the formation and development of (sympathetic and antipathetic) relations between the systems. The obtained knowledge is of methodological significance for elaborating the anti-corruption policy elaboration.

Scientific novelty: reflection over the process of corruption counteraction from a new, synergetic viewpoint allows to reveal the laws of the process, which will enable, first, to research at a deeper level the complex social-legal problem of corruption; second, to form the most optimal variants of the basic conceptual provisions of the highest level of the state managerial influence on corruption; third, to ensure the objective character of the activity programming under the actual regional conditions.

Practical value: the possibilities to form the scientifically grounded concept of the real policy under the actual regional conditions and forming the practical activity under ambiguous (corruptive and anti-corruptive) relations.

Key words: interaction; antagonistic and solidarity (energies); counteraction; uncompromising (struggle); two-polar linear (mind); intolerance; dysfunctional effect; initiating effect; compromise; anti-criminal policy.

References

1. Sub"ekt i ob"ekt (Subject and object), *Filosofskii slovar'*, pod red. I. T. Frolova. Moscow: Politizdat, 1991, 560 p.
2. Gorshenkov, G. N. Printsip nauchnosti v antikorrupcionnoi politike (Scientific character principle in anti-corruption policy), *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2012, No. 2, pp. 85–101.
3. *Deputat Gosdumy Nikolai Kovalev o korrupsii v Rossii: patsient "skoree zhiv"* (State Duma deputy Nikolay Kovalev on corruption in Russia: "the patient is more alive"), available at: <http://www.corrupcia.net/aboutnews/item-546.html> http://mvd.ru/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_jeconomicheskoi_bezop (accessed: 11.05.2013)
4. *Itogi 2012. Bor'ba s korrupsiei v regionakh Rossii* (Results of 2012. Struggle with corruption in the Russian regions), available at: <http://korrossia.ru/rating/6356-itogi-2012-borba-s-korrupciey-v-regionah-rossii.html> (accessed: 03.05.2013)
5. Lenskii, V. *Kniga teorem 2. Rozhdenie polyarizovannykh ob"ektov v oblasti abstraksii uma* (Book of theorems 2. Formation of polarized objects in the sphere of mind abstractions), available at: <http://do.gendocs.ru/docs/index-234752.html#5951341> (accessed: 11.05.2013)
6. Yani, P. V bor'be s korrupsiei effektivny tol'ko repressii (Repressions are the only thing efficient the struggle with corruption), *Rossiiskaya yustitsiya*, 2001, No. 7, pp. 58–59.
7. *Natsional'nyi plan protivodeistviya korrupsii na 2012–2013 gg.* (National plan for corruption counteraction for 2012–2013), available at: http://xn--d1abgfbaiiy.xn--p1ai/ref_notes/1172 (accessed: 16.05.2013)
8. "V tyur'me on byl by zhiv" – sotsreklama iz Dagestana vzorvala Internet ("In prison he would be alive" – social advertising from Dagestan has blown the Internet), available at: <http://www.uralinform.ru/reports/society/171122-v-tyurme-on-by-by-jiv-socreklama-iz-dagestana-vzorvala-internet/> (accessed: 14.05.2013)
9. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei. Ot Vozrozhdeniya do Kanta, v per. i pod red. S. A. Mal'tsevoi* (Western philosophy from sources till nowadays, from Renaissance till Kant – transl. and edited by S.A. Mal'tseva). Saint Petersburg: Pnevma, 2002, 880 p.
10. Gudkov, L. D. *Obstanovka v strane. Vazhnaya stat'ya dlya kriminologov!* (Situation in the country. Important article for criminologists!), available at: www.vedomosti.ru/newspaper/article/252911/bez_budushego (accessed: 21.12.2011)
11. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* (Applied juridical psychology), available at: http://yurpsy.by.ru/help/bib/stol/2_8.htm (accessed: 06.10.2013)
12. Almond, G., Verba, S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. London, 1989.– 392 p.
13. Savochkina, L. *Korrupsiya, kak ona est' v zhizni i na bumage* (Corruption as it is in life and on paper), available at: <http://hghltd.yandexnet/yandbtm?fmode=inject&url=http://savochkina.ru/%3Fp%3D14&tld=ru&text=zaboltali%20vopros%20o%20korrupsii&> (accessed: 19.05.2013)
14. Alkhayev, M. M. *Tenevaya ekonomika kak ugroza ekonomicheskoi bezopasnosti Dagestan* (Shadow economy as a threat to economic safety of Dagestan). Moscow, 2003, available at: <http://www.dissercat.com/content/tenevaya-ekonomika-kak-ugroza-ekonomicheskoi-bezopasnosti-respubliki-dagestan> (accessed: 19.05.2013)
15. Latov, Yu. V. *Ekonomika vne zakona: Ocherki po teorii i istorii tenevoi ekonomiki* (Economy out of lawe. Sketches on the theory and history of shadow economy), available at: <http://www.pandia.ru/text/77/210/87486-12.php> (accessed: 04.05.2013)
16. Bykov, D. *Otbrasyvat' ten'* (To throw a shadow), available at: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url=http://1001.ru/arc/izvestiya/issue575/&tld=ru&text=chtoby%20ten'%20znala%20sv> (accessed: 20.05.2013)
17. Zor'kin, V. Pravo – dlya cheloveka (Law for a human being), *Rossiiskaya gazeta*, 2008, 25 November.

Information about the author

Gorshenkov Gennadiy Nikolayevich, doctor of law, professor of the chair of criminal law, Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevskiy
 Address: 23 Gagarina Avenue, 603000, Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 431-04-60
 E-mail: gen7976@yandex.ru

How to cite the article: Gorshenkov G. N. Corruption and anti-corruption – laws of interaction, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 25–31.

УДК 343.9

И. А. ЗЫРЯНОВА,

кандидат юридических наук, доцент

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ШТАБ КАНДИДАТА – СУБЪЕКТ КОРРУПЦИИ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ?

Цель: привлечение внимания научной общественности к проблеме коррупционной составляющей в деятельности избирательного штаба кандидата.

Методы: аналитический, формально-логический; опрос в форме беседы; контент-анализ документов и включенное наблюдение.

Результаты: обосновано отнесение избирательного штаба кандидата к числу самостоятельных субъектов коррупции в избирательном процессе. Автор приходит к выводу, что избирательный штаб кандидата в коррупционных отношениях в избирательном процессе может выступать в качестве организатора таких отношений, а также в качестве стороны как активного, так и пассивного подкупа.

Научная новизна: впервые раскрывается характер деятельности избирательного штаба кандидата через призму ее анализа на коррупциогенность.

Практическая значимость: обоснование коррупционной составляющей в деятельности избирательного штаба кандидата позволит привлечь внимание представителей научной общественности, а также практических работников к проблеме отсутствия правовой регламентации формирования, осуществления деятельности, финансирования и ответственности избирательного штаба кандидата и его представителей.

Ключевые слова: коррупция; избирательный процесс; субъекты коррупции в избирательном процессе; избирательный штаб.

Введение

Известно, что политическая власть всегда испытывает на себе воздействие различных групп давления, которые стремятся скорректировать политический курс в соответствии со своими интересами [1, с. 45]. Однако в настоящее время такое давление приобрело качественно иной характер и масштабы: посредством организации избрания «своих» кандидатов такие группы сами формируют соответствующий их интересам курс.

Необходимость победы на выборах любой ценой породила различные законные и незаконные предвыборные технологии, активно используемые на выборах федерального, регионального и местного уровней.

Наиболее широко применяемыми в ходе выборов технологиями являются так называемые «грязные» избирательные технологии. «Под грязными избирательными технологиями следует понимать такие противоречащие законодательству приемы, которые нарушают нормальный ход избирательного процесса и могут существенно исказить волеизъявление избирателей, навязать им желание проголосовать за (против) конкретного кандидата на выборную должность (партийный

список кандидатов)» [2]. Однако «грязные» избирательные технологии – это не всегда нарушение избирательного законодательства. Достаточно часто их применение не противоречит действующему законодательству, но не соответствует моральным устоям общества [3, с. 267].

В основе применения подавляющего большинства указанных технологий лежат подкуп; продажность лиц, использующих их (способствующих применению); незаконное использование такими лицами своего статуса, служебного положения. Подкуп избирателя, члена избирательной комиссии, представителя средства массовой информации, представителя власти, иных субъектов избирательного процесса, когда последними в обмен на незаконное использование своего статуса, служебного положения предоставляются денежные средства, иные материальные и нематериальные блага, являются не чем иным, как коррупцией, только коррупцией в особой сфере – сфере избирательного процесса [4, с. 14].

Коррупция в избирательном процессе активно изучается отечественными исследователями: Б. Л. Вишневым, А. И. Волковым, С. А. Дуловым, Л. Б. Ескиной, О. В. Зайцевой, А. П. Свигузовой,

П. А. Кабановым, В. А. Петченко, Г. И. Райковым, В. Л. Римским, Г. А. Сатаровым, Н. В. Щедриным и др. Для обозначения коррупционных проявлений в сфере избирательного процесса названные авторы используют различные термины: «электоральная коррупция», «избирательная коррупция», «коррупция в избирательном процессе», «политическая коррупция». При этом содержание этих определений у авторов существенно разнится. Отсутствует единство мнений также и в выделении признаков, субъектов, форм существования коррупции в сфере подготовки и проведения выборов [5–14].

Анализ трудов ведущих отечественных исследователей, специализирующихся на изучении коррупции в избирательном процессе, свидетельствует, что без внимания общественности пока остался такой субъект коррупционных отношений, как избирательный штаб кандидата.

Результаты исследования

Постоянное совершенствование избирательных технологий, усложняющаяся правовая база проведения выборов требуют наличия у их организаторов хорошей теоретической и практической подготовки. И если на уровне сельсовета или небольшого муниципального образования еще возможно проведение избирательной кампании силами кандидата и группы его единомышленников, то избирательная кампания на федеральном уровне или уровне субъекта федерации вовлекает в свою орбиту колоссальное количество граждан, организаций, представителей власти и бизнеса, средств массовой информации, криминального мира и других заинтересованных в определенном политическом раскладе субъектов.

Трудно представить кандидата, который бы самостоятельно или при помощи только доверенных лиц осуществлял сбор подписей, подготовку документов к регистрации, организацию встреч с избирателями, организацию изготовления и распространения наглядных средств агитации и пр. Очевидно, что кандидат в период проведения избирательной кампании не в состоянии лично руководить всеми этими процессами. «Для того чтобы организовать масштабное управление выборами, требуется хорошо организованная и достаточно профессиональная управленческая структура. Когда речь идет об избирательной кампании, создается избирательный штаб;

причем, чем крупнее кампания, тем крупнее и многочисленнее штаб» [15, с. 21]. Само понятие «избирательный штаб кандидата» уже прочно вошло в научный словарный оборот специалистов в области электоральных процессов [15–22].

Как отмечает Е. Г. Морозова, «возросшая сложность современных избирательных кампаний и огромное число задач, которые менеджеру надо решать, заставляют его прибегать к услугам специалистов более узкого профиля: менеджер составляет схему структурных подразделений штаба кандидата, определяет функции и полномочия директоров специализированных групп, ставит перед ними конкретные задачи. Основными подразделениями штаба являются:

- информационно-аналитическая служба;
- отдел связей с общественностью и СМИ;
- рекламно-издательское подразделение;
- группа связи с избирательными участками;
- отдел массово-политической работы;
- юридическая служба;
- финансовая служба;
- служба технического обеспечения и др.»

[23, с. 18].

Более сложную структуру избирательного штаба в условиях проведения федеральной избирательной кампании предлагают М. С. Григорьев, Г. Г. Ханов и О. Л. Чернозуб. Примечательно, что помимо вышеназванных структурных подразделений с некоторыми расхождениями в определениях, указанные авторы выделяют отдел по обеспечению безопасности, в функционал которого входят охрана помещений штаба, обеспечение безопасности мероприятий, проводимых в соответствии с федеральными и региональными планами избирательной кампании [23, с. 67–68].

В рамках проведения избирательной кампании кандидат в редких случаях лично руководит своим избирательным штабом. Такая ситуация свойственна избирательным кампаниям, проводимым в рамках небольших избирательных округов. В большинстве случаев избирательный штаб возглавляет руководитель штаба (электоральный менеджер). Необходимость такого разделения – требование времени, поскольку «задача кандидата – как можно больше и успешнее общаться с избирателями. Задача менеджера – максимально эффективно организовать это общение, обеспечить его информационное сопровождение и техническое обеспечение. Ми-

ровой опыт показывает, что сегодня обречены на неудачу те партии и кандидаты, которые действуют непрофессионально, легкомысленно относятся к вопросам планирования, организации избирательной кампании, контроля за ее ходом» [21, с. 13]

Таким образом, основным организатором, координатором и исполнителем избирательной кампании кандидата, помимо самого кандидата, выступает избирательный штаб кандидата. Соответственно, разработка и реализация как законных, так и незаконных предвыборных технологий, в том числе и «грязных» избирательных технологий, коррупционных технологий в процессе подготовки и проведения выборов осуществляется именно избирательным штабом кандидата.

В научной литературе выделяются разные формы коррупции в сфере подготовки и проведения выборов [24; 25; 10]. По нашему мнению, к числу основных форм коррупции в избирательном процессе следует отнести:

- незаконное оказание и получение материально-финансовой поддержки на выборах, референдуме;
- подкуп (продажность) лиц, призванных представлять интересы кандидатов, избирательных объединений (доверенные лица, уполномоченные представители по финансовым вопросам, члены избирательных комиссий с правом совещательного голоса);
- подкуп (продажность) кандидатов, не связанный с незаконным финансированием избирательной кампании;
- подкуп (продажность) избирателей;
- противоправное использование административного ресурса;
- противоправное использование членами избирательных комиссий с правом решающего голоса своих полномочий из корыстной или иной личной заинтересованности;
- противоправное осуществление информационного обеспечения выборов, референдума организациями, осуществляющими выпуск средств массовой информации, и их представителями из корыстной или иной заинтересованности [25].

Полагаем, что избирательный штаб кандидата, его представители в рамках конкретной избирательной кампании могут принимать участие в каждой из вышеназванных форм коррупции в различном качестве.

Например, такая форма коррупции в избирательном процессе, как подкуп избирателей применяется в ходе дня голосования на основании и в объемах принятого избирательным штабом решения. Очевидно, что безвозмездно совершать административное правонарушение, предусмотренное ст. 5.16 «Подкуп избирателей» Кодекса РФ об административных правонарушениях либо ст. 141 «Воспрепятствование свободному осуществлению избирательных прав граждан» Уголовного кодекса Российской Федерации, вряд ли кто из граждан решится. Нельзя не отметить, что в случае задержания скупщика голосов утверждают, что совершали подкуп избирателей за свой счет, без ведома кандидата и исключительно из личного желания помочь конкретному кандидату победить на выборах¹. В данных отношениях избирательный штаб выступает как субъект коррупции в избирательном процессе в виде организатора осуществления «подкупа избирателей, а нанятые им скупщики – как исполнители такого подкупа.

Субъектом активного подкупа избирательный штаб кандидата может выступать в отношениях:

- подкупа гражданина-одногофамильца основного кандидата конкурента с целью его регистрации в качестве кандидата;
- подкупа членов избирательной комиссии как с правом решающего, так и с правом совещательного голосов;
- подкупа наблюдателей;
- подкупа представителей СМИ с целью проведения незаконной предвыборной агитации;
- подкупа доверенных лиц кандидата-конкурента и других формах подкупа.

Избирательный штаб кандидата может выступать также и субъектом пассивного подкупа, например, в случае когда кандидату-конкуренту удается подкупить руководителя избирательного штаба с целью саботирования работы штаба кандидата.

¹ Такой вывод сделан нами по результатам изучения дел об административных правонарушениях. Кроме того, в ходе опроса представителей избирательных штабов последними было отмечено, что при инструктаже «скупщиков голосов» четко проговаривается недопустимость указания на кандидата, либо на полученное от представителя штаба вознаграждение, а также на материальные средства на расчет с избирателями.

Избирательный штаб кандидата является одним из основных участников в такой форме коррупции в избирательном процессе, как незаконное оказание и получение материально-финансовой поддержки на выборах, референдуме. Именно через финансовую службу кандидата осуществляется привлечение и последующее распределение как официального избирательного фонда, так и «черной кассы» кандидата. И если формирование и расходование финансовых средств официального избирательного фонда кандидата осуществляется в строгом соответствии с нормами избирательного законодательства, то средства «черной кассы» предназначены для финансирования самого штаба, организации и применения «грязных» избирательных технологий, в том числе направленных на подкуп субъектов избирательного процесса. Избирательный штаб в этой части представляет собой своего рода приемник-перераспределитель незаконно привлеченных финансовых средств.

Таким образом, избирательный штаб кандидата в коррупционных отношениях в избирательном процессе может выступать в качестве организатора коррупционного отношения и в качестве стороны как активного, так и пассивного подкупа.

Выводы

Сказанное позволяет сделать вывод, что избирательный штаб является одним из ключевых субъектов избирательного процесса, оказывающих организационное, правовое, имиджевое, материально-техническое и иное содействие кандидату в период предвыборной кампании. Можно без преувеличения сказать, что основная коррупционная составляющая в избирательной кампании кандидата и есть результат деятельности избирательного штаба кандидата. Однако в правовом поле такой субъект, как «избирательный штаб кандидата» отсутствует. В российском законодательстве не определены ни правовые основания существования, ни допустимые формы деятельности, ни порядок финансирования, ни меры ответственности самого коллективного образования – избирательного штаба кандидата, ни его представителей.

Данная статья призвана привлечь внимание научной общественности, а также практических работников к проблеме коррупционной составляющей в деятельности избирательного штаба

кандидата. Коррупциогенный потенциал этого образования представляет серьезную угрозу безопасности проводимых избирательных кампаний, поскольку избирательный штаб кандидата и есть основной организатор коррупционных отношений в рамках подготовки и проведения выборов, а также сторона как активного, так и пассивного подкупа в ряде форм коррупции в избирательном процессе. Коррупционные проявления в избирательном процессе в различных формах приобретают массовый характер именно в связи с активной деятельностью избирательных штабов по их планированию, разработке и реализации.

На современном этапе развития избирательной системы Российской Федерации представляются необходимыми проведение исследований сравнительно-правового характера, а также изучение правовой природы, структуры, форм деятельности и ответственности избирательных штабов кандидатов и их представителей. Полагаем, упорядочение деятельности избирательного штаба кандидата будет способствовать проведению в Российской Федерации демократических, свободных и равных выборов.

Список литературы

1. Шаблин В. А. Политика и преступность // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 45–53.
2. Ищенко Е. П. Коррупция и грязные избирательные технологии: пути преодоления. Материалы международной научной конференции «Коррупция – коррозия общества и государства». – Екатеринбург, 2000. – URL: http://crime.vl.ru/docs/konfs/ekat_1.htm (дата обращения: 25.09.2013)
3. Еременко О. В. «Грязные» избирательные технологии: общая характеристика и правовые способы защиты прав граждан от их использования // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и процесса. – М., 2004. – С. 266–278.
4. Дамм (Зырянова) И. А. Коррупция в российском избирательном процессе: понятие и противодействие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – 245 с.
5. Дамм И. А. Понятие и признаки коррупции в избирательном процессе // Политическая криминология: сборник научных трудов / под ред. П. А. Кабанова. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2006. – С. 16–17.
6. Зайцева О. В. «Избирательные технологии и коррупция». – Саратов, 2004. – URL: http://sartracc.sgap.ru/explore_yung.htm (дата обращения: 28.09.2013)
7. Кабанов П. А. Понятие политической коррупции как криминологической категории // Социально-экономические процессы. Республика Татарстан: сборник научных трудов / отв. ред. проф. В. Б. Живетин. – Нижнекамск, 1998. – С. 25–33.
8. Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: криминологическая характеристика и меры сдерживания. – Нижнекамск, 1998. – 74 с.

9. Кабанов П. А. Политическая коррупция: понятие и некоторые перспективные направления ее криминологического познания // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 110–112.
10. Кабанов П. А., Райков Г. И. Электоральная коррупция и формы ее проявления: опыт политико-криминологического анализа // Следователь. – 2008. – № 10. – С. 21–25.
11. Кабанов П. А., Свигузова А. П. Электоральная преступность в России: понятие, сущность, причины, предупреждение: лекция. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2005. – С. 7.
12. Римский Б. Л. Коррупция как системный фактор российских выборов // Следователь. – 2008. – № 1. – URL: http://www.democracy.ru/library/practice/media/rfelec_gor/page52.html (дата обращения: 30.09.2013)
13. Свигузова А. П. Некоторые социально-экономические факторы, детерминирующие электоральную коррупцию в современной России // Следователь. – 2002. – № 2. – С. 58–60.
14. Щедрин Н. В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4 (20). – С. 19–23.
15. Бузин А. Ю. Административные избирательные технологии: московская практика. – М.: РОО «Центр «Панорама», 2006. – 192 с.
16. Григорьев М. С. Региональный избирательный штаб в федеральной избирательной кампании. – М.: РЦОИТ, 2001. – 72 с.
17. Зотова З. М. Политические партии и избирательный процесс. – М.: РЦОИТ, 2002. – 176 с.
18. Амелин В. Н., Федоркин Н. С. Стратегия избирательной кампании. – М., РЦОИТ, 2001. – 106 с.
19. Комаровский В. С. Информационно-аналитическое обеспечение избирательных кампаний. – М., РЦОИТ, 2001. – 88 с.
20. Морозова Е. Г. Политическое консультирование и избирательный процесс. – М., РЦОИТ, 2001. – 118 с.
21. Морозова Е. Г. Электоральный менеджмент: учеб. пособие. – М.: РЦОИТ, 2002. – 232 с.
22. Schwertel Markus Ichgewinne die Wahl: Hand- und Arbeitsbuch zum erfolgreichen Bestreiten von Persönlichkeitswahlkämpfen / P.O.D. – Print, 2001.
23. Григорьев М. С., Ханов Г. Г., Чернозуб О. Л. Региональный избирательный штаб в федеральной избирательной кампании. – М.: РЦОИТ, 2001. – 72 с.
24. Дамм И. Коррупция и ее формы в российском избирательном процессе // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка / под ред. В. А. Номоконова. – Владивосток: ДВГУ, 2005. – С. 95–108.
25. Зырянова И. А. Основные формы коррупции в избирательном процессе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4 (20). – С. 45–50.

В редакцию материал поступил 13.11.13

© Зырянова И. А., 2013

Информация об авторе

Зырянова Ирина Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры деликтологии и криминологии юридического института, Сибирский федеральный университет
Адрес: 660099, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, тел.: (391) 206-23-28
E-mail: idamm@yandex.ru

Как цитировать статью: Зырянова И. А. Избирательный штаб кандидата – субъект коррупции в избирательном процессе? // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 32–37.

I. A. ZYRYANOVA,

PhD (Law), associate professor

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

CANDIDATE'S ELECTION HEAD QUARTERS AS A SUBJECT OF CORRUPTION IN THE ELECTORAL PROCESS

Objective: to draw the scientific community attention to the issue of corruptive component in the activity of a candidate's election head quarters.

Methods: analytical, formal-logic; interview poll; content analysis of documents and included observation.

Results: assignment of the candidate's electoral headquarters to independent subjects of corruption in the electoral process is justified. The author comes to the conclusion that the candidate's electoral headquarters can act as an organizer of corruption relations in the electoral process, as well as a party of both active and passive bribery.

Scientific novelty: for the first time the nature of the activity of the candidate's electoral headquarters is disclosed through the prism of the analysis of its corruption potential.

Practical value: justification of corruption component in the activity of the candidate's electoral headquarters will attract the attention of the scientific community and the practitioners to the problem of lack of legal regulation of formation and implementation of activity, financing and responsibility of the candidate's electoral headquarters and their representatives.

Key words: corruption; electoral process; subjects of corruption in electoral process; electoral headquarters.

References

1. Shabalin, V. A. Politika i prestupnost' (Politics and crime), *Gosudarstvo i pravo*, 1994, No. 4, pp. 45–53.
2. Ishchenko, E. P. *Korrupsiya i gryaznye izbiratel'nye tekhnologii: puti preodoleniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Korrupsiya – korrozija obshchestva i gosudarstva"* (Corruption and dirty electoral technologies: ways of overcoming. Materials of international scientific conference "Corruption – corrosion of society and state"), Ekaterinburg, 2000, available at: http://crime.vl.ru/docs/konfs/ekat_1.htm (accessed: 25.09.2013)
3. Eremenko, O. V. "Gryaznye" izbiratel'nye tekhnologii: obshchaya kharakteristika i pravovye sposoby zashchity prav grazhdan ot ikh ispol'zovaniya ("Dirty" electoral technologies: general characteristics and legal means of protecting citizens against their implementation), *Sbornik konkursnykh rabot v oblasti izbiratel'nogo prava i protsess*. Moscow, 2004, pp. 266–278.
4. Damm (Zyryanova), I. A. *Korrupsiya v rossiiskom izbiratel'nom protsesse: ponyatie i protivodeistvie* (Corruption in the Russian electoral process: notion and counteraction). Krasnoyarsk, 2006, 245 p.
5. Damm, I. A. Ponyatie i priznaki korrupsii v izbiratel'nom protsesse (Notion and signs of corruption in the electoral process), *Politicheskaya kriminologiya*. Nizhnekamsk: Nizhnekamskii filial MGEI, 2006, pp. 16–17.
6. Zaitseva, O. V. "Izbiratel'nye tekhnologii i korrupsiya" ("Electoral technologies" and corruption). Saratov, 2004, available at: http://sartracc.sgap.ru/explore_yung.htm (accessed: 28.09.2013)
7. Kabanov, P. A. Ponyatie politicheskoi korrupsii kak kriminologicheskoi kategorii (Notion of political corruption as criminological category), *Sotsial'no-ekonomicheskie protsessy. Respublika Tatarstan*. Nizhnekamsk, 1998, pp. 25–33.
8. Kabanov, P. A. *Politicheskaya korrupsiya v Rossii: kriminologicheskaya kharakteristika i mery sderzhivaniya* (Political corruption in Russia: criminological characteristics and measures of limitation), Nizhnekamsk, 1998, 74 p.
9. Kabanov, P. A. Politicheskaya korrupsiya: ponyatie i nekotorye perspektivnye napravleniya ee kriminologicheskogo poznaniya (Political corruption: notion and some prospective directions of its criminological cognition), *Gosudarstvo i pravo*, 2003, No. 4, pp. 110–112.
10. Kabanov, P. A., Raikov, G. I. Elektoral'naya korrupsiya i formy ee proyavleniya: opyt politiko-kriminologicheskogo analiza (Electoral corruption and forms of its revelation: experience of political-criminological analysis), *Sledovatel'*, 2008, No. 10, pp. 21–25.
11. Kabanov, P. A., Sviguzova, A. P. *Elektoral'naya prestupnost' v Rossii: ponyatie, sushchnost', prichiny, preduprezhdenie* (Electoral crime in Russia: notion, essence, causes, prevention). Nizhnekamsk: Nizhnekamskii filial MGEI, 2005, p. 7.
12. Rimskii, B. L. Korrupsiya kak sistemnyi faktor rossiiskikh vyborov (Corruption as a systemic factor of the Russian elections), *Sledovatel'*, 2008, No. 1, available at: http://www.democracy.ru/library/practice/media/rfelec_gor/page52.html (accessed: 30.09.2013)
13. Sviguzova, A. P. Nekotorye sotsial'no-ekonomicheskie faktory, determiniruyushchie elektoral'nyu korrupsiyu v sovremennoi Rossii (Some social-economic factors determining electoral corruption in the modern Russia), *Sledovatel'*, 2002, No. 2, pp. 58–60.
14. Shchedrin, N. V. O neobkhodimosti ugolovnoi otvetstvennosti za prodazhu izbiratelyami svoikh "golosov" (On the necessity of criminal liability for selling votes by electors), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2011, No. 4(20), pp. 19–23.
15. Buzin, A. Yu. *Administrativnye izbiratel'nye tekhnologii: moskovskaya praktika* (Administrative electoral technologies: Moscow practice). Moscow: ROO "Tsentr "Panorama", 2006, 192 p.
16. Grigor'ev, M. S. *Regional'nyi izbiratel'nyi shtab v federal'noi izbiratel'noi kampanii* (Regional electoral headquarters in the federal electoral campaign). Moscow: RTsOIT, 2001, 72 p.
17. Zotova, Z. M. *Politicheskie partii i izbiratel'nyi protsess* (Political parties and electoral process). Moscow: RTsOIT, 2002, 176 p.
18. Amelin, V. N., Fedorkin, N. S. *Strategiya izbiratel'noi kampanii* (Strategy of electoral campaign). Moscow, RTsOIT, 2001, 106 p.
19. Komarovskii, V. S. *Informatsionno-analiticheskoe obespechenie izbiratel'nykh kampanii* (Information-analytical provision for electoral campaigns). Moscow, RTsOIT, 2001, 88 p.
20. Morozova, E. G. *Politicheskoe konsul'tirovanie i izbiratel'nyi protsess* (Political consulting and electoral process). Moscow, RTsOIT, 2001, 118 p.
21. Morozova, E. G. *Elektoral'nyi menedzhment* (Electoral management). Moscow: RTsOIT, 2002, 232 p.
22. Schwertel MarkusIchgewinne die Wahl: Hand-und Arbeitsbuch zum erfolgreichen Bestreiten von Persönlichkeitswahlkämpfen, *P.O.D.* Print, 2001.
23. Grigor'ev, M. S., Khanov, G. G., Chernozub, O. L. *Regional'nyi izbiratel'nyi shtab v federal'noi izbiratel'noi kampanii* (Regional electoral headquarters in the federal electoral campaign). Moscow: RTsOIT, 2001, 72 p.
24. Damm, I. Korrupsiya i ee formy v rossiiskom izbiratel'nom protsesse (Corruption and its forms in the Russian electoral process), *Problemy bor'by s proyavleniyami kriminal'nogo rynka*. Vladivostok: DVGU, 2005, pp. 95–108.
25. Zyryanova, I. A. Osnovnye formy korrupsii v izbiratel'nom protsesse (Basic forms of corruption in electoral process), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2011, No. 4(20), pp. 45–50.

Information about the author

Zyryanova Irina Aleksandrovna, PhD (Law), associate professor of the chair of delictology and criminology of law institute, Siberian Federal University

Address: 6 Mayerchaka Str., 660099, Krasnoyarsk, tel.: (391) 206-23-28

E-mail: idamm@yandex.ru

How to cite the article: Zyryanova I. A. Candidate's election head quarters as a subject of corruption in the electoral process, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 32–37.

УДК 343.97:328.185(470.41)

П. А. КАБАНОВ,

доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ РЕКЛАМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН КАК ИНФОРМАЦИОННОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Цель: привлечь внимание субъектов антикоррупционной политики Республики Татарстан к проблеме использования антикоррупционной рекламы как средства системы информационного сопровождения политики противодействия коррупции.

Методы: сравнительно-правовой, системный и структурный анализ документов.

Результаты исследования: предложено авторское определение антикоррупционной рекламы как средства информационного воздействия на население республики в целях формирования антикоррупционного мировоззрения и антикоррупционного поведения. Осуществлен структурный анализ антикоррупционной рекламы, описаны и объяснены ее цели, задачи, функции, предложены меры по повышению ее результативности.

Научная новизна: впервые в российской науке дается определение антикоррупционной рекламы и раскрывается ее сущность как инструмента противодействия коррупции.

Практическая значимость: выработаны меры организационно-управленческого и правового характера, направленные на повышение результативности антикоррупционной рекламы в регионе.

Ключевые слова: антикоррупционная реклама; коррупция; реклама; противодействие коррупции; антикоррупционная политика; Республика Татарстан.

Введение

В современных условиях противостояния общества и коррупции особое место занимает разработка и реализация наиболее гуманных и эффективных средств профилактики коррупции. Одним из таких средств антикоррупционной профилактики в современном обществе является антикоррупционное информационное воздействие в различных его формах и проявлениях – антикоррупционная агитация, антикоррупционная пропаганда и антикоррупционное информирование. Этому направлению антикоррупционной деятельности, невзирая на необходимость его изучения, современными российскими и зарубежными специалистами уделяется мало внимания [1]; имеется лишь небольшое количество научных исследований и публикаций, посвященных отдельным направлениям антикоррупционного информационного воздействия как в России [2, с. 32–38; 3, с. 39–46; 4, с. 1130–1138; 5, с. 878–884], так и за рубежом [6, с. 58–79; 7, с. 81–86]. Среди апробированных и наиболее часто используемых в антикоррупционной практике, но мало разработанных в теоретическом плане средств информационного

воздействия оказалась антикоррупционная реклама, по которой имеется лишь одна небольшая по объему публикация китайских специалистов, посвященная использованию телевизионной антикоррупционной рекламы в качестве элемента системы антикоррупционного воспитания в Гонконге [8, с. 87–96]. Однако это обстоятельство не мешает современным российским специалистам в области противодействия коррупции использовать антикоррупционную рекламу как средство информационного сопровождения государственной антикоррупционной политики.

Следует отметить, что в современном российском обществе антикоррупционная реклама как инструмент информационного воздействия на население чаще всего используется в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях. В числе российских регионов, активно использующих антикоррупционную рекламу как средство информационного воздействия на население, находится и Республика Татарстан. Вместе с тем до настоящего времени отечественными специалистами не проведено ни одного научного исследования, посвященно-

го анализу этого инструмента республиканской антикоррупционной политики, имеющей богатый опыт использования антикоррупционной рекламы. В связи с этим становится очевидной необходимость исследования антикоррупционной рекламы как средства информационного воздействия на население в Республике Татарстан и на ее основе – выработка мер по повышению эффективности этого инструмента республиканской антикоррупционной политики. Выбор Республики Татарстан обусловлен еще и тем, что в этом субъекте Российской Федерации в достаточном количестве имеются нормативные правовые акты, регламентирующие использование антикоррупционной рекламы; документы, описывающие результаты применения антикоррупционной рекламы и даже опыт судебного рассмотрения споров по данной проблематике.

Эмпирической базой проведенного нами исследования стали: 15 нормативных правовых актов, предусматривающих использование в Республике Татарстан антикоррупционной рекламы на республиканском и муниципальном уровнях; 56 отчетов (республиканских, ведомственных и муниципальных) о реализации мер антикоррупционной политики, в которых упоминается использование антикоррупционной рекламы; одно судебное решение по данному вопросу; 36 объектов наружной антикоррупционной рекламы, размещенных на территории муниципальных образований республики.

В качестве основного метода исследования нами использован метод анализа документов и связанные с ним общенаучные и специальные методы, используемые в праве и социологии.

Результаты исследования

Антикоррупционная реклама как самостоятельный элемент системы антикоррупционной пропаганды и инструмент противодействия коррупции в Республике Татарстан появился одновременно с пониманием того, что эффективная региональная антикоррупционная политика не может существовать без надежного информационного сопровождения¹. Первое упоминание

¹ О Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан: Указ Президента Республики Татарстан № УП-127 от 08.04.2005 // Ведомости Государственного Совета Татарстана. – 2005. – № 4 (II часть). – Ст. 460.

об антикоррупционной рекламе как средстве антикоррупционной пропаганды было отмечено в Республиканской программе по реализации Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2006–2008 гг. В разделе 6 «Антикоррупционная пропаганда» этой программы Агентству Республики Татарстан по массовой коммуникации «Татмедиа» и отделу по реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан предписывалось провести конкурс на разработку проектов *социальной рекламы антикоррупционной направленности* (выделено мной – П.К.) на радио и телевидении, в печатных и электронных средствах массовой информации и на рекламных щитах². Учитывая то обстоятельство, что термин «антикоррупционная реклама» на территории России еще не использовался, в том числе и в нормативных правовых актах, то его в этом документе заменило близкое по смыслу словосочетание «социальная реклама антикоррупционной направленности». Однако в более поздних республиканских программных документах по вопросам противодействия коррупции словосочетание «социальная реклама антикоррупционной направленности» было заменено другим термином «*рекламная продукция антикоррупционной направленности*»³. По этой

² Об утверждении Республиканской программы по реализации Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2006–2008 гг.: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 516 от 16.10.2006 (с изм. от 30.12.2006) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2006. – № 40. – Ст. 1047.

³ Об утверждении Республиканской программы по реализации Стратегии антикоррупционной политики Республики Татарстан на 2009–2011 гг.: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 693 от 22.09.2008 (ред. от 18.08.2010 № 666) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2008. – № 37. – Ст. 1548; Об утверждении Комплексной республиканской антикоррупционной программы на 2012–2014 гг.: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 687 от 18.08.2011 (ред. от 17.08.2012 № 713) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2011. – № 33. – Ст. 1612.

причине в большинстве программных нормативных правовых актов, регулирующих разработку, производство, размещение и распространение антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан на республиканском и муниципальном уровнях, используются только эти два словосочетания. Словосочетание «социальная реклама антикоррупционной направленности» используется лишь в пяти муниципальных и республиканских программных нормативных правовых актах⁴, а альтернативное ему «рекламная продукция антикоррупционной направленности» в десяти аналогичных правовых документах⁵. Хотя в отдельных региональных официальных документах о результатах антикоррупционной деятельности используется термин «социальная реклама антикоррупционной направленности»⁶, а в судебной практике используется несколько близкий по значению термин «реклама антикоррупционной работы»⁷.

Необходимо отметить, что в самих нормативных правовых актах, использующих эти термины, не раскрывается содержание антикоррупционной рекламы и не дается ее правовая дефиниция. На наш взгляд, такое положение обусловлено несколькими причинами. Во-первых, отсутствием правовой дефиниции «антикоррупционная реклама» в республиканском антикоррупционном законодательстве и нормативных правовых актах по его реализации, а также в антикоррупционных нормативных правовых актах других субъектов Российской Федерации. Во-вторых, отсутствием научного определения «антикоррупционная

реклама» в современной российской антикоррупционной теории, в том числе и специализированных антикоррупционных терминологических словарях [9]. В связи с этим становится очевидным, что разработка и правовое закрепление содержания термина «антикоррупционная реклама» как правовой категории республиканского антикоррупционного законодательства является важнейшим и перспективным направлением антикоррупционной деятельности. Более того, необходимо в кратчайшие сроки принять меры по раскрытию содержания антикоррупционной рекламы как специфического средства антикоррупционного информационного воздействия, используя при этом положения федерального рекламного законодательства.

На наш взгляд, приемлемой правовой дефиницией антикоррупционной рекламы для использования в республиканских и муниципальных нормативных правовых актах Республики Татарстан может стать разработанная нами с учетом действующего федерального рекламного законодательства и предлагаемая ниже дефиниция. *Антикоррупционная реклама* – это распространение антикоррупционной информации любым способом, в любой форме и с использованием любых средств в отношении неопределенного круга лиц, направленная на привлечение внимания населения к проблеме противодействия коррупции и формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения и антикоррупционного поведения. Разумеется, что представленное нами определение антикоррупционной рекламы как правовой категории республиканского антикоррупционного законодательства не является идеальным, возможны и иные подходы к его формированию.

Согласно предложенному нами определению, содержанием антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан является распространение антикоррупционной информации любым способом, в любой форме и с использованием любых средств для достижения основных целей республиканской антикоррупционной политики.

На наш взгляд, важнейшими структурными элементами антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан выступают:

- а) объекты антикоррупционной рекламы;
- б) цели и задачи антикоррупционной рекламы;
- в) субъекты антикоррупционной рекламы;

⁴ О Программе реализации антикоррупционной политики в г. Казани на 2009–2012 гг.: Постановление Руководителя исполнительного комитета муниципального образования № 2098 г. Казань от 30 марта 2009 г.

⁵ О комплексной антикоррупционной программе в Заинском муниципальном районе на 2012–2014 гг.: Решение Заинского районного Совета Республики Татарстан № 151 от 20 января 2012 г. // Новый Зай. – 2012. – 25 января.

⁶ Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2011 г. – Казань: Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, 2012. – С. 77.

⁷ Решение Вахитовского районного суда города Казани Республики Татарстан от 28 марта 2013 г. по делу № 2-2859/2013.

- г) средства антикоррупционной рекламы;
- д) функции антикоррупционной рекламы;
- е) потребители антикоррупционной рекламы.

В качестве объектов рекламирования антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан чаще всего выступает антикоррупционная деятельность, т. е. антикоррупционные мероприятия, проводимые как органами государственной власти и органами местного самоуправления, так и институтами гражданского общества или антикоррупционные акции либо антикоррупционная информация, направленная на разъяснение основ противодействия коррупции. В числе антикоррупционных рекламных мероприятий в республике наибольшее внимание уделяется: антикоррупционным творческим конкурсам среди учащихся, преподавателей, студенческой молодежи, журналистов региональных и муниципальных средств массовой коммуникации; научным антикоррупционным мероприятиям (конференциям, семинарам, «круглым столам» и т.п.)⁸. Широкую рекламную поддержку в электронных средствах массовой коммуникации Республики Татарстан получила молодежная антикоррупционная акция «Чистые руки».

Наиболее важной составляющей антикоррупционной деятельности, как и антикоррупционной рекламы, является определение основных целей и задач этой деятельности. В качестве целей антикоррупционной рекламы, в зависимости от размещаемой в ней информации, выступают антикоррупционное информирование и формирование антикоррупционного поведения. Антикоррупционное информирование происходит в двух формах: а) информирование населения о мерах противодействия коррупции в органах публичной власти; б) информирование населения о способах защиты своих прав и законных интересов от коррупционеров в правоохранительных и судебных органах (месте их расположения, механизмах обращения в них и др.). Формирование антикоррупционного поведения населения, в том числе и государственных (муниципальных)

служащих осуществляется путем информационного воздействия в целях отказа с их стороны от коррупционного поведения (формирование пассивного антикоррупционного поведения) или путем содействия правоохранительным органам в борьбе с коррупцией (формирование активного антикоррупционного поведения). Достижение этих целей антикоррупционной рекламы может способствовать решению основной цели республиканской антикоррупционной политики – снижению уровня коррупции в обществе и повышению эффективности противодействия коррупции.

Для достижения основных целей антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан необходимо поэтапное решение ряда взаимосвязанных и взаимообусловленных задач, а именно:

- а) привлечь внимание общества к проблеме коррупции;
- б) изменить отношение населения к ней однозначно на негативное;
- в) показать возможные пути снижения уровня коррупции в республике;
- г) изменить модели поведения жителей республики при столкновении с фактами коррупции;
- д) создать новые поведенческие ценности – неприятие коррупции как средства решения личных, групповых или корпоративных интересов.

При этом следует согласиться с отечественными специалистами, что любая социальная реклама, в том числе и антикоррупционная, решает лишь одну конкретную задачу, стоящую перед ней [10, с. 345].

Проведенный нами анализ наружной антикоррупционной рекламы, размещенной на территории муниципальных образований, показал, что наиболее часто рекламодатели заказывают и получают рекламную продукцию, направленную на привлечение внимания населения к проблеме коррупции в обществе – 15 или 41,7% всех антикоррупционных баннеров. Как правило, на этих информационных стендах размещаются антикоррупционные слоганы «за коррупцию расплачивается каждый из нас» (г. Набережные Челны, Менделеевский, Мензелинский, Азнакаевский районы) либо «коррупция убивает» (г. Казань, Ленингорский район). Значительную долю объектов наружной антикоррупционной рекламы в республике занимают баннеры, призывающие изменить отношение населения к коррупции как к негативному явлению, в которых указывается на пассивный отказ от ее

⁸ Сводный отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Республике Татарстан в 2012 г. – Казань: Управление Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, 2012. – С. 45–54.

использования «коррупции – нет», «Коррупция-против», «Коррупция. Только НЕТ имеет значение» (г. Казань, Алексеевский и Чистопольский районы). Таких наружных рекламных стендов оказалось 11 или 30,6 % от общего количества. Несколько меньше объектов наружной антикоррупционной рекламы посвящено вопросам, направленным на изменение модели поведения жителей республики при столкновении с фактами коррупции с пассивного на активный. Обычно на таких рекламных щитах размещается информация о сообщении в компетентные органы на поведение коррупционеров по информационным каналам. Например, «Столкнулся с коррупцией? Звони по телефону №...» (Альметьевский, Буинский и Зеленодольский районы). Подобного рода информационные материалы составили 10 единиц или 27,7 %. К большому сожалению, нам не удалось обнаружить объекты наружной антикоррупционной рекламы, в которых бы отражались задачи, направленные на указание возможных путей снижения уровня коррупции и на создание новых антикоррупционных поведенческих ценностей.

В качестве субъектов антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан выступают: рекламодатель, рекламопроизводитель и рекламораспространитель. В качестве рекламодателя или заказчика антикоррупционной рекламы выступают органы публичной власти, именно они определяют механизмы осуществления, объем и стоимость государственного или муниципального заказа на изготовление антикоррупционной рекламной продукции и заключения договора на оказание рекламных услуг. На республиканском уровне в соответствии с антикоррупционными программными документами основным рекламодателем выступает Республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа». Однако в нормативных правовых актах, регулирующих его деятельность, эта государственная антикоррупционная функция не указана⁹. Хотя, как

показывает практика правового регулирования антикоррупционной рекламы в других субъектах Российской Федерации, функция организации, обеспечения и контроля за антикоррупционной рекламой закрепляется в Положении об этих органах¹⁰.

На муниципальном уровне в Республике Татарстан в качестве заказчика антикоррупционной рекламы, как и всей социальной рекламы, выступают исполнительные комитеты муниципальных образований. Именно они осуществляют конкурсы на изготовление, размещение и распространение антикоррупционной рекламы.

В качестве рекламоизготовителей чаще всего выступают учреждения массовой коммуникации, которые одновременно выступают и рекламораспространителями антикоррупционной информации с использованием собственных средств доставки ее потребителям, хотя при изготовлении антикоррупционных плакатов и/или антикоррупционных баннеров могут выступать и иные рекламоизготовители, победившие в соответствующих конкурсах на оказание рекламных услуг. В республике нет запретов на участие в антикоррупционной рекламе представителей бизнес-сообщества и институтов гражданского общества.

Антикоррупционная реклама в Республике Татарстан осуществляется с помощью различных средств, в том числе и прямо закрепленных программными нормативными правовыми актами. Таковыми, по мнению республиканских правотворцев, являются: радио и телевидение, печатные и электронные средства массовой информации и рекламные щиты (баннеры) антикоррупционной направленности. О наличии на территории Республики Татарстан рекламных баннеров антикоррупционной направленности говорится в ежегодных отчетах о состоянии коррупции и мер антикоррупционной политики муниципальных образований республики¹¹. Учи-

⁹ Вопросы Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»: Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 902 от 24.10.2012 (ред. от 04.05.2013 № 303) // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. – 2012. – № 83. – Ст. 2771.

¹⁰ Об утверждении Положения об агентстве по делам печати и средствам массовой информации Архангельской области: Постановление Правительства Архангельской области № 224-ПП от 18 февраля 2009 г. // Волна. – 2009. – 31 декабря.

¹¹ Отчет о состоянии коррупции и реализации мер антикоррупционной политики в Альметьевском муниципальном районе в 2011 г. – Альметьевск, 2012. – С. 12.

тывая важность антикоррупционной пропаганды и повышение ее результативности, органами публичной власти Республики Татарстан проводятся конкурсы по информационному сопровождению вопросов противодействия коррупции, однако конкурсов на лучшее антикоррупционное рекламное произведение еще не производилось. Хотя, как показывает опыт других регионов Российской Федерации, такие конкурсы в некоторых из них проводятся регулярно, например, в Ростовской области [11].

Особенности антикоррупционной рекламы способствуют специфичности и ее основных функций. Эти функции во многом совпадают с функциями социальной рекламы [12, с. 34] и отражают специфику объекта рекламирования. Такими функциями антикоррупционной рекламы выступают: информационная, воспитательная, образовательная и экономическая. Информационная функция заключается в информировании населения о мерах противодействия коррупции, обозначении интересов государства и общества. Воспитательная функция антикоррупционной рекламы подразумевает формирование и корректировку общественного сознания, психологических установок и поведенческих моделей населения (формирование антикоррупционного сознания, антикоррупционного мировоззрения и антикоррупционного поведения). Образовательная функция антикоррупционной рекламы направлена на распространение антикоррупционных ценностей, просвещение населения по вопросам противодействия коррупции. Экономическая функция антикоррупционной рекламы заключается в том, что в перспективе рекламодатель может не столько получить прибыль, сколько снизить экономические издержки, связанные с коррупцией.

В качестве потребителей антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан выступает все население, хотя в отдельных случаях она направлена на конкретные категории населения: государственных и муниципальных служащих («я мзду не беру – мне за державу обидно»); учащихся образовательных учреждений («знания не купишь»); сотрудников сферы здравоохранения и образования («скажи коррупции нет»).

При том, что антикоррупционная реклама в Республике Татарстан широко используется органами публичной власти и институтами граж-

данского общества, участвующими в реализации республиканской антикоррупционной политики, до сих пор не поставлен вопрос об оценке качества и эффективности такой высокочатратной антикоррупционной деятельности. Появляется ряд важных и сложных вопросов по организации и проведению антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан, как, впрочем, и в других субъектах Российской Федерации. Во-первых, насколько эффективна антикоррупционная реклама как средство противодействия коррупции. Во-вторых, насколько соответствует правовое регулирование этого инструмента антикоррупционной политики его содержанию, важности и возможностям. В-третьих, какие меры необходимо принять рекламодателям для повышения эффективности антикоррупционной рекламы как информационного средства противодействия коррупции.

Как нам представляется, для разрешения этих вопросов в ближайшее время необходимо принять ряд важных организационно-управленческих и правовых мер как со стороны органов публичной власти Республики Татарстан, так и институтов гражданского общества. Во-первых, требуется закрепить в республиканских и муниципальных нормативных правовых актах правовую категорию «антикоррупционная реклама». Во-вторых, необходимо разработать критерии (качественные и количественные показатели) эффективности антикоррупционной рекламы. В-третьих, следует осуществить мониторинг эффективности антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан. В-четвертых, официально закрепить за Республиканским агентством по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» функцию организации антикоррупционной рекламы и контроля за антикоррупционной рекламой. Для этого требуется внесение соответствующих изменений и дополнений в Положение о нем. В-пятых, предложенные нами меры целесообразно использовать при подготовке очередной целевой комплексной республиканской антикоррупционной программы и закрепить их в ней в качестве одного из направлений. В-шестых, с правового закрепления антикоррупционной рекламы в региональных нормативных правовых актах как средства противодействия коррупции может начаться процесс ее институционализации

как самостоятельного инструмента региональной антикоррупционной политики.

Надеемся, что предложенные нами меры, направленные на совершенствование организации правового регулирования и использования антикоррупционной рекламы в Республике Татарстан позволят упорядочить этот вид профессиональной деятельности и повлиять на повышение результативности этого инструмента республиканской антикоррупционной политики.

Список литературы

1. Kamara By Alpha Bedoh. Stop tribal propaganda to stop corruption! // Africa Young Voices. – 2013. – 6 августа.
2. Горшенков Г. Н. Антикоррупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупции: понятие и сущностное содержание // Следователь. – 2010. – № 10. – С. 32–38.
3. Горшенков Г. Н. Антикоррупционная пропаганда: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4 (16). – С. 39–46.
4. Кабанов П. А. Антикоррупционная пропаганда как инструмент противодействия коррупции в Республике Татарстан: вопросы совершенствования качества правового регулирования // Право и политика. – 2013. – № 9. – С. 1130–1138.
5. Кабанов П. А. Понятие и содержание антикоррупционной пропаганды как правовой категории в российском

региональном антикоррупционном законодательстве // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 9. – С. 878–884.

6. Dai Ninghua. Exploration of Innovating Anti-corruption Propaganda Methods // Anti-corruption and Integrity Culture Studies. – 2012. – № 1. – Pp. 58–79.

7. Yjng CHEN. Systems Used to Improve the Scientific Level of Anti-corruption Propaganda and Education – Based on the System Construction of Anti-corruption Propaganda and Education in Nantong City // Anti-corruption and Integrity Culture Studies. – 2012. – № 1. – Pp. 81–86.

8. Zengtian ZHANG, Xingxing SU. Strategy for Anti-corruption Advertising in Hong Kong and its Enlightenment // Anti-corruption and Integrity Culture Studies. – 2010. – № 3. – Pp. 87–96.

9. Коррупция и антикоррупционная политика: терминологический словарь / И. И. Бикеев, А. Э. Бикмухаметов, П. А. Кабанов и др.; под общ. ред. Г. И. Райкова, П. А. Кабанова, Д. К. Чиркова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: МедиаПресс, 2010. – С. 36.

10. Баранова М. В. Право и реклама (общетеоретический аспект). – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2010. – 796 с.

11. URL: http://kmparo.ru/news.php?sub=single&news_id=484

12. Баранова М. В. Право и реклама (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2010. – С. 16.

В редакцию материал поступил 21.10.13

© Кабанов П. А., 2013

Информация об авторе

Кабанов Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, директор НИИ противодействия коррупции, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: kabanovp@mail.ru

Как цитировать статью: Кабанов П.А. Антикоррупционная реклама в Республике Татарстан как информационное средство противодействия коррупции: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 38–45.

P. A. KABANOV,

doctor of law, professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

ANTI-CORRUPTION ADVERTISING IN TATARSTAN REPUBLIC

AS AN INFORMATIONAL MEANS OF CORRUPTION COUNTERACTION: ISSUES AND PERSPECTIVES

Objective: to attract attention of the anti-corruption policy subjects in Tatarstan Republic to the issue of using the anti-corruption advertising as a means of information support system of corruption counteraction policy.

Methods: comparative-legal, systemic and structural analysis of documents.

Results: the author's definition is suggested of anti-corruption advertising as a means of information impact on the Republic population in order to form the anti-corruption worldview and behavior. Structural analysis of anti-corruption advertising is carried out, its objectives, tasks and functions are explained, measures to increase its efficiency are proposed.

Scientific novelty: for the first time in the Russian science anti-corruption advertising is defined and its essence is revealed as a tool of corruption counteraction.

Practical value: measures of organizational-managerial and legal character are elaborated, aimed at increasing the anti-corruption advertising efficiency in the region.

Key words: anti-corruption advertising; corruption; advertising; corruption counteraction; anti-corruption policy; Tatarstan Republic.

References

1. Kamara By Alpha Bedoh. Stop tribal propaganda to stop corruption!, *Africa Young Voices*, 2013, 6 August.
2. Gorshenkov, G. N. Antikorruptsionnaya propaganda kak instrument protivodeistviya korruptsii: ponyatie i sushchnostnoe sodержanie (Anti-corruption propaganda as a tool for corruption counteraction: notion and essential content), *Sledovatel'*, 2010, No. 10, pp. 32–38.
3. Gorshenkov, G. N. Antikorruptsionnaya propaganda: ponyatie i sodержanie (Anti-corruption propaganda: notion and content), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2010, No. 4(16), pp. 39–46.
4. Kabanov, P. A. Antikorruptsionnaya propaganda kak instrument protivodeistviya korruptsii v Respublike Tatarstan: voprosy sovershenstvovaniya kachestva pravovogo regulirovaniya (Anticorruption propaganda as a tool for corruption counteraction in Tatarstan Republic: issues of improving the quality of legal regulation), *Pravo i politika*, 2013, No. 9, pp. 1130–1138.
5. Kabanov, P. A. Ponyatie i sodержanie antikorruptsionnoi propagandy kak pravovoi kategorii v rossiiskom regional'nom antikorruptsionnom zakonodatel'stve (Notion and content of anti-corruption propaganda as a legal category in the Russian regional anticorruption legislation), *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2013, No. 9, pp. 878–884.
6. Dai, Ninghua. Exploration of Innovating Anti-corruption Propaganda Methods, *Anticorruption and Integrity Culture Studies*, 2012, No. 1, pp. 58–79.
7. Yjng, Chen. Systems Used to Improve the Scientific Level of Anti-corruption Propaganda and Education – Based on the System Construction of Anti-corruption Propaganda and Education in Nantong City, *Anticorruption and Integrity Culture Studies*, 2012, No. 1, pp. 81–86.
8. Zengtian, Zhang, Xingxing, Su. Strategy for Anti-corruption Advertising in Hong Kong and its Enlightenment, *Anticorruption and Integrity Culture Studies*, 2010, No. 3, pp. 87–96.
9. *Korruptsiya i antikorruptsionnaya politika: terminologicheskii slovar'*, I. I. Bikeev, A. E. Bikmukhametov, P. A. Kabanov i dr. (Corruption and anticorruption policy: glossary of terminology) Moscow: MediaPress, 2010, p. 36.
10. Baranova, M. V. *Pravo i reklama (obshcheteoreticheskii aspekt)* (Law and advertising (general theoretical aspect)). Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2010, 796 p.
11. URL: http://kmparo.ru/news.php?sub=single&news_id=484
12. Baranova, M. V. *Pravo i reklama (obshcheteoreticheskii aspekt)* (Law and advertising (general theoretical aspect)). Nizhnii Novgorod, 2010, p. 16.

Information about the author

Kabanov Pavel Aleksandrovich, doctor of law, professor of the chair of criminal law and procedure, director of scientific-research institute for corruption counteraction, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: kabanovp@mail.ru

How to cite the article: Kabanov P. A. Anticorruption advertising in Tatarstan Republic as an informational means of corruption counteraction: issues and perspectives, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 38–45.

УДК 343.9:328.185

Т. Л. КОЗЛОВ,

кандидат юридических наук

Академия Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва, Россия

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Цель: продемонстрировать необходимость дальнейшего совершенствования законодательства о противодействии коррупции и развития антикоррупционной политики.

Методы: анализа, синтеза, статистический и социологический.

Результаты: на основе проведенного анализа реализации Национального плана противодействия коррупции 2008 г., изменений и дополнений, новелл законодательства в сфере противодействия коррупции, правоприменительной практики, уголовной статистики, общественного мнения, результатов опросов экспертов обоснован вывод об успешном развитии механизмов предупреждения коррупции и недостаточной эффективности, отсутствии позитивных изменений в борьбе с коррупционными правонарушениями, в том числе преступлениями. Сформулированы пути совершенствования антикоррупционной политики в части борьбы с коррупционной преступностью, ее латентной составляющей, организацией эффективного мониторинга применения антикоррупционного законодательства с целью оценки результатов правового воздействия на ситуацию принимаемых нормативных правовых актов в этой сфере.

Научная новизна: осуществлена постановка научной и практической проблемы соотношения активно реализуемых мер профилактики коррупции и неснижения уровня коррумпированности российского общества, низкой эффективности борьбы с имеющейся коррупционной деятельностью.

Продемонстрированный односторонний подход – активная «новая» профилактика, но не очень эффективная «старая» борьба с коррупцией – имеет в качестве промежуточного результата тот факт, что реализуемая государством антикоррупционная политика не повлияла значительно на распространенность коррупции в Российской Федерации.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические положения и практические выводы могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности в сфере противодействия коррупции.

Ключевые слова: противодействие коррупции; Национальный план; коррупционная преступность; декларирование доходов; контроль расходов; мониторинг.

Введение

В августе 2013 г. исполнилось 5 лет с момента принятия первого Национального плана противодействия коррупции¹ (далее – Национальный план), который ознаменовал собой принципиально новую веху в государственной политике по отношению к проблеме коррупции. Акцент в нем был сделан на профилактику коррупционных проявлений с опорой на международный опыт. С тех пор Россия значительно продвинулась в создании правовых основ профилактики коррупции, развитии в системе государственного и муниципального управления антикоррупционных механизмов и стандартов служебного поведения. При этом антикоррупционная политика касается

не только публичной сферы. Конвенция ООН против коррупции обязывает государств-участников принимать меры по предупреждению коррупции в частном секторе (с. 12).

Как показывают последние изменения, внесенные в российское законодательство о противодействии коррупции², обязательность принятия мер профилактики коррупции в России теперь касается и любых юридических лиц (независимо от форм собственности). Новая ст. 13 Федерального закона «О противодействии кор-

¹ Утвержден Президентом Российской Федерации 31.07.2008 № Пр-1568 // Российская газета. – 2008. – 5 августа. – № 164.

² Имеется в виду Федеральный закон № 231-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 03.12.2012 // Собрание законодательства РФ. – 10.12.2012. – № 50 (ч. 4). – Ст. 6954.

руппии»³ закрепляет обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции. В их числе определение ответственных за профилактику коррупции подразделений или должностных лиц; сотрудничество организации с правоохранительными органами; внедрение в практику стандартов и процедур, направленных на обеспечение добросовестной работы организации; принятие кодексов этики и служебного поведения работников организации и др.

Надо отметить, что раздел I первого Национального плана (в ныне не действующей редакции 2008 г.), посвященный формированию законодательной основы противодействия коррупции³, в определенном смысле уже перевыполнен.

Например, положение о «специальных требованиях к лицам, претендующим на замещение ... должностей государственной службы...», предусматривающих, в том числе, и контроль над доходами, имуществом и обязательствами имущественного характера указанных лиц» развито как в направлении декларирования доходов, обеспечения достоверности сведений о них, так и контроля за расходами.

На государственных и муниципальных служащих возлагаются все новые дополнительные запреты, ограничения и обязанности, как этого требовал п. «б» п. 2 раздела I Национального плана. Например, в 2013 г. введен новый запрет на хранение отдельными должностными лицами денежных средств и ценностей в иностранных банках за пределами Российской Федерации⁴. Законодательно закреплена и развивается механизм разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе (п. «д» п. 2 раздела I).

С другой стороны, не все идеи, заложенные в Национальном плане 2008 г., реализованы в настоящее время. Например, как предусматривалось, принят Федеральный закон «О противо-

действию коррупции». Однако в нем нет определения «...понятий «коррупция» – как социально-юридического явления, «коррупционное правонарушение» – как отдельного проявления коррупции, влекущего за собой дисциплинарную, административную, уголовную или иную ответственность...» Имеющееся определение коррупции, скорее, перечисляет возможные составы коррупционных преступлений, причем отнюдь не все. Понятия коррупционного правонарушения в Законе вообще не содержится.

Результаты исследования

В этом отношении вселяет определенную надежду проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции», представленный в октябре 2013 г. председателем Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции И. А. Яровой. В нем, в частности, предусматривается определение терминов «коррупционное правонарушение» и «коррупционное преступление»; предлагается законодательно закрепить перечень преступлений, относимых к коррупционным; в Уголовный кодекс Российской Федерации предполагается даже ввести новый состав коррупционного преступления – ст. 164.1 «Хищение бюджетных средств, а равно финансовых активов государственной компании и (или) государственной корпорации»⁵.

Вместе с тем обращает внимание на себя тот факт, что реализуются в основном меры профилактики коррупции, которые влияют на будущее положение дел, на предупреждение вовлечения в коррупционную деятельность новых государственных и муниципальных служащих, особенно лиц, вновь принимаемых на государственную и муниципальную службу. Это само по себе не плохо. В то же время никаких системных изменений не происходит в вопросах борьбы с уже совершенными коррупционными правонарушениями,

³ Раздел I. Меры по законодательному обеспечению противодействия коррупции.

⁴ О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами: Федеральный закон № 79-ФЗ от 07.05.2013.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования мер по противодействию коррупции: проект Федерального закона № 371176-6. – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=371176-6&02> (дата обращения: 14.11.2013)

в первую очередь, с коррупционными преступлениями. В основе их раскрытия и расследования лежит общий уголовно-процессуальный порядок предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности, который действует в отношении любых других составов преступлений.

Меры, которые были предусмотрены первым Национальным планом в части противодействия уже имеющейся коррупции, либо не реализованы, либо выполнены частично. Так, на государственных и муниципальных служащих законодательно возложена обязанность уведомлять о фактах склонения их к совершению коррупционных правонарушений, а не обо всех ставших им известными в связи с выполнением своих должностных обязанностей случаях коррупционных или иных правонарушений, как это предполагал первый Национальный план. Какого-либо сокращения категорий лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам и ведения оперативно-розыскных мероприятий, за прошедший период не произошло. И это отмечается в отчетах и рекомендациях ГРЕКО по поводу имплементации Россией международных норм в области противодействия коррупции. Не проводилась работа и в части установления административной ответственности государственных и муниципальных служащих, совершивших коррупционные административные правонарушения, с применением к ним дисквалификации в качестве наказания⁶.

Вообще отсутствует какая-либо юридическая ответственность бывших государственных и муниципальных служащих за несоблюдение антикоррупционных требований. Как нам видится, потенциал административной ответственности в части формализации составов коррупционных деяний использован далеко не полностью. Как отмечает Т. Я. Хабриева, в нашей стране примерно 20 % составов уголовных и административных правонарушений являются параллельными, что само по себе может стать коррупциогенным фактором [1].

В то же время, учитывая сложность и длительность процедуры привлечения к уголовной ответ-

ственности, в борьбе с отдельными проявлениями коррупции могут быть задействованы механизмы административной ответственности. Речь идет о наиболее существенных общественно вредных нарушениях антикоррупционных ограничений, запретов, требований, как-то: представление заведомо недостоверных сведений о доходах-расходах, учреждение публичными должностными лицами коммерческих организаций, получение незаконного вознаграждения (подарка стоимостью свыше трех тысяч рублей) и т. д.

Как итог подобного одностороннего подхода (активная «новая» профилактика, но не очень эффективная «старая» (по методам) борьба с коррупцией) – реализуемая государством антикоррупционная политика не привела к значительным изменениям в уровне коррумпированности российского общества. Так, по мнению аналитиков Transparency International, изложенному в исследовании «Глобальный барометр коррупции», ни одна отрасль российской экономики за последние три года не стала менее коррумпированной [2]. По результатам этого же исследования, россияне оценивают как крайне коррумпированные: полицию (66 % опрошенных поставили ей «высшую» оценку), судебную систему (59 %), чиновников (74 %).

Исследования ВЦИОМ показывают, что россияне считают коррупцию одной из наиболее важных для страны проблем: она занимает четвертое место после проблем в сфере ЖКХ, низкого уровня жизни населения и инфляции [3].

Изучение общественного мнения, проведенное ФОМ [4], свидетельствует, что абсолютное большинство граждан оценивают уровень коррупции как высокий (81 % опрошенных). Причем 42 % граждан считают, что уровень коррупции в стране не снижается, а 39 % оценивают ситуацию еще хуже, отмечая, что уровень коррупции возрастает.

По мнению большинства работников органов прокуратуры, осуществляющих надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции, опрошенных сотрудниками Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации [5], в стране отсутствуют какие-либо сферы общественной жизни, в которых нет проявлений коррупции.

При этом наиболее пораженными коррупцией являются сферы государственных (муниципаль-

⁶ См. п. «а» п. 2 раздела I Национального плана противодействия коррупции (ред. 2008 г.).

ных) закупок (82 % ответов), здравоохранения (73,6 %), образования (60,4 %), правоохранительной деятельности (56,6 %).

Тенденции же последних законодательных и организационных изменений демонстрируют, что наиболее эффективной мерой противодействия коррупции, по мнению разработчиков антикоррупционной стратегии в стране, является институт представления сведений о доходах, имуществе, обязательствах имущественного характера вкупе с контролем за расходами, превышающими трехгодовой семейный заработок.

Происходит расширение круга лиц, на которых распространяется обязанность по декларированию доходов и расходов: работники государственных корпораций, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, иных государственных организаций; служащие Центрального банка Российской Федерации и др. На Администрацию президента Российской Федерации возлагаются полномочия по проверке достоверности представляемых сведений руководства указанных органов и организаций⁷.

Вместе с тем надо отдавать себе отчет, что представление сведений о доходах-расходах отнюдь не равно обнаружению коррупционных доходов и выявлению коррупционной деятельности. Включение новых публичных должностных лиц в круг субъектов, на которых распространяется эта обязанность, не означает их автоматическое «выключение» из числа коррупционеров, если они уже таковыми являются. Декларирование доходов родственников, круг которых может расширяться и дальше, не исключает других путей сокрытия коррупционной прибыли.

Декларирование доходов – это одна из реальных, но не полностью используемых возможностей выйти на латентную составляющую коррупционной преступности, установить лиц, возможно недобросовестных в исполнении своих должностных обязанностей с возможно корыстной мотивацией. Проблема состоит в том, что в

настоящее время, установив заведомую недостоверность представленных сведений о доходах, руководитель органа увольняет служащего в связи с утратой доверия, не изучая его служебную деятельность на предмет коррупционной составляющей, не делают этого и правоохранительные органы, поскольку отсутствует сообщение о преступлении. Сегодня расследование коррупционной деятельности в рамках предварительного следствия и оперативно-розыскных мероприятий возможно лишь при регистрации сообщения о совершенном преступлении. В коррупционной действительности такая регистрация – исключение. В основе возбужденных уголовных дел по взяточничеству – либо оперативный эксперимент, либо сообщения СМИ. Система предупреждения коррупции в лице кадровых подразделений, комиссий по соблюдению требований к служебному поведению не выдает на-гора вала латентной коррупционной преступности.

Среди причин ненадлежащей организации противодействия коррупции в государственных и муниципальных органах следует особо выделить недостаточную эффективность правоохранительной деятельности в целом. Конечный итог борьбы с конкретными коррупционными правонарушениями зависит от конкретных органов власти, в том числе правоохранительных, обладающих разными полномочиями и компетенцией.

Координирующая роль прокуратуры, к сожалению, не в силах повлиять на несовершенство в распределении задач и полномочий правоохранительных органов. В связи с этим органы прокуратуры, органы внутренних дел, органы федеральной безопасности и иные государственные структуры каждый в отдельности не могут в полной мере отвечать за неудачу или успех антикоррупционной политики в части борьбы с коррупционными преступлениями и иными правонарушениями, учитывая самостоятельную компетенцию в вопросах противодействия коррупции каждого органа.

Выводы

Анализ ситуации и изучение зарубежного опыта говорят о том, что целесообразно рассмотреть вопрос о создании самостоятельной структуры с наделением ее, помимо функций надзора и поддержания государственного обвинения по делам

⁷ Вопросы противодействия коррупции: Указ Президента РФ № 613 от 08.07.2013 // Собрание законодательства РФ. – 15.07.2013. – № 28. – Ст. 3813.

о коррупционных преступлениях, оперативно-розыскными и следственными полномочиями, а также тесной взаимосвязью с подразделениями кадровых служб и комиссиями по урегулированию конфликта интересов, сконцентрировав тем самым профилактические и правоохранные усилия государства в борьбе с коррупцией. Для успешного функционирования мер противодействия коррупции в органах государственной власти и местного самоуправления в коммерческих и некоммерческих организациях необходим постоянный мониторинг принимаемых законодательных и подзаконных решений, своевременная корректировка и развитие антикоррупционных норм.

Согласно ст. 5 Конвенции ООН против коррупции каждое государство-участник стремится устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции (ч. 2), периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней (ч. 3). Полагаем, что в связи с этим целесообразна разработка и внедрение системы полноценного общегосударственного мониторинга правоприменительной практики в области противодействия коррупции.

По мнению специалистов [6], организация антикоррупционного мониторинга в России на сегодняшний день является первоочередной задачей, решение которой требуется для качественного обеспечения государственной политики в области противодействия коррупции и возможно путем принятия Федерального закона «О правовом мониторинге в Российской Федерации» либо через внесение соответствующих изменений в Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» с расширением предмета его регулирования. Речь может идти об

оценке применимости и адекватности законодательных норм органами прокуратуры, органами юстиции, научными учреждениями правоохранительных органов, независимыми экспертами к тем или иным общественным отношениям, об установлении нормативно-правовых причин и условий возникновения коррупционных проявлений. Это самостоятельное, специальное направление работы, которое потребует участия грамотных квалифицированных кадров, без возложения на них какой-либо дополнительной нагрузки.

Одновременно, как справедливо отмечает В. Зорькин, необходимо преодолеть бессистемность в разработке законодательства, несогласованность между различными законодательными актами, частоту изменений действующих законов, сократить количество отсылочных норм, преодолеть слабую аналитическую и прогностическую оценку последствий принимаемых законодательных актов [7]. Именно результаты мониторинга правоприменения, сопровождаемые научным анализом, должны ложиться в основу законодательных инициатив в сфере противодействия коррупции.

Список литературы

1. Хабриева Т. Я. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 7–14.
2. Мамонов Е. Честнее некуда // Российская Бизнес-газета. – 16.07.2013. – № 905 (27).
3. Пресс-выпуск № 2201. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113509>
4. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10368/>
5. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10406>
6. Астанин В. В. Антикоррупционный мониторинг в Российской Федерации: цели, задачи, содержание // Актуальные проблемы теории и практики выявления и пресечения коррупционных правонарушений: сб. материалов Всероссийского семинара-совещания (17–18 декабря 2009 г., г. Истра). – М., 2010. – С. 50.
7. Российская газета. – 2006. – 7 июля.

В редакцию материал поступил 14.11.13

© Козлов Т. Л., 2013

Информация об авторе

Козлов Тимур Леонидович, кандидат юридических наук, проректор, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Адрес: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, тел.: (499) 256-00-85

E-mail: t-kozlov@yandex.ru

Как цитировать статью: Козлов Т.Л. Некоторые итоги реализации антикоррупционной политики // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 46–51.

T. L. KOZLOV,

PhD (Law)

Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

SOME RESULTS OF ANTI-CORRUPTION POLICY IMPLEMENTATION

Objective: to show the need for further improvement of the legislation on corruption counteraction and anti-corruption policy development.

Methods: analysis, synthesis, statistical and sociological.

Results: basing on the analysis of the implementation of the National anti-corruption plan of 2008, of amendments and additions, legislative innovations in the sphere of corruption counteraction, law enforcement practice, criminal justice statistics, public opinion, results of experts' polls, the conclusion is proved concerning the successful development of mechanisms for the corruption and inefficiency prevention, the absence of positive changes in the struggle against corruption offences, including crimes. Ways are formulated to improve anti-corruption policy in terms of the struggle against corruption crime, its latent component, the organization of effective monitoring of the anticorruption legislation implementation with the view to evaluate the results of legal influence on the situation with adopted normative acts in this sphere.

Scientific novelty: the the author states the scientific and practical problem of correlation between the actively implemented measures for corruption prevention and the preserved level of corruption in the Russian society, the low efficiency of struggle against the existing corruption practices.

The presented one-sided approach – the active “modern” prevention, but not very effective “old” struggle against corruption – has as an output the fact that the state anti-corruption policy cannot affect significantly the prevalence of corruption in the Russian Federation.

Practical value: the theoretical positions and practical conclusions formulated in the article can be used in scientific, legislative and law-enforcement activities in the sphere of corruption counteraction.

Key words: corruption counteraction; National anti-corruption plan; corruption crime; income declaration; expenses control; monitoring.

References

1. Khabrieva, T. Ya. Nauchno-pravovye problemy protivodeystviya korruptsii (Scientific-legal issues of corruption counteraction), *Zhurnal Rossiiskogo prava*, 2012, No. 7, pp. 7–14.
2. Mamonov, E. Chestnee nekuda (Can't be more honest), *Rossiiskaya Biznes-gazeta*, 16.07.2013, No. 905 (27).
3. Press-vypusk No. 2201, available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113509>
4. <http://fom.ru/obshchestvo/10368/>
5. <http://fom.ru/obshchestvo/10406>
6. Astanin, V. V. Antikorruptsionnyi monitoring v Rossiiskoi Federatsii: tseli, zadachi, sodержanie (Anti-corruption monitoring in the Russian Federation: objectives, tasks, content), *Aktual'nye problemy teorii i praktiki vyvavleniya i presecheniya korruptsionnykh pravonarushenii*. Moscow, 2010, p. 50.
7. *Rossiiskaya gazeta*, 2006, 7 July.

Information about the author

Kozlov Timur Leonidovich, PhD (Law), vice rector, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Address: 15 2nd Zvenigorodskaya Str., 123022, Moscow, tel.: (499) 256-00-85

E-mail: t-kozlov@yandex.ru

How to cite the article: Kozlov T. L. Some results of anti-corruption policy implementation, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 46–51.

© Kozlov T. L., 2013

УДК 343.97:328.185:342.8

Ю. А. НИСНЕВИЧ,

доктор политических наук, профессор

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
и Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия*

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ И МОДЕЛЬ УЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ В РОССИИ¹

Цель: показать, что электоральная коррупция способна поразить все стадии избирательного процесса. Доказать, что электоральная коррупция используется как для ограничения политической конкуренции, так и для оказания давления непосредственно на избирателей и искажение их волеизъявления.

Методы: сравнительно-правовой; системный анализ.

Результаты исследования: представлено определение электоральной коррупции и ее институционального механизма как злоупотребления административным ресурсом публичной власти. Дана классификация видов административного ресурса публичной власти.

Научная новизна: описана российская модель участия в выборах и на основе ее анализа выявлено, как злоупотребления теми или иными видами административного ресурса могут влиять на результаты выборов.

Практическая значимость: исследованы положения, характеризующие основные виды «административного ресурса»: силовой, регуляторный, законодательный, институциональный, финансовый, информационно-коммуникационный и статусный. Показана взаимосвязь между использованием административного ресурса и результатами выборов.

Ключевые слова: электоральная коррупция; публичная власть; административный ресурс; участие в выборах.

Введение

Электоральная коррупция представляет собой вид политической коррупции, поражающий ту стадию политического процесса, на которой осуществляется завоевание (удержание) публичной власти посредством выборов должностных лиц публичной власти, избираемых голосованием граждан.

В общем случае политическая коррупция определяется как использование лицом, занимающим публичную должность, доверенных ему властных полномочий и прав, служебного положения и статуса в системе публичной власти, статуса органа публичной власти, который он представляет, в целях противоправного извлечения личной и (или) групповой, в том числе и в пользу третьих лиц, политической выгоды (политического обогащения) [1, с. 106].

Исходя из приведенного определения, электоральную коррупцию можно определить как

противоправное использование в ходе избирательного процесса властных полномочий и прав, положения и статуса должностных лиц публичной власти для создания посредством подавления политической конкуренции и искажения свободного волеизъявления граждан неправомерного преимущества представителям аффилированных политических сил и групп с целью извлечения в их пользу политической выгоды в виде результатов несвободных и нечестных выборов.

Результаты исследования

Суть институционального механизма электоральной коррупции, как и политической коррупции в целом, состоит в злоупотреблении ресурсом публичной власти, в неправомерном использовании различных видов такого ресурса не по их прямому назначению для отправления законодательно регламентированных властных полномочий и должностных обязанностей, не-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., проект № 12-01-0150.

обходимых для реализации функций публичной власти и обеспечения целей общественного развития, а для создания неправомерного преимущества с целью извлечения личной или групповой политической выгоды, в случае электоральной коррупции в виде результатов несвободных и нечестных выборов.

Здесь следует отметить, что ресурс публичной власти, которым распоряжаются ее должностные лица, является естественным атрибутом их должностного положения в иерархии публичной власти, как и в иерархии любой административно организованной структуры. Чем выше положение должностного лица в иерархии публичной власти, тем большими властно-распорядительными полномочиями и правами это лицо обладает и тем большим объемом ресурсов власти может распоряжаться и использовать по своему усмотрению, т. е. тем большей дискреционной властью такое лицо обладает. Властно-распорядительные полномочия и права должностного лица публичной власти, являющиеся его нормативно регламентированным управленческим инструментарием, и ресурсы власти, находящиеся в его распоряжении, составляют управленческие средства, которые должностное лицо может и должно использовать для выполнения своих должностных обязанностей в целях реализации функций и задач публичной власти. Публичное должностное лицо, как и любое лицо, которое обладает дискреционной властью – властью над распределением каких-либо не принадлежащих ему ресурсов по своему усмотрению, находится в зоне коррупционного риска. При этом не сам по себе ресурс публичной власти порождает коррупцию, а его неправомерное использование для извлечения личной или групповой как материальной, так и нематериальной выгоды.

В отечественной научной литературе и политической публицистике для обозначения ресурса публичной власти широкое распространение получил термин «административный ресурс», который используется преимущественно в ином, чем определено выше, смысле с явно негативной коннотацией. Это обусловлено тем, что первоначально данный термин использовался для обозначения поддержки органами публичной власти и их должностными лицами политических партий

на парламентских выборах с целью оказания влияния на результаты таких выборов².

Хотя все виды административного ресурса, рассматриваемого как естественный и неотъемлемый атрибут публичной власти, являются нейтральными в смысле их коррупциогенности как влияния на вероятность возникновения коррупционных отношений, но проявления электоральной коррупции зависят от того, какие конкретные виды этого ресурса и на каких этапах избирательного процесса были неправомерно использованы. Поэтому при систематизации видов административного ресурса целесообразно взять за основу классификацию, разработанную специалистами Центра антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл-Р» в рамках проведенных этой организацией исследований проблемы злоупотребления административным ресурсом на выборах в России [2, с. 22–24; 3, с. 9–15].

В этой классификации выделяют следующие типы административного ресурса, ранжированные в соответствии с характером воздействий при их неправомерном использовании по шкале от «жестких» до «мягких» ресурсов.

Силовой ресурс – это правоохранительные органы и иные наделенные полномочиями принуждения органы от таможенной службы до службы внешней разведки.

Злоупотребления силовым ресурсом в контексте электоральной коррупции, начиная с проведения специально инициированных проверок контролирующих и правоохранительных органов, могут осуществляться в целях препятствования деятельности, запугивания, преследования и даже ликвидации политических оппонентов и нежелательных участников избирательного процесса.

Силовой ресурс относится к категории самого «жесткого» административного ресурса, так как злоупотребления этим ресурсом носят характер наиболее грубых и прямых нарушений граждан-

² Впервые термин был употреблен 9 августа 1995 г. Дмитрием Ольшанским, директором Центра стратегического анализа и прогноза. Перед выборами в Госдуму он представил журналистам рейтинг партий, где в числе учитываемых параметров упоминался «показатель административного ресурса». – URL: <http://ru.wikipedia.org>

ских, политических, экономических и других прав и свобод человека и гражданина.

Регуляторный ресурс – это властные полномочия по принятию управленческих решений, регулирующих в режиме текущего времени политические, экономические, социальные и иные общественные порядки и отношения.

Злоупотребление регуляторным ресурсом может быть использовано для прямого или косвенного продвижения конкретных личных и групповых интересов в различных сферах жизнедеятельности общества и государства в обход правил и условий добросовестной и транспарентной конкуренции. Проявлениями злоупотреблений регуляторным ресурсом в сфере политики могут служить отказ в государственной регистрации или запрет политических партий в интересах и целях правящего политического режима и ограничение тем самым количества участников избирательного и в целом политического процесса. Примером такого злоупотребления регуляторным ресурсом в России является отказ в регистрации или перерегистрации после 2004 г. всех неугодных по тем или иным причинам правящему режиму политических партий [1, с. 34].

Другим проявлением злоупотреблений регуляторным ресурсом непосредственно в ходе избирательного процесса может служить снятие избирательными комиссиями с выборов оппозиционных кандидатов и партий, что широко практикуется на российских выборах всех уровней.

Высокий уровень «жесткости» регуляторного ресурса определяется тем, что злоупотребления этим ресурсом непосредственно и в жесткой форме препятствуют свободе и конкуренции в политической, экономической, социальной и других сферах деятельности граждан и организаций.

Законодательный ресурс – это права и полномочия по формированию национального законодательства. Приоритет в использовании этого ресурса принадлежит политическим силам и группам, контролирующим парламент страны и региональные законодательные органы.

Злоупотребление законодательным ресурсом заключается, в первую очередь, в законодательном обеспечении захвата, удержания и приватизации власти правящими политико-экономическими группировками и в его использовании для закрепления на законодательном уровне в

качестве приоритетов деятельности публичной власти вместо интересов и целей общественного развития корпоративных интересов этих группировок.

Специфическая особенность данного ресурса состоит в том, что его использование правящими политическими силами с целью принятия законов, закрепляющих на уровне национального законодательства их политические, экономические и иные интересы и цели, с формальной точки зрения является естественным для законодательного процесса.

Но здесь необходимо отметить следующее принципиально важное и значимое обстоятельство [3, с. 12]. В случае если цель изменения законодательства доминирующей политической силой в рамках нормального законодательного процесса состоит в укреплении системы злоупотребления административным ресурсом, в подавлении политической, экономической и информационной конкуренции, то это является злоупотреблением законодательным ресурсом, т. е. злоупотреблением не с точки зрения нарушения формальной процедуры законодательной деятельности, а с точки зрения содержания законодательных установлений.

Подобные законодательные установления должны оцениваться на предмет их противоречия конституционным нормам и при наличии таких противоречий объявляться неконституционными и недействующими. В противном случае, следствием злоупотреблений законодательным ресурсом становится формально законная, но по существу антиконституционная деятельность правящих политико-экономических группировок, включая злоупотребления различными видами административного ресурса, осуществляемые в рамках неправовых законов.

Примером злоупотреблений законодательным ресурсом для подавления политической конкуренции в России в интересах и целях правящего политического режима может служить осуществленная в 2001–2009 гг. посредством качественного изменения избирательного и партийного законодательства политическая контрреформа [4, с. 512–569].

Институциональный ресурс – это материальные и кадровые ресурсы, доступ к которым связан с исполнением публичной должности.

Материальные публичные ресурсы включают широкий круг средств: от административных зданий и служебных помещений, офисного оборудования и других элементов инфраструктуры до транспортных средств. Злоупотребления этими ресурсами заключаются в их использовании для решения не публичных, а личных или групповых политических, в том числе электоральных задач. Например, использование в России зданий и помещений органов власти, государственных и муниципальных учреждений и предприятий и их инфраструктуры (средства связи, компьютерная техника с доступом в Интернет, специализированные базы данных и т. п.) для размещения на льготных условиях избирательных штабов, аффилированных с правящим режимом кандидатов и партий.

Злоупотребления кадровыми ресурсами состоят в использовании сотрудников органов власти, государственных и муниципальных предприятий и учреждений для деятельности как связанной, так и непосредственно не связанной с исполнением их должностных обязанностей и направленной не на выполнение задач этих организаций, а на продвижение личных или групповых политических и экономических интересов. Примером наиболее «жесткого» злоупотребления кадровым ресурсом может служить принуждение не только лично сотрудников органов публичной власти, государственных и муниципальных предприятий и учреждений, но и членов их семей к голосованию на выборах за аффилированных с правящим режимом кандидатов и партии.

Финансовый ресурс – это средства бюджетов центральной, региональной и местной власти и публичных внебюджетных фондов.

Злоупотребления финансовым ресурсом могут заключаться в неправомерном перераспределении этого ресурса в интересах правящих политико-экономических группировок и направлении бюджетных и внебюджетных средств на финансовую поддержку осуществляемых этими группировками политических и экономических проектов.

В качестве примеров злоупотреблений этим ресурсом можно привести подкуп избирателей за счет средств внебюджетных фондов и внеплановые социальные выплаты за счет бюджетных средств с агитационными целями (повышение заработной платы в бюджетных организациях,

повышение пенсий и пособий, установление скидок на коммунальные и транспортные услуги и др.). Такие злоупотребления начали широко практиковаться в России с 2000-х гг., в частности, широко использовались на парламентских выборах 2007 г. [5].

Информационно-коммуникационный ресурс – это средства массового распространения информации и массовых коммуникаций, включающие как традиционные электронные и печатные средства (телевидение, радио, газеты и журналы), так и современные средства и системы инфокоммуникаций и, в первую очередь, используемые в глобальной сети Интернет, которые находятся в собственности или под контролем публичной власти. В настоящее время предпочтительным представляется использование термина «информационно-коммуникационный ресурс» вместо термина «медийный ресурс», который изначально подразумевал использование только традиционных электронных и печатных средств массового распространения информации (масс-медиа) или, в российской интерпретации, средства массовой информации (СМИ) [3, с. 10].

Злоупотребления информационно-коммуникационным ресурсом направлены на информационное манипулирование общественным мнением в тех или иных корпоративных или личных политических, экономических и социальных целях. Характерным примером злоупотребления этим ресурсом может служить его использование для внедрения в массовое сознание виртуальной картины политических, экономических, социальных и иных событий и процессов, происходящих в стране и мире, с целью агитационно-пропагандистской поддержки правящего режима, а также для обеспечения доминирования в информационном пространстве одного политического деятеля или одной правящей партии с целью информационного подавления политической конкуренции, в частности, для создания преимущества в проведении агитационной кампании в ходе избирательного процесса кандидатам правящего политического режима или аффилированной с ним партии, что получило широкое распространение в России на выборах всех уровней.

На современном этапе постиндустриального развития на первый план выходит социальное регулирование в тесном переплетении с другими

типами власти (административной, политической, экономической) власти информационной [6, с. 195], злоупотребление информационно-коммуникационным ресурсом для манипулирования массовым сознанием стало одним из самых применяемых и действенных средств политической коррупции, в том числе и электоральной.

Статусный ресурс – это статус должностного положения в системе публичной власти и управления.

Статусный ресурс может правомерно использоваться для повышения авторитета публичной власти, развития ее партнерских отношений и взаимодействий с гражданами, их общественными объединениями и частным сектором экономики, а неправомерно – для извлечения личной и групповой материальной или политической выгоды.

В качестве примеров злоупотребления статусным ресурсом можно привести использование в России статуса политических должностных лиц (президента, федерального министра, губернатора, мэра) на парламентских выборах для организации системы так называемых «паровозов», когда такие популярные должностные лица ставятся во главе партийных избирательных списков, а затем отказываются от депутатских мандатов в пользу других неизвестных избирателям кандидатов из возглавляемых ими списков [4, с. 552–554]. Именно таким образом было перераспределено более 25 % мандатов депутатов Государственной Думы на выборах 2007 г. [1, с. 92]. Формально это не является нарушением российского избирательного законодательства, но, очевидно, представляет собой циничное введение в заблуждение избирателей.

Для того чтобы выявить, как злоупотребления теми или иными видами административного ресурса могут влиять на результаты выборов, рассмотрим модель участия в выборах, построенную на основе анализа и обобщения результатов различных мониторингов парламентских, президентских и региональных выборов в России.

Участие в выборах U_o складывается из реального участия граждан в выборах U_p и фиктивного участия U_ϕ :

$$U_o = U_p + U_\phi.$$

Участие U_o (официальная явка на выборы) определяется официально объявляемым Цен-

тральной избирательной комиссией Российской Федерации (далее – ЦИК РФ) относительным или абсолютным количеством избирателей, принявших участие в выборах.

Реальное участие U_p (реальная явка на выборы) определяется количеством избирателей, лично использовавших тем или иным образом свой избирательный бюллетень при посещении избирательного участка, а также при досрочном голосовании или голосовании с использованием выносных избирательных урн.

Фиктивное участие U_ϕ определяется количеством голосов, внесенных в официальные протоколы избирательных комиссий и сводную таблицу ЦИК РФ в результате использования различных механизмов, не предполагающих какого-либо реального участия избирателей в выборах.

В качестве таких механизмов применяются: включение в протоколы избирательных комиссий голосов не существующих или не явившихся на избирательные участки избирателей, неконтролируемый ввод данных в систему ГАС «Выборы», подкладывание бюллетеней в стационарные и выносные избирательные урны, которое принято называть «вброс», и др. Фиктивное участие порождается и многократным голосованием, в частности организацией «карусели» голосования одних и тех же лиц на нескольких избирательных участках.

Фиктивное участие организуется, прежде всего, за счет злоупотреблений регуляторным ресурсом избирательных комиссий и органов местной власти в целях искусственного увеличения либо числа голосов избирателей, поданных за конкретную партию или кандидата, либо официальной явки на выборы. В последнем случае это также сопряжено с искусственным увеличением числа голосов, поданных за одну или несколько конкретных партий или кандидатов.

Фиктивное участие может оказывать существенное влияние на распределение депутатских мандатов, особенно при невысоком уровне реальной явки U_p . Общее количество депутатских мандатов M_ϕ , распределяемых за счет фиктивного участия, определяется соотношением:

$$M_\phi = (M_o \times \delta) / (1 + \delta),$$

где M_o – общее количество депутатских мандатов; $\delta = U_\phi / U_p$ – соотношение между фиктивным и реальным участием.

Например, для Государственной Думы ($M_0 = 450$) при реальном участии 45 % избирателей увеличение официальной явки до 55 % за счет организации фиктивного участия приведет к тому, что количество депутатских мандатов, которое будет распределено за счет фиктивного участия, составит 82 мандата или 18,2 % от общего количества депутатских мандатов.

Реальное участие U_p можно условно подразделить на электоральное участие $U_{pэ}$, административно организованное участие U_{pa} и материально стимулированное участие U_{pm} :

$$U_p = U_{pэ} + U_{pa} + U_{pm}.$$

Административно организованное участие U_{pa} определяется количеством избирателей, которые принимают личное участие в выборах в результате оказанного на них в той или иной форме административного давления со стороны публичных должностных лиц, а также администраций государственных и негосударственных предприятий и организаций, на которые, в свою очередь, оказывают давление публичные должностные лица. При досрочном голосовании вне избирательных участков, голосовании на особых и закрытых избирательных участках, а также в воинских частях и подразделениях может иметь место не только административно организованное участие, но и принудительное голосование за конкретную партию или кандидата под контролем должностных лиц.

При административно организованном участии избиратели, как правило, голосуют за «рекомендованную» им конкретную партию или кандидата, и такое голосование наиболее характерно, прежде всего, для административно и социально зависимых групп граждан: пенсионеров, студентов, жителей сельских и малых городских поселений, военнослужащих, государственных и муниципальных служащих. Административно организованное участие реализуется за счет злоупотреблений институциональным и регуляторными ресурсами органов публичной власти.

Материально стимулированное участие U_{pm} определяется количеством избирателей, которые принимают личное участие в выборах в обмен на выплачиваемое им денежное вознаграждение или вознаграждение, предоставленное в иной материальной форме (подкуп избирателей).

При материально стимулированном участии избиратели, как правило, голосуют за те партии или кандидатов, которые предоставили им денежное или иное материальное вознаграждение или от имени которых такое вознаграждение было предоставлено.

Материально стимулированное участие избирателей, прежде всего, в пользу кандидатов правящего политического режима и аффилированной с ним партии осуществляется посредством фактически произведенных злоупотреблений финансовым ресурсом публичной власти, а также может осуществляться за счет предвыборных обещаний увеличить денежные выплаты различным группам избирателей посредством таких злоупотреблений. Такие предвыборные обещания впоследствии могут и не выполняться, в том числе и ввиду того, что они экономически не могут быть реализованы, т. е. фактически может иметь место обман избирателей.

Электоральное участие $U_{pэ}$ определяется количеством избирателей, которые принимают личное участие в выборах без административного принуждения или непосредственного материального стимулирования по тем или иным собственным воззрениям и мотивам, в том числе таким, как устойчивая привычка, собственное понимание гражданского долга и ответственность.

Электоральное участие $U_{pэ}$ можно очень условно разделить на идейно определенное электоральное участие $U_{pэ}^и$ и электоральное участие, обусловленное применением избирательных технологий $U_{pэ}^т$.

$$U_{pэ} = U_{pэ}^и + U_{pэ}^т.$$

Идейное электоральное участие $U_{pэ}^и$ определяется количеством избирателей, которые принимают участие в выборах для того, чтобы посредством голосования или иной формы использования избирательного бюллетеня (сознательно сделать его недействительным, унести с избирательного участка) выразить собственные, в той или иной степени устойчивые идейно-политические и партийные предпочтения, в том числе и протестную позицию по отношению к правящему политическому режиму в целом. Эту группу избирателей можно определить как электоральное ядро выборов.

Электоральное участие, обусловленное применением избирательных технологий U_{pz}^T , определяется количеством избирателей, которые принимают решение об участии в выборах и голосовании за ту или иную конкретную партию или кандидата непосредственно в ходе проведения избирательной кампании в результате оказания на них воздействий, в первую очередь, путем применения различных информационных избирательных технологий, в том числе и манипулятивного типа.

Эту группу избирателей можно определить как электоральный ареал выборов. Граница между электоральным ареалом и электоральным ядром является существенно размытой и условной. Характерным для электорального ареала является то, что многие входящие в него избиратели делают свой окончательный выбор в пользу той или иной партии или кандидата только накануне дня голосования или непосредственно на избирательном участке.

Таким образом, развернутая модель участия в выборах может быть представлена в следующем виде:

$$U_o = U_{pz}^H + \left\{ U_{pa}^T + [U_{pa} + U_{pm} + U_{\phi}] \right\}.$$

Составляющие участия в выборах, заключенные в квадратные скобки, а именно административно организованное участие U_{pa} , материально стимулированное участие U_{pm} и фиктивное участие U_{ϕ} представляют собой проявления электоральной коррупции в виде фальсификации участия и результатов выборов и никак не соотносятся с каким-либо реальным политическим представительством интересов социальных слоев и групп граждан в результате их свободного волеизъявления.

Учитывая тот факт, что на российских выборах применяются преимущественно избирательные технологии манипулятивного типа, в том числе и так называемые «черные» технологии, электоральное участие, обусловленное применением избирательных технологий U_{pz}^T , в большей степени способствует не реальному представительству интересов различных социальных слоев и групп граждан, а его целенаправленному искажению. Такое электоральное участие в пользу кандидатов правящего режима и аффилирован-

ной с ним партии стимулируется, прежде всего, за счет злоупотреблений информационно-коммуникационным ресурсом публичной власти в сочетании со статусным ресурсом ее должностных лиц, т. е. также посредством электоральной коррупции.

Реальное политическое представительство интересов различных социальных слоев и групп может быть обеспечено только за счет максимально широкого идейно определенного электорального участия в выборах U_{pz}^H при свободном волеизъявлении граждан. Однако действующее сегодня в России партийное и избирательное законодательство посредством злоупотреблений законодательным ресурсом ориентировано именно на то, чтобы максимально контролировать и административно ограничивать посредством злоупотреблений регуляторным и силовым ресурсами такое участие и подавлять политическую конкуренцию.

Выводы

Анализ представленной развернутой модели участия в выборах показывает, что электоральная коррупция как злоупотребление различными видами административного ресурса публичной власти способна поразить все стадии избирательного процесса, начиная с априорного ограничения числа акторов избирательного процесса и снятия с выборов уже в ходе избирательной кампании неудобных кандидатов и партий, создания неравных условий для ведения предвыборной агитации и преимуществ в ее ведении кандидатам правящего режима и аффилированной с ним партии, оказания давления на административно и социально зависимые группы избирателей и заканчивая искажением результатов выборов непосредственно в день голосования и при подведении их итогов. При этом следует отметить, что электоральная коррупция, спираль которой начинает раскручиваться со злоупотреблений законодательным ресурсом публичной власти при формировании избирательного и партийного законодательства, используется как для ограничения политической конкуренции и оказания давления на политических акторов избирательного процесса, так и для оказания давления непосредственно на избирателей и искажения их волеизъявления.

Список литературы

1. Нисневич Ю. А. Вертикаль никуда. Очерки политической истории России 1991–2008. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 179 с.

2. Мониторинг злоупотреблений административным ресурсом в ходе федеральной кампании по выборам в Государственную Думу Российской Федерации в декабре 2003 г.: Итоговый доклад / Центр Антикоррупционных исследований и инициатив «Трансперенси Интернешнл – Р». – М.: ПравИздат, 2004. – С. 17–18.

3. Панфилова Е. А., Шевердяев С. Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. – М.: Де Ново, 2005. – С. 9–15.

4. Кынев А. В., Любарев А. Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. – М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2011. – 786 с.

5. Кудрин: «Государство затратит 166 млрд рублей на повышение пенсий» // РИА «Новости», 2007, 13 октября. – URL: <http://ria.ru/economy/20071013/83759011.html>

6. Комаровский В. С., Анохин М. Г. Технология лоббистской деятельности // Эффективные технологии в системе государственного и муниципального управления. – Ростов н/Д, 1999. – С. 195.

7. Нисневич Ю. А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. – М.: КНОРУС, 2012. – 286 с.

8. Best Practices in Combating Corruption. Office of Economic and Environmental Activities OSCE, 2004. – URL: <http://www.pogar.org/publications/other/unpan/combating-corruption-UNPAN019187.pdf>

В редакцию материал поступил 16.10.13

© Нисневич Ю. А., 2013

Информация об авторах

Нисневич Юлий Анатольевич, доктор политических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Российский университет дружбы народов
Адрес: 125319, г. Москва, Кочновский пр-д, 3, тел.: (499)152-03-21
E-mail: jnisnevich@hse.ru; nisjulius@gmail.com

Как цитировать статью: Нисневич Ю. А. Электоральная коррупция и модель участия в выборах в России // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 52–60.

Yu. A. NISNEVICH,

doctor of political science, professor

National Research University "Higher School of Economics" and Russian University of People's Friendship, Moscow, Russia

ELECTORAL CORRUPTION AND MODEL OF ELECTION PARTICIPATION IN RUSSIA³

Objective: to show that electoral corruption can affect all stages of elective process. To prove that electoral corruption is used both for barring political competition and for pressing the voters directly to distort their declaration of will.

Methods: comparative-legal, systemic analysis.

Results: the definition of electoral corruption is proposed, as well as its institutional mechanism as abuse of administrative resource of public power. Classification of the types of administrative resource of public power is given.

Scientific novelty: the Russian model of election participation is described. Basing on its analysis, it is revealed how various types of administrative resource abuse can influence the election results.

Practical value: the provisions are researched which characterize the main types of "administrative resource": power, regulatory, legislative, institutional, financial, information-communicational and status. Interconnection is shown between using the administrative resource and the election results.

Key words: electoral corruption; public power; administrative resource; election participation.

References

1. Nisnevich, Yu. A. *Vertikal' nikuda. Ocherki politicheskoi istorii Rossii 1991–2008* (Vertical to nowhere. Sketches of political history of Russia 1991–2008). Moscow: Aspekt Press, 2010, 179 p.

2. *Monitoring zloupotreblenii administrativnym resursom v khode federal'noi kampanii po vyboram v Gosudarstvennuyu Dumu Rossiiskoi Federatsii v dekabre 2003 g. Itogovyi doklad. Tsentr Antikorruptsionnykh issledovaniy i initsiativ "Transperensi Interneshnl-R"* (Monitoring of administrative resource abuse during the federal election campaign to State Duma of the Russian Federation in December 2003. Final report. Center for Ani-corruption research and initiatives "Transparency – International-P"). Moscow: PravIzdat, 2004, pp. 17–18.

³ The research is carried out within the Program "Scientific Fund of National Research University of Higher School of Economics". Project # 12-01-0150

3. Panfilova, E. A., Sheverdyayev, S. N. *Protivodeistvie zloupotrebleniyu administrativnym resursom na vyborakh: problemy i perspektivy* (Counteraction to administrative resource abuse during the elections: problems and perspectives). Moscow: De Novo, 2005, pp. 9–15.
4. Kynev, A. V., Lyubarev, A. E. *Partii i vybory v sovremennoi Rossii: Evolyutsiya i devolyutsiya* (Parties and elections in modern Russia: evolution and devolution). Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”; Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 786 p.
5. Kudrin: “Gosudarstvo zatratit 166 mlrd rublei na povyshenie pensii” (Kudrin: “The state will spend 166 billion rubles to increase pensions”), *RIA “Novosti”*, 2007, 13 oktyabrya, available at: <http://ria.ru/economy/20071013/83759011.html>
6. Komarovskii, V. S., Anokhin, M. G. *Tekhnologiya lobbistskoi deyatel'nosti* (Technologies of lobbyist activity), *Effektivnye tekhnologii v sisteme gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. Rostov on Don, 1999, p. 195.
7. Nisnevich, Yu. A. *Gosudarstvo XXI veka: tendentsii i problemy razvitiya* (State of the 21st century: trends and issues of development). Moscow: KNORUS, 2012, 286 p.
8. Best Practices in Combating Corruption. Office of Economic and Environmental Activities OSCE, 2004, available at: <http://www.pogar.org/publications/other/unpan/combating-corruption-UNPAN019187.pdf>

Information about the author

Nisnevich Yuliy Anatolyevich, doctor of political science, professor, National Research University “Higher School of Economics” and Russian University of People’s Friendship
Address: 3 Kochnovskiy passage, 125319, Moscow, tel.: (499)152-03-21
E-mail: jnisnevich@hse.ru; nisjulius@gmail.com

How to cite the article: Nisnevich Yu.A. Electoral corruption and model of election participation in Russia, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4(28), pp. 52–60.

© Nisnevich Yu.A., 2013

Антикоррупционный менеджмент: инновационные антикоррупционные образовательные программы: сборник программ / под общ. ред. И.И. Бикеева и П.А. Кабанова: в 3 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 232 с. (Серия: Противодействие коррупции).

Первый том серии «Противодействие коррупции» подготовлен специалистами НИИ противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань) при участии сотрудников Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики. Он включает 8 образовательных программ, предназначенных для лиц, профессионально или на общественных началах занимающихся различными видами антикоррупционной деятельности: экспертизой, пропагандой, образованием, планированием и программированием, мониторингом, участием в работе специализированных совещательных антикоррупционных органов или в комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов и др.

Издание будет полезным для широкого круга субъектов антикоррупционной деятельности, образовательных учреждений и всех других, желающих пополнить свои знания в указанной сфере.

УДК 343.9:328.185

В. А. НОМОКОНОВ,

доктор юридических наук, профессор

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРИЧИН

Цель: показать особенности социальных последствий коррупции для России и элементов, входящих в ее причинный комплекс.

Методы: диалектический метод познания и основанные на нем общенаучные, социологические и логико-правовые методы.

Результаты: на основе проведенного анализа значительного объема научной информации о коррупции в мире, за рубежом и в России, за последние 20 лет, соответствующей статистической информации о состоянии и тенденциях коррупционных проявлений в России, и мониторинга СМИ по данной проблеме дан краткий анализ коррупционной ситуации в стране; произведена классификация социальных последствий коррупции; описаны конкретные факторы, составляющие причинный комплекс коррупции, а также сформулированы некоторые рекомендации для оптимизации антикоррупционной политики.

Научная новизна: разработаны положения, позволяющие рассмотреть коррупцию как опасное социальное явление в тесной взаимосвязи и в единой системе с ее динамикой, масштабами и элементами причинного комплекса. Особо выделена роль деформаций в политической сфере в генезисе коррупции.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические положения могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: коррупция; социальные последствия коррупции; причинный комплекс коррупции; антикоррупционная политика.

Введение

В нынешнем 2013 г. исполняется пять лет со дня принятия Закона РФ «О противодействии коррупции», ознаменовавшего начало формирования и реализации в России правовых основ антикоррупционной политики. В декабре еще один юбилей: десять лет со дня подписания Конвенции ООН против коррупции.

Представляется символичным, что лидеры государств в ходе Саммита АТЭС, состоявшегося в сентябре 2012 г. во Владивостоке, в итоговой декларации подтвердили готовность продолжить борьбу с коррупцией. Это лишний раз свидетельствует об остроте проблемы как в отдельно взятых странах, так и в мире в целом. Так, например, опрос Eurobarometer показал, что 74 % европейских респондентов считают коррупцию серьезной проблемой для своих стран [1; 2].

Результаты исследования

Сегодня в мире наряду и в связи с экономической глобализацией происходит интернационализация

и глобализация коррупции. Формы используемых коррумпируемых денежных потоков все больше и больше делаются недоступными для контроля со стороны национальных правоохранительных органов. Реакцией на эту тенденцию, как известно, явилось принятие международным сообществом в 2003 г. Конвенции ООН против коррупции.

1. Международное сообщество не выработало общего определения понятия коррупции. В российском законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. содержание последней описывается как разного рода незаконное использование лицом своего должностного положения в целях получения выгоды имущественного характера (ст. 1).

Такое понимание является чрезмерно широким, так как сюда в результате попадают и разнообразные хищения (мошенничество) путем использования служебного положения, а также злоупотребления, не связанные с собственно коррупционными актами как своего рода сделками, подобными купле-продаже.

В названном законе трактовка коррупции является в определенном аспекте и зауженной: под коррупцию подпадают только действия *корыстно мотивированные*, т. е. совершаемые «в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» (ст. 1 ФЗ). Между тем Конвенция ООН против коррупции 2003 г. под последней понимает соответствующие деяния с целью получения любого («какого-либо») «неправомерного преимущества» (ст. 15, 16, 19 Конвенции). Это могут быть, например, помощь в избирательной кампании, «решение» кадровых вопросов, сексуальные услуги и т.п.

Полагаем, что коррупция представляет собой, прежде всего, торговлю властью в государственном и негосударственном секторах. Иными словами, это коммерциализация власти, превращение в товар ресурса, который по определению исключен из товарно-денежных отношений.

Именно подкуп, который оборачивается продажностью подкупаемых, является главным стержнем коррупции. Если взглянуть на коррупцию глубже, то ее сущность заключается в перерождении государства из организации по защите общих интересов в корпоративную структуру, обслуживающую частные интересы и обеспечивающую их защиту от интересов общества. Другими словами, сущность ее состоит в *предательстве* чиновниками государства, граждан. Тотально коррумпированное государство выглядит предателем собственного народа.

Следует видеть все социальные последствия, тот совокупный реальный многообразный ущерб, который причиняется коррупцией, и связанные с этим угрозы национальной и глобальной безопасности.

В *экономической сфере* общий ущерб от коррупции на планете составляет более 7 % мирового ВВП. Мировой рынок коррупции достигает, по оценкам Всемирного банка, 1 трлн долл. По экспертным оценкам, не менее трети от этой суммы, увы, приходится на Россию. Прямые потери от коррупции составляют до 25 % ВВП нашей страны, от 20 до 25 млрд долл. ежегодно [2; 3, с. 23–24]. В результате тормозится экономическое

развитие, устраняется свободная экономическая конкуренция, устанавливается монополизм, ухудшается инвестиционный климат страны в целом и ее отдельных регионов. Кроме того, коррупция непосредственно влияет на рост цен на товары и услуги, существенно стимулирует рост теневой экономики.

В *политической сфере* главным следствием коррупции является разложение государства вследствие его захвата, фактической приватизации частными корпоративными структурами. Государство вместо защиты общих интересов становится служанкой коррупционеров. Кроме того, подрывается доверие населения к власти, создается нежелательный имидж страны и ее руководства за рубежом. Подрывается принцип законности, гибнет правосудие.

В *социальной сфере* усиливается напряженность, так как из-за коррупции растут масштабы социальной несправедливости. Коррупция явно подрывает и общественную безопасность, так как вследствие ее распространения покрываются многие преступления, в том числе террористической направленности, наркобизнес, секс-бизнес и «крышуются» многие преступники и преступные группировки. Вследствие коррупции не получают должного реагирования и факты грубого нарушения правил пожарной безопасности, дорожного движения и т. п.

В *духовно-идеологической сфере* усиливается терпимость к коррупции, которая все больше воспринимается общественным мнением как «норма жизни». Соответственно, в народе растет и правовой нигилизм. Определенную роль в живучести коррупции играют и многочисленные мифы.

Количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в России ежегодно исчисляется десятками тысяч, а, по данным НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, фактическое их количество составляет около 2 млн. Уже и официальные лица признают: «Сегодня Россия приобрела стойкий имидж клептократического и глубоко коррумпированного государства не только внутри страны, но и за рубежом» [4, с. 3].

В мировом «Индексе восприятия коррупции», который ежегодно публикует неправительственная организация Transparency International, Россия показывает крайне низкие результаты. Так, в 2012 г. Россия заняла 133-е место из 176 [5].

Наша страна сегодня попала в своеобразный коррупционный капкан, поскольку сформировалась устойчивая система отношений, фактически провоцирующая коррупционное поведение в различных сферах общественной жизни, а также на разных этажах власти. Именно эта система делает даже законодательство, как сейчас говорят, коррупциогенным. Именно эта система объективно извращает даже государственную политику, преобразуя ее в политику коррупционную.

В литературе предпринята интересная попытка периодизации развития коррупции в России [6, с. 9]. На первом этапе (первая половина 1990-х гг.) коррупция из эпизодического поиска незаконной ренты переходит на постоянную основу, становится массовой. На втором этапе (вторая половина 1990-х гг.) коррупция переходит к взяткам в форме процента от сумм контрактов и договоров. На третьем этапе (конец 1990-х гг. – начало XXI в.) широко распространяются рейдерство, оказание регулярных коррупционных услуг, роль основного корруптера переходит к организованной преступности. Четвертый этап (первая пятилетка 2000-х гг.) характеризуется оговоренными процентами от прибыли бизнес-структур, формированием коррупционных картелей. Пятый этап, переживаемый сегодня, отличается формированием коррупционной монополии, завершением захвата и приватизации государства представителями групп специальных интересов экономической и политической элит. В результате социально деструктивных процессов возникает феномен несостоятельности государства, формируются клептократические основы политического режима.

Выводы других экспертов схожи. По мнению О. Дамаскина, в стране может закрепиться (или уже закрепилось? – В. Н.) новое социально-экономическое образование, ориентированное исключительно на обогащение незначительной части общества за счет большинства граждан и ресурсное обслуживание мировой экономики [7, с. 27].

Социологические опросы показывают, что все больше граждан уверены в росте коррупции, в том числе в высших эшелонах власти. Ключевой вопрос, который возникает в связи с изложенным: как далеко на самом деле в России зашел коррупционный процесс, какова степень

криминально-коррупционного перерождения российского государства? Если коррупция в стране очень сильна, даже системна, но еще не стала системообразующей, то шансы существенно изменить ситуацию пока еще есть.

2. Поскольку правовая политика зависит от состояния общества, постольку эффективная антикоррупционная политика должна основываться на учете особенностей причин коррупции.

Самое распространенное объяснение разгула коррупции в России в глазах граждан заключается в корыстолюбии чиновничества. Другие полагают, что дело в несовершенстве законодательства и его неоправданной мягкости к коррупционерам. Третьи считают, что причины коррупции носят экономический характер. Представляется, что коррупция имеет не одну причину, а порождается сложным многослойным причинным комплексом. Этот комплекс образует совокупность политических, экономических, социальных и идеологических (социально-психологических) причин-факторов.

У нас в стране коррупция коренится, прежде всего, *в деформациях политической сферы, деформациях государственной власти, в ее гипертрофии или гипотрофии.*

Главным источником коррупции, на наш взгляд, является вовлечение государственных структур в механизмы распределения капиталов и товарно-денежных потоков. Государство должно только устанавливать правила игры на рынке и не становиться обычным продавцом или покупателем, преследующим индивидуальный интерес. Таким образом, суть проблемы заключена в необходимости изменения направленности политики государства на обеспечение интересов всех граждан, а не только отдельных избранных представителей.

Здесь было бы уместно уточнить и роль «прозрачности» в генезисе коррупции. Отсутствие такой прозрачности, скрытость властных отношений и принимаемых решений – не просто благоприятное условие или благоприятный фон коррупции, а ее самостоятельная причина. Коррупция – это не просто продажность власти, а скрытая, тщательно скрываемая продажность. Именно поэтому механизмы власти должны быть максимально открытыми, прозрачными, и эта открытость должна ограничиваться, главным

образом, только интересами сохранения государственной, военной или коммерческой тайны.

Отметим, что в мире уже есть положительный опыт борьбы с коррупцией при помощи обеспечения максимальной открытости механизма принятия чиновниками решений. Так, в Республике Корея сравнительно недавно, как известно, внедрена антикоррупционная программа «OPEN», которая показала свою весьма высокую эффективность.

Существенной причиной коррупции является в целом безответственность, фактическая неподотчетность, неподконтрольность исполнительной ветви власти законодательной, вообще власти, правоохранительных органов контролю со стороны общества. В нашей стране отсутствует институт парламентских расследований, который успешно действует в других странах.

Основным экономическим источником коррупции являются процессы, происходящие в области *теневой экономики*. Можно с уверенностью утверждать, что доля теневой экономики в экономической сфере государства прямо определяет и уровень коррупции.

Экономической основой сложившегося в стране чудовищного уровня коррупции является, как полагают некоторые специалисты, помимо прочего, *сырьевой перекос российской экономики*. Выявлена следующая закономерность – чем выше в экономике сырьевая доля, тем выше коррупция, и наоборот. Интегральный экономический потенциал в развитых странах на 64 % формируется человеческим капиталом и на 20 % – сырьевым. В России все наоборот: 72 % – сырьевой фактор и лишь 14 % – человеческий капитал. Ориентация экономики на сырьевые природные ресурсы приводит к низкой зарплате и росту коррупции [8].

Социальной базой коррупции служит *сильнейшее имущественное расслоение* граждан, особенно на фоне общей бедности или слабости государства. Двадцать российских богачей сегодня имеют совокупный доход, сопоставимый с государственным бюджетом страны. Беднейшие страны мира, как показывают специальные исследования, в то же время и самые коррумпированные. В этих странах возникает порочный круг: коррупция препятствует экономическому развитию, а общая бедность провоцирует новый виток коррупции. Удивительное дело: мировой финансовый кризис ничуть не «обеднил» ни од-

ного российского миллиардера, число которых к тому же еще и удвоилось.

Весомый вклад в стимулирование коррупции вносит организованная преступность, которая сегодня стала основным и самым опасным корруптером.

Истоки коррупции можно найти и в общественном сознании российских граждан. В основе лежит *признание денег, капитала, собственности главной ценностью*, что и ведет к отчуждению личности от общества и государства и, наоборот, к превращению всего и вся в товар и разменную монету.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что любые попытки борьбы с коррупцией, которые не окажут влияния на ее причины, будут лишь имитацией этой борьбы.

3. Государственное противодействие коррупции может осуществляться и осуществляется на разных уровнях, в разных сферах общественной жизни и с применением самых разных организационных форм и правовых средств. Чтобы такое противодействие было эффективным, формируется специальная система мер и приоритетов борьбы – антикоррупционная политика (стратегия). Руководство страны совершенно правильно делает акцент на том, что борьба с коррупцией должна носить системный характер. Это возможно только в случае, если в стране реально начнет действовать соответствующая эффективная государственная антикоррупционная политика, государственная стратегия.

Нормативно-правовое регулирование антикоррупционной деятельности – важная составляющая часть названной политики, которая включает также информационно-аналитическую, организационно-управленческую, правоприменительную и профилактическую деятельность. Все эти составляющие имеют самостоятельное значение в деле борьбы с коррупцией. Может быть принят хороший закон, который будет ослабляться плохим мониторингом коррупционной ситуации, ошибочными неадекватными кадровыми решениями, избирательной судебной-следственной практикой или отсутствием профилактики. И в рамках плохого или недостаточного законодательства руководители разных уровней и правоприменители могут быть более или менее активными в своих усилиях. Решающее значение часто имеет явно выраженная политическая воля или, наоборот, ее отсутствие.

Еще 10 лет назад автор данной статьи обосновывал необходимость формирования государственной антикоррупционной стратегии [9, с. 21–26]. И вот, наконец, руководство страны предприняло масштабные усилия по формированию названной антикоррупционной политики. Не умаляя значимости проделанной работы, следует все же отметить, что в названных документах ни слова не говорится о теневой экономике как экономической основе коррупции и структурах организованной преступности как основном коррумптере и социальной базе коррупции. Представляется, что без учета этих факторов, теснейшим образом связанных с коррупцией, любые антикоррупционные меры будут носить преимущественно имитационный характер.

Выводы

Главной целью антикоррупционной политики должен являться демонтаж сложившейся в стране и еще достаточно мощной коррупционной системы. Далее должно произойти, наконец, изменение общих приоритетов государственной политики: во главу угла должны ставиться не узкокорпоративные, а общие интересы большинства граждан. Здесь также следует назвать действие прозрачных механизмов, торжество справедливого закона и т. п.

Сегодня в стране только закладываются основы общегосударственной антикоррупционной политики, ее еще предстоит сформировать. В основе указанной политики находится Национальная стратегия, определяющая приоритеты, принципы, общие положения борьбы с коррупцией. Безусловно, обязательной является, помимо Национального плана, разработка федеральной государственной комплексной программы борьбы с коррупцией и организованной преступностью на ближайшие годы.

В государственной антикоррупционной политике наряду с общесоциальными важна роль и правовых мер. Правовые меры борьбы с коррупцией должны включать в себя широкий спектр законов, причем не только узкоотраслевых, но и комплексных, приводящих совокупность разнообразных правовых средств воздействия на коррупцию в единую систему.

Следует согласиться с предложениями о неотложном принятии Федерального закона «О лоббировании», который должен создать правовое поле для исключения коррупционных схем

продвижения законопроектов, противоречащих интересам общества и государства, но обеспечивающих тем или иным структурам материальные и иные преимущества, а также блокирующих законопроекты, противоречащие групповым и корпоративным интересам.

Мы давно уже говорим и том, что нужно исключить из УПК РФ раздел, который определяет особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, поскольку это противоречит ст. 19 Конституции Российской Федерации, провозглашающей принцип равенства перед законом и судом.

Нужно вернуть в УК РФ конфискацию как вид наказания и существенно расширить область ее применения.

Нужно оптимизировать пределы применения условного осуждения, сократив их до разумных (применять при назначении наказания не свыше 3 лет лишения свободы) [10, с. 69].

4. Многие *международные антикоррупционные соглашения* обязывают государства принимать широкие меры для предупреждения коррупции. В их число входят: поддержание высоких стандартов поведения для государственных служащих; создание прозрачных систем закупок и финансового управления; недопущение конфликтов интересов, требование финансового раскрытия личных активов; формирование эффективных систем и процедур подотчетности внутри и вне органов власти; предоставление доступа к правительственной информации и др.

Представляется важным реализовать и другие обоснованные предложения и международные рекомендации, направленные на формирование в стране эффективной антикоррупционной политики. Сюда можно отнести и формирование федерального координационного органа, наделенного специальной компетенцией и расширение круга субъектов, обладающих правом законодательной инициативы по вопросам борьбы с коррупцией и др. [11, с. 94; 12, с. 95].

Россия, как известно, ратифицировала Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000), против коррупции (2003), Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999). Тем не менее выполнение ряда международных обязательств остается под вопросом.

Так, в частности, ни прежний проект, ни новый закон о противодействии коррупции не предусматривают создания специального федерального уполномоченного органа по борьбе с коррупцией. Можно спорить о том, нужен ли вообще такой орган или нет. Однако ст. 36 Конвенции ООН каждому государству рекомендует иметь соответствующий орган, осуществляющий и антикоррупционную политику и координирующий деятельность в этом направлении. Предполагалось, что в нашей стране функции такого органа должна выполнять Генеральная прокуратура. Однако прокуратура вправе заниматься координацией деятельности только правоохранительных органов. Совет по противодействию коррупции при Президенте при всей его неоспоримой важности – фактически лишь совещательный орган. Между тем потребность в действительно специализированном антикоррупционном органе в современной России все-таки есть [13, с. 9, 14].

Следует безотлагательно реализовать также недавние (2012 г.) рекомендации группы государств ГРЕКО для России. В их числе – расширение объективной стороны состава взяточничества за счет включения в нее так называемых подготовительных действий, рассматриваемых как оконченный состав преступления. Речь также идет и о расширении субъективной стороны коррупционных преступлений – цели получения не только материального, но и нематериального, любого неправомерного преимущества и т. п.

Только полное и неуклонное следование международным соглашениям позволит существенно оптимизировать формирующуюся российскую антикоррупционную политику.

Список литературы

1. Коррупцию в России будут «лечить» нетерпимостью / Комментарий. – URL: [http:// www. point.ru](http://www.point.ru)
2. Бондарь В. Этот преступный, преступный, преступный мир. – URL: <http://www.odnako.org>
3. Гостева С. Р., Рашкин В. Ф. Коррупция в России. – М., 2010. – 326 с.
4. Аникин А. А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: автореф. канд. дис. – Владивосток, 2009. – 29 с.
5. URL: www.bbc.co.uk navigation
6. Борисов О. А. Коррупция как угроза национальной безопасности: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – СПб., 2009. – С. 9.
7. Дамаскин О. Коррупция. – М., 2009. – 304 с.
8. Лесков С. Анимейн на тему коррупции // Известия. – 2005. – 4 авг.
9. Номоконов В. А. России нужна стратегия борьбы с коррупцией // Организованная преступность и коррупция. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 1. – С. 21–26.
10. Скобликов П. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. – М., 2007. – С. 43–47.
11. Петров М. П. Концепция антикоррупционной политики в Российской Федерации: федеральный и региональный аспекты // Уголовно-правовая политики и проблемы противодействия современной преступности. – Саратов, 2006. – С. 91–95.
12. Коновалов И. Н. Юридические средства антикоррупционной политики // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности. – Саратов, 2006. – С. 95.
13. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: в 2-х т. Т. 1. / С. С. Сулакшин, С. В. Максимов, И. Р. Ахметзянова. – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 462.
14. Граник И. Невзирая на чины и лица, просто брать и сажать // Коммерсантъ. – 2010. – 16 ноября.

В редакцию материал поступил 14.11.13

© Номоконов В. А., 2013

Информация об авторе

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет
 Адрес: 690014, г. Владивосток, ул. Суханова, 8, тел.: (423) 245-76-87
 E-mail: nomokonov@rambler.ru

Как цитировать статью: Номоконов В. А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 61–67.

V. A. NOMOKONOV,

doctor of law, professor

Far East Federal University, Vladivostok, Russia

CORRUPTION IN RUSSIA: SOCIAL CONSEQUENCES AND FEATURES OF CAUSES

Objective: the show the features of social consequences of corruption for Russia and the elements included in its causal complex.

Methods: the dialectical method of cognition and the general scientific, sociological and logical-legal methods, based on it.

Results: basing on the analysis of a significant amount of scientific information on corruption in the world, in Russia and abroad over the past 20 years, relevant statistical information on the status and trends of corruption in Russia and the monitoring of the media on this issue, the author presents a brief analysis of the corruption situation in the country, classification of the social consequences of corruption, describes the specific factors that comprise the causal complex of corruption, and formulates certain recommendations for the anti-corruption policy optimization.

Scientific novelty: provisions are elaborated, allowing to consider corruption as a dangerous social phenomenon closely related and constituting a common system with its dynamics, scope and elements of the causal complex. The role of deformations in the political sphere for the genesis of corruption is highlighted.

Practical value: the theoretical provisions formulated in the article can be used in scientific, legislative and law-enforcement activities, the educational process at higher education institutions of legal profile, while improving the skills of practitioners and scientific-pedagogical personnel in the field of jurisprudence.

Key words: corruption; social consequences of corruption; causal complex of corruption; anti-corruption policy.

References

1. Korruptsiyu v Rossii budut "lechit" neterpimost'yu (Corruption in Russia will be "cured" by intolerance), *Kommentarii*, available at: <http://www.point.ru>
2. Bondar', V. *Etot prestupnyi, prestupnyi, prestupnyi mir* (This criminal, criminal, criminal world), available at: <http://www.odnako.org>
3. Gosteva, S. R., Rashkin V. F. *Korruptsiya v Rossii* (Corruption in Russia). Moscow, 2010, 326 p.
4. Anikin, A. A. *Vzlyatochnichestvo kak korruptsionnoe prestuplenie i mery protivodeistviya emu* (Bribery as corruption crime and measures for its counteraction). Vladivostok, 2009, 29 p.
5. www.bbc.co.uk navigation
6. Borisov, O. A. *Korruptsiya kak ugroza natsional'noi bezopasnosti* (Corruption as a threat for national security). Saint Petersburg, 2009, p. 9.
7. Damaskin, O. *Korruptsiya* (Corruption). Moscow, 2009, 304 p.
8. Leskov, S. Animein na temu korruptsii (Animeyn on the topic of corruption), *Izvestiya*, 2005, 4 August.
9. Nomokonov, V. A. Rossii nuzhna strategiya bor'by s korruptsiei (Russia needs strategy for anti-corruption struggle), *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya*. Ekaterinburg, 2000, vol. 1, pp. 21–26.
10. Skoblikov, P. A. *Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiei i organizovannoi prestupnost'yu v sovremennoi Rossii* (Topical issues of struggle with corruption and organized crime in the modern Russia). Moscow, 2007, pp. 43–47.
11. Petrov, M. P. Kontseptsiya antikorrupsionnoi politiki v Rossiiskoi federatsii: federal'nyi i regional'nyi aspekty (Concept of anti-corruption policy in the Russian Federation: federal and regional aspects), *Ugolovno-pravovaya politiki i problemy protivodeistviya sovremennoi prestupnosti*. Saratov, 2006, pp. 91–95.
12. Konovalov, I. N. Yuridicheskie sredstva antikorrupsionnoi politiki (Juridical means of anti-corruption policy), *Ugolovno-pravovaya politika i problemy protivodeistviya sovremennoi prestupnosti*. Saratov, 2006, p. 95.
13. *Gosudarstvennaya politika protivodeistviya korruptsii i tenevoi ekonomike v Rossii: v 2-kh t. T. 1*, S. S. Sulakshin, S. V. Maksimov, I. R. Akhmetzyanova (State policy of counteraction against corruption and shadow economy in Russia: in 2 vol. Vol. 1, S. S. Sulakshin, S. V. Maksimov, I. R. Akhmetzyanova). Moscow: Nauchnyi ekspert, 2008, p. 462.
14. Granik, I. Nevziraya na chiny i litsa, prosto brat' i sazhat' (Regardless of rank and person, just take and lock them up), *Kommersant'*, 2010, 16 November.

Information about the author

Nomokonov Vitaliy Anatolyevich, doctor of law, professor of the chair of criminal law and criminology, Far East Federal University
Address: 8 Sukhanov Str., 690014, Vladivostok, tel.: (423) 245-76-87
E-mail: nomokonov@rambler.ru

How to cite the article: Nomokonov V. A. Corruption in Russia: social consequences and features of causes, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 61–67.

УДК 343.37

С. Б. ПОЛЯКОВ,

доктор юридических наук, доцент

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

НЕОГРАНИЧЕННОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИКУ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Цель: доказать, что бланкетное изложение противоправности (обязанностей и запретов) в статьях КоАП РФ порождает явления коррупции и роста социально необоснованных административных препятствий для экономической деятельности.

Методы: всеобщий диалектико-материалистический метод, используемый для познания взаимосвязей правил юридической техники, интересов административных органов и предпринимателей в их противоречивом взаимодействии; основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: показана правовая незащищенность субъектов экономической деятельности от произвольной нормотворческой и правоприменительной деятельности административных органов в российской правовой системе, предопределенная бланкетным содержанием статей КоАП РФ.

Научная новизна: выявлена закономерность между бланкетным содержанием статей КоАП РФ и злоупотреблениями административных органов, подавляющих экономическую деятельность.

Практическая значимость: сформулирована задача обуздания подзаконного административного регулирования предпринимательской деятельности и предложены варианты ее решения.

Ключевые слова: бланкетное изложение норм; административное регулирование; административная ответственность; коррупция; экономика; предприниматели; судебная практика; правопорядок.

Результаты исследования

Подпунктом «г» п. 3 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства РФ № 96 от 26.02.2010, коррупциогенным фактором определена «чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящих к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный нормативный правовой акт»¹.

Буквально это положение к нормам Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) применить нельзя, поскольку Правительство РФ не уполномочено регулировать процедуру принятия законов, а Министерство юстиции РФ, уполномоченное в соответствии с указанным Постановлением проводить антикоррупционную экспертизу нормативных правовых

актов, – осуществлять такую экспертизу законов. Но если использовать эту методику, отражающую закономерность (устойчивую связь) между наличием бланкетных и отсылочных норм, приводящих к чрезмерной свободе подзаконного нормотворчества, и условиями для коррупции для анализа норм КоАП РФ, то можно выявить, что и бланкетные нормы закона порождают коррупцию.

Составы административных правонарушений для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в КоАП РФ за редким исключением изложены бланкетным образом.

Например, ст. 6.4 гласит: «Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта» влечет наложение административного штрафа на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от одной тысячи до двух тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. Об этих требованиях

¹ Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 10. – Ст. 1084.

СПС «КонсультантПлюс» сообщает в полусотне подзаконных нормативных актов, изданных Главным государственным санитарным врачом РФ для различных предприятий. Для парикмахерских, например, существуют санитарные правила СанПиН 2.1.2.2631-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к размещению, устройству, оборудованию, содержанию и режиму работы организаций коммунально-бытового назначения, оказывающих парикмахерские и косметические услуги», утвержденные Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ № 59 от 18.05.2010². Этот нормативный правовой акт содержит требования к размещению организаций (в 3 пунктах), к устройству и оборудованию помещений (в 14 пунктах), к оборудованию и содержанию соляриев (в 14 пунктах), к внутренней отделке помещений (в 3 пунктах), к водоснабжению и канализации (в 5 пунктах), к микроклимату помещений (в 9 пунктах), к искусственному и естественному освещению (в 3 пунктах), к содержанию помещений и организации санитарно-гигиенического и противоэпидемического режима работы (в 30 пунктах), к обращению с отходами производства и потребления (в 3 пунктах) с 4 приложениями-таблицами с многочисленными обязательными параметрами помещений по площади, температуре и т. п. Причем все это, содержащее не одну обязывающую и запрещающую норму в каждом пункте, имеет множество бланкетных положений о гигиенических и иных правилах.

Например, п. 4.8: «Замена ламп должна производиться при нормативной выработке часов, указанной в техническом паспорте ламп, с обязательной отметкой в журнале. Информация об очередной замене должна быть доступна посетителям солярия и располагаться на видном месте. Отработанные лампы должны направляться в специализированные организации для их утилизации в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации»; п. 9.2: «В целях проведения профилактической дезинфекции, предстерилизационной очистки и стерилизации должны применяться физические методы и/или химические дезинфекционные средства, прошедшие государственную регистрацию в установлен-

ном порядке». За отсутствие записи в журнале о замене лампы, за обнаружение дезинфекционного средства, не прошедшего государственную регистрацию, уже можно штрафовать.

СанПиН 2.1.2.2631-10 сменил СанПиН 2.1.2.1199-03 «Парикмахерские. Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, оборудованию и содержанию», утвержденные Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации № 15 от 12.03.2003³, т. е. через семь лет его существования. В приложении № 1 «Состав и площади помещений» СанПиН 2.1.2.2631-10, например, появились дополнительно к аналогичному приложению предшествующего СанПиН 2003 г. требования иметь туалеты для посетителей и персонала площадью не менее 2,75 кв. м и кабинет администратора площадью 9–12 кв. м. Таким образом, парикмахерские надо как-то переоборудовать в соответствии с новыми требованиями. Собственник парикмахерской должен вести свое делопроизводство в отдельном кабинете, отсутствие которого является правонарушением – неисполнением обязывающей нормы по оборудованию помещений парикмахерской. А есть еще пожарные требования к помещениям, многочисленные требования по охране труда и т. п.

И это только простое производство. Кто подсчитывает экономическую возможность выполнения всех неограниченно устанавливаемых и изменяемых правил административными органами, которые затем сами же и контролируют исполнение введенных ими требований и штрафуют за их неисполнение⁴? Можно, конечно, сослаться на п. 3

³ Российская газета. – 2003. – 22 апреля.

⁴ Согласно п. 6 Положения об осуществлении государственного санитарно-эпидемиологического надзора в Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 569 от 15.09.2005, организацию государственного санитарно-эпидемиологического надзора в Российской Федерации осуществляют: руководитель Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека – главный государственный санитарный врач Российской Федерации, а также руководители территориальных органов Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека – главные государственные санитарные врачи по субъектам Российской Федерации (и далее главные государственные санитарные врачи различного уровня).

² Российская газета. – 2010. – 16 июля.

Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных Постановлением Правительства РФ № 1009 от 13.08.1997: «Проекты нормативных правовых актов и нормативных документов федеральных органов исполнительной власти, которыми регулируются отношения в области организации и осуществления государственного контроля (надзора), в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или связанным с ними процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, к выполнению работ и оказанию услуг, в области оценки соответствия и в области безопасности процессов производства, подлежат направлению в Министерство экономического развития Российской Федерации на заключение об оценке регулирующего воздействия. В этом заключении дается оценка регулирующего воздействия соответствующих решений с целью выявления положений, вводящих избыточные административные и иные ограничения и обязанности для субъектов предпринимательской и иной деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и иной деятельности и бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. К проекту акта, направляемому на заключение об оценке регулирующего воздействия, прилагается пояснительная записка, содержащая необходимые расчеты, обоснования и прогнозы социально-экономических, финансовых и иных последствий реализации предлагаемых решений, по форме, устанавливаемой Министерством экономического развития Российской Федерации» (в ред. Постановления Правительства РФ № 94 от 21.02.2011)⁵. Широко доступных сведений о реализации этого положения и обуздания тем самым нормотворческой активности административных органов нет.

Выполнить безграничные в своем количестве и детализации требования административных нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, образующих мелкоячеистую сеть для адресатов правил, невозможно. Субъект экономической деятельности при административной проверке неизбежно становится правонарушителем, тем более что судебная практика твердо подтверждает законность привлечения правонарушителей к административной ответственности за формальные по составу правонарушения.

Так, директор ООО, производящего мясные полуфабрикаты, П. был привлечен к административной ответственности постановлением мирового судьи судебного участка № 13 Кировского района Перми от 10.07.2013 по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ и ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 10 000 руб.

В апелляционной жалобе он привел выводы суда о сути правонарушений, установленных судом, и свои доводы о формальном характере выявленных нарушений п. 8.2 СП 2.3.6.1079-01 «Санитарно-эпидемиологические требования к организации общественного питания, изготовлению и оборотоспособности в них пищевых продуктов и продовольственного сырья», п. п. 3, 7, 7.3 ТУ 9214-007-54780900-08, п. 4.3 ГОСТ Р 51074-2003 «Продукты пищевые. Информация для потребителей. Общие требования» (в решении суда содержалась ссылка на бланкетные ст. 3 и 5 Федерального закона № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» от 02.01.2000):

«1. Не представлены при проверке два вида технических условий на изготовления полуфабрикатов.

Том с техническими условиями не был обнаружен во время административной проверки, но был найден среди других документов после составления протокола. В действительности они имелись, поскольку сертификаты на изготавливаемую продукцию выданы на основании указанных в постановлении ТУ, иначе не могли быть получены. В судебные заседания документы представлены.

2. Выявлено отсутствие информации, предусмотренной техническими условиями и ГОСТами на этикетках потребительской тары с выпускаемой пищевой продукцией (17 шт.).

⁵ Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 33. – Ст. 3895. – 2011. – № 9. – Ст. 1251.

В действительности не указана информация, которая объективно не нужна потребителю либо та, которая не соответствует действительности, но, по мнению административного органа, должна быть указана:

2.1) «не указано местонахождение изготовителя (юридический адрес)». На наших этикетках указано действительное местонахождение изготовителя: цеха и органов управления. По юридическому адресу (давнему месту регистрации ООО) в жилом доме потребитель изготовителя не найдет. Поэтому на этикетках он не указывается, чтобы не вводить в заблуждение потребителя;

2.2) «не содержит дату изготовления». Такой вывод основан на формальном прочтении этикетки, поскольку программа аппарата, выпускающего этикетки, не содержит слова «изготовлено», а употребляет слово «упаковано». В действительности при указании нами на этикетке срока годности товара потребитель однозначно понимает, когда продукция изготовлена (упакована) и до какого срока годна к употреблению;

2.3) «не содержит информацию о подтверждении соответствия продукции установленным требованиям путем маркировки товаров знаком соответствия». Что это такое, рядовой потребитель не знает. В действительности должен быть значок «рст», значение которого практически никто кроме административного органа не знает. Поэтому отсутствие его не нарушает прав потребителей на информацию о товаре (любопытно, что в судебном заседании апелляционной инстанции судья и секретарь судебного заседания с интересом расспрашивали о значении этих букв, впервые о них услышав как потребители);

2.4) указано на отсутствие информации о составе продукта, однако такая информация отсутствует по простым полуфабрикатам, состав которых указан в самом наименовании;

2.5) указано на отсутствие рекомендаций по приготовлению блюд, которые не могут быть размещены на этикетке при многочисленности вариантов приготовления блюд из полуфабрикатов и учесть все кулинарные возможности потребителей (как можно на этикетке указать, сколько и каким образом можно приготовить блюд из курицы?);

2.6) «нет информации о пищевых добавках, ароматизаторах, биологически активных добавках к пище, ингредиентах продуктов нетра-

диционного состава». Такой информации нет, поскольку нами все это не используется. Факт использования таких добавок административным органом не установлен, в административном деле не указан. На наших этикетках указано, что продукты не содержат ГМО.

Единственно обоснованным (указывающим на отсутствие точной информации, действительно необходимой потребителю) является пп. 1 п. 2 описательной части постановления, где указано на неточную информацию о температуре и сроках хранения данного полуфабриката.

Все это указывает на малозначительность деяния. Ранее я к административной ответственности не привлекался, нет ни одной жалобы на качество выпускаемой возглавляемым мною обществом, формальные нарушения технических регламентов сомнительно по фактической обоснованности выявлены при плановой проверке, а не по заявлению лиц, чьи действительные права потребителей каким-либо образом нарушены».

На эти доводы в решении судьи Кировского райсуда Перми от 07.10.2013 по административному делу № 11-240/2013 указано, что то обстоятельство, что технические условия в действительности существовали, только отсутствовали на предприятии в момент проверки органом государственного контроля, не устраняют ответственности П., поскольку на момент проверки производство указанной продукции осуществлялось с нарушением п. 8.2 СП 2.3.6.1079-01, в отсутствие данной документации, позволяющей оценить качество и соответствие выпускаемой продукции нормативной документации.

Доводы П. о том, что информация, которая отсутствует на этикетках потребительской тары с выпускаемой предприятием пищевой продукции, не нужна потребителю, и он ею не воспользуется, являются несостоятельными, поскольку изложенными выше нормативными актами установлены обязательные требования для предприятий, осуществляющих деятельность по производству продуктов питания и обязательной информации для потребителей для правильного выбора товара и возможности обращений с претензиями». Другие доводы для отказа в применении ст. 2.9 КоАП РФ (освобождение от наказания ввиду малозначительности деяния) в решении не приведены.

Суд подтвердил, что если установленные правила не исполнены, то даже если он (суд) вслед за административным органом не может обосновать, чьи права и каким образом это могло нарушить, а тем более не могут указать действительный вред, нарушитель должен быть наказан. Напрашивается аналогия: если на трибуне у преподавателя нет текста лекции, то, несмотря на содержание прочитанной лекции, она должна быть признана неудовлетворительной, «поскольку на момент проверки» лекция проводилась «в отсутствие данной документации, позволяющей оценить качество и соответствие выпускаемой продукции нормативной документации».

Следует также учитывать тенденции рассмотрения жалоб на административные взыскания не в пользу субъектов предпринимательской деятельности.

Исследования показывают, что для привлечения юридического лица к административной ответственности в первой инстанции во всех случаях достаточным считается установление объективной стороны административного правонарушения. В случае же несогласия с решением о привлечении к административной ответственности и его судебного обжалования, факты, представляемые лицами в обоснование своей невиновности в подавляющем большинстве случаев не принимаются во внимание, даже в случаях, когда из обстоятельств дела можно сделать вывод, что субъект действовал добросовестно, т. е. проявил обычную заботу, которая от него требовалась исходя из характера данной деятельности. Бремя доказывания своей невиновности лежит на юридическом лице, привлекаемом к административной ответственности, несмотря на законодательно закрепленную презумпцию невиновности (ст. 1.5 КоАП). Практика исходит из того, что презумпция невиновности субъекта опровергается путем доказывания факта совершения им административного правонарушения [1, с. 23; 2, с. 55–57; 3, с. 77; 4, с. 37–40 и др.].

В арбитражном судопроизводстве существенно снижены гарантии судебной защиты от незаконного и необоснованного привлечения к административной ответственности субъектов экономической деятельности внесением изменений в АПК РФ Федеральным законом № 86-ФЗ от 25.06.2012. Теперь дела об оспаривании реше-

ний административных органов о привлечении к административной ответственности, а также дела об оспаривании ненормативных правовых актов, решений органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если в соответствующих ненормативном правовом акте, решении содержится требование об уплате денежных средств или предусмотрено взыскание денежных средств либо обращение взыскания на иное имущество заявителя при условии, что указанные акты, решения оспариваются заявителем в части требования об уплате денежных средств или взыскания денежных средств либо обращения взыскания на иное имущество заявителя и при этом оспариваемая заявителем сумма не превышает сто тысяч рублей, о привлечении к административной ответственности, о взыскании обязательных платежей и санкций рассматриваются в упрощенном производстве (ч. 1 ст. 207, пп. 2–5 ч. 1 ст. 227 АПК РФ), т. е. заочно, когда заявитель лишен возможности лично донести суду свою позицию.

В пользу бланкетного регулирования экономической деятельности можно ожидать доводы о необходимости оперативной защиты жизни и здоровья людей с приведениями страшных фактов отравлений, заражений, пожаров и т. п. от несоблюдения различных санитарных и пожарных правил. Но с такой точки зрения лучше вообще прекратить всякую экономическую деятельность, которая время от времени преподносит такие факты, и перейти на натуральное хозяйство. Для общественной, а не чиновничьей пользы должны быть показаны закономерности между вводимыми обязанностями и запретами для предпринимателей и сокращением именно от них несчастных случаев в ходе осуществления предпринимательской деятельности без существенного сокращения экономической активности. Пока же этого нет на уровне аргументации административной экспансии, подавляющей экономику в пользу административного рэкета, можно ответить таким жизненным фактом.

Согласно п. 1.3 Правил организации работы по выдаче ветеринарных сопроводительных документов, утвержденных приказом Минсельхоза РФ № 422 от 16.11.2006 и п. 1.10 «Ветеринарно-санитарных правил перевозки животных, птицы, рыбы, продуктов и сырья животного происхож-

дения автомобильным транспортном» № 432-5, утвержденных начальником Главного управления ветеринарии Госагропрома СССР 30.01.1986, необходимо иметь ветеринарную справку на каждую перевозимую даже в пределах района партию мясных продуктов. На постах ГИБДД сотрудники Россельхознадзора вместе с сотрудниками полиции проверяют наличие у водителей таких справок, а при их отсутствии составляют протоколы об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст.10.6 КоАП РФ. Проверить всю продукцию, производимую, реализуемую и с этой целью перевозимую, имеющееся в стране количество ветеринарных врачей на количество предприятий и предпринимателей и мест их производств не в состоянии. Весь контроль в целях защиты здоровья потребителей сводится, если не к заочной выдаче справок, то к сверке этикеток на коробке с продукцией, предназначенной для перевозки, с ветсправками на сырье или продукцию, которые поступили к предпринимателю. Причем, из какой поступившей партии сырья изготовлена проверяемая продукция, определить невозможно. Как сказала однажды ветеринарный врач при такой сверке этикеток: «Пусть в коробке хоть дохлая крыса вместо курицы лежит». И это не лень ветврача, а объективная невозможность самих административных органов и организаций, которым поручается за счет предпринимателей выполнять установленные ими «защитные» мероприятия, обеспечить их реализацию. Поэтому административные заграждения, вводимые без особых ограничений, без обоснования их какими-либо закономерностями, непригодны для обозначенных целей, но хороши для побуждения к взяточничеству.

В специальной литературе отмечалось, что административная ответственность субъектов предпринимательской деятельности в современных условиях имеет ярко выраженную фискальную направленность. «Не случайно среди субъектов, наделенных правом осуществлять производство по делам об административной ответственности юридических лиц, немало органов, призванных осуществлять государственное регулирование экономической деятельности и финансов: налоговые и таможенные органы; органы, уполномоченные в области рынка ценных бумаг; федеральный антимонопольный орган

и его территориальные подразделения; органы, осуществляющие государственный контроль за производством и оборотом этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции; органы валютного контроля и др.» [5, с. 45].

Приведенный пример не страшен размером штрафа. Но за многие формальные нарушения норм, плотно опутывающих предпринимательскую деятельность, предусмотрены штрафы в сотни тысяч. Следует обратить внимание на ряд статей доктора юридических наук П. И. Конова, являющегося судьей арбитражного суда, что придает особый вес его критическим суждениям, в которых показана социально-экономически необоснованная, губительная для экономики административная практика в отношении субъектов предпринимательской деятельности, предопределенная законодательством [6; 7].

Если многочисленные экономически затруднительные или даже невозможные требования нельзя выполнить, то приходится договариваться за меньшую, чем штраф, мзду не обнаруживать нарушения, что, как известно, регулярно происходит в подтверждение зависимости между бланкетными нормами права и незаконным использованием властных полномочий, отраженной в пп. «г» п. 3 «Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов».

Любопытно проверить, а есть ли факты плановых проверок административными органами субъектов предпринимательской деятельности, при которых не выявлены нарушения каких-либо СанПинов, ТУ и прочих правил. Если да, то в действительности все ли требования регламентов соблюдены, либо отсутствие административного дела вызвано иными причинами?

Напрашивается вопрос: если все субъекты экономической деятельности правонарушители, что это за правопорядок? Нормальный правопорядок, наверно, предполагает, что правонарушителей меньше, чем законопослушных субъектов, т. е. нормой должно быть правомерное поведение.

Выводы

Представляется актуальной задача сдерживания подзаконного административного регулирования предпринимательской деятельности, тем более органами, осуществляющими контроль за реализацией требований, неисполнение

которых влечет за собой административную ответственность.

Варианты решения такой задачи:

1. Регулирование отношений в сфере предпринимательской деятельности, установление обязанностей и запретов, за которые предусмотрены меры административной и уголовной ответственности только законами, т. е. в более сложной форме правотворчества.

2. Сохранение регулирования отношений в сфере предпринимательской деятельности подзаконными нормативными актами, но установление следующего порядка:

1) введение моратория на издание новых подзаконных нормативных правовых актов в прежнем порядке;

2) составление органами федеральной исполнительной власти сводной карты экономических и временных затрат на выполнение всех существующих обязанностей и запретов для субъектов экономической деятельности разных категорий по объему производства и их удельного веса в себестоимости продукции и услуг, с подтверждением карт субъектами оценки;

3) введение обязательного фактического обоснования проекта новых обязанностей и запретов для субъектов экономической деятельности;

4) введение обязательного обоснования вводимых обязанностей и запретов для субъектов экономической деятельности расчетами затрат на их выполнение, согласованными с определенным количеством адресатов норм разных категорий по

объему производства, показывающего увеличение затрат предпринимателей и, соответственно, рост цен их продукции и услуг и их доступность вследствие этого для потребителей;

5) введение обязательной государственной регистрации подзаконных нормативных правовых актов, устанавливающих обязанности и запреты для субъектов экономической деятельности, условием которой должно быть наличие фактического и экономического обоснования при установленном порядке его подтверждения.

Список литературы

1. Иванов Л. Административная ответственность юридических лиц // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 21–23.
2. Черкаев Д. И. Административная ответственность юридических лиц // Законодательство. – 2001. – № 11. – С. 51–59.
3. Колесниченко Ю. Ю. Некоторые аспекты вины юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 76–81.
4. Козлов К. П. КоАП РФ: «строгая» ответственность юридических лиц (сравнительно-правовое исследование) // Российская юстиция. – 2009. – № 2. – С. 37–41.
5. Панов А. Б. Понятие административной ответственности // Административное право и процесс. – 2011. – № 12. – С. 42–46.
6. Кононов П. И. О некоторых актуальных проблемах применения и совершенствования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. – 2008. – № 4 // СПС «Консультант Плюс».
7. Кононов П. И. О некоторых актуальных проблемах административной ответственности юридических лиц (по материалам арбитражно-судебной практики) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 3 // СПС «Консультант Плюс».

В редакцию материал поступил 08.11.13

© Поляков С. Б., 2013

Информация об авторе

Поляков Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Пермский государственный национальный исследовательский университет

Адрес: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел. : (342) 293-38-61

E-mail: psb59@rambler.ru

Как цитировать статью: Поляков С. Б. Неограниченность административного давления на экономику в российской правовой системе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 68–75.

S. B. POLYAKOV,

doctor of law, associate professor

Perm' State National Research University, Perm', Russia

UNRESTRICTEDNESS OF ADMINISTRATIVE PRESSURE ON ECONOMY IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Objective: to prove that the blanket statement of illegality (obligations and prohibitions) in the articles of the Russian Administrative Code creates the phenomenon of corruption and growth of socially unreasonable administrative obstacles to economic activity.

Methods: the general dialectical-materialistic method used for realizing the mutual links between the rules of legal technique, interests administrative bodies and entrepreneurs in their contradictory interaction; scientific, special and private-legal methods based on it.

Results: the author has shown a lack of legal protection of economic subjects from arbitrary rule-making and law-enforcement activity of administrative bodies in the Russian legal system, determined by blanket content of the Russian Administrative Code articles.

Scientific novelty: a pattern is revealed between blanket content of the Russian Administrative Code articles and the abuses by administrative bodies suppressing economic activity.

Practical value: a task is formulated to curb the legal administrative regulation of business activities; options to solve the task are offered.

Key words: blanket formulation of norms; administrative regulation; administrative liability; corruption; economy; entrepreneurs; court practice; legal order.

References

1. Ivanov, L. Administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits (Administrative liability of legal persons), *Rossiiskaya yustitsiya*, 2001, No. 3, pp. 21–23.
2. Cherkaev, D. I. Administrativnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits (Administrative liability of legal persons), *Zakonodatel'stvo*, 2001, No.11, pp. 51–59.
3. Kolesnichenko, Yu. Yu. Nekotorye aspekty viny yuridicheskikh lits, privlekaemykh k administrativnoi otvetstvennosti (Some aspects of guilt of legal persons brought to trial for administrative liability), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2003, No. 1, pp. 76–81.
4. Kozlov, K. P. KoAP RF: "strogaya" otvetstvennost' yuridicheskikh lits (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) (The Russian Administrative Code: "strict" liability of legal persons (comparative-legal research)), *Rossiiskaya yustitsiya*, 2009, No. 2, pp. 37–41.
5. Panov, A. B. Ponyatie administrativnoi otvetstvennosti (Notion of administrative liability), *Administrativnoe pravo i protsess*, 2011, No. 12, pp. 42–46.
6. Kononov, P. I. O nekotorykh aktual'nykh problemakh primeneniya i so-vershenstvovaniya Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh (On some topical issues of implementation and improving the Russian Code of administrative breaches of law), *Administrativnoe pravo i protsess*, 2008, No. 4, SPS "Konsul'tant Plyus".
7. Kononov, P. I. O nekotorykh aktual'nykh problemakh administrativnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits (po materialam arbitrazhno-sudebnoi praktiki) (On some topical issues of legal persons' administrative liability (on the materials of arbitrary-court practice)), *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2012, No. 3, SPS "Konsul'tant Plyus".

Information about the author

Polyakov Sergey Borisovich, doctor of law, associate professor, professor of the chair of theory and history of state and law, Perm' State National Research University

Address: 15 Bukirev Str., 614990, Perm', tel.: (342) 293-38-61

E-mail: psb59@rambler.ru

How to cite the article: Polyakov S. B. Unrestrictedness of administrative pressure on economy in the Russian legal system, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 68–75.

© Polyakov S. B., 2013

УДК 343.9:328.185(410)

А. В. САЛОВ,
аспирант

Российская правовая академия Министерства юстиции РФ, г. Москва, Россия

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Цель: анализ современного опыта Великобритании в области борьбы с транснациональной коррупционной преступностью юридических лиц.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, системный, структурно-функциональный, статистический анализ, метод сравнительного правоведения.

Результаты: установлены современные правовые механизмы привлечения к ответственности юридических лиц за подкуп иностранных государственных служащих в Великобритании.

Научная новизна: на основе проведенного анализа законодательства и актуальной практики выявлены особенности противодействия транснациональной корпоративной коррупционной преступности в Великобритании, отмечены правовые проблемы применения Закона о взяточничестве.

Практическая значимость: возможность учета правового регулирования данного сегмента противодействия коррупции в Великобритании при реформировании отечественного антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: коррупция; транснациональные корпорации; Великобритания.

Введение

Транснациональная корпоративная коррупционная преступность как новая современная форма коррупционной преступности официально берет свое начало с принятия в 1977 г. в США FCPA (Foreign corrupt practices act – закона о запрете коррупции в международной деятельности), который впервые установил уголовную ответственность юридических лиц за совершение международных коррупционных преступлений. Положения, регламентирующие ответственность юридических лиц за совершение транснациональных коррупционных сделок, затем были внесены во все международные антикоррупционные конвенции и декларации. Однако даже с учетом высокой латентности международной коррупции, количество выявленных преступлений такого рода растет с каждым годом, что подтверждается отчетами Transparency International, других неправительственных организаций, материалами СМИ, вскрывающими факты коррупции транснациональных корпораций в развивающихся странах. В 2010 г. в Великобритании был принят закон о взятках (UK Bribery Act), который был оценен как более «жесткая» версия FCPA, задача которого состоит в борьбе с незаконными коррупционными практиками британских корпораций. В настоящее время публикации как зарубежных, так и

отечественных авторов в основном затрагивают отдельные элементы нового антикоррупционного закона, в связи с чем автором представляется обоснованным с точки зрения системного подхода проанализировать проблемы противодействия транснациональной коррупционной преступности в Великобритании.

Предупреждение коррупции в области международных деловых отношений является одной из актуальных задач мирового сообщества. Необходимость противодействия транснациональным коррупционным практикам со стороны юридических лиц закреплена как в международных нормативно-правовых актах¹, так и в национальном законодательстве государств².

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. // Собрание законодательства РФ. – 26 июня 2006 г. – № 26. – Ст. 2780; Конвенция против транснациональной организованной преступности: принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 2. – С. 3–33; Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. (ETS N 173) // Собрание законодательства РФ. – 18.05.2009. – № 20. – Ст. 2394; Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию

В пересмотренных рекомендациях Совета Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) по мерам борьбы со взяточничеством в международных деловых операциях отмечается, что подкуп получил широкое распространение в сфере инвестиций и торговли, в связи с чем возникают серьезные моральные и политические проблемы и происходит искажение условий международной конкуренции. За последние десятилетия, и, особенно, в последние годы были выявлены многочисленные крупномасштабные махинации крупнейших зарубежных корпораций, в том числе и взятки иностранным чиновникам [1, с. 184; 2, с. 146]. В период с 1998 по 2007 гг. только транснациональными корпорациями (далее – ТНК) США совершено более чем 200 коррупционных платежей сотрудникам государственных органов и частных компаний

в 36 государствах, в том числе в Китае, Корее, Малайзии, Объединенных Арабских Эмиратах на общую сумму 6,85 млн долл., прибыль от которых составила 46,5 млн долл. [3, с. 2]. По словам Марка Ф. Мендельсона, заместителя руководителя отдела по борьбе с мошенничеством Министерства юстиции США, американские компании, которые платят взятки иностранным чиновникам, уничтожают государственные институты по всему миру [4]. Несмотря на мировой экономический кризис, корпорации не изменили своего отношения к борьбе против международной коррупции [5].

В современном частном секторе британской экономики крупные компании с числом занятых от 250 человек и более, либо с годовым оборотом 6 млн фунтов играют доминирующую роль. В опубликованном газетой Financial Times рейтинге 500 компаний мира, составленном по показателю их рыночной стоимости, содержатся 31 британских транснациональных корпораций [4, с. 106]. Три компании «туманного Альбиона» находятся в пятерке крупнейших нефинансовых коммерческих организаций по размерам зарубежных активов, две из которых занимают первое и второе места в индексе транснационализации; 80 % экспортных операций в Великобритании осуществляется ТНК [6, с. 174]; около четверти объема внешнеторгового оборота Великобритании связано с развивающимися странами с высокими уровнями коррупционных рисков [7, с. 47].

Учитывая высокую интернационализацию ТНК Великобритании, а также существенный объем деловых взаимосвязей с контрагентами стран с высоким уровнем коррупции, представляется обоснованным проанализировать правовые механизмы противодействия международной корпоративной коррупционной преступности в указанном государстве.

Результаты исследования

Антикоррупционное законодательство Великобритании представляет собой достаточно большой массив нормативно-правовых актов. Предписания об ответственности за взяточничество и иные виды подкупа установлены 13 статутами и множеством норм общего права [8, с. 21].

от 04 ноября 1990 г. (ETS N 174) // СПС «Консультант Плюс»; Декларация Организации Объединенных Наций о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях: принята 16.12.1996 Резолюцией 51/191 на 86-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Консультант Плюс»; Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 22 ноября 1997 г. // Собрание законодательства РФ. – 23 апреля 2012 г. – № 17. – Ст. 1899; Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией от 29 марта 1996 г. // СПС «Консультант Плюс»; Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней. – URL: <http://www.au.int/en/content/african-union-convention-preventing-and-combating-corruption>; Рамочное решение № 2003/568/ПВД Совета Европейского Союза «О борьбе с коррупцией в частном секторе» от 22 июля 2003 г. // СПС «Консультант Плюс»; Руководство по использованию рекомендаций FATF по борьбе с коррупцией (A Reference Guide and Information Note on the use of the FATF Recommendations to support the fight against Corruption). – URL: <http://www.fatf-gafi.org/dataoecd/59/44/46252454.pdf> (дата обращения: 15.10.2013); Рекомендация ОЭСР от 2009 г. о налоговых мерах по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных сделок (Recommendation on Tax Measures for Further Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions). – URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/4/18/38028044.pdf>

² Закон США о запрете иностранных коррупционных практик. – URL: <http://www.justice.gov/criminal/fraud/fcpa/docs/fcpa-russia.pdf>

Закон о коррупции в государственных органах 1889 г.³ впервые в Англии установил ответственность корпораций за коррупционные преступления (в соответствии с ним дача взятки относилась к категории «*misdemeanor*» – наименее опасных преступлений, граничащих с административными правонарушениями).

Законом об антитерроризме, преступлениях и безопасности 2001 г.⁴ были внесены важные изменения, согласно которым уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений, предусмотренных общим правом и статутами на территории Великобритании, подлежат лица, совершившие аналогичные деяния за рубежом в отношении иностранных государственных служащих и представителей коммерческих организаций («агентов»).

По состоянию на 2009 г. в Англии было расследовано 4 дела [9, с. 11] (на конец 2012 г. – 20 дел) [10, с. 8] о подкупе иностранных должностных лиц, первым из которых стало решение о привлечении к ответственности бывшего финансового директора подразделения британской оружейной компании [11; 12] за дачу взятки двум чиновникам Республики Уганда.

В 2010 г. в Великобритании принят *The UK Bribery Act* (далее – закон о взяточничестве), вступивший в действие с 1 июля 2011 г. Разработчики антикоррупционных положений при работе над ними опирались в первую очередь на Закон США «О борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности» (*Foreign Corrupt Practices Act* – *FCPA*), при этом как на формулировки, так и на многолетнюю практику его применения. Как США, так и Великобритания исходили из необходимости усиления борьбы с коррупцией, однако сделали это по-разному, что продиктовано особенностями правовой культуры и сложившимися подходами к пониманию природы взяточничества в каждой из стран, отличиями в юридической

технике и пр., а также (и может, это главнее) теми конкретными целями, которые преследовались авторами законов [13, с. 34].

Закон содержит четыре состава коррупционных преступлений, одним из которых является «дача взятки государственному служащему иностранного государства», устанавливающего ответственность за подкуп иностранного должностного лица для того, чтобы продолжить или сохранить бизнес или получить поддержку в ведении бизнеса. По смыслу этой статьи данное преступление совершается тогда, когда лицо предлагает, обещает или предоставляет финансовые или иные выгоды иностранному публичному официальному лицу с намерением оказать влияние на выполнение данным должностным лицом его официальных функций.

Выводы

Проведенный анализ нормативных правовых актов и судебной практики позволяет сформулировать следующие выводы:

В отличие от *FCPA*, по Закону о взяточничестве фасилитационные платежи также признаются коррупционными [14], что соответствует международным антикоррупционным конвенциям. Отличительной особенностью британского закона является и криминализация коммерческого подкупа иностранных компаний.

Прямое указание, в отличие от *FCPA*, в законе о взяточничестве на ответственность юридических лиц за непредотвращение взяточничества связанного с ним лица, а также освобождение от соответствующих санкций корпораций при наличии надлежащих процедур является аргументом для утверждения более развернутых комплаенс-программ и процедур оценки контрагентов организации [15, с. 4].

Наличие шести принципов руководства по правоприменению (соразмерность процедур, заинтересованность и участие топ-менеджмента, оценка рисков, комплексный анализ, коммуникация, оперативный контроль, проверка и оценка) [16] дает возможность сотрудникам антикоррупционных отделов ТНК привести внутренние нормативные акты компании с положениями закона, а также создает необходимые ориентиры для внедрения антикоррупционных программ.

³ Закон Великобритании о коррупции в государственных органах 1889 г. *Public Bodies Corrupt Practice Act*. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1889/69/pdfs/ukpga_18890069_en.pdf

⁴ Закон Великобритании об антитерроризме, преступлениях и безопасности 2001 г. *Antiterrorism, Crime and Security Act*. – URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/24/pdfs/ukpga_20010024_en.pdf

Прямое установление ответственности руководителей высшего звена порождает заинтересованность руководителей во введении антикоррупционных процедур, закрепляет принцип неотвратимости наказания для данных лиц.

Введение ответственности руководителей компаний, а также самой корпорации при наличии даже недоказанного коррупционного преступления аффилированного лица соответствует существующей доктрине уголовной ответственности юридических лиц, в соответствии с которой в каждой корпорации есть определенная категория служащих, «направляющих ее разум и волю», которые при осуществлении деятельности являются ее воплощением, поэтому вопрос об ответственности корпорации должен решаться с учетом действий и психического состояния таких служащих [17, с. 61]. Психические свойства такой руководящей персоны считаются элементом неправомерного поведения самой корпорации, влекущим ее уголовную ответственность. В соответствии с решением по делу 1957 г. *HL Bolton (Engineering) Ltd v TJ Graham and Sons Ltd* [18, с. 71] «дирекция и топ-менеджеры, которые являются мозгом и волей компании и контролируют ее деятельность. Такие служащие могут быть идентифицированы с ней». В судебном акте, сформулированном по итогам рассмотрения дела 1972 г. *Tesco Supermarkets Ltd v Nattrass* [19], указано на возможность отождествления корпорации с любым лицом, если ему были делегированы полномочия, связанные с функцией управления.

Отделом по борьбе с серьезным мошенничеством составлен перечень индикаторов коррупции [20] – действий (такие как денежные выплаты, не оправданные в обычной хозяйственной деятельности организации; давление и активные действия в целях произведения платежей как можно скорее и вне стандартного графика выплат; необычно высокая комиссия для определенного посредника), совершаемых в ходе коммерческой деятельности организации, на которые следует обращать особое внимание ввиду их потенциальной связи с коррупцией и взяточничеством.

Принятие закона о соглашениях об отсрочке судебного преследования (*deferred prosecution agreement*), вступающего в силу с 1 января 2014 г. [21], повысит заинтересованность транснациональных корпораций в сотрудничестве с

государственными органами при расследовании международных коррупционных преступлений.

Отсутствие доказанного факта взяточничества в соответствии с положениями закона и практикой Управления по Финансовым Услугам (*Financial Services Authority*) не означает отказ государственных органов от привлечения юридических лиц к ответственности [21; 10]: корпорации *Aon u Willis Limited* были подвергнуты финансовым санкциям в связи с ненадлежащим качеством внутренних антикоррупционных процедур. Компания *Aon* пренебрегла программами обучения своих работников и не выпустила письменное руководство о том, каким образом следует работать с рисками взяточничества и коррупции; созданные в *Aon* подразделения внутреннего контроля и аудита, а также комитеты органа управления, ответственные за контроль внешних связей, не смогли обеспечить надлежащий мониторинг в сфере борьбы со взяточничеством; корпорация *Willis Limited* не предприняла разумные меры для установления и поддержания эффективной системы и средства контроля для противодействия риска взяточничества и коррупции, связанных с осуществлением зарубежных выплат за рубежом третьим лицам, которые помогли *Willis Limited* получить или сохранить бизнес в зарубежных странах.

Несмотря на ряд нормативных различий, укрепляется сотрудничество между государственными органами США и Великобритании:

- активное и значительное исполнительное производство органов в отношении юридических и физических лиц;

- повышение прозрачности сотрудничества между бизнесом и регулирующими органами [22, с. 151];

Вместе с тем нельзя не отметить проблемы, которые возникают и могут возникнуть в будущем при применении закона о взяточничестве:

Действие американского и британского антикоррупционных законов в пространстве.

ФСРА является одним из первых законов в мире, установивших свое экстерриториальное действие. Закон о взяточничестве еще более расширил собственную территориальную сферу применения (действие закона распространяется на любое юридическое лицо (независимо от места учреждения), осуществляющее хозяйственную

деятельность (любую ее часть) в любой части Великобритании). Таким образом, транснациональная корпорация, имеющая филиалы в обоих государствах, подпадает под действие сразу двух законов, что порождает обоснованные правовые вопросы при осуществлении корпорацией транснациональных коррупционных практик в Великобритании и США: по каким правовым основаниям возбуждать преследование со стороны правоохранительных органов? Какое государство должно вести расследование? В каком государстве будут наложены соответствующие санкции? К тому же возникает проблема, связанная с фасилитационными платежами, которые по законодательству США не являются коррупционными. Если компания, подпадает под сферу действия сразу двух законов и осуществляет вышеуказанные транзакции, должна ли она отвечать по британскому законодательству, несмотря на то, что, согласно FCPA, такая деятельность является легальной?

Проблема защиты корпораций при привлечении к ответственности в случае принуждения к совершению коррупционных преступлений. Зарубежными исследователями [8] отмечается, что платежи, совершенные по принуждению, не являются обоснованным основанием для неприменения санкций. Так как формой принуждения зачастую выступает не угрозой смерти и применения насилия, а скорее всего, замедление бюрократических процедур, наличие угрозы подобного рода не может являться угрозой принуждения.

Количество дел в рамках привлечения корпораций к ответственности за коррупционные преступления незначительно [10; 9]. Большинство расследований подкупа иностранных гражданских служащих, либо представителей зарубежных фирм заканчиваются привлечением к ответственности физических лиц по Закону о предотвращении коррупции 1906 г. [23; 24].

Отсутствие исчерпывающей статистики по коррупционным преступлениям. В ежегодных обзорах Transparency International по реализации Конвенции ОЭСР указывается количество расследуемых дел, при этом не содержится информации о количестве выявленных транснациональных коррупционных преступлений, причиненном ими ущербе, общей сумме наложенных санкций, в связи с чем представляется весьма проблематичным

оценивать криминологическую эффективность закона и работы соответствующих органов.

Современные нормативные положения в области противодействия международной коррупционной преступности юридических лиц в Великобритании и складывающаяся практика их применения являются одним из необходимых экземпляров для отечественных разработчиков при реформировании соответствующей сферы антикоррупционного законодательства в Российской Федерации.

Список литературы

1. Логинов Е. Л. Криминальное манипулирование финансовыми активами в деятельности международных корпораций. – Краснодар: КЭСИ, 2005. – 265 с.
2. Тарушкин А. Б. Экономика, глобализация и криминал. – СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2005. – 344 с.
3. Biegelman Martin T. Foreign corrupt practices act compliance guidebook: protecting your organization from bribery and corruption / Martin T. Biegelman, Daniel R. Biegelman. – John Willey & Sons, 2011. – 358 p.
4. Ковалев И. Г. Экономика и современное государственное-политическое устройство Великобритании. – М.: Перо, 2011. – 587 с.
5. Dan Slater. And the FCPA Party Continues // Wall Street Journal Law Blog. – September 12, 2008. – URL: <http://blogs.wsj.com/law/2008/09/12/and-the-fcpa-party-continues/>
6. Mark Mendelson. Black Money. Interview // Frontline. February 24, 2009. – URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/blackmoney/interviews/mendelsohn.html>
7. Кузнецова Н. В. Деятельность транснациональных корпораций в глобальной среде. – Владивосток: ИД Дальневост. федерал. ун-та, 2012. – 476 с.
8. Krishnan C. Transparency International and the fight against corruption / Serious Economic Crime. A boardroom guide to prevention and compliance. – White Page Ltd, 2011. – 321 p.
9. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. – СПб.: Санкт-Петерб. юрид. ин-т, 1998. – 37 с.
10. Progress Report 2009. OECD Anti-Bribery Convention / Transparency International. – 2009. – 72 p.
11. Exporting corruption. Progress Report 2013: Assessing Enforcement on the OECD convention on combating foreign bribery / Transparency International – 2013. – 119 p.
12. First executive convicted of foreign bribery escapes jail term // The Guardian. – 27 September 2008.
13. Security boss escapes jail over Ugandan bribes // The Times. – 26 September 2008.
14. Александрова И. А. Взятничество по законодательству Великобритании и России. Ст. № 1. Преступление одно, подходы к регламентации разные // Российский следователь. – 2011. – № 21. – С. 34–38.
15. Enforcement of the United Kingdom Bribery Act – Facilitation Payments / Serious Fraud Office. – 06 December 2012.

16. Колоколов Н. А., Мазаев Д. В. В связи с введением UK Bribery Act компаниям следует вводить систему проверки контрагентов, комплаенс-программ, а также аудит и мониторинг указанных действий. Bribery Act 2010: удар по взяточдателю // Уголовное судопроизводство. – 2012. – № 1. – С. 2–7.

17. The Bribery Act 2010 Guidance. – URL: <http://www.justice.gov.uk/guidance/bribery.htm>

18. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / Н. А. Голованова, В. И. Лафитский, М. А. Цирина. – М.: Статут, 2013. – 310 с.

19. Goulding Simon. Company Law / Simon Goulding Company Law. – 2nd ed. – Cavendish Publishing Limited The Glass House, Wharton Street, London WC1X 9PX, United Kingdom, 1996. – 479 p.

20. Tesco supermarkets ltd v natrass 1972 ac 153. – URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1971/1.html>

21. URL: <http://www.sfo.gov.uk/bribery--corruption/corruption-indicators.aspx>

22. DPA law gets Royal Assent. Deferred Prosecution Agreements on track for 2014. – URL: <http://thebriberyact.com/2013/04/27/dpa-law-gets-royal-assent-deferred-prosecution-agreements-on-track-for-2014/>

23. Карпович О. Г., Трунцевский В. Серьезные экономические преступления XXI века. Опыт противодействия им в Великобритании, России и США. – М.: ЮНИТИ-ДАТА; Закон и право, 2013. – 223 с.

24. FSA fires another warning shot on Bribery enforcement. – URL: <http://thebriberyact.com/2011/09/13/fsa-fires-another-warning-shot-on-bribery-enforcement/>

25. Innospec Ltd: Former director pleads guilty to corruption / 17 January 2012. – URL: <http://www.sfo.gov.uk/press-room/latest-press-releases/press-releases-2012/innospec-ltd-former-director-pleads-guilty-to-corruption.aspx>

26. Easy tiger...no proven bribery = £7 million fine – FSA bares teeth (again). – URL: <http://thebriberyact.com/2011/07/21/easy-tiger-no-proven-bribery-7-million-fine-fsa-bares-teeth-again/>

В редакцию материал поступил 01.11.13

© Салов А. В., 2013

Информация об авторе

Салов Андрей Владимирович, аспирант, Российская правовая академия Министерства юстиции РФ
Адрес: 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, тел.: (499) 317-67-77
E-mail: red4880@yandex.ru

Как цитировать статью: Салов А. В. Противодействие транснациональной корпоративной коррупционной преступности в Великобритании // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 76–82.

A. V. SALOV,

post-graduate student

Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice, Moscow, Russia

COUNTERACTION TO TRANSNATIONAL CORPORATE CORRUPTIVE CRIME IN GREAT BRITAIN

Objective: analysis of the modern experience of Great Britain in the sphere of transnational corruptive crime of juridical persons.

Methods: general dialectic method of cognition, systemic, structural-functional, statistical analysis, and method of comparative law studies.

Results: the modern legal mechanisms are stated for imp leading juridical persons for bribing foreign state servicemen in Great Britain.

Scientific novelty: basing on the carried out analysis of legislation and actual practice the features are revealed of transnational corporate crime counteraction in Great Britain; legal aspects of Bribery Law implementation are noted.

Practical value: possibility to account for the legal regulation of the segment of corruption counteraction in Great Britain when reforming the Russian anti-corruption legislation.

Key words: corruption; transnational corporations; Great Britain.

References

1. Loginov, E. L. *Kriminal'noe manipulirovanie finansovymi aktivami v deyatel'nosti mezhdunarodnykh korporatsii* (Criminal manipulation of financial assets in the functioning of international corporations). Krasnodar: KESI, 2005, 265 p.

2. Tarushkin, A. B. *Ekonomika, globalizatsiya i criminal* (Economy, globalization and crime). Saint Petersburg: Izd-vo politekhn. un-ta, 2005, 344 p.

3. Biegelman, Martin T. *Foreign corrupt practices act compliance guidebook: protecting your organization from bribery and corruption*, Martin T. Biegelman, Daniel R. Biegelman. John Wiley & Sons, 2011, 358 p.

4. Kovalev, I. G. *Ekonomika i sovremennoe gosudarstvenno-politicheskoe ustroystvo Velikobritanii* (Economy and modern state-political structure of Great Britain). Moscow: Pero, 2011, 587 p.
5. Dan Slater. *And the FCPA Party Continues*, Wall Street Journal Law Blog, September 12, 2008, available at: <http://blogs.wsj.com/law/2008/09/12/and-the-fcpa-party-continues/>
6. Mark Mendelson. Black Money. Interview, *Frontline*. February 24, 2009, available at: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/blackmoney/interviews/mendelson.html>
7. Kuznetsova, N. V. *Deyatel'nost' transnatsional'nykh korporatsii v global'noi srede* (Functioning of transnational corporations in the global environment). Vladivostok: ID Dal'nevost. federal. un-ta, 2012, 476 p.
8. Krishnan, C. *Transparency International and the fight against corruption / Serious Economic Crime. A boardroom guide to prevention and compliance*. White Page Ltd, 2011, 321 p.
9. Volzhenkin, B. V. *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits* (Legal liability of juridical persons). Saint Petersburg: Sankt-Peterb. yurid. in-t, 1998, 37 p.
10. *Progress Report 2009. OECD Anti-Bribery Convention*. Transparency International, 2009, 72 p.
11. *Exporting corruption. Progress Report 2013: Assessing Enforcement on the OECD convention on combating foreign bribery*, Transparency International – 2013, 119 p.
12. First executive convicted of foreign bribery escapes jail term, *The Guardian*, 2008, 27 September.
13. Security boss escapes jail over Ugandan bribes, *The Times*, 2008, 26 September.
14. Aleksandrova, I. A. *Vz'yatochnichestvo po zakonodatel'stvu Velikobritanii i Rossii. St. № 1. Prestuplenie odno, podkhody k reglamentatsii raznye* (Bribery according to the legislation of Great Britain and Russia. Art.1. One crime, different approaches to regulation), *Rossiiskii sledovatel'*, 2011, No. 21, pp. 34–38.
15. *Enforcement of the United Kingdom Bribery Act – Facilitation Payments*, Serious Fraud Office, 2012, 06 December.
16. Kolokolov, N. A., Mazaev D. V. V svyazi s vvedeniem UK Bribery Act kompaniyam sleduet vvodit' sistemu proverki kontragentov, komplains-programm, a takzhe audit i monitoring ukazannykh deistvii. Bribery Act 2010: udar po vzyatkodatelyu (Due to introduction of UK Bribery Act the companies are to introduce counteragents check system, compliance programs, as well as audit and monitoring of the above-mentioned activities. Bribery Act 2010: a strike on bribe-giver), *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2012, No. 1, pp. 2–7.
17. *The Bribery Act 2010 Guidance*, available at: <http://www.justice.gov.uk/guidance/bribery.htm>
18. *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v mezhdunarodnom i natsional'nom prave (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)*, N. A. Golovanova, V. I. Lafitskii, M. A. Tsirina (Criminal liability of juridical persons in international and national law (comparative-legal research) / N.A. Golovanova, V.I. Lafitskiy, M.A. Tsirina). Moscow: Statut, 2013, 310 p.
19. *Goulding Simon. Company Law, Simon Goulding Company Law. – 2nd ed. – Cavendish Publishing Limited The Glass House, Wharton Street*. London WC1X 9PX, United Kingdom, 1996, 479 p.
20. *Tesco supermarkets ltd v natrass 1972 ac 153*, available at: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1971/1.html>
21. <http://www.sfo.gov.uk/bribery--corruption/corruption-indicators.aspx>
22. *DPA law gets Royal Assent. Deferred Prosecution Agreements on track for 2014*, available at: <http://thebriberyact.com/2013/04/27/dpa-law-gets-royal-assent-deferred-prosecution-agreements-on-track-for-2014/>
23. Karpovich, O. G., Truntsevskii, V. *Ser'eznye ekonomicheskie prestupleniya XXI veka. Opyt protivodeistviya im v Velikobritanii, Rossii i SShA* (Grave economic crimes of the 21st c. Experience of counteraction in Great Britain, Russia and the USA). Moscow: YuNITI-DATA; Zakon i pravo, 2013, 223 p.
24. *FSA fires another warning shot on Bribery enforcement*, available at: <http://thebriberyact.com/2011/09/13/fsa-fires-another-warning-shot-on-bribery-enforcement/>
25. *Innospec Ltd: Former director pleads guilty to corruption / 17 January 2012*, available at: <http://www.sfo.gov.uk/press-room/latest-press-releases/press-releases-2012/innospec-ltd-former-director-pleads-guilty-to-corruption.aspx>
26. *Easy tiger...no proven bribery = J7 million fine – FSA bares teeth (again)*, available at: <http://thebriberyact.com/2011/07/21/easy-tiger-no-proven-bribery-7-million-fine-fsa-bares-teeth-again/>

Information about the author

Salov Andrey Vladimirovich, post-graduate student, Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice
Address: 2 Azovskaya Str., 117638, Moscow, tel. (499) 317-67-77
E-mail: red4880@yandex.ru

How to cite the article: Salov A. V. Counteraction to transnational corporate corruptive crime in Great Britain, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4(28), pp. 76–82.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 334.01:334.7:316.4.063.3

С. Г. АВДОНИНА,

ассистент,

С. И. ГРУДИНА,

кандидат экономических наук, доцент,

А. И. ПОДГОРНАЯ,

кандидат экономических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ ИНТЕГРАЦИИ МАЛОГО И КРУПНОГО БИЗНЕСА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ

Цель: провести анализ влияния государства на интеграцию малого и крупного бизнеса в сфере инноваций.

Методы: анализа и синтеза; статистический и абстрактно-логический.

Результаты: выделены прямые и косвенные методы воздействия на развитие интеграционных связей малого и крупного бизнеса в инновационной сфере.

Научная новизна: предложен подход к классификации методов воздействия на активизацию инновационных процессов, который, в отличие от известных подходов, рассматривает государственное влияние на развитие интеграционных отношений малого и крупного бизнеса в инновационной сфере.

Практическая значимость: предложенные методы направлены на совершенствование государственной инновационной политики и переход к экономическому развитию, основанному на собственных инновациях. Установлено, что наибольшее значение в России имеют косвенные механизмы.

Ключевые слова: межфирменная интеграция; малый и крупный бизнес; государственная политика в сфере разработки и коммерциализации инноваций; финансирование инновационных проектов; антимонопольная политика; права интеллектуальной собственности; организационная и инфраструктурная поддержка коммерциализации технологий.

Введение

Актуальность работы обусловлена тем, что стимулирование интеграционных процессов малого и крупного бизнеса в инновационной сфере обеспечит реализацию синергетического эффекта подобного взаимодействия. Данный эффект должен найти выражение в повышении уровня восприимчивости национальной экономической системы к нововведениям, в наполнении рынка потребительских товаров новой продукцией, обеспечивающей повышение качества жизни населения.

Цель данной статьи – выявить приоритетные механизмы государственного воздействия на развитие межфирменных интеграционных связей в инновационной сфере.

Для достижения поставленной цели использованы методы анализа и синтеза, а также статистический и абстрактно-логический методы.

Результаты исследования

В результате проведенного исследования предложены и обоснованы прямые и косвенные механизмы государственного воздействия на развитие межфирменных связей в инновационной сфере.

Научная новизна результатов исследования обуславливается тем, что в отличие от других известных подходов, уделяющих внимание роли государства в формировании факторов инновационной активности предприятий, в центре внимания данного подхода – развитие интегра-

ционных отношений малого и крупного бизнеса в инновационной сфере.

Общеизвестно, что в современных экономических условиях конкурентоспособность как отдельных предприятий, так и национальной экономики во многом зависит от разработки и коммерциализации нововведений, и в развитых странах уделяется огромное внимание развитию инновационных отношений. Так, если в России доля расходов на НИОКР в процентах к ВВП в 2010 г. составила лишь 1,16 %, то, к примеру, в Швеции этот показатель составлял 3,4 %, в Финляндии – 3,88 %, Франции – 2,25 %, Китае – 1,77 %, Японии – 3,26 % [7].

На сегодняшний день актуальны исследования, связанные с преодолением основных проблем управления и развития инновационных предприятий через выбор стратегии управления на основе дополненной классификации сигналов внешней и внутренней среды [1]. Рассмотрим более подробно внешнюю среду, а конкретно – влияние государства на интеграцию крупных и малых инновационных предприятий (далее – МИП). Обратим внимание, что на глобальном уровне роль государства реформируется как на развитых, так и на развивающихся рынках. Например, если по результатам европейских исследований [2] в 1994 г. 73 % респондентов утверждали о положительном

влиянии государства на инновационное развитие и только 20 % считали, что необходимы коренные реформы, то в 2011 г. только 57 % говорят о положительном влиянии государства и 34 % видят в нем значительное негативное влияние.

Инновации становятся результатом все более сложных взаимодействий между фирмами, поэтому большое значение имеет государственная поддержка развития межфирменных связей в сфере разработки и коммерциализации НИОКР. В России реализация государственной политики в сфере стимулирования интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере имеет особое значение. Она должна способствовать отказу от импорта зарубежных технологий, утерявших свою новизну и эксклюзивность и приводящих к еще большему отставанию отечественного производства от мировых экономических держав, и переходу к экономическому развитию, основанному на собственных инновациях, обеспечивающих конкурентные преимущества отечественной промышленности.

В отношении развития межфирменной интеграции можно выделить прямые и косвенные методы государственного воздействия. Различные механизмы стимулирования интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере и их взаимосвязь можно представить в виде следующей схемы.

Система государственных мер содействия интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере и их взаимосвязь*

* Источник: составлено авторами.

Различные механизмы стимулирования интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере воздействуют на весь спектр факторов инновационной активности: спрос на инновации, предложение инновационных ресурсов (финансовых и интеллектуальных), конкуренцию, получение прибыли от инновационной деятельности.

Прямое государственное воздействие на развитие интеграционных отношений ориентировано на формирование взаимосвязи между конкретными предприятиями для реализации определенных инновационных проектов. В современных условиях механизмом такого воздействия является государственное участие в финансировании инновационных проектов, реализуемых совместными усилиями малого и крупного бизнеса, которое может происходить полностью за счет средств государства (традиционные государственные заказы) или же с участием частных инвесторов. Подобные финансовые механизмы за счет сокращения рисков и сроков окупаемости венчурных проектов способствуют интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере.

По результатам обзора публикаций, на сегодняшний день в России основная проблема реализации инновационных проектов связана с трудностями в привлечении финансовых ресурсов, особенно на начальных этапах инновационного цикла [5]. Финансовая поддержка венчурных проектов МИП осуществляется за счет средств Фонда содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере (ФС). Среди основных задач фонда – оказание прямой финансовой, а также информационной и иной помощи МИП, реализующим проекты по разработке и освоению новых видов наукоемкой продукции и технологий на основе принадлежащей этим предприятиям интеллектуальной собственности. Однако за счет указанных средств можно осуществить финансирование лишь небольшого количества инновационных проектов [3].

Если стартовые разработки и могут получить поддержку от Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, то после разработки образца малому предприятию негде взять денег для организации его выпуска и расширения бизнеса. Поэтому мелкие фирмы стараются не прибегать к заемным

средствам из-за высоких процентных ставок и отсутствия обеспечения.

В современной российской практике целям привлечения частных инвестиций в венчурные проекты служит создание Российской венчурной компании (РВК) со 100 % государственным капиталом. В настоящее время ОАО «РВК» и созданные с его участием фонды мало заинтересованы в реализации инновационных проектов. Это, в первую очередь, связано с отсутствием инновационного спроса, низким уровнем развития инновационного предпринимательства, неразвитой системой контроля над деятельностью подобных фондов. Ярким примером может служить скандал с ОАО «РВК», связанный с обвинением в нецелевом использовании средств, депонированием их на счетах в банках, инвестированием их в зарубежные компании, а не вложением в инновационные проекты, что противоречило основной миссии компании.

Административные методы также относятся к методам прямого воздействия. Они основываются на силе и авторитете государства. Речь идет, например, о правовых актах, которые напрямую определяют правила функционирования хозяйственных организаций в рамках интегрированной структуры.

Косвенные методы – это экономико-правовые средства воздействия на стимулы интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере путем создания благоприятных условий для их инновационной деятельности и налаживания межфирменных связей. К косвенным методам воздействия были отнесены: совершенствование антимонопольной политики; развитие науки и образования; налоговое стимулирование внедрения инноваций; обеспечение эффективной защиты прав собственности, в том числе интеллектуальной собственности; организационная и инфраструктурная поддержка коммерциализации технологий.

Совершенствование антимонопольной политики, направленной на развитие конкуренции и ограничение отрицательного влияния монополий на хозяйственную деятельность предприятий, способствует развитию инновационной активности предприятий и межфирменной интеграции в инновационной сфере.

Конкурентная среда оказывает мощное стимулирующее воздействие на инновационную активность предприятий. Для победы в конку-

рентной борьбе компании должны стремиться к техническому лидерству, находить новые и преобразовывать старые рынки, стараться более точно угадывать изменения в потребительских предпочтениях и максимально полно воплощать их в соответствующих продуктах. При этом издержки по созданию и коммерциализации новшеств рассматриваются предпринимателями как неизбежные вложения для обеспечения «выживания» в условиях динамичной конкуренции. Поэтому конкретные меры по созданию и регулированию конкурентной среды будут способствовать интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере. Сегодня в России из-за высокой монополизации рынка, а также сильной взаимозависимости крупного бизнеса и государства получение высоких доходов обеспечивается без усилий в сфере инновационного развития.

Отрицательное влияние на инновационную активность предприятий перерабатывающей промышленности в России оказывают и высокие тарифы на продукцию топливно-энергетического комплекса. Они препятствуют накоплению ресурсов для осуществления инновационного развития, являясь одной из причин низкой конкурентоспособности промышленности.

Конкретные меры антимонопольной политики, способствующие развитию инновационной активности и межфирменной интеграции в инновационной сфере на российском рынке, должны предусматривать:

- привлечение на рынок новых предприятий путем снижения административных барьеров, повышения доступности финансового капитала. Для повышения инновационной активности особенно важно создание благоприятных условий для развития малого предпринимательства, имеющего преимущество при освоении и коммерциализации новых технологий;

- создание благоприятных условий для отечественных и зарубежных инвестиций в высокотехнологичные виды деятельности по приоритетным направлениям путем предоставления различных льгот и преференций иностранным инвесторам, сокращения рисков инвестиционной деятельности и т. п. Развитие конкурентоспособных высокотехнологичных отраслей постепенно усилит внимание российской промышленности к отечественным научно-техническим разработкам;

- усиление государственного контроля над рыночной концентрацией, избыточный уровень которой отрицательно сказывается на развитии инновационных отношений;

- усиление государственного контроля над тарифами естественных монополистов, избыточный рост которых препятствует осуществлению процессов модернизации хозяйственной деятельности предприятий.

Меры, направленные на развитие образования, необходимы для формирования качественных человеческих ресурсов для инновационной деятельности и повышения конкурентоспособности отечественных технологий. Значительные государственные вложения в образование по приоритетным направлениям подготовки должны привлечь талантливых специалистов в эту сферу, способствуя совершенствованию образовательных технологий. На повышении качества образования должно сказаться и развитие университетов как научных центров, в которых сотрудники заняты не только обеспечением образовательного процесса, но и проведением исследований и разработок. Названная мера должна позволить более рационально использовать научные кадры, получать дополнительные источники финансирования, а участие студентов в научных проектах обеспечит повышение их образовательного уровня и развитие навыков исследовательской деятельности и творческого мышления.

Косвенные финансовые механизмы способствуют межфирменной интеграции в инновационной сфере путем сокращения сроков окупаемости и рисков венчурных проектов. Среди наиболее широко используемых подобных механизмов следует отметить политику по либерализации налогового и амортизационного законодательства, а также предоставление государственных гарантий венчурным инвесторам и кредиторам. Предусмотренные российским налоговым кодексом льготы и преференции для предприятий, занимающихся разработкой и внедрением инноваций, должны положительно сказаться на их конкурентоспособности.

Особую роль в системе косвенных мер государственной инновационной политики имеет законодательная защита прав собственности и особенно прав интеллектуальной собственности. Защита прав собственности на имущество обеспечивает

стимулы к ее эффективному использованию, что достигается за счет инновационного развития. В странах, где права собственности хорошо защищены, главной целью владельцев фирмы является ее стабильное развитие. Четкое правовое регулирование интеллектуальной собственности создает экономическую заинтересованность и в генерации инновационной идеи, и в коммерциализации новшества, позволяя получать инновационную ренту – плату за обладание редким благом, что благоприятно сказывается и на активности научной работы в стране и коммерциализации ее результата. В настоящий момент уровень защиты прав интеллектуальной собственности в нашей стране значительно ниже, чем в большинстве развитых и развивающихся стран. Такая ситуация, на наш взгляд, прежде всего, связана с несовершенством законодательства по защите прав интеллектуальной собственности, позволяющее фактически любым лицам оформлять патенты на не созданные ими объекты интеллектуальной собственности, и предоставляющее им высокую вероятность выигрыша дел при предъявлении претензий по их использованию. В настоящее время ситуация отмены более 40 специальных законодательных актов и объединение вопросов регулирования интеллектуальной собственности в единый универсальный акт – четвертую часть Гражданского кодекса Российской Федерации с 1 января 2008 г. еще более осложнила положение в связи с отсутствием действенных механизмов практического применения данной части закона ГК РФ.

Необходимая инфраструктурная поддержка интеграционных отношений организуется на базе бизнес-инкубаторов, технопарков, технополисов, центров трансфера технологий (ЦТТ) и т. п., которые позволяют преодолеть многие трудности, например: высокая специфичность инновационных технологий; формирование спроса на новый товар; асимметричность информации на инновацию.

Комплексная государственная поддержка, соединяющая в себе прямые и косвенные методы содействия интеграции малых и крупных предприятий в инновационной сфере, в международной практике реализуется в системе технико-внедренческих зон (ТВЭЗ), представляющих собой вид особых экономических зон (ОЭЗ) для создания и реализации научно-технической про-

дукции, доведения ее до промышленного образца. Освобождая резидентов ТВЭЗ от ряда налоговых платежей и предоставляя различные преференции, федеральные и региональные власти дают импульс развитию интеграции крупного бизнеса и малых инновационных фирм, взаимодействие которых может строиться на основе стратегического партнерства или путем создания совместных предприятий.

Зарубежный опыт показывает, что для того, чтобы ОЭЗ стали приносить максимальный экономический эффект, нужно как минимум 10–15 лет [4]. Хотя функционирование ОЭЗ в России насчитывает около 15 лет, особые экономические зоны пока не получили должного развития. Проблемы функционирования ОЭЗ в России носят разноплановый характер и требуют решения организационных, нормативных, информационных и методических вопросов. Однако, на наш взгляд, основная проблема формирования и функционирования ОЭЗ связана с отсутствием четко сформулированной цели создания конкретной ОЭЗ, соответствующей как цели региона, так и федерации в целом. Руководители регионов видят, как правило, в таких зонах лишь сиюминутную выгоду – перспективу полного или частичного освобождения от налога.

Различные методы государственной поддержки межфирменной интеграции реализуются при формировании инновационных кластеров. Часто их формирование происходит на основе технико-внедренческих и промышленно-производственных зон.

Если первоначально кластеры образовывались исключительно благодаря «невидимой руке рынка», прежде всего при модернизации ТНК, то в последнее время правительства многих стран стали создавать кластеры по собственной инициативе в рамках государственно-частного партнерства, оказывая этому процессу всестороннюю помощь.

Концепция кластерной политики, утвержденная Минэкономразвития России, выделяет три основных направления стимулирования процесса формирования кластеров [6]:

– содействие институциональному развитию кластеров, в первую очередь – разработка стратегии развития;

– меры, направленные на повышение конкурентоспособности участников кластера;

– формирование благоприятных условий для развития кластера.

Однако в настоящий момент лишь относительно небольшая часть проектов развития кластерных структур достигла стадии практической реализации. На наш взгляд, для развития и эффективного функционирования инновационных кластеров необходима заинтересованность в этом процессе со стороны крупных промышленных компаний государства. В условиях сырьевой ориентированности российской экономики такой интерес пока отсутствует.

Среди основных недостатков государственной политики по формированию кластеров в нашей стране следует отметить:

– отсутствие действенной нормативно-правовой и законодательной базы, обеспечивающей консолидацию усилий федеральных и региональных властей по формированию и развитию региональных кластеров;

– отсутствие комплексного целевого выделения средств на развитие кластеров (средства зачастую находятся в разных фондах и министерствах, что создает большие сложности в их получении);

– низкий уровень государственной поддержки малого предпринимательства;

– отсутствие четко разработанной системы контроля над эффективностью их функционирования.

Выводы

Таким образом, современное регулирование интеграционных процессов – объединение усилий правительства и хозяйственных структур. Их взаимодействие должно быть основано на согласовании экономических интересов сторон в целях наиболее эффективного достижения целей межфирменной интеграции. При этом интересы бизнеса в развитии интеграционных отношений в инновационной сфере заключаются в получении максимально возможной прибыли за счет создания конкурентных преимуществ. Для государства – это формирование среды и условий, при которых инновации обеспечивают бизнесу наибольшую возможную прибыль, для науки – спрос со стороны бизнеса на научные исследования, а для экономики в целом – высокую конкурентоспособность.

Российский и зарубежный опыт показывает, что многие попытки развития инновационной среды путем прямого вмешательства государства в инновационные отношения предприятий через реализацию специализированных государственных программ далеко не всегда заканчиваются успехом при отсутствии интереса к модернизации со стороны предприятий. Так, согласно отчету Счетной палаты РФ, рост бюджетного финансирования НИОКР в 6 раз в 2012 г. по сравнению с 2002 г. практически не повлиял на прирост ВВП и количество охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Основная причина – не востребованность результатов НИОКР со стороны реального сектора экономики. В настоящее время крупные корпорации получают доходы от монополизации рынка и делятся ими с властными структурами. Получение высоких доходов происходит без усилий в области модернизации производства, роста объемов наукоемкой, высокотехнологичной и инновационной продукции.

Роль государства в отношении развития межфирменной интеграции в инновационной сфере в первую очередь должна заключаться в создании таких условий, при которых возникает импульс к нововведениям со стороны частного сектора. Практическими механизмами для этого могут служить развитие конкурентной среды и высокотехнологичного предпринимательства; установление «долгосрочных правил» ведения бизнеса, гарантирующих закрепление достигнутых конкурентных преимуществ. Особое значение для получения инновационной ренты имеет защита интеллектуальной собственности. Меры государственной политики, направленные на снижение рисков и сроков окупаемости венчурных проектов, создание инновационной инфраструктуры, на наш взгляд, имеют второстепенное значение. Они должны способствовать поддержанию интереса к инновационной деятельности.

Список литературы

1. Грудина С. И., Подгорная А. И. Антикризисный потенциал инновационных предприятий // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 64–65.
2. Bundesverband deutscher Banken, Banken in der Verantwortung – Ergebnisse einer begleitender repräsentativer Meinungsumfrage des BdB zum XIX. Dt. Bankentag 30-31.03.2011. – Berlin, 2011. – S. 3.

3. Кокуева Я. А. Проблемы малого инновационного предпринимательства в России и пути их решения // Проблемы современной экономики. – 2009. – № 1. – URL: www.m-economy.ru

4. Кочергин А. Инновационная деятельность: налоговые льготы и преференции // Финансовая газета. – 2011. – № 7. – URL: www.fingazeta.ru

5. Узлов В. А. Почему инновации уходят из России? Личный опыт // ЭКО. – 2011. – № 7. – С. 14–29.

6. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. – URL: <http://www.economy.gov.ru>

7. Россия и страны мира, 2012. Наука и технологии. Внутренние затраты на исследования и разработки. – URL: www.gks.ru

В редакцию материал поступил 30.09.13

© Авдонина С. Г., Грудина С. И., Подгорная А. И., 2013

Информация об авторах

Авдонина Софья Геннадьевна, ассистент кафедры финансового менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Рахматуллина, 1, тел.: (843) 292-83-10

E-mail: avdoninas@yahoo.com

Грудина Светлана Игоревна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Рахматуллина, 1, тел.: (843) 292-83-10

E-mail: switki@yandex.ru

Подгорная Алла Игоревна, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Рахматуллина, 1, тел.: (843) 292-83-10

E-mail: oreola77@mail.ru

Как цитировать статью: Авдонина С. Г., Грудина С. И., Подгорная А. И. Роль государства в формировании интеграции малого и крупного бизнеса в инновационной сфере // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 83–90.

S. G. AVDONINA,

assistant lecturer,

S. I. GRUDINA,

PhD (Economics), associate professor,

A. I. PODGORNAYA,

PhD (Economics), associate professor

Kazan (Volga region) federal university, Kazan, Russia

THE ROLE OF STATE IN FORMING THE SMALL- AND LARGE-SIZE BUSINESS INTEGRATION IN INNOVATIVE SPHERE

Objective: to analyze the influence of state on the small- and large-size business integration in the sphere of innovations.

Methods: analysis and synthesis; statistical and abstract-logical.

Results: direct and indirect methods of influence are revealed on the development of integration links of the small and large-size business in innovative sphere.

Scientific novelty: the approach is suggested to classify the methods of influence on innovative processes activation, which, unlike the known approaches, views the state influence on the development of integration relations of the small- and large-size business in innovative sphere.

Practical value: the suggested methods are aimed at improving the state innovative policy and transition towards economic development based on own innovations. It is stated that indirect mechanisms are more relevant in Russia.

Key words: inter-company integration; small- and large-size business; state policy in the sphere of elaboration and commercialization of innovations; financing of innovative projects; anti-monopoly policy; intellectual property rights; organizational and infrastructural support of technology commercialization.

References

1. Grudina, S. I., Podgornaya A. I. Antikrizisnyi potentsial innovatsionnykh predpriyatii (Anti-crisis potential of innovative enterprises), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 2, pp. 64–65.
2. Bundesverband deutscher Banken, *Banken in der Verantwortung – Ergebnisse einer begleitender røpresentativer Meinungsumfrage des BdB zum XIX. Dt. Bankentag 30-31.03.2011*. Berlin, 2011, p. 3.
3. Kokueva, Ya. A. Problemy malogo innovatsionnogo predprinimatel'stva v Rossii i puti ikh resheniya (Problems of small innovative entrepreneurship in Russia and ways of solving them), *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2009, No. 1, available at: www.m-economy.ru
4. Kochergin, A. Innovatsionnaya deyatel'nost': nalogovye l'goty i preferentsii (Innovative activity: tax incentives and preferences), *Finansovaya gazeta*, 2011, No. 7, available at: www.fingazeta.ru
5. Uzlov, V. A. Pochemu innovatsii ukhodyat iz Rossii? Lichnyi opyt (Why do innovations go away from Russia? Personal experience), *EKO*, 2011, No. 7, pp. 14–29.
6. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF* (Official web-site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation), available at: <http://www.economy.gov.ru>
7. *Rossiya i strany mira, 2012. Nauka i tekhnologii. Vnutrennie zatraty na issledovaniya i razrabotki* (Russia and countries of the world, 2012. Science and technology. Internal expenses for research and development), available at: www.gks.ru

Information about the authors

Avdonina Sofya Gennadyevna, assistant lecturer of the chair of financial management, Kazan (Volga region) federal university
Address: 1 Rakhmatullina Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 292-83-10
E-mail: avdoninas@yahoo.com

Grudina Svetlana Igorevna, PhD (Economics), associate professor of the chair of financial management, Kazan (Volga region) federal university
Address: 1 Rakhmatullina Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 292-83-10
E-mail: switki@yandex.ru

Podgornaya Alla Igorevna, PhD (Economics), associate professor of the chair of financial management, Kazan (Volga region) federal university
Address: 1 Rakhmatullina Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 292-83-10
E-mail: oreola77@mail.ru

How to cite the article: Avdonina S.G., Grudina S. I., Podgornaya A. I. The role of state in forming the small and large-size business integration in innovative sphere, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 83–90.

© Avdonina S.G., Grudina S. I., Podgornaya A. I. , 2013

УДК 338.22.021.1

И. А. КИРШИН,

доктор экономических наук, профессор

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт управления и территориального развития, г. Казань, Россия,*

О. В. ПАЧКОВА,

кандидат экономических наук, старший преподаватель

*Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
г. Казань, Россия*

СПЕЦИФИКАЦИЯ СИСТЕМНОГО ОБЪЕКТА ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Цель: спецификация системного объекта государственного регулирования в условиях информатизации Российского общества.

Методы: системно-информационный, эволюционный.

Результаты: на основе оценки мнений российских и зарубежных ученых и в рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации рассмотрено поэтапное построение предложенного системного объекта государственного регулирования, названного авторами «Концепция 7И», в котором разграничены объекты государственного регулирования и регламентирования.

Научная новизна: обоснована структура системного объекта государственного регулирования «Концепция 7И» в условиях информатизации Российского общества, которая включает в себя: «информация», «интеллект», «инновации», «институты», «инфраструктура», «инвестиции», «индикаторы». Для каждого из перечисленных элементов системы определены основные функции; установлены структурные прямые и обратные связи.

Практическая значимость: в рамках предложенной «Концепции 7И» предполагается развитие и согласование нормативно-правовой базы по всем семи направлениям в соответствии с системно-информационным подходом, который позволит проявиться синергетическим эффектам. Структура системного объекта «7И» обладает возможностью изменять свое состояние и структуру в ответ на возможные возмущения, так как разнообразие возмущений требует соответствующего ему разнообразия возможных состояний.

Ключевые слова: информация; интеллект; инновации; институты; инфраструктура; инвестиции; индикаторы; системный объект государственного регулирования; информационная экономика; информационное общество; принцип обратной связи; метод «черного ящика»; информационно-коммуникационный сектор.

Введение

Эффективное решение проблем совершенствования процесса воспроизводства информации как ключевого резерва экономического роста информационного типа является одной из главных задач современности. Невостребованность системно-информационного подхода к спецификации объекта государственного регулирования при разработке целенаправленной государственной политики становления информационного общества (ИО) в Российской Федерации обуславливает актуальность применения системного анализа в исследованиях информационной экономики (ИЭ) и ИО. С позиции государственного регу-

лирования необходимо постоянное улучшение самой методологии информатизации экономики. Нужна методология, увязывающая современный экономический рост с информатизацией общества, фиксирующая ее понимание как состояние и результат роста экономики.

Для разработки государственной стратегии построения ИО, основанной на расширенном воспроизводстве информационных ресурсов (ИР), авторами обосновывается выделение в качестве объекта государственного регулирования системного комплекса, включающего следующие элементы: «информация», «интеллект», «инновации», «институты», «инфраструктура», «инве-

стиции», «индикаторы», определяемого нами как «Концепция 7И».

Так как отсутствие системно-информационного подхода к пониманию объекта управления и целенаправленной государственной политики становления ИО в РФ требуют рассмотрения данного вопроса, этот подход должен дать импульс для опережающего роста ИЭ и дальнейшего формирования ИО под воздействием воспроизводства информационных ресурсов.

Результаты исследования

Исходя из общепринятого определения понятия «система» как целостного множества взаимосвязанных элементов, обладающих свойствами, отличными от свойств элементов, образующих это множество [1, с. 12], будем рассматривать объект управления как некую целостность. Исследуя целое, можно понять специфику его составляющих. Необходимым и достаточным условием функционирования системы как единого целого является обязательное существование связей между элементами, где связь – это перенос материальных, энергетических и, что особенно важно в рамках данного исследования, информационных компонент из одного объекта в другой. В социально-экономических (хозяйственных) системах связи или экономические отношения могут быть организованы в плановом порядке, т. е. государством, или складываться стихийно на основе рыночных законов. В этих системах особую роль играет прагматический характер информации, когда она используется для достижения поставленных целей.

В основе предложенной нами «Концепции 7И» лежат труды отечественных и зарубежных ученых, поэтапно выстраивающих объект управления как некую целостность. Одним из первых А. Скаленко в работе «Глобальные резервы роста» указал, что самым влиятельным фактором эффективности экономической деятельности является именно информационный ресурс, функционирующий в комплексе «информация + интеллект + инновация», и назвал этот комплекс «Концепция 3И». Он обосновал, что этот комплекс способен оказать существенную помощь в проблеме формирования системно-информационного подхода в условиях глобальной информатизации мировой социально-экономической жизни. Подход А. Скаленко

основан на том, что движение к ИО объективно и закономерно базируется на трех основаниях, а именно: информационном, интеллектуальном, инновационном [2, с. 192].

Природа информации двойка. С одной стороны, информация принципиально не может существовать и экономически функционировать без вещественно-энергетического носителя, поэтому сегодня информация – это природный закономерно единственный, функционально глобальный, приоритетно стратегический ресурс роста эффективной социально-экономической деятельности и развития человечества. С другой стороны, информация имеет интеллектуальные основания и выполняет в творческой деятельности ряд определенных функций. Создание и приумножение информации не самоцель, а энергетическая основа любого интеллектуального процесса. Интеллектуальная основа объективно и закономерно обеспечивает эффективность целенаправленного творчества. Она глобальная движущая сила, неразрывно связанная с феноменом информации и проблемами информатизации индивидуального и общественного труда, а также рычаг эффективной социально-экономической деятельности и развития.

Собственно интеллектуальный ресурс – единство самодвижимого (вещественно-энергетического) и несамодвижимого (идеально-информационного) в процессе самого мышления и волеизъявления, т. е. это единый психоинформационный процесс. В этом процессуальном единстве происходит переход формы в содержание, а именно, объективная реальность явления или процесса переходит в специфическую (абстрактную) форму, которая в таком состоянии и называется информацией. В процессах целеполагающего мышления уже идеализированный феномен – информация – выступает в роли их содержания.

Инновационная основа информационного и интеллектуального ресурсов также должна рассматриваться в целостной системе. Все формы человеческой деятельности, в особенности интеллектуальное творчество, связаны с информацией, и поэтому должны быть технологическими [2, с. 203]. Согласно представленной А. Скаленко системно-информационной методологии, полная социально-функциональная цепь приоритетно определяются фундаментальным транспсихинфор-

мационным механизмом экономической деятельности и общественного развития. Следовательно, инновационный процесс как процесс постоянного усовершенствования всех сфер жизни новыми методами и технологиями должен начинаться уже в фундаментально научном естествознании и далее трансформационно проходить по всей социально-экономической структуре. Данный подход является логическим развитием диалектики Ф. Гегеля и К. Маркса.

В праксеологическом плане (от греч. *praktis* – «практика» – теория эффективной организации деятельности) естественнонаучные открытия творчески трансформируются в научно-прикладные технологические решения (изобретения), в проектно-конструкторские разработки, а последние – в производственные технологии и некоторым образом в продукцию. Технологическое оборудование считается наиболее совершенным при полном соответствии требованиям принципов ресурсосбережения и минимизации затрат сырья и энергии, а социально-гуманитарное направление ускоряющихся технологических процессов – это гарантия своевременного удовлетворения жизненно важных потребностей людей. Таким образом, интеллект по своей фундаментальной сущности обречен на инновационное усовершенствование социально-экономических технологий во всех без исключения отраслях.

В контексте предложенной системно-информационной методологии фундаментальная наука должна рассматриваться как главный производи-

тель наиболее объективного и достоверного информационного ресурса современного экономического роста. Но в общесистемном плане свою социальную функцию информационный ресурс и сама наука выполняют только при условии перехода (трансформации) знаний в экономическое пространство, где они и становятся фактором производства или производительной силой.

Рассмотрим инновационную составляющую, используя определение, данное Й. А. Шумпетером [3, с. 132], в котором говорится, что производить – значит комбинировать имеющиеся в нашей сфере вещи и силы. Производить нечто иное или иначе – значит создавать другие комбинации из этих вещей и сил. Инновации представляют собой новые комбинации и охватывают следующие пять случаев:

1. Изготовление нового, т. е. еще неизвестного потребителям блага или создание нового качества того или иного блага.

2. Внедрение нового, т. е. данной отрасли промышленности еще практически неизвестного метода (способа) производства, в основе которого необязательно лежит новое научное открытие и который может заключаться также в новом способе коммерческого использования соответствующего товара.

3. Освоение нового рынка сбыта, т. е. такого рынка, в котором данная отрасль промышленности этой страны еще не была представлена, независимо от того, существовал этот рынок прежде или нет.

Рис. 1. Классификация инноваций по Ю. В. Яковцу

4. Получение нового источника сырья или полуфабрикатов независимо от того, существовал этот источник прежде или просто не принимался во внимание, или считался недоступным, или его еще только предстояло создать.

5. Проведение соответствующей реорганизации, например обеспечение монопольного положения (посредством создания треста) или подрыв монопольного положения другого предприятия [3, с. 132–133].

Продолжая идеи Й. Шумпетера, университет Федосеева разрабатывает и продвигает инновации в соответствии с классификацией, которую предложил Ю. В. Яковец [4, с. 9–10] (рис. 1).

Развивая и дополняя системный объект государственного регулирования, следует отметить, что в 2009 г. была сформулирована «Концепция 5И», включающая в себя: институты, инвестиции, инфраструктуру, инновации, интеллект. В рамках «Концепции 5И» одним из основных инструментов формирования благоприятной среды для инновационной деятельности в Российской Федерации, являются федеральные целевые программы (ФЦП) в научно-технической и инновационной сфере. Федеральному агентству по науке и инно-

вациям (Роснаука) в названных сферах отведено ведущее место среди федеральных органов исполнительной власти [5]. Стоит отметить, что затем в Концепцию-2020 такой элемент, как «интеллект» оказался не включен.

Авторский подход заключается во включении в «5И» двух дополнительных элементов системы – информации (обосновано, исходя из «ЗИ») и индикаторов, которые являются объектом государственного регулирования. Введение индикаторов позволяет проводить мониторинг и оценивать положительный эффект от предложенной модели. Обобщив вышесказанное, мы предлагаем в рамках данного исследования объектом государственного регулирования в ИО считать системный комплекс «Концепция 7И»: «информация», «интеллект», «инновации», «институты», «инфраструктура», «инвестиции», «индикаторы» (рис. 2).

Следовательно, для выработки государственной стратегии построения информационного общества и вовлечения информационных ресурсов в процесс воспроизводства необходимо с помощью системного анализа в качестве объекта государственного регулирования использовать комплекс «Концепция 7И».

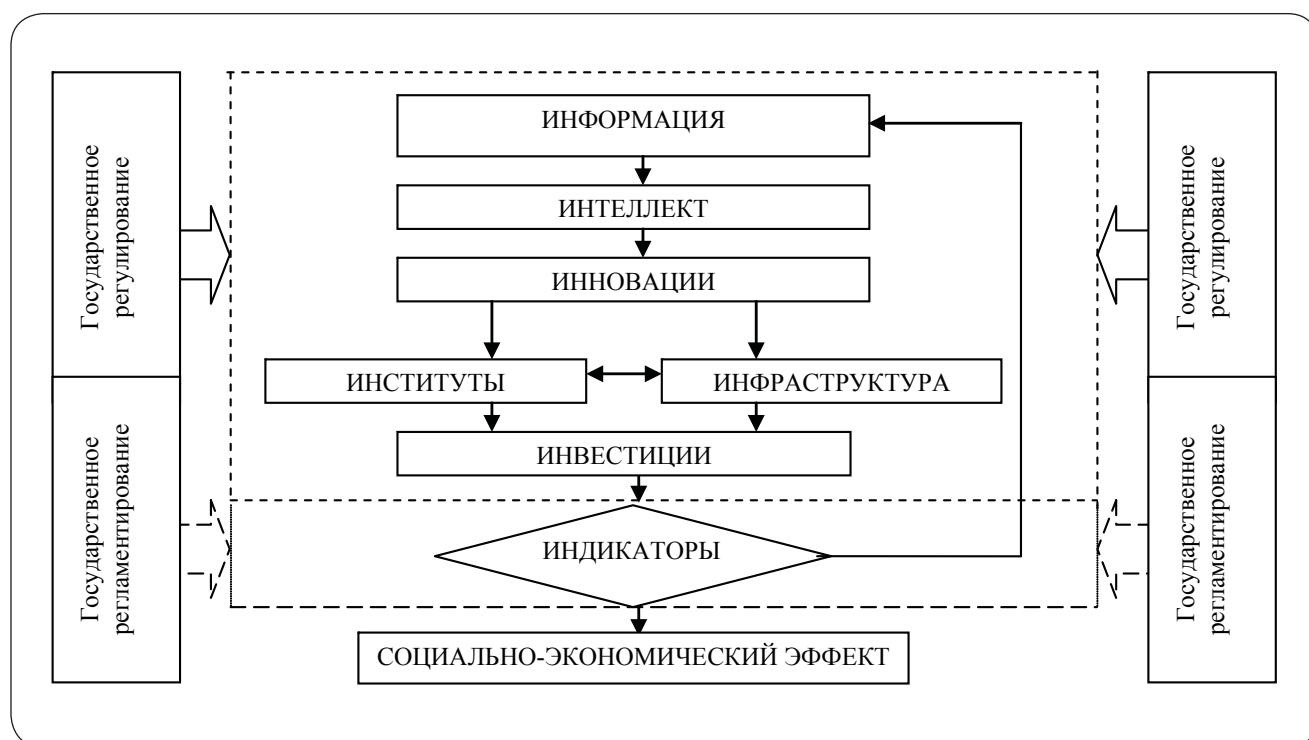

Рис. 2. Блок-схема системного объекта государственного регулирования «Концепция 7И»

Каждый из элементов системы «Концепция 7И» выполняют следующие основные функции:

1. Информация – базис для интеллектуальной (творческой, креативной) экономической деятельности.

2. Интеллект – носитель и создатель новой информации.

3. Информация и интеллект вместе выполняют селективную функцию по отбору инноваций.

4. Институты формируют нормативно-правовую базу и традиции.

5. Инфраструктура выполняет обеспечивающую и связующую функции.

6. Инвестиции – функцию финансового обеспечения всей системы «7И».

7. Индикаторы дают оценку и указывают вектор дальнейшего развития системы «7И».

Структурный анализ современной экономики и признание ведущей роли ИР в проблемах устойчивого экономического роста свидетельствуют о том, что ИЭ представляет собой не только совокупность независимых субъектов, деятельность которых связывается и регулируется рынком и другими механизмами, но является информационным пространством, которое имеет специфические тенденции своего развития.

Связующими элементами информационного пространства являются объекты информационной инфраструктуры, обеспечивающие общие условия информационного взаимодействия общества [6, с. 25].

Мы согласны с мнением Н. А. Нестерова, который обращает внимание на интеграционную роль инфраструктурного комплекса в системе производственных отношений: «Инфраструктурные операции восстанавливают единство и непрерывность дискретных производственных операций путем обеспечения материальных условий для каждого последующего этапа, поставляя средства и предметы труда, энергию и информацию в нужные места, в нужное время и в нужном количестве» [7, с. 64]. Важность данной роли инфраструктурного комплекса усиливается в условиях прогрессирующих масштабов общественного разделения труда, экономической обособленности и самостоятельности хозяйственных систем.

Еще К. Маркс отмечал следующие признаки основного капитала в отраслях, которые в настоящее время принято относить к инфраструктур-

ным: «Одновременное обслуживание нескольких капиталов в качестве общего для них условия производства и обращения; участие как в производительном, так и непроизводительном потреблении; использование не в особом процессе производства, а в роли соединительной артерии для множества процессов производства особых капиталов» [8, с. 215].

На базе дальнейшего углубления общественного разделения труда под воздействием воспроизводства ИР происходит отделение от основного производства инфраструктурных функций. Следовательно, функционирование информационной инфраструктуры (ИИ) как составляющей части общей инфраструктуры направлено на обеспечение «реальности» информационных потоков между владельцами и потребителями информации. Параметры, определяющие интенсивность функционирования ИИ, зависят от технической оснащенности, масштабов и информационных потоков, циркулирующих в экономике.

Для ведения успешной хозяйственной деятельности требуются качественные правила, а именно институты и их ядро – нормативно-правовая база (НПБ), которые должны быть понятными и прозрачными для использования всеми экономическими субъектами. Исходя из этого, в контексте предложенной «Концепции 7И» предполагается развитие НПБ по всем семи направлениям в соответствии с системно-информационным подходом.

Распространение ИКТ, отличающихся высокой степенью обновляемости и универсальностью применения, обусловило превращение информации в стратегический ресурс трансформации традиционных факторов производства. Непосредственным результатом накопления, использования и передачи информации, интегрирующейся в факторы производства с трудом, является создание инновационных технологий, применение которых в хозяйственной деятельности способно генерировать эффект возрастающей отдачи.

Как было сказано выше, «инвестиции» выполняют функцию финансового обеспечения инноваций, которые были отобраны «информацией» и «интеллектом». Как видно из нижеприведенной таблицы, вклад сектора ИСТ к общей добавленной стоимости в 2008 г. занимает достойное место в бизнес-секторе, так как в первых семи странах он превышает 10 %.

Вклад сектора ИСТ (ИКТ) к общей добавленной стоимости и полной занятости в бизнес-секторе, 2008 г. или последний доступный год*

№	Страны	Добавленная стоимость сектором ИСТ к общему количеству стоимости делового сектора (в %)	Занятость в секторе ИСТ к общему количеству занятых в деловом секторе (в %)	Соотношение добавленной стоимости ИСТ к занятости сектора ИСТ/рейтинг
1	Израиль	14,7	8,5	1,73
2	Финляндия	13,9	9,3	1,49
3	Ирландия	13,0	7,5	1,73
4	Южная Корея	12,2	6,1	2,00/5
5	Малайзия	12,1	7,1	1,70
6	Уругвай	10,5	2,9	3,62/1
7	Швеция	10,4	8,4	1,24
8	Венгрия	9,9	7,7	1,29
9	Великобритания	9,6	6,1	1,57
10	Чехия	9,0	5,8	1,55
11	США	9,0	4,0	2,25/4
...
26	Мексика	5,0	2,2	2,27/3
27	Бразилия	5,0	2,1	2,38/2
28	Россия	4,9	4,6	1,07/31
29	Гонконг	4,7	3,1	1,52
30	Куба	4,1	2,7	1,52
31	Хорватия	3,0	1,9	1,58

* *Источник:* составлено и рассчитано авторами на основе [9].

Если рассматривать соотношение добавленной стоимости ИСТ-сектора к занятости в секторе ИСТ как показатель эффективности, то максимальный показатель имеет Уругвай, а Россия – минимальный. Пятерка стран-лидеров выглядит так: Уругвай, Мексика, Бразилия, США, Южная Корея.

Развитие национального производства в сфере ИКТ сегодня немыслимо без привлечения иностранного капитала и технологий. Основным источником прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в секторе ИКТ выступают транснациональные компании (ТНК). Во многих странах доля национального выпуска продукции и услуг ИКТ, приходящейся на подразделения ТНК, является подавляющей. Так, более 90 % компьютерного производства в Чехии и Ирландии осуществляется подразделениями иностранных компаний. Аналогичный показатель для Германии, Венгрии, Франции, Финляндии и Великобритании – от 45 до 70 % [10].

Рост выпуска продукции ИКТ и конкуренция на внешних рынках невозможна без адресных инвестиций в НИОКР. Так, инвестиции в странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) составляют \$130 млрд в год,

40 % из них приходится на США. В этой области в странах ОЭСР занят 1 млн человек. До 25 % всех НИОКР в области ИКТ носят межотраслевой характер и финансируются компаниями автомобильной промышленности, ВПК, финансового сектора. В сфере патентования лидируют США, однако доля Китая за десятилетие утроилась. По объемам НИОКР сектор ИКТ является крупнейшим в ОЭСР. Для сравнения: в автомобилестроении тратится в 2,5 раза меньше средств на НИОКР. В среднем по ОЭСР компании ИКТ профинансировали 25 % всех НИОКР промышленности, при этом показатель по США, Канаде, Японии, Ирландии – более 30 %. В Финляндии и Корее – 60 % [10].

В мировых масштабах основными инвесторами НИОКР выступают крупные компании ИКТ и смежных секторов. В России сохраняющаяся с советских времен практика финансирования прикладных НИОКР за счет государства, в том числе на основе грантов, является неэффективной. В частном секторе заказчик патентных разработок до сих пор не сформировался и не получил институционального оформления. В такой роли могли бы выступить компании сектора ИТ-услуг (системные интеграторы) в случае достижения этими компаниями достаточных размеров и выхода на зарубежные рынки ИКТ.

Система мониторинга развития информационного общества создается во исполнение положений Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации № Пр-212 от 7 февраля 2008 г. [11], и протокола заседания Совета Безопасности Российской Федерации № Пр-1574 от 31 августа 2007 г [12]. Она представлена в двух документах: «Система показателей для мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации» и «Методика мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации» [13].

В мировой практике используется ряд систем индексов для «измерения» успехов стран на пути развития информационного общества и информационной экономики. Итогом расчетов является результирующий композитный индекс, который рассчитывается на основе количественных и качественных показателей, полученных на основе данных из различных источников: статистика

международных организаций; официальные бюро статистики изучаемых стран; расчеты, сделанные группой аналитиков организации, проводящей исследование и др. В настоящее время информация и знания становятся главными движущими силами мирового экономического роста, а также ключевыми факторами конкурентоспособности стран на международном рынке.

Заключение

В отечественной экономике проблема спецификации системного объекта государственного регулирования обуславливается объективными свойствами российских институтов развития. К ним можно отнести: хозяйственную значимость административных ресурсов, большую степень социально-экономической стратифицированности общества, низкую социальную мобильность. Это определяет большую степень оппортунизма и проявления девиантного поведения (нарушающего установленные нормы) отечественных хозяйствующих субъектов.

Целевая установка прогрессивных общественно-политических сил российского общества на строительство информационной экономики определяет необходимость трансформации отношений собственности и, в первую очередь, разрешение противоречий формирования института интеллектуальной собственности. Общеизвестно, что институционализация интеллектуальной собственности увеличивает транзакционные издержки диффузии знаний. Права интеллектуальной собственности, нормирующие свободное перемещение продуктов интеллектуальной деятельности, создают ограничения информатизации экономики. Интеллектуальная собственность в известной степени тормозит свободное распространение знаний и развитие творческой деятельности. Ограничение свободного движения знаний и информации приводит к потере знанием статуса всеобщего производительного ресурса.

В ходе проведенного исследования последовательно были рассмотрены все семь категорий, входящих в системный объект государственного регулирования «Концепция 7И», который под-

тверждает процесс единения этих категорий в результате эволюционного развития современной хозяйственной системы. Положительный эффект от «7И» в системно-информационном регулировании – это согласование НПБ, появление синергетического эффекта. Считаем, что данная система является проблеморазрешающей, так как обладает возможностью изменять свое состояние и структуру в ответ на возможные возмущения, а разнообразие возмущений требует соответствующего ему разнообразия возможных состояний.

Список литературы

1. Исаев В. В., Немчин А. М. Общая теория социально-экономических систем. – СПб.: Бизнес-пресса, 2002. – 176 с.
2. Скаленко А. К. Глобальные резервы роста: пер. с укр., науч. ред. и предисловие члена-корреспондента НАНУ О. Г. Белоруса. – Киев: Информационно-издательский центр «Интеллект», 2002. – 428 с.
3. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Эксмо, 2007. – 864 с. (Антология экономической мысли).
4. Яковец Ю. В. Эпохальные инновации XXI века. – М.: Экономика, 2004. – 444 с.
5. Федеральное агентство по науке и инновациям. – URL: <http://www.fasi.gov.ru> (дата обращения: 03.09.2013)
6. Лазарев И. А., Хижа Г. С., Лазарев К. И. Новая информационная экономика и сетевые механизмы. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Дашков и Ко, 2008. – 244 с.
7. Нестеров Н. А. Производственная инфраструктура и эффективность управления. – М.: Знание, 1986. – 226 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. – 440 с.
9. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). – URL: <http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 03.09.2013)
10. Бродский Н. Мировые тенденции развития ИКТ и опыт России. – URL: <http://www.connect.ru/article.asp?id=9502> (дата обращения: 03.09.2013)
11. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Российская газета. – 2008. – № 34. – 16 февраля.
12. Протокол заседания Совета Безопасности Российской Федерации от 31.08.2007 № Пр 1574. – URL: http://pi.sfedu.ru/rspu/structure/social_department/qa/inf_society.pdf (дата обращения: 03.09.2013)
13. Система показателей для мониторинга развития информационного общества в Российской Федерации. – URL: <http://www.ictgov.ru/upload/iblock/83e/83eab95bcf5e21ec046fe5f780fb531b.pdf> (дата обращения: 03.09.2013)

В редакцию материал поступил 09.09.13

© Киршин И. А., Пачкова О. В., 2013

Информация об авторах

Киршин Игорь Александрович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Институт управления и территориального развития, Казанский (Приволжский) Федеральный университет
Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 6/20
E-mail: kia1125@mail.ru

Пачкова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, старший преподаватель, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
Адрес: 420081, г. Казань, ул. Н. Ершова, 58
E-mail: olga_pachkova@mail.ru

Как цитировать статью: Киршин И. А., Пачкова О. В. Спецификация системного объекта государственного регулирования в условиях информатизации российского общества // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 91–99.

I. A. KIRSHIN,

doctor of economics, professor

Kazan (Volga) Federal University, Institute for management and territorial development, Kazan, Russia,

O. V. PACHKOVA,

PhD (Economics), senior lecturer

Kazan Cooperation Institute (branch) of Russian University for Cooperation, Kazan, Russia

SPECIFICATION OF SYSTEMIC OBJECT OF STATE REGULATION UNDER INFORMATIZATION OF THE RUSSIAN SOCIETY

Objective: specification of the systemic object of state regulation under informatization of the Russian society.

Methods: systemic information, evolutionary.

Results: basing on the evaluation of the opinions of Russian and foreign scientists in the framework of the “Strategy of information society development in the Russian Federation”, the author examined the phased construction of the proposed systemic object of state regulation, named “Concept of 7 I-s”, which differentiates the objects of state regulation.

Scientific novelty: the structure is grounded of the systemic object of state regulation “Concept of 7 I-s” under informatization of the Russian society, which includes: “information”, “intellect”, “innovation”, “institutes”, “infrastructure”, “investments”, “indicators”. For each of the elements of the system the main functions of the structural backward and forward linkages are set.

Practical value: in the framework of the offered “Concept of 7 I-s” the development and coordination of regulatory and legal framework on all seven areas is proposed in accordance with the systemic-information approach, which will allow to obtain synergetic effects. The structure of the systemic object “7 I-s” has the possibility to change its condition and structure in response to possible disturbances, because the variety of perturbations requires a corresponding variety of possible states.

Key words: information; intelligence; innovation; institutions; infrastructure; investments; indicators; the systemic object of state regulation; information economy; information society; the feedback principle; the “black box” method; information and communication sector.

References

1. Isaev, V. V., Nemchin A. M. *Obshchaya teoriya sotsial'no-ekonomicheskikh system* (General theory of social-economic systems). Saint Petersburg: Biznes-pressa, 2002, 176 p.
2. Skalenko, A. K. *Global'nye rezervy rosta* (Global reserves of development). Kiev: Informatsionno-izdatel'skii tsentr “Intellekt”, 2002, 428 p.
3. Shumpeter, I. A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* (Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy). Moscow: Eksmo, 2007, 864 p.
4. Yakovets, Yu. V. *Epokhal'nye innovatsii 21 veka* (Epochal innovations of the 21st c.). Moscow: Ekonomika, 2004, 444 p.
5. *Federal'noe agentstvo po nauke i innovatsiyam* (Federal Agency on science and innovations), available at: <http://www.fasi.gov.ru> (accessed: 03.09.2013)
6. Lazarev, I. A., Khizha, G. S., Lazarev K. I. *Novaya informatsionnaya ekonomika i setevye mekhanizmy* (New information economy and network mechanisms). Moscow: Dashkov i Ko, 2008, 244 p.
7. Nesterov, N. A. *Proizvodstvennaya infrastruktura i effektivnost' upravleniya* (Industrial infrastructure and management efficiency). Moscow: Znanie, 1986, 226 p.
8. Marks, K., Engel's F. *Sochineniya* (Works). Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoi literatury, 1955, 440 p.

9. *Konferentsiya OON po trgovle i razvitiyu (YuNKTAD)* (UNO Conference on trade and development (UNCTAD)), available at: <http://unctadstat.unctad.org/TableViewer/tableView.aspx> (accessed: 03.09.2013)

10. Brodskii, N. *Mirovye tendentsii razvitiya IKT i opyt Rossii* (World trends of information-communication technologies development and the Russian experience), available: <http://www.connect.ru/article.asp?id=9502> (accessed: 03.09.2013)

11. *Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii* (utv. Prezidentom RF 07.02.2008 № Pr-212) (Strategy of information society development in the Russian Federation (confirmed by the Russian President on 07.02.2008 # Pr-212)), *Rossiiskaya gazeta*, 2008, No. 34, 16 February.

12. *Protokol zasedaniya Soveta Bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii ot 31.08.2007 № Pr 1574* (Protocol of an assembly of Security Council of the Russian Federation of 31.08.2007 # Pr 1574), available at: http://pi.sfedu.ru/rspu/structure/social_department/qa/inf_society.pdf (accessed: 03.09.2013)

13. *Sistema pokazatelei dlya monitoringa razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii* (System of indicators for monitoring of information society development in the Russian Federation), available at: <http://www.ictgov.ru/upload/iblock/83e/83eab95bcf5e21ec046fe5f780fb531b.pdf> (accessed: 03.09.2013)

Information about the authors

Kirshin Igor Aleksandrovich, doctor of economics, professor, head of financial management chair, Institute for management and territorial development, Kazan (Volga) Federal University
Address: 6/20 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan
E-mail: kial125@mail.ru

Pachkova Olga Vladimirovna, PhD (Economics), senior lecturer, Kazan Cooperation Institute (branch) of Russian University for Cooperation
Address: 58 Ershova Str., 420081, Kazan
E-mail: olga_pachkova@mail.ru

How to cite the article: Kirshin I. A., Pachkova O. V. Specification of systemic object of state regulation under informatization of the Russian society, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 91–99.

© Kirshin I. A., Pachkova O. V. , 2013

Государственно-частное партнерство в образовании: сущность, тенденции, социальная ответственность / В. А. Мальгин, А. В. Скоробогатов, Т. В. Крамин и др.; под ред. В. Г. Тимирясова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 232 с.

Государственно-частное партнерство является одним из действенных механизмов реализации задач общественного развития. В монографии раскрывается действие этого механизма в образовательной сфере. Предложены к изучению формы и методы реализации ГЧП в образовании, финансовые и психолого-педагогические аспекты этого процесса. Особое место занимает оценка практического опыта функционирования ГЧП на примере научно-образовательного кластера РТ в сфере торговли, индустрии гостеприимства, сервиса и услуг, ведущим вузом которого является частное образовательное учреждение ВПО «Институт экономики, управления и права» (г. Казань).

Монография будет интересна к изучению студентам экономических специальностей, научным работникам и всем интересующимся вопросами развития ГЧП в образовании.

УДК 338.2:334.01

В. А. МАЛЬГИН,

доктор экономических наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО ДЕФОРМИРОВАННОЙ ЭКОНОМИКИ

Цель: проанализировать взаимодействие власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики и выработать пути его рационализации.

Методы: анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также статистический и абстрактно-логический.

Результаты: выявлены экономические институты, обеспечивающие рационализацию власти и бизнеса в институционально деформированной экономике: а) правовые институты; б) регулирующие институты; в) институты координации и распределения рисков.

Научная новизна: предложена классификация институтов, рационализирующих взаимодействие между властью и бизнесом по различным критериям. Выявлены институты, оказывающие тормозящее влияние на развитие процессов взаимодействия власти и бизнеса в инвестиционной экономике: а) отсутствие процедуры общественной экспертизы проектов нормативно-правовых актов; б) представители бизнес-сообщества не принимают участия в работе региональных компаний, советов, рабочих групп и т. д.; в) не заключаются соглашения между министерствами и общественными объединениями предпринимателей и др.

Практическая значимость: предложенные меры по рационализации взаимодействия власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики будут способствовать успешной реализации предпринимательского потенциала каждого индивида.

Ключевые слова: власть; бизнес; институты; институциональные преобразования; институционально деформированная экономика.

Введение

Представленная читателю статья посвящена проблемам актуальным как для развития экономической мысли, так и для решения многих практических вопросов, связанных с рационализацией взаимодействия власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики. Это особенно важно сейчас, когда страна находится в состоянии финансово-экономического кризиса.

В работе рассматриваются формы и методы взаимодействия власти и бизнеса, дана классификация институтов, регулирующих данное взаимодействие. В целях повышения эффективности власти и бизнеса необходимо активизировать такие социальные институты, как: доверие, социальная справедливость в экономических отношениях и др.

Все это, в конечном итоге, должно стимулировать формирование инновационной экономики.

В настоящее время весь мир активно обсуждает ситуацию в мировой экономике, ищет рецепты выхода из рецессии на траекторию стабилизации и экономического роста. Эти проблемы весьма актуальны и для России, которая стремится за-

действовать все имеющиеся рычаги и стимулы для активизации своей экономики. Сегодня очевидно, что развитие экономики страны во многом зависит от того, как эффективно будут развиваться отношения между властью и бизнесом. При этом нельзя забывать, что российская экономика является институционально деформированной. В то же время, как показывает мировой опыт, «институциональные преобразования складываются в прогрессивные направления развития общества, экономики только в том случае, если проводимые институциональные реформы осуществляются в органической взаимосвязи с потребностями общества. В противном случае зарождающиеся институты могут быть обезличенным механизмом, не имеющим конкретных задач реализации своих интересов» [1].

Результаты исследования

Рассматривая отношения власти и бизнеса в исторической ретроспективе в постперестроечный период, можно увидеть два прямо противоположных этапа. Первый этап – 1990-е гг. –

характеризуется как захват государства со стороны бизнеса; второй – с начала 2000-х гг. – как проявление абсолютного доминирования власти над бизнесом [2]. Естественно, это не могло не сказаться на процессе развития взаимодействия власти и бизнеса в России, а следовательно, и на формировании эффективных институтов. В противном случае интересы власти и бизнеса продолжали бы оставаться разнонаправленными или вообще не принимались бы во внимание противоположными сторонами. Экономика так и продолжала бы оставаться институционально деформированной.

Определенные изменения во взаимодействии власти и бизнеса связаны с реформами в России начала 2000-х гг. Однако существенно изменить ситуацию во взаимодействии власти и бизнеса так и не удалось. Подчинив бизнес государству, власть оказалась не готовой и, более того, не заинтересованной в верховенстве права. Следует согласиться с А.В. Павроз в том, что «устранение институциональной неопределенности лишило бы представителей данной корпорации механизма контроля над бизнесом и возможности перераспределения экономических ресурсов в свою пользу» [3].

Исследуя данную проблему, необходимо исходить из того, что любая социально-экономическая система вырабатывает свои определенные институциональные рамки, которые определяют характер и формы взаимодействия экономических агентов вообще и государственной власти и бизнеса в частности. Если институциональная структура является рациональной, то она позволяет с большой степенью вероятности прогнозировать конечный результат того или иного взаимодействия. С другой стороны, это будет свидетельствовать об эффективности выработанного взаимодействия.

Исследования показывают, что в настоящее время нет однозначного подхода к решению проблемы взаимодействия власти и бизнеса в интересах более эффективного развития экономики как в масштабе отдельного предприятия, так и экономики в целом. Более того, простых решений здесь нет и не может быть. В то же время институционально деформированная экономика не в состоянии решать сложнейшие вопросы, связанные с удовлетворением потребностей общества. Данная проблема характерна не только для нашей

страны, она имеет глобальный характер. Ею занимаются ученые многих стран. Это объясняется тем, что в глобальной экономике стали все больше проявляться такие предпосылки, которые объективно востребовали от бизнеса и власти «понимания жизненной необходимости нахождения консенсуса в вопросах принятия управленческих решений, направленных на полное и эффективное использование имеющихся в распоряжении сторон ресурсов, устранения конфликта между ними и их согласия с принятыми решениями» [4]. В качестве таких предпосылок выступают: а) демократизация всего российского общества, которая позволяет отрицательно оценивать как действия власти, так и бизнеса; б) развитие экономики знаний, что создает возможности перехода от чисто административных или чисто рыночных структур управления к поиску их комбинации. Это оказывает существенное влияние на соотношение власти и бизнеса.

Влияние на соотношение власти и бизнеса в институционально деформированной экономике оказывают и процессы глобализации производства, и движение финансового капитала. Они вызывают необходимость поиска и использования новых механизмов государственно-частного партнерства. Несмотря на то, что сегодня мы можем говорить о формировании определенного консенсуса между бизнесом и государством, опирающегося на более или менее устойчивую систему отношений, проблем здесь еще достаточно много. Немаловажную роль в оптимизации экономических интересов государства и бизнеса играет институциональная среда, формирование которой способствует росту предпринимательской и инновационной активности на основе творчества, самореализации каждого человека. Институциональная среда в данном аспекте должна характеризоваться следующими моментами:

– развитые институты демократии, общественный контроль деятельности государства и бизнеса, низкий уровень коррупции и высокая степень доверия к институтам власти и проводимой политике;

– совершенное законодательство, обеспечивающее устойчивое взаимодействие власти и бизнеса в целях повышения экономического эффекта;

– система стратегического управления взаимодействием власти и бизнеса на разных этапах

развития экономической системы. При этом она должна учитывать имеющиеся расхождения экономических интересов государства и бизнеса и возможные пути взаимодействия между ними.

Экономические институты, обеспечивающие взаимодействие власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики, условно можно разделить на следующие группы:

а) правовые институты (институты судебной, законодательной и административной системы);

б) регулирующие институты (органы, занимающиеся контролированием различных сторон взаимодействия власти и бизнеса, а также обладающие правом приостановления деятельности отдельных структур бизнеса);

в) институты координации и распределения рисков (кредитно-банковская система, фондовый рынок и др.)

Соблюдение «правил игры» является обязательным для всех экономических агентов и способствует предсказуемости их деятельности, при этом важно иметь хорошо отлаженный, работоспособный механизм контроля их выполнения. Последний будет способствовать формированию адекватной среды, в которой можно обеспечить эффективное взаимодействие между субъектами хозяйственной деятельности.

Институты, регулирующие взаимодействие между властью и бизнесом, можно классифицировать по следующим критериям (см. табл.)

Критерий выделения	Виды институтов
Сферы, воздействующие на взаимодействие власти и бизнеса	Экономические, экологические, политические, институты безопасности, занятости и условий труда
Степень формализации	Формальные, неформальные
Комплексность норм, правил, ограничений	Однокомпонентные и сложноконтентные
Уровни воздействия	Мега-, макро-, мезо-, мини-институты
Степень социальной справедливости	Справедливые и несправедливые
Степень эффективности	Эффективные, малоэффективные, неэффективные

Естественно, все институты, в конечном счете, взаимосвязаны между собой, не изолированы друг от друга, носят системный характер и в комплексе оказывают воздействие на эффективность взаимосвязи власти и бизнеса. Они должны дополнять друг друга в процессе осуществления

экономических реформ в стране, т. е. соответствовать принципу «комплементарности». Только в этом случае можно достичь желаемого результата в процессе взаимодействия бизнеса и власти. Особое значение это имеет в условиях институционально деформированной экономики, когда отсутствует оптимальное соотношение требований власти и бизнеса друг к другу. Так, например, власть всегда заинтересована в обеспечении экологической безопасности, бизнес же не хочет оплачивать достаточно высокие затраты на реализацию экономических проектов, часто просто пренебрегает экологическими нормами и т. п.

В этих условиях крайне важен поиск более совершенных механизмов, которые бы обеспечили оптимальное соотношение требований бизнеса и власти друг к другу. Необходима совокупность новых институтов, которые выращиваются или «трансплантируются» в данный момент времени и становятся актуальными для развития институциональной среды экономики. В целях повышения эффективности взаимодействия власти и бизнеса целесообразно, на наш взгляд, активизировать такие социальные институты, как: доверие, социальная ответственность, социальная справедливость в экономических отношениях. В связи с этим интересными, на наш взгляд, являются идеи Г. Клейнера о «кластерах коллективно действующих лиц» в составе экономических систем или самостоятельных субъектах экономики» [5], позволяющих, на его взгляд, совместно вырабатывать, апробировать и реализовать институциональные нормы функционирования субъектов экономики, скоординировать совместную работу бизнеса и власти и т. д. Только на пути достижения определенного консенсуса при условии, что обе стороны устанавливают общие правила поведения, вырабатывают соответствующий механизм взаимных отношений, основанных на неукоснительном выполнении правовых и морально-нравственных норм, можно добиться наибольших результатов в интересах общества, государства и бизнеса.

К сожалению, в России еще полностью не сформирована эффективная институциональная структура, которая бы способствовала оптимальному распределению собственности с точки зрения повышения эффективности хозяйственной

системы. Это оказывает отрицательное влияние на активность субъектов бизнеса и не создает возможности для выстраивания эффективного механизма взаимодействия с органами власти. Особенно сильно данные негативные моменты проявляются в условиях экономического кризиса. Здесь необходимо всегда иметь определенный запас прочности. Мировая экономика, как показывает анализ, продолжает оставаться в состоянии неопределенности и депрессивности.

Исследуя проблему взаимодействия власти и бизнеса в институционально деформированной экономике, важно иметь в виду, что государственная власть обладает особыми полномочиями по принуждению к исполнению экономическими агентами своих контрактных обязательств. Государство имеет право привлекать экономического субъекта к ответственности, а формальной нормой данного права является механизм судебной системы. Отсюда следует, что в качестве одного из важнейших институтов должен выступать суд, защищающий права и законные интересы предпринимательского сообщества, а следовательно, оказывать влияние на характер взаимодействия власти и бизнеса.

Вместе с тем, уровень доверия к российской судебной системе в обществе достаточно низок. Поэтому, когда законные интересы тех или иных бизнес-структур кем-либо ущемлены, сами предприниматели не всегда заинтересованы в обращении именно в суд и могут предпочесть иные способы защиты своих интересов, однако такая ситуация недопустима. Необходимы срочные меры по созданию хорошо функционирующей, вызывающей доверие судебной системы, которая является необходимым элементом рыночной инфраструктуры.

Нельзя не заметить и того, что неудовлетворительное соблюдение государством функции гаранта исполнения условий контракта ведет к частичной замене гражданского права и создает основу коррупционного поведения в обществе. Отсюда следует, что рационализация взаимодействия власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики требует решения, прежде всего, трех наиболее важных и одновременно тесно взаимосвязанных задач:

1) разработки концепции преодоления сложившейся системы институциональных ловушек;

2) преодоления институциональной дихотомии, которая ведет к искажению форм организации частных предприятий;

3) институализации насилия в руках государственной власти и формирования механизмов выявления и интеграции общественных предпочтений; ориентации на цели, разделяемые обществом, при качественной способности их достижения с помощью государственного управления.

Выводы

Укрепление институтов, рационализация взаимодействия власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики позволит сформировать такую институциональную среду, которая обеспечивала бы координацию хозяйственной деятельности всех субъектов. К сожалению, для полного и эффективного решения данной задачи необходимо устранить следующие институциональные препятствия, которые оказывают тормозящее влияние на развитие процессов взаимодействия власти и бизнеса в инновационной экономике:

а) отсутствие процедуры общественной экспертизы проектов нормативно-правовых актов;

б) представители бизнес-сообщества не принимают участия в работе региональных комиссий, советов, рабочих групп и т. п.;

в) не заключаются соглашения между отраслевыми министерствами и общественными объединениями предпринимателей;

г) редко проводятся профессиональные и рейтинговые конкурсы и др.

Эффективная институциональная среда должна включать в себя всю совокупность формальных и неформальных норм и правил. Последние и должны обеспечить координацию власти и бизнеса. При этом необходимо заметить, что национальная экономика многие годы развивалась главным образом за счет внешних источников – высоких цен на сырье, «дешевых кредитов» иностранных банков. В условиях обострения экономического кризиса, когда увеличился отток как внутреннего, так и внешнего капитала, снизились экспортные доходы, «старые» институты уже не срабатывают. Особенно остро ощущаются недостатки не только формальных стабильных институтов, но и неформальных. Так, например, в настоящий момент отсутствуют многие законы, которые

способствовали бы укреплению и повышению эффективности государственной власти и бизнеса. Поэтому во многих случаях ограничениями выступают универсальные и одномоментные решения органов власти, а также «пожелания» влиятельных политиков и чиновников. Как показывают расчеты, «замороженный» из-за избыточных административных барьеров или отсутствия должных рыночных институтов потенциал роста российской экономики достигает более 5–7 % ВВП. Нельзя недооценивать и роль неформальных институтов, которые в условиях экономического кризиса слабо согласовываются с формальными.

Таким образом, рационализация взаимодействия власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики является объективно необходимой и требует инновационных подходов к решению давно назревшей проблемы

Список литературы

1. Валитов Ш. М., Мальгин В. А. Взаимодействие власти и бизнеса: сущность, новые формы, и тенденции, социальная ответственность. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2009. – 206 с.
2. Зеленцов А. Г. Власть и бизнес в системе заинтересованных сторон // Сегодня и завтра российской экономики. Научно-аналитический сборник. – 2013. – № 58. – С. 19–27.
3. Клейнер Г. Б. Ресурсная теория системной организации экономики // Российский журнал менеджмента. – 2011. – № 3. – С. 6–12.
4. Яковлев А. А. Эволюция стратегий взаимодействия власти и бизнеса в российской экономике // Российский журнал менеджмента. – 2005. – № 1. – С. 30.
5. Павроз А. В. Бизнес и государство в России: фундаментальные проблемы взаимодействия и стратегии их преодоления // Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия. – М.: Изд-во РАГС, 2010.
6. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. Pitman Publishing: London, 1984. – P. 46.

В редакцию материал поступил 21.10.13

© Мальгин В. А., 2013

Информация об авторе

Мальгин Виктор Андреевич, доктор экономических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: (843) 233-71-36

Как цитировать статью: Мальгин В. А. Рационализация взаимодействия власти и бизнеса в условиях институционально деформированной экономики // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 100–105.

V. A. MAL'GIN,

doctor of economics, professor

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

RATIONALIZATION OF POWER AND BUSINESS INTERACTION UNDER INSTITUTIONALLY DEFORMED ECONOMY

Objective: to analyze the power and business interaction under institutionally deformed economy and to elaborate the ways of its rationalization.

Methods: analysis and synthesis, induction and deduction, as well as statistical-and abstract-logical methods.

Results: economic institutions are revealed, ensuring the rationalization of power and business interaction under institutionally deformed economy: a) legal institutions; b) regulating institutions; c) coordination and risk distribution institutions.

Scientific novelty: institutions are classified which rationalize the power and business interaction by various criteria. Institutions are revealed which inhibit the development of power and business interaction processes in investment economy: a) lack of public expertise procedure of the normative-legal acts drafts; b) representatives of business community do not take part in the work of regional companies, councils, working groups, etc.; c) treaties are not signed between ministries and public unities of entrepreneurs, etc.

Practical value: proposed measures for rationalization of the power and business interaction under institutionally deformed economy will promote the successful implementation of entrepreneurship potential of each individual.

Key words: power; business; institutions; institutional transformations; institutionally-deformed economy.

References

1. Valitov, Sh. M., Mal'gin, V. A. *Vzaimodeistvie vlasti i biznesa: sushchnost', novye formy, i tendentsii, sotsial'naya otvetstvennost'* (Interaction between power and business: essence, new forms and trends, social responsibility). Moscow: ZAO «Izd-vo «Ekonomika», 2009, 206 p.
2. Zelentsov, A. G. *Vlast' i biznes v sisteme zainteresovannykh storon* (Power and business in the system of stockholders), *Segodnya i zavtra rossiiskoi ekonomiki. Nauchno-analiticheskii sbornik*, 2013, No. 58, pp. 19–27.
3. Kleiner, G. B. *Resursnaya teoriya sistemnoi organizatsii ekonomiki* (Resource theory of systemic organization of economy), *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*, 2011, No. 3, pp. 6–12.
4. Yakovlev, A. A. *Evolutsiya strategii vzaimodeistviya vlasti i biznesa v rossiiskoi ekonomike* (Evolution of strategies of power and business interaction In the Russian economy), *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta*, 2005, No. 1, p. 30.
5. Pavroz, A. V. *Biznes i gosudarstvo v Rossii: fundamental'nye problemy vzaimodeistviya i strategii ikh preodoleniya* (Business and state in Russia: fundamental problems of interaction and strategies for their solutions), *Biznes i vlast' v sovremennoi Rossii: teoriya i praktika vzaimodeistviya*. Moscow: Izd-vo RAGS, 2010.
6. Freeman, R. E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Pitman Publishing: London, 1984, p. 46.

Information about the author

Mal'gin Viktor Andreyevich, doctor of economics, professor, Kazan (Volga region) Federal University
Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 233-71-36

How to cite the article: Mal'gin V.A. Rationalization of power and business interaction under institutionally deformed economy, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 100–105.

© Mal'gin V.A., 2013

Туристическая Казань: новейший путеводитель с мини-разговорником / авт.-сост. Г. Т. Гафурова, Г. Я. Дарчинова, М. В. Кукина, пер. с рус. Е. Н. Беляевой; авт.-сост. мини-разговорника Л. Б. Тимирясова, пер. на тат. яз. Д. Б. Исмаиловой. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. – 68 с.

Путеводитель знакомит иностранных и отечественных туристов с основными особенностями и колоритом Республики Татарстан. В помощь гостям путеводитель разделен на тематические разделы, которые позволят им сориентироваться в богатом выборе исторических, культурных и развлекательных мест Казани и Татарстана. Вниманию читателя также представлены любопытные факты из истории. Путеводитель также содержит англо-татарский и англо-русский разговорники.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 6576.6:338.45:621.31

Я. Г. АЙМУРЗАЕВА,

магистрант,

Д. В. РЫЖКОВ,

кандидат технических наук, доцент

Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Россия

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО АУДИТА В РОССИИ

Цель: оценка итогов энергетического аудита в России за 2010–2013 гг. для повышения качества энергетического обследования предприятий отрасли.

Метод: абстрактно-логический.

Результаты: статья содержит критический анализ проводимой современной политикой работой в области энергетического аудита. Авторы приходят к выводу о низком качестве энергетических обследований и необходимости внедрения ответственности аудиторов за предлагаемые ими энергосберегающие мероприятия.

Научная новизна: Впервые предложена и обоснована возможность повышения качества энергоаудита путем изменения схемы работы энергосервисных компаний.

Практическая значимость: на основе анализа рынка энергоаудита предложены практические рекомендации, которые будут способствовать повышению качества энергоаудита и энергетической эффективности предприятий отрасли.

Ключевые слова: энергетический аудит, саморегулируемая организация, энергетический паспорт.

Введение

Проблемы энергосбережения и энергоэффективности являются одними из наиболее актуальных как в мировой энергетике, так и в российской. Одними из первых исследованиями вопросов, касающихся энергосбережения, энергоаудита, занимались И. И. Данилов и Я. М. Щелоков, которые считали, что «условием развития общества определяется настоятельная необходимость рационального расхода энергии, снижения ее удельных затрат во всех сферах человеческой деятельности» [1], а также В. Н. Семёнов [2], И. А. Башмаков [3]. В. М. Семёнов изучал проблемы управления системы энергосбережения в жилищно-коммунальном комплексе. И. А. Башмаков, проанализировав мероприятия, проводимые в России и развитых зару-

бежных странах, пришел к выводу об отсутствии механизмов по установлению рыночных обязательств в энергоэффективности, сертификации энергоменеджеров и др. Авторы данной статьи, изучив работы вышеуказанных и других ученых, проанализировав ситуацию на рынке энергоаудита, пришли к выводу, что необходим механизм, регулирующий развитие саморегулируемых организаций (далее – СРО) в области энергетического обследования и энергосервисных компаний.

Результаты исследования

Основным государственным документом, определяющим вектор развития российского топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК), можно назвать программу «Энергетическая

стратегия России на период до 2030 г.», в которой определены задачи, стоящие перед ТЭК.

За последние 30 лет мировому сообществу удалось добиться существенных успехов в данной области: энергоёмкость мирового ВВП снизилась в 2 раза (в том числе за последние 5 лет – на 25 %), достигнув уровня в 0,21 т условного топлива на 1 тыс. долл. США.

Из рис. 1 видно, что энергоёмкость ВВП России примерно в 2,5–3,5 раза выше, чем во многих развитых странах, что приводит к снижению энергетической безопасности России и сдерживанию ее экономического роста, требует кардинального повышения эффективности использования всех видов энергетических ресурсов. Необходимо повышение энергетической эффективности предприятий отрасли, чему, в свою очередь, способствует качественное проведение энергоаудитов.

Для решения этой задачи Указом Президента Российской Федерации № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики» от 4 июня 2008 г. была поставлена глобальная задача снижения энергоёмкости ВВП России к 2020 г. не менее чем на 40 % по сравнению с 2007 г. В 2009 г. в Федеральном законе № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 23 ноября 2009 г. были рассмотрены вопросы правового регулирования. Закон содержит по-

следовательность мероприятий, которые после их окончательной реализации должны качественно повысить энергоэффективность российской экономики, а также определить сроки и ответственность по выполнению этих мероприятий.

В соответствии с этим законом в 2010 г. Минэнерго России разработало Государственную программу РФ «Энергосбережение и повышение энергетической энергоэффективности на период до 2020 г.» (далее – Государственная программа), которая была одобрена на заседании Правительства РФ от 21.10.2010 и утверждена распоряжением Правительства РФ № 2446-р от 27.12.2010.

Объем финансовых ресурсов, необходимых для реализации этой, составляет 6 283 220 470,90 тыс. руб. Очевидно, что эти средства расходовались неэффективно. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

Согласно закону первым шагом к решению проблемы стало проведение обязательного энергетического обследования для всех организаций с государственным участием; организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности, предприятий, осуществляющих производство, транспортировку и переработку энергии и топливных ресурсов; организаций, совокупные затраты которых на потребление энергетических ресурсов превышают 10 млн руб. в год, а также организаций, у которых мероприятия по энергосбережению финансируются из бюджетов различного уровня.

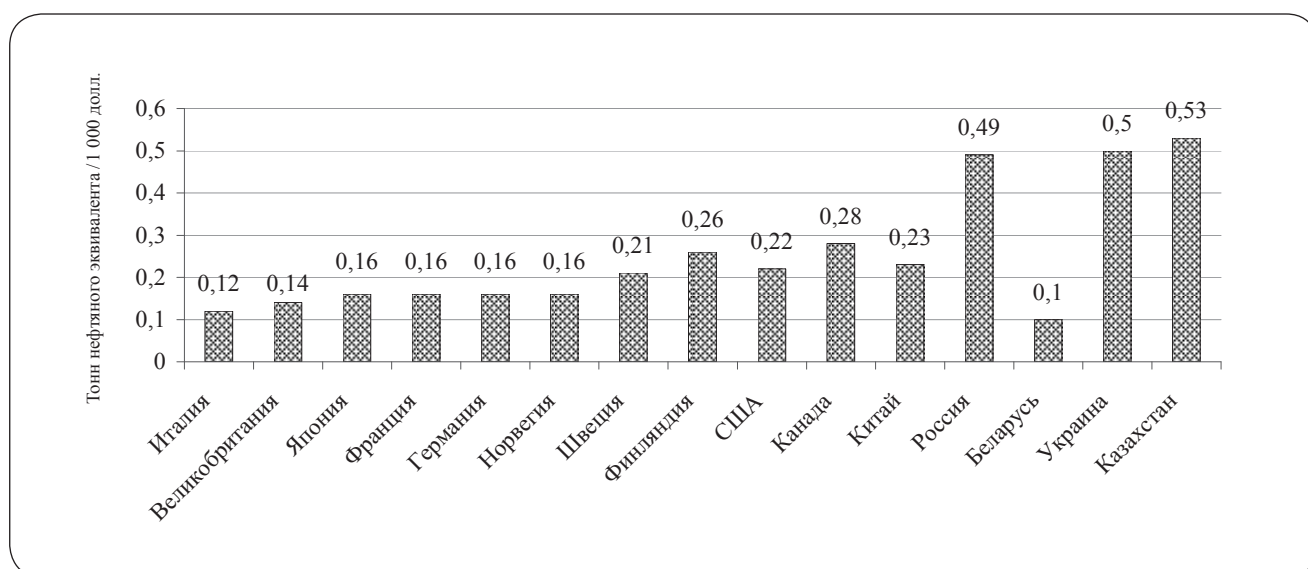

Рис. 1. Энергоёмкость ВВП развитых стран [4]

На наш взгляд, в указанных документах не показан механизм энергосервиса, в котором энергосервисная компания как член СРО проводит энергоаудит и по его результатам внедряет энергосберегающие мероприятия; не рассмотрены требования к квалификации энергоаудиторов, к порядку проведения энергетических обследований, а также административная ответственность для энергоаудиторов в случае некачественной работы.

Энергетическое обследование может выполнять специализированная организация, имеющая подготовленных специалистов, соответствующие методики, приборный парк и опыт работы в энергетике. По закону об энергосбережении деятельность по проведению энергетического обследования вправе осуществлять только лица, являющиеся членами саморегулируемых организаций в области энергетического обследования. СРО формируются на основе некоммерческих партнерств из энергоаудиторских фирм и/или физических лиц при наличии утвержденных документов и компенсационного фонда, образованного за счет взносов членов СРО. Также нужно отметить, что СРО несет ответственность за деятельность своих членов. Таким образом, саморегулируемая организация является звеном между заказчиком и министерством энергетики РФ в существующей системе проведения обязательного энергетического обследования (рис. 2).

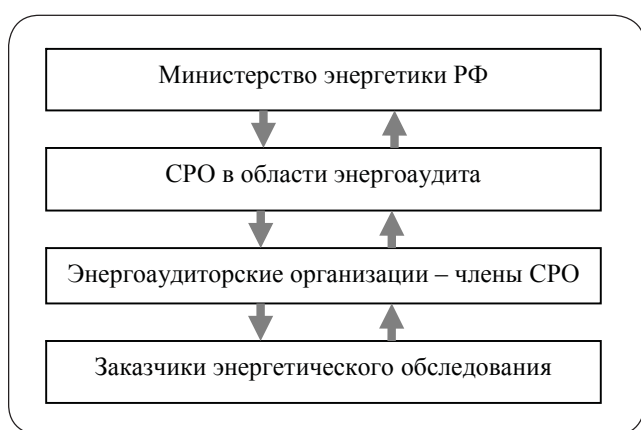

Рис. 2. Схема взаимодействия участников существующей системы проведения обязательного энергетического обследования [5]

Динамика развития СРО с 2010 по 2013 гг. представлена на рис. 3.

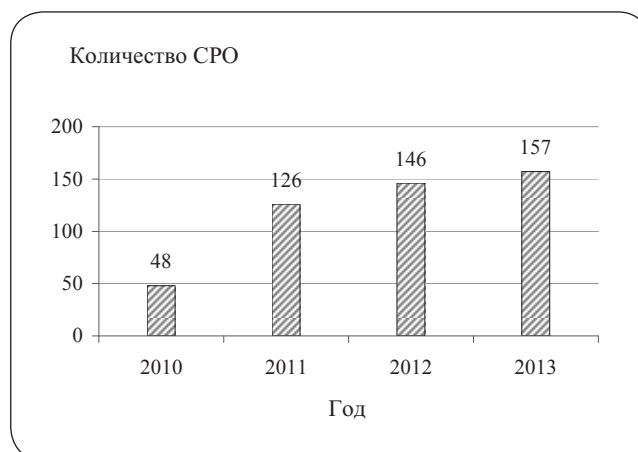

Рис. 3. Изменение численности СРО по состоянию на 04.10.2013 [6]

После выхода закона № ФЗ-261 от 2009 г. в 2010 г. было зарегистрировано 48 СРО. После утверждения Государственной программы в 2011 г. произошел скачок – в то время зарегистрировались 78 саморегулирующих организаций.

Для предприятий, имеющих большое количество подразделений по всей стране, экономически невыгодно проводить энергоаудит сторонними организациями. С этой точки зрения выгодно организовать свою СРО в области энергетического обследования и проводить энергоаудит «самим себе», благо, законом это не запрещено. Это и явилось, на наш взгляд, одной из причин увеличения СРО в 2012–2013 гг.

По результатам обязательного энергетического обследования или добровольного энергетического обследования составляется энергетический паспорт, требования к которому установлены Приказом Минэнерго России от 19.04.2010 №182.

К концу 2012 г. 309 958 организаций России, в том числе Татарстана, должны были пройти энергетическое обследование. Соответственно, согласно Федеральному закону № 261-ФЗ «Об энергосбережении...», такое же количество паспортов должно было поступить в Минэнерго к 1 января 2013 г., однако количество паспортов, рассмотренных к концу указанного года, составляло 29 711 (рис. 4).

На наш взгляд, положительную роль в решении проблемы должен сыграть законопроект № 104515-6 о внесении изменений в Федеральный закон № 261-ФЗ «Об энергосбережении...», который вводит упрощенную систему декла-

рирования энергозатрат для учреждений с незначительным энергопотреблением (до 500 тыс. руб. в год). Так как стоимость энергетического обследования на предприятиях с потреблением энергии менее 500 тыс. руб. в год может намного превышать затраты на потребляемые ими энергоресурсы в год, для них вводится, согласно этому законопроекту, энергетическая декларация, в которой приводятся данные по потреблению энергии, далее этот документ направляется для отчета в Минэнерго России.

Рис. 4. Количество паспортов, поступивших в Минэнерго в 2010–2013 гг.

Как видим, на 280 247 предприятий отрасли должен быть наложен административный штраф, однако сумма штрафа на должностные лица составляет от 10 000 до 15 000 руб.; на юридическое лицо – от 50 000 до 250 000 руб. Для многих предприятий легче заплатить такой штраф, чем проводить энергоаудит. При таких штрафах проведение энергоаудита может оказаться дороже потенциально возможных санкций [7].

Таким образом, в отведенный Федеральным законом № 261 срок в Минэнерго России поступило за период 2010–2012 гг. 34 827 копий энергопаспортов, из которых было рассмотрено 26 779 и зарегистрировано 1 955, что составляет примерно 9,6 % всего плана, а в июне 2013 г. за период 2010–2013 гг. в общей сложности поступило 87 078 паспортов, рассмотрено – 69 157 и зарегистрировано – 11 661. То есть в 2010 г. было

рассмотрено 0,017 % от всего плана (309 958), в 2011 г. – 1,634 %, в 2012 г. – 9,585 % и основная часть пришлось на 2013 г. – 16,857 %.

Как видим, за первую половину 2013 г. было подготовлено больше документов, чем за предыдущие три года вместе взятые. Средний итог работы «активно работающих СРО» составляет около 1000 энергетических паспортов за все время действия закона ФЗ-261 [8]. Очевидно, что к концу 2012 г. 146 зарегистрированных СРО не в состоянии выполнить аудит 309 958 предприятий, а в первой половине 2013 г. на каждое СРО было сделано в 2 раза больше энергопаспортов, чем они реально могут сделать, что говорит о том, что, скорее всего, СРО увеличили пропускную способность за счет их низкого качества.

Кроме того, на рынке появилось много фирм-однодневок, которые «штампуют энергопаспорта» и заказчиком которых выступает потребитель, обязанный провести энергетическое обследование. Он платит и диктует аудиторам свои условия.

Результатом аудита должно явиться внедрение мероприятий, бесперебойное функционирование энергетического оборудования, экономия топлива, а не просто получение энергетического паспорта.

В развитых странах для решения этих вопросов функционируют предприятия энергосервиса. В нашей стране также существует энергосервис, но в зачаточном состоянии, так как единая правовая база, требования к квалификации энергоаудиторов и механизм возможного финансирования энергосервисных компаний до сих пор не разработаны. Энергосервисные компании занимаются проведением энергоаудита, мы же предлагаем им как членам СРО проводить энергоаудит и по его результатам внедрять энергосберегающие мероприятия за свой счет, т. е. нести ответственность за выполненную работу. От экономии внедренных мероприятий энергосервис будет получать проценты от предприятия. Рассмотрим выгодность такой схемы работы. Например, если аудитором выступает юридическое/физическое лицо, то предприятие тратит деньги на прохождение энергообследования и на внедрение мероприятий после прохождения энергоаудита. В конечном итоге оно будет иметь паспорт и возможную прибыль, если энергетическое обследование проведено качественно (рис. 5).

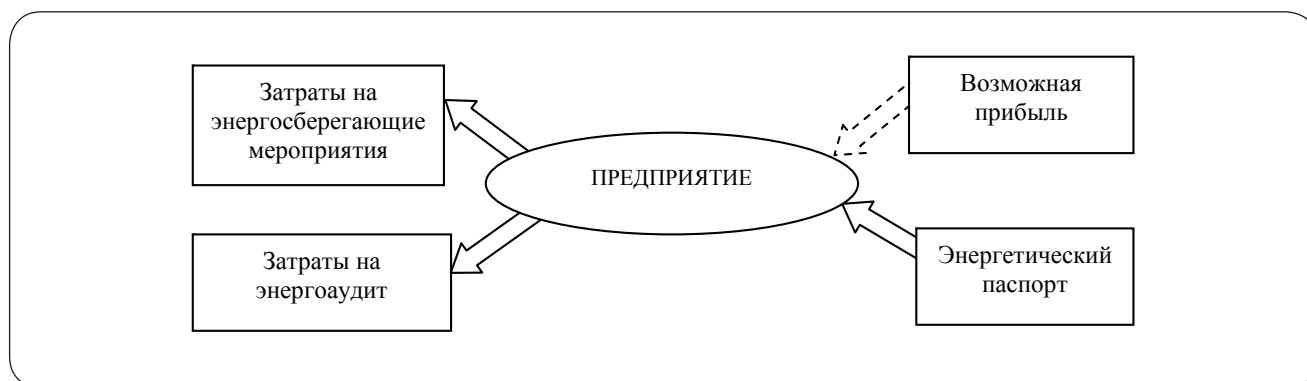

Рис. 5. Схема проведения энергоаудита частным лицом

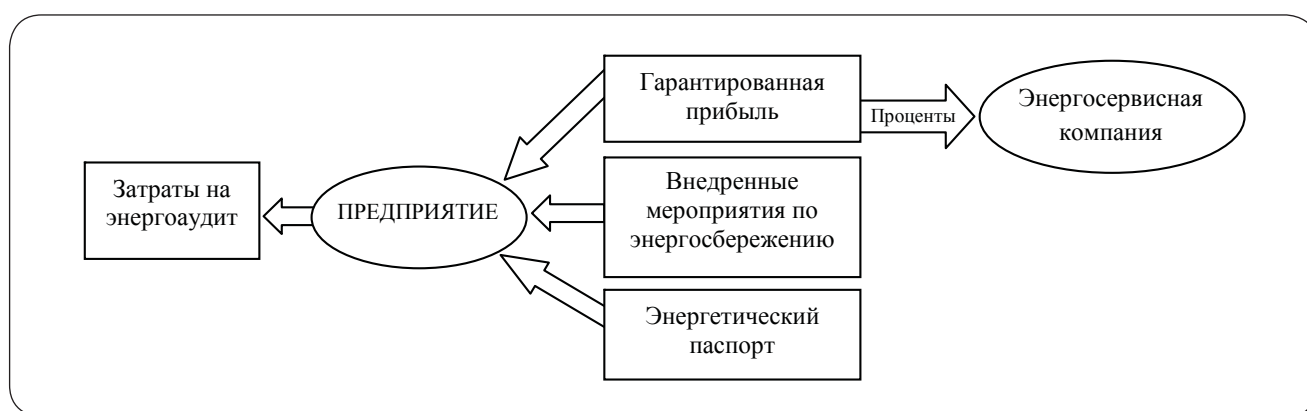

Рис. 6. Схема проведения энергоаудита энергосервисной компанией

Если же аудитором будет выступать энергосервисная компания, то предприятие тратит деньги только на прохождение энергообследования и получит паспорт, уже внедренные мероприятия и стопроцентную прибыль (рис. 6).

Внедрение такой схемы позволит предприятиям получать гарантированную прибыль, сделает его эффективным и, как следствие, будет заинтересовано в проведении энергетического обследования.

Выводы

Таким образом, для совершенствования работы СРО и энергоаудиторских организаций необходимо:

1. Разработать единые стандарты и правила СРО. В этом случае все организации СРО будут работать в едином правовом поле, что повысит качество энергообследований предприятий отрасли.

2. Ввести более жесткое требование к повышению квалификации энергоаудитора, такое как сдача выпускной квалификационной работы в органах государственного надзора.

3. Снизить налоговые ставки при налогообложении на услуги энергоаудита при заключении энергосервисного контракта.

Внедрение этих мероприятий позволит развить механизм энергосервиса, что повысит качество энергетических обследований.

Список литературы

1. Данилов Н. И., Щелоков Я. М. Основы энергосбережения: учебник; под ред. Н. И. Данилова. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 564 с.
2. Семенов В. Н. Методологические основы управления системой энергосбережения в жилищно-коммунальном комплексе муниципального образования: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2011. – 40 с.
3. Башмаков И. А., Башмаков В. И. Сравнение мер российской политики повышения энергоэффективности с мерами, принятыми в развитых странах. – URL: <http://solex-un.ru/sites/solex-un/files/energo-page/bashmakov2012.pdf>

4. URL: http://esco-ecosys.narod.ru/2012_7/art268.pdf
5. Специализированный журнал «Энергосбережение». – URL: <http://www.abok.ru/>
6. Сайт Министерства энергетики. – URL: <http://minenergo.gov.ru/>
7. Никитина Л. Аудит энергоаудита // Вестник. Строительство. Архитектура. Инфраструктура. 2012. – №1. – URL: <http://old.vestnikstroy.ru/archive/articles/2865.html>
8. Матченко С. А. Энергоаудит-2013: Подводим итоги. – URL: <http://energo-pasport.ru/?p=562>
9. Электронный журнал по энергосбережению и энергоэффективности. – URL: <http://www.energsovet.ru/>
10. URL: <http://portal-energo.ru>

В редакцию материал поступил 01.10.13

© Аймурзаева Я. Г., Рыжков Д. В. , 2013

Информация об авторах

Аймурзаева Яхыт Гафуровна, магистрант 2-го года обучения кафедры «Энергообеспечение предприятий и энергоресурсосберегающих технологий», Казанский государственный энергетический университет
Адрес: 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51, тел.: (843) 519-43-23
E-mail: yana-aim@yandex.ru

Рыжков Денис Витальевич, кандидат технических наук, доцент кафедры «Энергообеспечение предприятий и энергоресурсосберегающих технологий», Казанский государственный энергетический университет
Адрес: 420066, г. Казань, ул. Красносельская, 51, тел.: (843) 519-43-23
E-mail: rdv05@yandex.ru

Как цитировать статью: Анализ состояния и оценка эффективности энергетического аудита в России // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 106–112.

YA. G. AIMURZAYEVA,
magistracy student

D. V. RYZHKOV,

PhD (Engineering), associate professor

Kazan State University for Energy, Kazan, Russia

ANALYSIS OF THE CONDITION AND EVALUATION OF EFFICIENCY OF ENERGY AUDIT IN RUSSIA

Objective: to assess the results of energy audit in Russia in 2010-2013, to improve the quality of energy audit of industrial enterprises.

Methods: abstract-logical.

Results: the article contains a critical analysis of the modern policy of work in the field of energy audit. The authors come to the conclusion about the low quality of energy audits and the necessity of implementation of auditors' liability for the proposed energy saving measures.

Scientific novelty: for the first time the possibility is offered and proved of improving the quality of energy audit by changing the scheme of operation of energy service companies.

Practical value: on the basis of the analysis of energy market audit, practical recommendations are proposed that will enhance the quality of energy audit and energy efficiency of industry.

Key words: energy audits, self-regulatory organization, energy passport.

References

1. Danilov, N. I., Shchelokov, Ya. M. *Osnovy energosberezheniya* (Bases of energy saving). Ekaterinburg: GOU VPO UGTU-UPI, 2006, 564 p.
2. Semenov, V. N. *Metodologicheskie osnovy upravleniya sistemoi energosberezheniya v zhilishchno-kommunal'nom komplekse munitsipal'nogo obrazovaniya* (Methodological bases of energy saving management in a housing complex of a municipal unit). Moscow, 2011.
3. Bashmakov, I. A., Bashmakov, V. I. *Sravnenie mer rossiiskoi politiki povysheniya energoeffektivnosti s merami, prinyatymi v razvitykh stranakh* (Comparing the measures of energy efficiency increase in Russia and developed foreign countries), available at: <http://solex-un.ru/sites/solex-un/files/energo-page/bashmakov2012.pdf>
4. http://esco-ecosys.narod.ru/2012_7/art268.pdf
5. Spetsializirovannyi zhurnal "Energosberezhenie" (Specialized journal „Energy saving“), available at: <http://www.abok.ru/>
6. <http://minenergo.gov.ru/>
7. Nikitina, L. Audit energoaudita (Audit of energy audit), *Vestnik. Stroitel'stvo. Arkhitektura. Infrastruktura*, 2012, No. 1, available at: <http://old.vestnikstroy.ru/archive/articles/2865.html>

8. Matchenko, S.A. Energoaudit-2013: Podvodim itogi (Energy audit-2013: Summing up the results), available at: <http://energo-pasport.ru/?p=562>

9. Elektronnyi zhurnal po energosberezheniyu i energoeffektivnosti (Digital journal on energy saving and energy efficiency), available at: <http://www.energosoвет.ru/>

10. <http://portal-energo.ru>

Information about the authors

Aimurzayeva Yakhyt Gafurovna, 2nd year student of magistracy of the chair „Energy provision of enterprises and energy saving technologies“, Kazan State University for Energy

Address: 51 Krasnosel'skaya Str., 420066, Kazan, tel.: (843) 519-43-23

E-mail: yana-aim@yandex.ru

Ryzhkov Denis Vitalyevich, PhD (Engineering), associate professor of the chair „Energy provision of enterprises and energy saving technologies“, Kazan State University for Energy

Address: 51 Krasnosel'skaya Str., 420066, Kazan, tel.: (843) 519-43-23

E-mail: rdv05@yandex.ru

How to cite the article: Aimurzayeva Ya. G., Ryzhkov D. V. Analysis of the condition and evaluation of efficiency of energy audit in Russia, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 106–112.

© Aimurzayeva Ya. G., Ryzhkov D. V., 2013

Шагиахметова, А.Х. Лидерство: теория, практика и международные стандарты / А.Х. Шагиахметова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. – 188 с.

Книга посвящена такому важному и необходимому элементу управленческой деятельности, как лидерство. Несмотря на многочисленные работы, написанные по данной теме, стремительные социальные изменения требуют все новых и новых идей и исследований в данной области. Эта книга интересна тем, что базируется на большом количестве исходных данных, как теоретических, так и практических, подробно описывая и международные, и российские управленческие практики.

Книга рекомендуется теоретикам и практикам сферы управления, специалистам в области социологии управления, социологии организаций, менеджмента, а также всем, кого интересуют вопросы управленческого лидерства.

УДК 330.342.2

Е. В. ВРАНОВИЧ,
аспирант,

О. Ю. МИЧУРИНА

кандидат экономических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет, г. Казань, Россия

ВЕНЧУРНЫЙ КАПИТАЛ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ

Цель: определение места венчурного капитала как инструмента развития инновационной экономики.

Методы: описательный анализ, оценка мнений ведущих ученых и политиков по поводу исследуемого объекта.

Результаты: определено место венчурного инвестирования для создания максимально благоприятных условий роста инициативы предпринимателей, повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российских компаний. Обозначено значение венчурного капитала как инструмента долгосрочного инвестирования инновационных фирм в областях передовых технологий и существующих предприятий в целях их модернизации.

Научная новизна: предложена иерархическая, структурная взаимосвязь понятий «постиндустриального общества», «новой экономики», «инновационного пути развития» и «венчурного капитала», как инструмента реализации названных направлений развития экономики.

Практическая значимость: в возможности повышения эффективности вывода инноваций на рынок с помощью более широкого развития и распространения венчурного капитала.

Ключевые слова: венчурный капитал; венчурные инвестиции; новая экономика; инновационная экономика; инновационный путь развития.

Введение

Конец XX в. в экономике промышленно развитых стран неразрывно связан с возникновением, упрочением и широким распространением рынка венчурного капитала. Термин «венчурный капитал», он же «рисковый капитал» широко используется в современном деловом мире, а данное экономическое явление не только распространилось, но и получило методическое, юридическое, техническое, организационное оформление в наиболее развитых странах.

Понятия «венчурный капитал», «венчурное предпринимательство», «венчурный бизнес» – не однозначны в современных экономических исследованиях. На данном этапе нашего исследования мы попытаемся установить взаимосвязь между современным витком развития экономики, основанной на знаниях, инновационной моделью экономического роста, и венчурным капиталом как одной из составляющих, обеспечивающих инновационный рост экономики.

Результаты исследования

Современный этап развития экономики трактуется как экономика постиндустриального общества. Экономика постиндустриального общества в отличие от экономики индустриального общества в

приоритете имеет производство услуг, а не товаров, что, в свою очередь, базируется на первостепенном значении информации, знаний, научных разработок, обучаемости, уровне образования, креативности мышления работников. Результатом труда все большего количества персонала становится именно информация, которая создается, аккумулируется, разрабатывается, обосновывается, становится конфиденциальной и даже секретной, имеет огромную ценность при принятии управленческих решений.

Если большую половину ВВП страны составляет сфера услуг, то такие страны относят к постиндустриальным. В соответствии с оценками Всемирного банка структура экономики США, в которой около 80 % ВВП приходится на сферу услуг, представляет собой постиндустриальную экономику. Кроме США к постиндустриальным странам можно отнести: Великобританию (на сферу услуг приходится 74 % ВВП), Германию (70–78 % ВВП в разные годы), Францию (74 % ВВП), Швецию (76 % ВВП), Австралию (75 % ВВП), Бельгию (75 % ВВП) и другие страны [1, с. 6–7].

В период развития постиндустриальной экономики мы все чаще сталкиваемся с понятием «новая экономика». Новая экономика ставит во главу угла не развитие знаний как таковых, а пре-

вращение высоких технологий, в первую очередь, информационных в основной фактор повышения эффективности современного производства. Именно поэтому ведущие экономики сегодня строят свое развитие по инновационному пути, переходя тем самым на принципиально новый этап прогресса. На современном уровне развития экономики общепризнано, что любое общество, стремящееся достигнуть устойчивого прогресса должно в качестве пути развития выбрать именно инновационную экономику. И Россия здесь не является исключением. Неоднократно на самом высшем уровне власти руководители нашей страны декларировали приоритетную роль развития инновационной системы в экономике России.

Инновационный путь развития неразрывно связан с понятиями «инновация», «нововведение», «новшество», «инновационный продукт». В некотором роде эти понятия являются синонимами, так как различия в их определениях незначительны. Термин «инновация» (innovation) переводится с английского как «введение новаций (новшеств)». Международные документы, определяющие инновационную деятельность, трактуют инновации как «реализацию нового или значительно усовершенствованного продукта (товара, услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового метода организации бизнеса» [2].

По нашему мнению, нововведение – это комплексный, целенаправленный процесс реализации, адаптации, распространения и использования какого-либо новшества, осуществляемый с целью получения существенного эффекта в любой

сфере общественной жизнедеятельности – науке, искусстве, производстве, области предоставления услуг и пр., и предусматривающий значительные изменения структуры, способов ведения деятельности, подходов к организации в той области, в которой оно происходит. По мнению авторов, термин «инновация» и термин «нововведение» можно использовать как синонимы.

Как правило, побудительными мотивами для внедрения инноваций становятся сигналы рынка. Либо у предприятия устаревает технологическое оборудование, на котором выпускается основная продукция, что не позволяет предприятию конкурировать за производительность и качество; либо научные открытия, вышедшие на рынок, диктуют необходимость обновления технологии производства; либо методы управления трудовыми ресурсами на предприятии настолько не гибки и не современны, что назревает необходимость внедрения эффективных методов управления человеческими ресурсами с целью повышения отдачи от человеческого капитала.

Период с 2000 по 2007 гг. оценивается как период экономического роста России. Значительные исследования в этой области нами проводились ранее в [3, с. 8–15]. Именно в этот период экономического подъема Минэкономразвития РФ представляет на рассмотрение и утверждение проект долгосрочной Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г. [4] (далее – Концепция). Представим характеристики инновационного социально-ориентированного типа развития экономики России в табл. 1.

Таблица 1

Характеристики инновационного социально-ориентированного типа экономического развития РФ

Характеристика	Содержание
Модернизация традиционных секторов российской экономики	Инновационное экономическое развитие РФ должно опираться на модернизацию нефтегазового, сырьевого, аграрного, транспортного и других традиционных секторов российской экономики; опережающее увеличение объемов продукции отраслей высоких переделов, которые до 2020 г. должны оставаться ведущими секторами производства ВВП.
Превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах экономики	Доля промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации должна возрасти до 40–50 % (для сравнения в 2007 г. она составила 8,5 %), а доля инновационной продукции в общем объеме ВВП – 25–35% в противовес 5,5% в 2007 г. Во всех секторах экономики, особенно обеспечивающих национальную конкурентоспособность должно быть достигнуто повышение производительности труда в 3–5 раз, снижение энергоемкости в 1,6–1,8 раза
Формирование в России новой экономики – экономики знаний и высоких технологий	Экономика знаний и высоких технологий должна к 2020 г. по своему вкладу в ВВП сравняться с нефтегазовым и сырьевым секторами. Под экономикой знаний и высоких технологий в России будут пониматься высокотехнологичная медицина, научные разработки, опытно-конструкторские работы, профессиональное образование, информационно-коммуникационные технологии, наукоемкие подотрасли химии и машиностроения. Доля экономики знаний в ВВП должна подняться до 17–20 % (в сравнении с 10–11 % в 2007 г.), затраты на исследования и разработки должны составить 2,5–3 % от ВВП к 2020 г. в противовес 1,1 % в 2007 г. При этом результативность прикладных и фундаментальных исследований и разработок должна стать значительно выше

* *Источник:* составлено с использованием [4].

Для достижения целей инновационного развития, заявленных в долгосрочной Концепции социально-экономического развития РФ до 2020 г., необходимо выстраивание эффективных механизмов взаимодействия бизнеса, общества и государства с использованием координации усилий всех сторон, учетом интересов различных социальных групп общества и бизнеса. Становление на инновационный путь экономического развития требует создания максимально благоприятных условий для роста инициативы предпринимателей, повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российских компаний, так как именно частный бизнес является движущей силой экономического развития.

Несмотря на глобальные цели, озвученные в Концепции развития, в настоящее время в России наблюдается исключительно малая отдача от использования достижений по сравнению с потенциально возможной. При этом наблюдается некий парадокс. С одной стороны, Россия богата инновационными разработками в высокотехнологичных отраслях и имеет все предпосылки для достижения положительной динамики по увеличению доли ВВП в данном направлении. С другой стороны, имеющиеся инновации крайне непрофессионально выводятся на рынок. В России этими вопросами зачастую занимаются сами разработчики инноваций, тогда как во всем мире для занятия инновационным бизнесом создаются специализированные структуры – это инжиниринговые, венчурные и консалтинговые компании, которые в состоянии оказать профессиональную помощь по выводу инноваций на рынок. Собственный капитал, которым располагают данные структуры, а также их ориентация на финансирование инновационных разработок, внедрение инновационных продуктов и нововведений различного характера образуют венчурный капитал.

В мировой практике венчурное финансирование ориентировано как на высокотехнологичные отрасли, так и на основные отрасли и сектора экономики. В большинстве случаев возможности финансирования инновационной деятельности изыскиваются за счет: собственных средств, средств отдельных крупных инвесторов, вкладываемых напрямую в производство, средств членов своих семей, федеральных программ

финансирования инновационной деятельности. Но основным направлением венчурного капитала является финансирование из специальных венчурных фондов.

В настоящее время в России сформированы и начали свое функционирование такие направления поддержки инновационного бизнеса, как: действие специализированных российских и зарубежных фондов; реализация программ поддержки венчурного капитала; функционирование государственного фонда, реализующего финансовую поддержку малым инновационным предприятиям на возвратной основе; реализация программы Европейской Ассоциации венчурного капитала для стран бывшего Советского Союза; образование и функционирование Российской ассоциации венчурного инвестирования; работа на территории России международных институтов в области венчурного капитала.

Основные функции венчурного капитала в инновационном развитии экономики страны следующие [5]:

– во-первых, венчурный капитал способствует созданию новых хозяйствующих субъектов рынка, которые своей деятельностью влияют на расстановку сил в среде научных исследований, что может привести к структурным изменениям ВВП страны. Например, именно благодаря поддержке венчурного капитала в последние десятилетия стали мировыми лидерами такие компании, как Apple Computer, Intel, Federal Express, Dec, Microsoft и др.;

– во-вторых, поддерживая наиболее динамичные, обладающие высоким потенциалом расширения, развития и отдачи отрасли, венчурный капитал способствует как достижению данными компаниями конкурентоспособного уровня деятельности на внутреннем рынке, так и повышению конкурентоспособности экономики страны на международном уровне. Например, широкое мировое развитие отраслей биотехнологии, информационно-коммуникационной и пр.;

– в-третьих, венчурный капитал способствует увеличению занятости высококвалифицированных специалистов, поддержке и развитию человеческого капитала, что, в свою очередь, делает обоснованной ставку на экономику знаний со стороны правительства страны. Так, в США 4 % фирм, наиболее быстро растущих, поддерживае-

мых венчурным капиталом, создают до 70 % всех новых рабочих мест;

– в-четвертых, использование венчурного капитала способствует обновлению и модернизации традиционных отраслей экономики;

– в-пятых, крупные интегрированные структуры и корпорации, стремясь к привлечению венчурного капитала, неизбежно совершенствуют свои принципы управления и организационные структуры;

– в-шестых, среди функций венчурного капитала следует назвать создание специальной кредитно-финансовой системы в виде венчурного капитала.

Таким образом, трудно переоценить роль венчурного капитала в инновационном развитии страны. Венчурный капитал нацелен на долгосрочное инвестирование инновационных фирм, инновационных разработок в области передовых технологий. Кроме того, он используется для расширения и модернизации традиционных отраслей и предприятий за счет рискового капитала. Венчурный капитал выступает источником финансирования различных инвестиций в инновационном процессе как в новые, технологичные, научно обоснованные образования в сфере бизнеса, так и в другие рыночные и финансовые структуры [6].

Проследив наиболее важные моменты перехода от индустриальной к инновационной экономике, основные вехи, катализаторы, обеспечивающие процесс развития по данному пути, можно определить место венчурного капитала среди инструментов, способствующих реализации инновационного пути развития экономики (рис. 1).

Выводы

Подводя итоги определению места венчурного капитала в инновационном развитии экономики, можно сделать следующие выводы:

Современный этап развития экономики является экономикой постиндустриального общества, в котором в результате научно-технического прогресса и существенного роста доходов населения приоритет в экономике перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг с использованием информации и знаний как приоритетных ресурсов производства.

Степенью развития экономики постиндустриального общества является новая экономика; ее отличительные черты: главенствующая роль человеческого фактора среди движущих сил развития; знания как главный источник благосостояния, основная производительная сила экономики; глобализация рынка, высокий динамизм

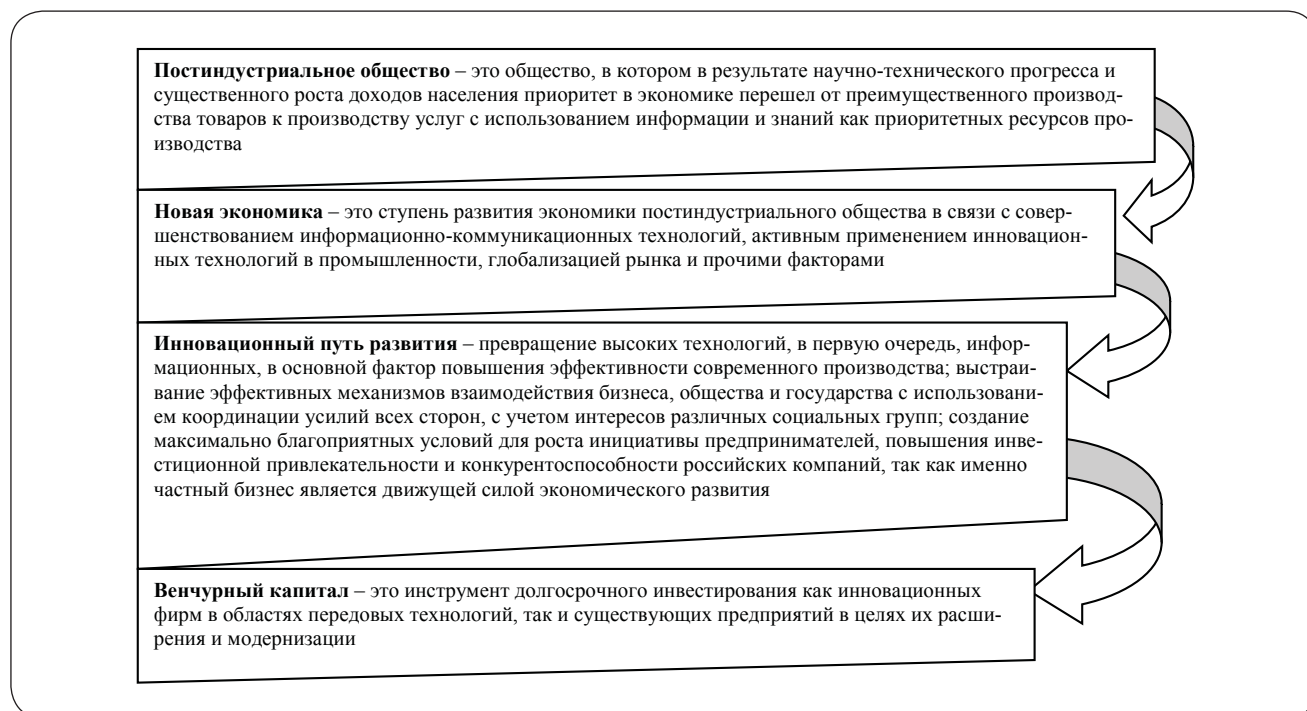

Рис. 1. Место венчурного капитала в инновационном развитии экономики (разработано авторами)

рыночных процессов, мгновенная реакция рынка; виртуализация рынков, а также значительное совершенствование информационно-коммуникационных технологий и выдвигание информации как одного из основополагающих производственных ресурсов.

Инновационный путь развития экономики становится выбором любого современного общества, стремящегося достигнуть прогресса. В качестве целей инновационного развития экономики России на период до 2020 г. заявлены: модернизация традиционных секторов российской экономики; превращение инноваций в ведущий фактор экономического роста во всех секторах экономики; формирование новой экономики в России как экономики знаний и высоких технологий, для чего необходимо выстраивание эффективных механизмов взаимодействия бизнеса, общества и государства, с использованием координации усилий всех сторон, учетом интересов различных социальных групп общества и бизнеса. Становление на инновационный путь экономического развития требует создания максимально благоприятных условий для роста инициативы предпринимателей, повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российских компаний, так как именно частный бизнес является движущей силой экономического развития.

Для занятия инновационным бизнесом во всем мире создаются специализированные структуры – это инжиниринговые, венчурные и консалтинговые компании, которые в состоянии оказать профессиональную помощь по выводу

инноваций на рынок. Собственный капитал, которым располагают данные структуры, а также их ориентация на финансирование инновационных разработок, внедрение инновационных продуктов и нововведений различного характера образуют венчурный капитал. Таким образом, венчурный капитал является инструментом долгосрочного инвестирования как инновационных фирм в областях передовых технологий, так и существующих предприятий в целях их расширения и модернизации.

Список литературы

1. Балаева О. Н., Предводителева М. Д. Управление организациями сферы услуг: учеб. пособие. – М.: ИД ГУ-ВШЭ, 2010. – 155 с.
2. Oslo Manual. The measurement of scientific and technological activities proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data. OECD Publications. P., 2005, p. 122.
3. Мичурина О. Ю. Теория и практика интеграционных процессов в промышленности. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 287 с.
4. Проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации // Информационно-справочная система «Консультант Плюс». – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=90601>
5. Егорова Н. Е., Смулов А. М., Иноземцева В. В. Венчурный капитал в России и источники финансирования прогрессивных технологий и наукоемких производств // Аудит и финансовый анализ. – 2003. – № 3. – URL: http://auditfin.com/fin/2003/3/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov.asp
6. Джетписова А. Б., Карлина Е. П. Системный анализ и синтез понятия «инвестиционная политика» // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. – 2010. – № 1. – С. 24–28.

В редакцию материал поступил 23.10.13

© Вранович Е. В., Мичурина О. Ю., 2013

Информация об авторах

Вранович Елена Владимировна, аспирант кафедры производственного менеджмента и организации предпринимательства, Астраханский государственный технический университет
Адрес: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, тел.: (8512) 614-479 (кафедра)
E-mail: astrakhanka@yandex.ru

Мичурина Ольга Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры производственного менеджмента и организации предпринимательства, Астраханский государственный технический университет
Адрес: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, тел.: (8512) 614-479 (кафедра)
E-mail: michurina@list.ru

Как цитировать статью: Вранович Е. В., Мичурина О. Ю. Венчурный капитал в инновационном развитии экономики // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 113–118.

E. V. VRANOVICH,
post-graduate student,

O. YU. MICHURINA
PhD (Economics), associate professor

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

VENTURE CAPITAL IN INNOVATIVE ECONOMY DEVELOPMENT

Objective: to define the place of venture capital as a tool of innovative economy development.

Methods: descriptive analysis, evaluation of leading scientists and politicians' opinions on the object under study.

Results: the author defines the place of venture investment in creating the most favorable conditions for entrepreneurs' initiatives growth, increasing investment attractiveness and competitiveness of the Russian companies. The value of venture capital is denoted as a tool for long-term investment of innovative firms in the sphere of advanced technologies and existing businesses in order to upgrade them.

Scientific novelty: hierarchical structural interrelation is proposed of the concepts of "post-industrial society", "new economy", "innovative development" and "venture capital" as a tool for implementing the mentioned directions of economic development.

Practical value: the possibility to increase the efficiency of launching innovations to the market through the broader development and distribution of venture capital.

Key words: venture capital; venture investmen; new economy; innovative economy; innovative development.

References

1. Balaeva, O. N., Predvoditeleva, M. D. *Upravlenie organizatsiyami sfery uslug* (Management of services organizations). Moscow: ID GU-VShE, 2010, p. 155.
2. Oslo Manual. *The measurement of scientific and technological activities proposed guidelines for collecting and interpreting technological innovation data*. OECD Publications. P., 2005, p. 122.
3. Michurina, O. Yu. *Teoriya i praktika integratsionnykh protsessov v promyshlennosti* (Theory and practice of integration processes in industry). Moscow: INFRA-M, 2010, 287 p.
4. Proekt Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi federatsii (Project of Conception of long-term social-economic development of the Russian Federation), *Informatsionno-spravochnaya sistema "Konsul'tant Plyus"*, available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=90601>
5. Egorova, N. E., Smulov, A. M., Inozemtseva, V. V. *Venchurnyi kapital v Rossii i istochniki finansirovaniya progressivnykh tekhnologii i naukoemkikh proizvodstv* (Venture capital in Russia and sources of financing progressive technologies and knowledge-intensive industries), *Audit i finansovyi analiz*, 2003, No. 3, available at: http://auditfin.com/fin/2003/3/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov/fin_2003_03_rus_03_01_Smulov.asp
6. Dzhetspisova, A. B., Karlina, E. P. *Sistemnyi analiz i sintez ponyatiya "investitsionnaya politika"* (Systemic analysis and synthesis of the notion "investment policy"), *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2010, No. 1, pp. 24–28.

Information about the authors

Vranovich Elena Vladimirovna, post-graduate student of the chair of industrial management and organization of entrepreneurship, Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatishcheva Str., 414056, Astrakhan, tel.: (8512) 614-479

E-mail: astrakhanka@yandex.ru

Michurina Olga Yuryevna, PhD (Economics), associate professor of the chair of industrial management and organization of entrepreneurship, Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatishchev Str., 414056, Astrakhan, tel.: (8512) 614-479

E-mail: michurina@list.ru

How to cite the article: Vranovich E.V., Michurina O.Yu. Venture capital in innovative economy development, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4(28), pp. 113–118.

УДК 338.24:001.9:658.1

Г.И. ГУМЕРОВА,

доктор экономических наук, профессор

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва, Россия,*

Э.Ш. ШАЙМИЕВА,

доктор экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД (на основе эмпирического исследования)

Цель: 1. Определить основные положения модели управления знанием в организации. 2. Сформировать характеристику рынков знаний. 3. Осуществить анализ рынка знаний за период 2000–2010 гг. в Российской Федерации.

Методы: общенаучные методы теоретического и эмпирического познания.

Результаты: осуществлен анализ управления знаниями в рамках модели управления знаниями на микро-, мезо-, макроуровнях; осуществлено классифицирование знания как объекта управления в микро-, мезо-, макросистемах; представлена методика анализа, опирающаяся на имеющийся статистический материал; определены тенденции развития рынка знаний в промышленно развитых мезосистемах Российской Федерации.

Научная новизна: сформирована модель управления знанием; предложена методика анализа управления знанием на макро-, мезо-, микроуровнях с формированием индикаторов измерения рынков знаний на соответствующем уровне; выявлены динамика развития явного и неявного знания в Российской Федерации за период 2000–2010 гг., заключающаяся в доминировании развития рынка неявных знаний; лидирующее положение в управлении рынком знаний Центрального федерального округа как промышленно развитой мезосистемы.

Практическая значимость: в теоретическом плане – в систематизации и разработке теоретических положений модели, методики управления знанием на макро-, мезо-, микроуровнях; в прикладном плане – в анализе рынка знания с целью повышения эффективного управления рынком знаний на макро-, мезоуровнях в процессе разработки, производства и коммерциализации знания российскими предприятиями.

Ключевые слова: явное и неявное знание; управление знанием; управленческие инновации; методика анализа; промышленно развитые мезосистемы; модель управления знанием.

(Продолжение)

2.2. Мезоуровень исследования: методика и анализ

Мезоуровень исследования осуществлен на основе следующей методики: в качестве анализа явного знания проводится анализ поступления патентных заявок и выдачи охранных документов (рис. 5), анализ неявного знания на мезоуровне осуществлен на основе анализа экспорта и импорта технологий и услуг технического характера в промышленно развитые мезосистемы на уровне федеральных округов РФ [6, с. 40–42].

При анализе данных по поступлению патентных заявок и выдачи охранных документов в

Российской Федерации за период 2000–2010 гг. становится очевидной следующая тенденция: (а) лидирующее положение в области управления явным знанием за период 2000–2010 гг. занимает Центральный федеральный округ (ЦФО), который обладает $\approx 40\%$ от общей доли патентов на изобретения и полезные модели (табл. 4 и 5); (б) Уральский федеральный округ (УФО) значительно отстает от ЦФО, демонстрируя, в частности, восьмикратное отставание в части получения патентов на изобретения и пятикратное – в части получения полезных изобретений (2010 г., табл. 4), что соответствует 45 % и

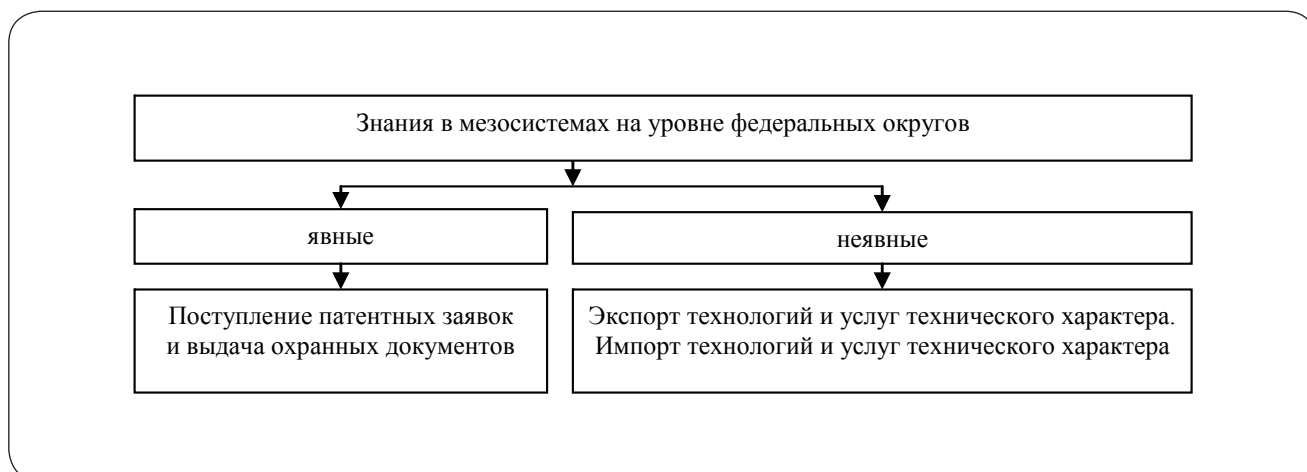

Рис. 5. Управление знаниями в мезосистемах на уровне федеральных округов (методика исследования)

34 %-му отставанию (в процентах к итогу, 2010 г., табл. 5); (в) Приволжский федеральный округ (ПФО) занимает стабильно среднее положение за анализируемый период.

Анализ экспорта и импорта технологий и услуг технического характера, рассматриваемых в качестве составляющих неявного знания (рис. 5), дает нам представление о следующей тенденции за период 2000–2010 гг.: (а) соотношение на рынке неявного знания аналогично рынку явного знания: ЦФО (лидирующее положение в области экспорта и импорта технологий и услуг технического характера); (б) по соотношению в 2000, 2005 и 2010 гг. числа соглашений по экспорту к числу соглашений по импорту в общем объеме (в % к итогу) можно отметить значительные показатели в позиции экспорта технологий и услуг одновременно: ЦФО: 43/34, 26/17, 51/51; ПФО: 8/9, 10/9, 14/15. В случае низких экспортных операций в области числа экспорта технологий и услуг выявляется низкое число операций в области импорта УФО: 5/15, 5/9, 4/6. При анализе стоимостных показателей вышеуказанных соглашений такая тенденции не отмечается (ЦФО 81/26, 71/13, 42/42; ПФО: 7/6, 8/7, 21/22; УФО: 0/26, 4/22, 8/8 соответственно в 2000, 2005 и 2010 г.) (табл. 6 и 7)¹.

В табл. 8 проведен анализ управления явным и неявным знанием в промышленно развитых федеральных округах за период 2000–2010 гг. При этом для анализа явного знания объединены позиции выданных патентов на изобретения и полезные модели, для анализа неявного знания – число соглашений по экспорту и импорту соглашений технологий и услуг технического характера (табл. 8, рис. 6).

На основе анализа данных табл. 8 и рис. 6 становятся очевидными следующие тенденции на рынке явного и неявного знания на уровне промышленно развитых федеральных округов РФ: (а) за период 2000–2010 гг. на рынке знаний на уровне промышленно развитых федеральных округов произошли количественные изменения в пользу значительного увеличения числа операций на рынке неявного знания; если в 2000 г. доминирующим являлся рынок явного знания в ЦФО, ПФО и УФО, то в 2010 г. произошел значительный рост рынка неявного знания (максимальные значения соглашений по экспорту-импорту услуг достигнуты в 2010 г. в ЦФО, увеличение составляет в более чем 38 раз по сравнению с 2000 г.); (б) лидирующее положение в анализируемой области за период 2000–2010 гг. занимает ЦФО, разрыв которого от следующего за ним ПФО – существенен как в области управления явным, так и в области управления неявным знанием.

¹ Другие мезосистемы на уровне федеральных округов, а именно промышленно отстающие и регионы, занимающие промежуточное положение, в настоящей работе не рассматриваются [6, с. 40–42].

Таблица 4

**Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России
в промышленно развитых мезосистемах на уровне федеральных округов РФ
за период 2000–2010 гг. (ед.)***

Район	2000 г.				2005 г.				2010 г.			
	Подано патентных заявок		Выдано патентов		Подано патентных заявок		Выдано патентов		Подано патентных заявок		Выдано патентов	
	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели
Российская Федерация	23 377	4 549	14 420	4 033	23 644	9 082	19 447	6 958	28 722	11 757	21 627	10 187
Центральный федеральный округ	9 954	1 949	6 555	1 868	10 410	3 501	8 935	2 719	14 628	4 943	10 984	4 312
Приволжский федеральный округ	4 351	974	2636	782	4 436	2 168	3 389	1 678	4 138	2 496	3 334	2 240
Уральский федеральный округ	1 544	410	891	366	1 434	951	1 057	657	1 157	963	1 190	805
Другие	23 377	1 216	4 338	1 017	7 364	2 462	6 066	1 904	8 799	3 355	6 119	2 830

* Источник: [13, с. 719–721; 15, с. 807]

Таблица 5

**Поступление патентных заявок и выдача охранных документов в России
в промышленно развитых мезосистемах на уровне федеральных округов РФ
за период 2000–2010 гг. (в % к итогу)***

Район	2000 г.				2005 г.				2010 г.			
	Подано патентных заявок		Выдано патентов		Подано патентных заявок		Выдано патентов		Подано патентных заявок		Выдано патентов	
	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели	на изобретения	на полезные модели
Российская Федерация	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Центральный федеральный округ	42	43	46	46	44	39	46	39	51	42	51	42
Приволжский федеральный округ	19	21	18	20	19	24	17	24	14	21	15	22
Уральский федеральный округ	7	9	6	9	6	10	6	10	4	8	6	8
Другие	32	27	30	25	31	27	31	27	31	29	28	28

* Источник: [13, с. 719–721; 15, с. 807].

Таблица 6

**Экспорт и импорт технологий и услуг технического характера в промышленности РФ
за период 2000–2010 гг.: число соглашений и стоимость предмета соглашений^{1*}**

Район	2000 г.				2005 г.				2010 г.			
	Экспорт		Импорт		Экспорт		Импорт		Экспорт		Импорт	
	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл. США	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл. США	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл. США	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл. США	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл. США	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл. США
РФ	1094	1071933,7	566	454563,7	1682	1800317	1426	2365778	28722	11757	21627	10187
ЦФО	465	864265,5	194	118502,3	437	1282570,0	234	308576,7	14628	4943	10984	4312
ПФО	91	78023,6	50	27243,8	165	141579,0	127	170329,8	4138	2496	3334	2240
УФО	54	5864,3	87	118327,1	81	77846,8	134	514892,2	1157	963	1190	805
Другие	484	123780,3	235	190490,5	999	298321	931	1371979,3	8799	3355	6119	2830

Прим.: Здесь и далее: РФ – Российская Федерация; ПФО – Приволжский федеральный округ; ЦФО – Центральный федеральный округ; УФО – Уральский федеральный округ.

* Источник: [13, с. 819–820; 14, с. 807–810; 15, с. 989].

Таблица 7

**Экспорт и импорт технологий и услуг технического характера в промышленности РФ
за период 2000–2010 гг.: число соглашений и стоимость предмета соглашений (в % к итогу)***

Район	2000 г.				2005 г.				2010 г.			
	Экспорт		Импорт		Экспорт		Импорт		Экспорт		Импорт	
	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл.	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл.	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл.	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл.	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл.	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, тыс. долл.
РФ	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
ЦФО	43	81	34	26	26	71	17	13	51	42	51	42
ПФО	8	7	9	6	10	8	9	7	14	21	15	22
УФО	5	0	15	26	5	4	9	22	4	8	6	8
Другие	44	12	42	42	59	17	65	58	31	29	28	28

* Источник: [13, с. 819–820; 14, с. 807–810; 15, с. 989].

¹ Торговля технологиями с зарубежными странами охватывает все коммерческие сделки по экспорту и импорту технологий и услуг технического характера, включая сделки филиалов, представительств подразделений действующих на территории Российской Федерации иностранных организаций, имеющих самостоятельно заключенные контракты (договоры) с иностранными партнерами (нерезидентами) по обмену технологиями [15, с. 990].

Таблица 8

Анализ управления явным и неявным знанием в промышленно развитых федеральных округах РФ за период 2000–2010 гг.*

Регион	2000 г.		2005 г.		2010 г.	
	Знание		Знание		Знание	
	явное	неявное	явное	неявное	явное	неявное
	Выдано патентов на изобретения и полезные модели (ед.)	Число экспортно-импортных соглашений технологий и услуг технического характера (ед.)	Выдано патентов на изобретения и полезные модели (ед.)	Число экспортно-импортных соглашений технологий и услуг технического характера (ед.)	Выдано патентов на изобретения и полезные модели (ед.)	Число экспортно-импортных соглашений технологий и услуг технического характера (ед.)
РФ	18 453	1 660	26 405	3 108	31 814	50 349
ЦФО	8 423	659	11 654	671	15 296	25 612
ПФО	3 418	141	5 067	292	5 574	7 472
УФО	1 257	141	1 714	215	1 995	2 347

* Источники: [13, с. 819–820; 14, с. 807–810; 15, с. 989].

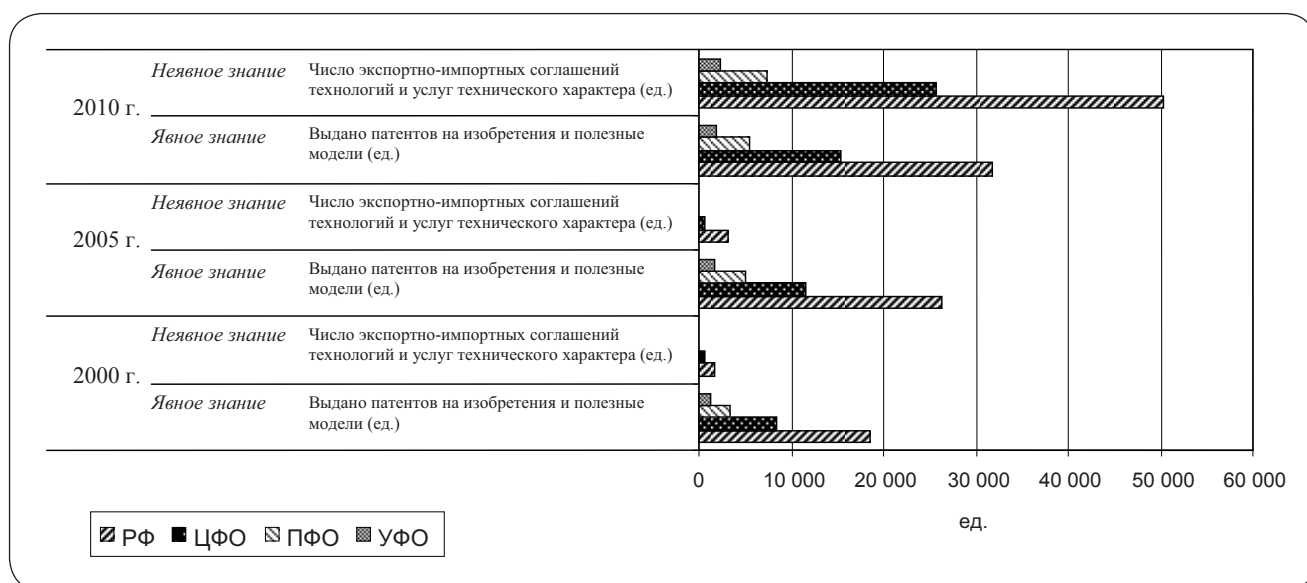

Рис. 6. Анализ управления явным и неявным знанием на уровне федеральных округов РФ в 2000–2010 гг. [13, с. 819–820; 14, с. 807–810; 15, с. 989]

2.3. Микроуровень исследования: методика и анализ

Микроуровень исследования управления явным и неявным знанием опирается на анализ управления затратами на технологические инновации (ТИ) предприятий промышленности РФ по видам экономической деятельности. Необходимо отметить, что в общем объеме затрат на ТИ российских предприятий промышленности к итогу по РФ минимум 20 % приходится на про-

мышленно-развитые федеральные округа (ЦФО, ПФО, УФО) [18; 19].

На рис. 7 представлено классифицирование управления знаниями на основе анализа затрат ТИ предприятий промышленности РФ по видам экономической деятельности².

² В данном сборнике указано девять видов затрат на технологические инновации предприятий промышленности по видам экономической деятельности [17, с. 364].

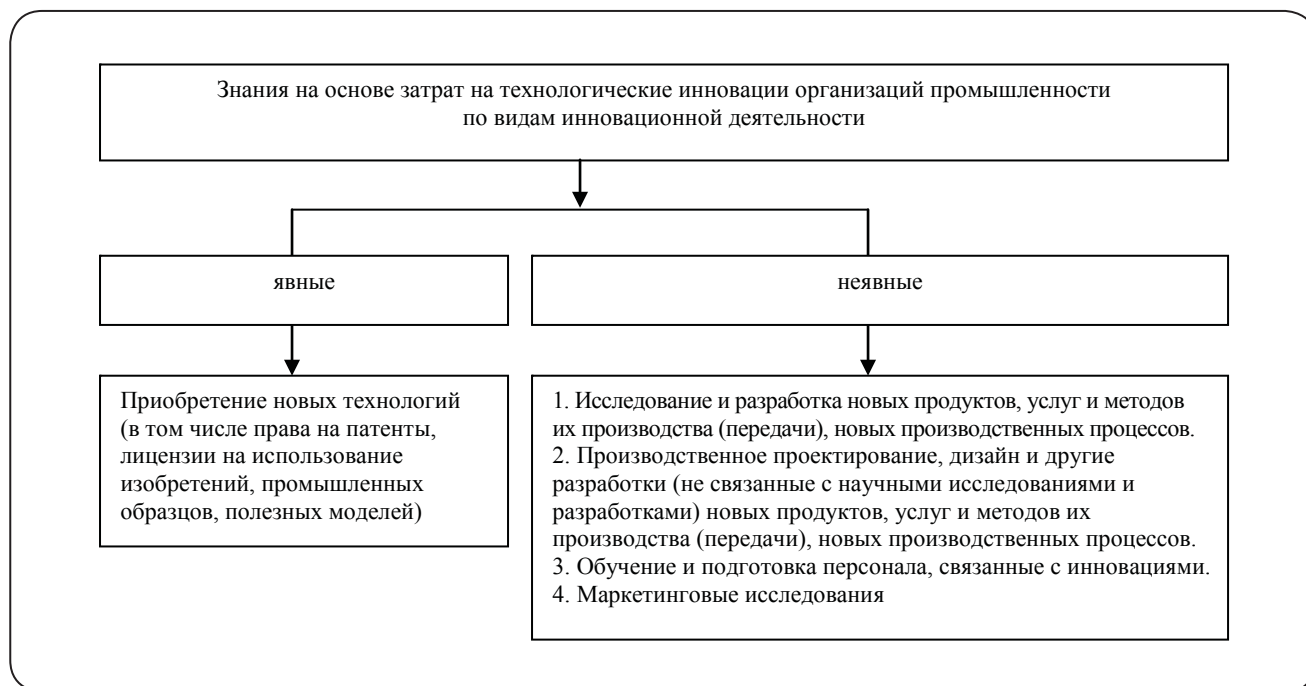

Рис. 7. Управление знаниями на основе затрат на технологические инновации организаций промышленности по видам инновационной деятельности

Необходимо отметить, что некоторые виды затрат на ТИ предприятий промышленности, а именно: затраты на приобретение машин и оборудования, связанных с ТИ, другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрение новых услуг или методов их производства (передачи), прочие затраты на ТИ (в классификации Росстат), приобретение программных средств не классифицированы авторами в процесс управления знаниями по причинам, указанным в табл. 9, колонка Б.

На основе анализа затрат на ТИ промышленных предприятий РФ за период 2000–2010 гг. можно констатировать, что (а) заметно существенное сокращение затрат в области управления явным знанием, так в 2010 г. минимальное значение составляло 1,3 % от общей доли затрат на ТИ; (б) затраты в области управления неявным знанием стабильны и составляли минимум 27 % от общих затрат на ТИ предприятий промышленности; (в) значительную долю в затратах на неявное знание занимали «исследования и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов», что составляло минимум 14 % общей доли затрат (табл. 10).

3. Выводы

В завершение исследования необходимо сделать следующие выводы:

1) в исследовании предложена модель управления явным и неявным знанием с выделением двух конфигураций ее реализации для рынка явного и неявного знания. Отличительной чертой коммерциализации неявного знания является его включение в виде известных моделей управления как основы управленческой инновации, институциональные преобразования, наличие носителя данного неявного знания;

2) в рамках предложенной модели управления знанием разработана методика управления явным и неявным знанием, с выделением соответствующих показателей на макро-, мезо-, микроуровнях на основе существующих статистических данных. Макроуровнем исследования выступает рынок знаний промышленности Российской Федерации, мезоуровнем – рынок знаний промышленно развитых федеральных округов РФ, микроуровнем – предприятия промышленности РФ. Индикаторами измерения на макроуровне являются: патенты, беспатентные изобретения, патентные лицензии, полезные модели, ноу-хау, торговые марки, промышленные образцы; рынка неявных

Таблица 9

Виды затрат на ТИ предприятий промышленности РФ по видам экономической деятельности, не классифицированные авторами в процесс управления знаниями (авторская трактовка)

Вид затрат на ТИ предприятий промышленности РФ по видам экономической деятельности	Отклонение от включения в классифицирование процесса управления знаниями (авторская версия)
А	Б
1. Приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями	Данный вид затрат на ТИ относится к модернизации материального капитала Данные виды затрат на ТИ могут быть отнесены как к явным, так и неявным знаниям ввиду их не совсем точной формулировки (приобретение программных средств должно сопровождаться, на наш взгляд, приобретением лицензий).
2. Другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрения новых услуг или методов их производства (передачи)	
3. Прочие затраты на технологические инновации	
4. Приобретение программных средств	

Таблица 10

Анализ затрат на технологические инновации в разрезе управления «явными и неявными» знаниями предприятий промышленности РФ по видам инновационной деятельности, в % к итогу*

Вид затрат на ТИ/период	Год		
	2000	2005	2010
Явные знания			
Приобретение новых технологий, из них права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей	4	1,4	1,3
ВСЕГО (явные знания):	4	1,4	1,3
Неявные знания			
Исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов	14	15,7	20,6
Производственное проектирование, дизайн и другие разработки (не связанные с научными исследованиями и разработками) новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов	10	10,6	7,4
Обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями	1	0,4	0,2
Маркетинговые исследования	2	0,6	0,6
ВСЕГО (неявные знания):	27	27,3	28,8
Прочие виды затрат	69	71,3	69,9

* Источник: [16, с. 425; 17, с. 364]³.

³ К «прочим видам затрат на технологические инновации (ТИ)» в данной классификации отнесены: затраты на приобретение машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов, внедрения новых услуг или методов их производства (передачи), прочие затраты на технологические инновации, приобретение программных средств. Для 2000 г. к данной группе «прочих затрат на ТИ» отнесены неучтенные 4666,9 млн руб.: в табл. «Затраты промышленных организаций на технологические инновации по видам деятельности» за 2000 г. не указанными Росстат (т.е. не учтенными в группировке затрат по видам) оказались 4 666,9 млн руб., что составляет 9 % от общих затрат на ТИ за указанный год.

знаний – научные исследования и разработки; инжиниринговые услуги, прочие услуги (по реализации соглашения по обмену технологиями). Индикаторами измерения на мезоуровне рынка явных знаний являются показатели поступления патентных заявок и выдача охранных документов; неявных знаний – экспорт и импорт технологий и услуг технического характера. Индикаторами измерения на микроуровне рынка явных знаний в работе выступают: приобретение новых технологий (в том числе права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей); неявных знаний – исследование и разработка новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов; проектирование, дизайн и другие разработки (не связанные с научными исследованиями и разработками) новых продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов; обучение и подготовка персонала, связанные с инновациями; маркетинговые исследования;

3) на основе методики управления явным и неявным знанием осуществлен анализ исследуемого рынка на макро-, мезо-, микроуровнях выявлена динамика развития явного и неявного знания. Рынок неявных знаний за период 2000–2010 гг. на макро-, мезоуровнях выявляет наибольшую динамику как в числовых значениях в области экспортно-импортных операций российских предприятий, так и в динамике роста в сравнении с рынком явных знаний. В целях развития рынка неявных знаний необходимо использование принципов открытых инноваций, развитие «несвязанных услуг», масштабное внедрение информационно-коммуникационных технологий. Развитие рынка «явных знаний» в области экспортных операций лежит в области развития продаж машин и оборудования российского производства, а также усиления кооперации с зарубежными партнерами в области исследований и разработок. На мезоуровне лидирующее положение на рынках явного и неявного знания занимает Центральный федеральный округ, в период 2000–2010 гг. отмечен значительный рост рынка неявного знания в ЦФО, ПФО, УФО.

На микроуровне отмечена тенденция увеличения затрат на неявное знание (27 % от общих затрат на технологические инновации), сокращение затрат в области управления явным знанием;

4) практическая значимость проведенного исследования заключается: (а) в систематизации и разработке теоретических положений модели, методики управления знанием на макро-, мезо-, микроуровнях; (б) в анализе рынка явного и неявного знания с целью повышения эффективного управления рынком знаний на макро-, мезоуровнях в процессе разработки, производства и коммерциализации знания российскими предприятиями; (в) выявлении тенденции доминирования развития рынка неявных знаний в РФ за период 2000–2010 гг., что обосновывает необходимость разработки и внедрения в практике деятельности организации на микро-, мезо-, макроуровнях основных положений, обязательных для коммерциализации неявного знания: управленческого знания, институциональных преобразований во внешней среде, носителя неявного знания. Сформированные основные положения коммерциализации неявного знания способствуют, в конечном итоге, сокращению временного интервала между модернизацией материального и нематериального капитала.

5) концептуальные положения модели управления знаниями в организации заключаются в следующем: а) организация по производству и управлению знаниями выступает как система на макро-, мезо-, микроуровнях; б) универсальность характера модели для трех уровней управления знаниям в организации на микро-, мезо-, макроуровнях; в) реализуемость модели в методике управления знаниями в организации на макро-, мезо-, микроуровнях с соответствующими индикаторами, выбор которых обосновывается: уровнем рассмотрения организации; (универсальной) классификацией знаний, заложенной в модели; используемыми за период 2000–2010 гг. при статистическом наблюдении организации в Российской Федерации различного уровня показателями; в) коммерциализуемость на рынке знания как явного, так и неявного знания с учетом особенностей каждого из видов знания; г) наличие особенностей рынков явного и неявного знания.

Список литературы

1. Мильнер Б. З. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 624 с.
2. Управление знаниями в корпорациях: учеб. пособие / Б. З. Мильнер, З. П. Румянцева, В. Г. Смирнова, А. В. Блиникова. – М.: Дело, 2006. – 304 с.
3. Дресвянников В. А. Управление знаниями организации: учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2012. – 344 с.
4. Адизес И. К. Управление жизненным циклом корпорации. – СПб.: Питер, 2013. – 384 с.
5. Ахтеров А. В., Лезина О. В., Федоров И. В. Управление знаниями в организации: учеб. пособие. – М.: МАДИ, 2010. – 143 с.
6. Шаймиева Э. Ш. Методология формирования, развития и управления технологическими инновациями в процессе модернизации промышленности мезосистем: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Казань, ИЭУП, 2012.
7. Сурин А. В., Молчанова О. П. Инновационный менеджмент: учебник. – М.: ИНФРА-М., 2008. – 368 с.
8. Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш., Казимова А. Н. Открытые инновации и открытые технологические платформы // Инвестиции в России. – 2009. – № 3. – С. 42–48.
9. Распопов В. М. Управление изменениями: учеб. пособие. – М.: Магистр, 2009. – С. 92.
10. Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш. Анализ управления технологическими инновациями на промышленных российских предприятиях: источники финансирования, инновационная стратегия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – № 3 (23). – С. 93–104.
11. Индикаторы науки: 2012 // НИУ «Высшая школа экономики». – М., 2012. – С. 263–265.
12. Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш. Совершенствование методологии управления технологическими инновациями в процессе модернизации промышленности региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 45. – С. 11–28.
13. Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш. Управление технологическими инновациями в процессе модернизации промышленности региона: анализ, формирование рекомендаций // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 10. – Т. 15. – С. 376–385.
14. Атрашенко А. Н. Некоторые концептуальные положения управления образовательной системой // Научная библиотека «Киберленинка». – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-kontseptualnye-polozheniya-upravleniya-obrazovatelnoy-sistemoy>

В редакцию материал поступил 17.04.13

© Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш., 2013

Информация об авторах

Гумерова Гюзель Исаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновационными проектами факультета инновационно-технологического бизнеса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, тел.: (495) 434-05-63
E-mail: ggumerova@mail.ru

Шаймиева Эльмира Шамилевна, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: kaz03@yandex.ru

Как цитировать статью: Гумерова Г. И., Шаймиева Э. Ш. Формирование концептуальных положений модели управления знаниями в организации: теоретико-методический подход (на основе эмпирического исследования) (продолжение) // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 119–129.

G.I. GUMEROVA,

doctor of economics, professor

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,

E.SH. SHAIMIYEVA,

doctor of economics, associate professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

**FORMING THE CONCEPTS OF KNOWLEDGE MANAGEMENT MODEL IN AN ORGANIZATION:
THEORETICAL-METHODOLOGICAL APPROACH
(basing on empirical research)**

Objective: 1. To define the main provisions of the knowledge management model in an organization. 2. To form the characteristics of knowledge markets. 3. To analyze the knowledge market in 2000–2010 in the Russian Federation.

Methods: general scientific methods of theoretical and empirical cognition

Results: knowledge management is analyzed within the frameworks of knowledge management system at micro-, meso- and macrolevels; knowledge is classified as an object of management in micro-, meso- and macrosystems; analysis methodology is suggested, basing on the existing statistical material; trends of knowledge market development in industrially developed mesosystems of the Russian Federation are defined.

Scientific novelty: the knowledge management model is formed; the methodology of knowledge management analysis at micro-, meso- and macrolevels is suggested, with the formed indicators of knowledge markets measurement at relevant levels; dynamics of development of the apparent and non-apparent knowledge in the Russian Federation is revealed for 2000–2010, which consists in dominating of non-apparent knowledge market development; the leading position of the Central Federal District in the knowledge management market as the industrially developed mesosystem.

Practical value: theoretical value – systematization and elaboration of theoretical provisions for the model, the methodology of knowledge management at micro-, meso- and macrolevels; applied value - analysis of the knowledge market to increase the efficiency of knowledge management market at micro-, meso- and macrolevels during elaboration, production and commercialization of knowledge by the Russian enterprises.

Key words: apparent and non-apparent knowledge; knowledge management; managerial innovations; analytical methods; industrially developed mesosystems; knowledge management model.

References

1. Mil'ner, B.Z. *Innovatsionnoe razvitiye: ekonomika, intellektual'nye resursy, upravlenie znaniyami* (Innovative development: economy, intellectual resources, knowledge management). Moscow: INFRA-M, 2009, 624 p.
2. Mil'ner, B.Z., Rumyantseva, Z.P., Smirnova, V.G., Blinnikova, A.V. *Upravlenie znaniyami v korporatsiyakh* (Knowledge management in corporations). Moscow: Delo, 2006, 304 p.
3. Dresvyannikov, V.A. *Upravlenie znaniyami organizatsii* (Knowledge management in an organization). Moscow: KNORUS, 2012, 344 p.
4. Adizes, I.K. *Upravlenie zhiznennym tsiklom korporatsii* (Management of a corporation living cycle). Saint Petersburg: Piter, 2013, 384 p.
5. Akhterov, A.V., Lezina, O.V., Fedorov, I.V. *Upravlenie znaniyami v organizatsii* (Knowledge management in an organization). Moscow: MADI, 2010, 143 p.
6. Shaimieva, E.Sh. *Metodologiya formirovaniya, razvitiya i upravleniya tekhnologicheskimi innovatsiyami v protsesse modernizatsii promyshlennosti mezosistem* (Methodology of forming, development and management of technological innovations during modernization of mesosystems' industry). Kazan, IEUP, 2012.
7. Surin, A.V., Molchanova, O.P. *Innovatsionnyi menedzhment* (Innovative management). Moscow: INFRA-M., 2008.
8. Gumerova, G.I., Shaimieva, E.Sh., Kazimova, A.N. *Otkrytye innovatsii i otkrytye tekhnologicheskie platform* (Open innovations and open technological platforms), *Investitsii v Rossii*, 2009, No. 3, pp. 42–48.
9. Raspopov, V.M. *Upravlenie izmeneniyami* (Change management). Moscow: Magistr, 2009, p. 92.
10. Gumerova, G.I., Shaimieva, E.Sh. *Analiz upravleniya tekhnologicheskimi innovatsiyami na promyshlennykh rossiiskikh predpriyatiyakh: istochniki finansirovaniya, innovatsionnaya strategiya* (Analysis of technological innovations management at Russian enterprises: sources of financing, innovative strategy), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2012, No. 3(23), pp. 93–104.
11. *Indikator nauki: 2012* (Science indicators: 2012), NIU "Vysshaya shkola ekonomiki". Moscow, 2012, pp. 263–265.
12. Gumerova, G.I., Shaimieva, E.Sh. *Sovershenstvovanie metodologii upravleniya tekhnologicheskimi innovatsiyami v protsesse modernizatsii promyshlennosti regiona* (Improving the methodology of technological innovations management during modernization of regional industry), *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2012, No. 45, pp. 11–28.
13. Gumerova, G.I., Shaimieva, E.Sh. *Upravlenie tekhnologicheskimi innovatsiyami v protsesse modernizatsii promyshlennosti regiona: analiz, formirovanie rekomendatsii* (Technological innovations management during modernization of regional industry: analysis, making recommendations), *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2012, No. 10, t. 15, pp. 376–385.
14. Atrashenko, A.N. *Nekotorye kontseptual'nye polozheniya upravleniya obrazovatel'noi sistemoi* (Some concepts of educational system management), *Nauchnaya biblioteka "Kiberleninka"*, available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-kontseptualnye-polozheniya-upravleniya-obrazovatelnoy-sistemoy>

Information about the authors

Gumerova Guzel Isayevna, doctor of economics, professor, professor of the chair of innovative project management of the faculty of innovative-technological business, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: 82 Vernadskogo Str., 119571, Moscow, tel.: (495) 434-05-63

E-mail: ggumerova@mail.ru

Shaimiyeva Elmira Shamilevna, doctor of economics, associate professor, head of the chair of management, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: kaz03@yandex.ru

How to cite the article: Gumerova G.I., Shaimiyeva E.Sh. Forming the concepts of knowledge management model in an organization: theoretical-methodological approach (basing on empirical research) (continue), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 119–129.

© Gumerova G. I., Shaimiyeva E. S., 2013

Проблемы интеграции реального и финансового секторов экономики России / В. А. Мальгин, Т. В. Крамин и др.; под ред. В. Г. Тимирясова, Г. Т. Гафуровой. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. – 200 с.

В представленной книге изучены проблемы взаимодействия реального сектора экономики и финансового рынка с точки зрения формирования финансовых ресурсов. Обобщены основные проблемы участия финансового сектора в обеспечении экономического роста России. Изучена роль банковской системы и рынка ценных бумаг в обеспечении потребностей реального сектора экономики России в финансовых ресурсах для развития.

Данное исследование может представлять интерес для широкого круга читателей – как для представителей бизнеса, изучающих альтернативные источники финансирования деятельности, так и для ученых и практиков, занимающихся исследованием тенденций развития в области финансовых рынков в современном мире.

УДК 338(470):330.35:330.322:336

С. Н. ГУСЕВ,

кандидат экономических наук, старший преподаватель

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Цель: всесторонний анализ причин наблюдаемого замедления российской экономики с позиций внутренних факторов роста – расширения производственных возможностей хозяйственной системы и изменения покупательской способности населения.

Методы: статистический, абстрактно-логический, расчетно-вариантный.

Результаты: установлено, что «затухающие» темпы увеличения объемов валового внутреннего продукта в отечественном народном хозяйстве в целом соответствуют потенциальному уровню, задаваемому текущей интенсивностью процессов накопления основного капитала и динамикой повышения благосостояния основной массы домашних хозяйств. Сформулировано и обосновано предположение о том, что при сохранении существующих тенденций воспроизводства усилятся риски отставания России по ряду ключевых параметров социально-экономического развития не только от стран со зрелыми рыночными или быстрорастущими экономиками, но и от некоторых республик бывшего СССР.

Научная новизна: показано, что сложившиеся модели инвестиционной деятельности и увеличения доходов населения, которым присущи активные миграции частного капитала к зарубежным центрам аккумуляции прибыли, значительный удельный вес в структуре национального накопления государственных и квазигосударственных капиталовложений, дефицит внутренних источников дешевых «длинных» денег, а также крайняя неравномерность в распределении личных богатств не содержат предпосылок для перехода российской экономики на более высокую и устойчивую траекторию роста.

Практическая значимость: в возможности пересмотра концептуальных основ, принципов и направлений стимулирования экономической динамики на основе полноценного вовлечения национальных сбережений в инвестиционный оборот и преодоления избыточной дифференциации населения по уровню доходов.

Ключевые слова: экономический рост; производственные возможности; инвестиционная деятельность; инвестиции в основной капитал; инвестиционный климат; потребительское и корпоративное кредитование; доходы домашних хозяйств; покупательская способность населения; неравенство.

Введение

В настоящее время в академической среде и политических кругах страны развернулась дискуссия, в фокусе внимания участников которой – факторы и причины затухания роста в отечественной экономике, а также те меры, которые следует предпринять для преодоления негативных тенденций к торможению народного хозяйства. Без сомнения, все основания для беспокойства по этому поводу существуют: согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики, темпы увеличения объемов валового внутреннего продукта России непрерывно снижались на протяжении последних восемнадцати месяцев, сократившись (в годовом измерении) в 4 раза – с 4,8 % в первом квартале 2012 г. до 1,2 % во втором квартале 2013 г.

Создается впечатление, что такой сценарий оказался неожиданным для органов государственной власти. Во всяком случае, выступление Президента В. В. Путина на очередном Петербургском международном форуме в июне текущего года [1] имело сдержанный, осторожный, взвешенный характер и в нем отсутствовали амбициозные прогнозы относительно долгосрочных перспектив социально-экономического развития Российской Федерации, несмотря на то, что предшествующие деловые площадки такого рода нередко использовались для популяризации ее успехов как одной из ведущих мировых экономических держав. При этом параметры дефицита бюджета, государственного долга и темпов инфляции в отечественном народном хозяйстве находятся в приемлемых границах и не превосходят пороговых, рекомендуемых отметок, цены

на нефть на мировом рынке углеводородного сырья по-прежнему пребывают в комфортном диапазоне выше 100 долларов США за баррель. Иначе говоря, все атрибуты макроэкономической стабильности налицо, однако, как показывает опыт, этого оказывается явно недостаточно для поддержания динамики выпуска на минимально удовлетворительном уровне.

Если же рассматривать ситуацию с экономическим ростом в России в более длительной ретроспективе и в сравнении с партнерами по неформальному объединению БРИК или вполне официальному СНГ, то она представляется еще менее впечатляющей. Скажем, за период 2000–2010 гг. хозяйственная система нашей страны увеличилась в 1,6 раза, в то время как хозяйственное развитие Китая, Индии и Казахстана расширилось в 2,7; 2,1 [2] и 2,2 раза [3], соответственно. В связи с этим нельзя упускать из внимания тот факт, что два первых государства, выбранных для сопоставления, в 1990-е гг. не переживали ничего подобного по сравнению с тем спадом производства, который испытала Российская Федерация в данный период.

Что же касается Казахстана, то размеры его валового внутреннего продукта в течение 2000–2008 гг. повышались в среднем на 9,4 % каждые 12 месяцев, благодаря чему этой среднеазиатской стране уже в 2004 г. (одной из первых среди участников СНГ) удалось достичь дореформенных объемов выпуска 1990 г. [3]. Отечественное народное хозяйство, темпы роста которого в рассматриваемый период времени были ниже и составляли 7 % ежегодно, смогло преодолеть эту важную отметку лишь два-три года спустя. В острой фазе глобальной нестабильности 2009 г. казахстанская экономика лишь замедлилась до (+1,2 %), а российская – «рухнула» на (–7,8 %), причем размеры сокращения в 2,5, 1,9 и 13 раз [4] превысили значения аналогичных показателей США, Европейского Союза и мировой экономической системы в целом. Наконец, на стадии посткризисного восстановления наш партнер по Содружеству Независимых Государств продолжает демонстрировать уверенный экономический рост на 7,3 % и 7,5 % в 2010 и 2011 гг. [3], соответственно, в то время как экономические результаты России, напротив, выглядят весьма неровными, ненадежными и не внушающими оптимизма.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что при сохранении наблюдаемых тенденций воспроизводства в обозримом будущем усилятся риски отставания нашей страны по ряду ключевых параметров социально-экономического развития не только от общепризнанных лидеров из числа зрелых рыночных экономик или членов блока БИК, но и от некоторых республик бывшего СССР.

Между тем в рамках научного анализа, вероятно, сложнее ответить на вопрос, почему отечественное народное хозяйство вообще должно расти, нежели отыскать причины его нынешнего «охлаждения». В самом деле, экономической науке по большому счету известны всего два внутренних драйвера экономической динамики: с точки зрения предложения – это расширение производственных возможностей хозяйственной системы, а с позиций спроса – повышение покупательской способности населения.

Потенциал первого фактора во многом детерминируется той интенсивностью, с которой протекают процессы накопления основного капитала в изучаемой экономике. Общепризнанно, что инвестиционный фон, существовавший в народном хозяйстве России на протяжении последних лет, задавался, главным образом, благодаря государственным и квазигосударственным вложениям, связанным с организацией масштабных международных спортивных и деловых мероприятий, подобных Саммиту стран АТЭС 2012 г., Всемирной летней универсиаде 2013 г., Зимней олимпиаде 2014 г. и т. д. Собственно, по имеющимся оценкам, на государство во всех его формах и проявлениях ныне приходится около 50 % всего накопления в отечественной экономической системе, примерно 20 %-ых пунктов из которых обеспечивается инвестиционными расходами бюджетов всех уровней и еще 30 – мобилизуется за счет капитальных затрат компаний со значительным государственным участием [5]. Однако к настоящему моменту упомянутые проекты миновали активную инвестиционную фазу в том смысле, что соответствующие мероприятия либо уже проведены (это касается, в частности, Саммита АТЭС во Владивостоке и Студенческих игр в Казани), либо большая часть объектов, намеченных к возведению в ходе их подготовки, уже построена – такое суждение, по всей видимости, уместно в отношении предстоящих олимпийских соревнований в Краснодарском

крае. Разумеется, это обстоятельство оказывает негативное, угнетающее воздействие на уровень инвестиционной активности в экономике страны: по данным Росстата, темпы роста капиталовложений в ней снизились с 10,8 % в 2011 г. до 6,6 % в 2012 г., а в первой половине 2013 г. они вообще переместились в отрицательную плоскость (-1,4% по результатам первых шести месяцев). Если учесть, что по мере практического воплощения обсуждаемых инвестиционных замыслов создавались активы преимущественно непродовственного предназначения, очевидно, что влияние этих объектов на экономический рост или уже исчерпало себя, или проявляется косвенным, опосредованным, трудно различимым образом.

Переходя к частным инвестициям в отечественном народном хозяйстве, необходимо отметить, что их финансовая база размывается благодаря интенсивному вывозу капитала корпоративным сектором за рубеж, чистые размеры которого по итогам января 2008 г. – сентября 2013 гг. вплотную приблизились к отметке в 410 млрд долларов США (табл. 1).

Таблица 1

Чистый вывоз капитала частным сектором из экономики Российской Федерации в январе 2008 г. – сентябре 2013 г. (млрд долларов США)*

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	Январь-сентябрь 2013 г. (оценка)	Всего за январь 2008 г. – сентябрь 2013 г.
Чистый вывоз капитала частным сектором	133,6	57,5	30,8	84,8	53,8	48,1	408,6
В том числе сомнительные операции	50,6	24,6	25,9	33,3	38,8	22,4	195,6

* *Источник:* Центральный Банк Российской Федерации.

Нужно, наконец, понять, что масштабный отток финансовых ресурсов равносителен массивным изъятиям из инвестиционного оборота в российской экономике; он до предела затрудняет или вовсе делает невозможными реализацию приоритетных инвестиционных проектов, генерацию новых рабочих мест, полноценное наполнение государственной казны, а также решение других

стратегически важных задач социально-экономического развития страны. В этом плане позиция отечественного бизнеса, в особенности крупного, не отвечает долгосрочным национальным интересам Российской Федерации.

Широко распространено убеждение, что подобное поведение делового сообщества является закономерной реакцией на плохой инвестиционный климат, который надлежит улучшать, создавая благоприятные, комфортные, лояльные, едва ли не эксклюзивные условия для отечественных и иностранных инвесторов путем выполнения планов мероприятий, «дорожных карт», призванных обеспечить сокращение количества, стоимости и продолжительности процедур, связанных с подключением к инженерным сетям, регистрацией фирм, получением разрешений на строительство, а также прохождением налоговой, таможенной и других форм администрирования [6]. При этом остается невыясненным, каким образом при помощи означенных инициатив, навеянных исследованиями Всемирного банка «Doingbusiness» [7] и нашедших отражение в нормативно-правовых актах главы государства¹, можно повысить инвестиционную привлекательность хозяйственной системы страны для экономических агентов, выведших за ее пределы в течение января 2008 г. – сентября 2013 г. 195,6 млрд долларов США (что, кстати, составило 48 % объема чистого экспорта капитала) по «серым» схемам, опирающимся на так называемые «сомнительные» операции (табл. 1). Логично предположить, что деятельность этих субъектов носит либо откровенно криминальный характер (возможно, она сопряжена с незаконным оборотом психоактивных веществ, оружия или коррупцией), либо они настолько не уверены в реализации своих прав собственности на принадлежащие активы и порождаемые ими экономические выгоды, что предпочитают, игнорируя вполне легальные каналы трансграничного перемещения денежных средств, применять «притворные» сделки, обеспечивающие анонимность конечных бенефициаров доходов. Как бы там ни было, ясно, что данные компании и физические лица функционируют

¹ О долгосрочной государственной экономической политике: Указ Президента Российской Федерации № 596 от 7 мая 2012 г.

вне правового пространства, следовательно, никакие меры, направленные на ликвидацию якобы «чрезмерных» административных барьеров, не способны «развернуть» их, переориентировать на российскую экономику. Повторно заострим внимание на том обстоятельстве, что речь в обсуждаемой ситуации идет о почти половине, а в отдельные годы и еще большей доле чистого вывоза капитала частным сектором (см. табл. 1).

Для того чтобы хоть как-то оправдать роль нетто-кредитора остального мира, стабильно исполняемую нашей страной, в научном сообществе последнее время все чаще муссируется идея о том, что таким путем ее народное хозяйство фактически избавляется от избыточных конъюнктурных доходов от поставок на внешний рынок углеводородного сырья, которые все равно не способны продуктивно использовать из-за наличия объективных ограничений институционального, инфраструктурного и кадрового свойства. Другими словами, масштабный и непрекращающийся отток инвестиционных ресурсов из России предлагается интерпретировать как неизбежную обратную сторону, своего рода фактор, уравновешивающий положительное сальдо платежного баланса [4; 8; 9]. Более того, подчеркивается, что аналогичным образом поступают многие государства, активно вовлеченные в международную торговлю и располагающие значительным профицитом счета текущих операций [8; 10; 11]. Например, Китай вывозит капитал, в частности, посредством аккумуляции колоссальных золотовалютных резервов (3,3 трлн долларов США на конец 2012 г.), значительная часть которых (65 %) номинирована в долговых инструментах американского правительства.

На первый взгляд, некоторые основания для подобных утверждений существуют: по оценкам экс-министра финансов А. Л. Кудрина [11], размеры экспортной выручки отечественной экономики от продаж углеводородов вследствие резкого роста цен на нефть повысились более чем в 10 раз – с 200,6 млрд долларов США в 1990-е гг. до 2,3 трлн долларов США в 2000-е гг. – при том, что ее абсорбционные возможности остались прежними, а может быть, даже несколько сократились. Вместе с тем при более тщательном рассмотрении этот тезис представляется абсолютно несостоятельным. Если допустить, что народное

хозяйство России не испытывает потребности в «излишних» рентных поступлениях, не вполне понятно, почему за период января 2008 г. – сентября 2013 г. внешняя корпоративная задолженность страны увеличилась на 215 млрд долларов США, 77 % из которых (т. е. 165,7 млрд долларов США) привлекли нефинансовые организации. Судя по данным цифрам, можно прийти к выводу о том, что отечественные компании реального сектора экономики остро нуждаются в монетарных ресурсах для материального обеспечения своей текущей деятельности и инвестиционных программ, однако внутренняя финансовая система, находящаяся в состоянии перманентного дефицита дешевых «длинных» денег, что признается и ЦБ РФ², просто не способна предоставить их в необходимых объемах и на приемлемых условиях.

Вполне созвучно этому тезису прозвучало высказывание председателя совета директоров ОАО «Сбербанк» Г. О. Грефа в интервью электронной деловой газете «Бизнес-онлайн», в ходе которого топ-менеджер заявил, что в прежние годы в кредитном портфеле возглавляемого им учреждения 25 % приходилось на инвестиционные займы, «а сегодня – 0, потому что никто по таким ставкам брать не будет, ни один инвестиционный проект такой ставки не выдержит» [12] и возложил изрядную долю ответственности за сложившуюся ситуацию на регулятор.

Безусловно, руководитель крупнейшего коммерческого финансового института страны – лицо заинтересованное, и его оценки не следует абсолютизировать, возводя в ранг истины в последней инстанции. Бытует мнение, что российские банки располагают резервами для кардинальной интенсификации процессов предоставления инвестиционных ссуд: согласно данным Федеральной службы государственной статистики, объемы прочих финансовых вложений хозяйствующих субъектов в отечественной экономике, большую часть которых образуют их депозитные вклады, в 2012 г. в 3,3 раза превосходили размеры инвестиций в основной капитал. Между тем денежно-кредитные учреждения предпочитают использовать эти

² Банк России Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2013 г. и период 2014 и 2015 гг.

ресурсы для обеспечения потребительских заимствований, поскольку их стоимость при прочих равных условиях ощутимо выше (табл. 2), что и предопределяет более высокую доходность этого вида финансового посредничества.

Таблица 2

Средневзвешенные процентные ставки по кредитам, предоставленным кредитными организациями физическим лицам и нефинансовым организациям в рублях в 2012 г. (% годовых)*

Субъект права	Срок предоставления кредита						
	до 30 дней	от 31 до 90 дней	от 91 до 180 дней	от 181 дня до 1 года	до 1 года	от 1 года до 3 лет	свыше 3 лет
Физическое лицо, со сроком погашения	13,4	16,1	28,4	26,5	24,5	22,1	17,7
Юридическое лицо, со сроком погашения	6,9	10,6	11,1	11,4	9,1	11,2	11,2

*Источник: Центральный Банк Российской Федерации, расчеты автора.

Симптоматично, что розничный портфель организаций банковской сферы страны в 2012 г. увеличился на 39,4 %, а корпоративный – всего на 13,7 % (т. е. почти в три раза меньше), причем схожее соотношение между темпами роста этих величин сохранялось и на протяжении истекшего периода 2013 г.

Тем не менее рациональное зерно в суждениях Г. О. Грефа присутствует. Если учесть, что Центральный Банк России размещал ликвидность на обсуждаемом временном интервале сроком на один год в рамках операций РЕПО под 7,75–8 % годовых, и принять во внимание фактор коммерческой маржи, разумно предположить, что стоимость кредитов, выдаваемых финансовыми учреждениями с использованием данного источника фондирования наверняка превысит отметку в 10 %. Поскольку рентабельность продаж в отечественном народном хозяйстве в 2012 г. сложилась на уровне 9,7 %, такой ссудный капитал был недоступен для среднестатистического российского предприятия при всей условности этого понятия. Вполне закономерно, что в общем объеме ликвидности, предоставленной денежными властями в 2012 г., доля относительно долгосрочных ресурсов составила менее 1 % [5]. При

этом основная масса средств выделялась либо на один день – 47 %, либо на период от 1 до 7 дней – 49 %. Собственно, в рассматриваемый период времени состоялось всего два аукциона РЕПО по размещению ликвидности сроком на 364 дня, а причину подобной невостребованности этого канала рефинансирования экономисты склонны усматривать в его высокой стоимости [5].

Выводы

Подводя промежуточные итоги нашего анализа, отметим, что сложившаяся в экономике России модель инвестиционной деятельности, которой органически присущи постоянные миграции частного капитала к зарубежным центрам аккумуляции прибыли, значительный удельный вес в структуре национального накопления государственных вложений, а также острая нехватка адекватных существующим потребностям внутренних источников дешевых «длинных» денег, в принципе не способны демонстрировать минимально приемлемые темпы расширения производственных возможностей.

Что касается второго внутреннего драйвера экономической динамики – повышения покупательской способности населения – то он зависит от темпа увеличения реальных располагаемых доходов домашних хозяйств. Не будет большим преувеличением утверждать, что этот параметр фиксирует верхнюю границу, верхний предел потенциального экономического роста. Ясно, что при планировании объемов выпуска на следующий производственный период субъекты предпринимательской деятельности будут исходить из ожидаемых размеров платежеспособного спроса, ибо в противном случае они столкнутся с проблемой сбыта своей продукции. Согласно результатам государственного статистического наблюдения, реальные располагаемые доходы населения нашей страны в течение последних пяти лет увеличились в среднем на 3,2 % каждые двенадцать месяцев. Легко увидеть, что подобного повышения благосостояния граждан России явно недостаточно для удержания темпов роста на уровне 5–6 % в год, а именно такая задача была обнародована президентом В. В. Путиным в послании Федеральному Собранию в конце 2012 г. [13].

Конечно, на это можно возразить, что в течение определенного периода времени совокупный

спрос в экономике может подпитываться посредством активизации потребительского кредитования, однако по опыту США и других национальных экономических систем со зрелыми рынками хорошо известно, что данный ресурс носит ограниченный и небезопасный характер. Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц в своих трудах констатирует, что расходы 80 % американских семей устойчиво (на 10 %) превосходят доходы³, а профессор Северо-Западного университета города Эванстон (штат Иллинойс) Р. Гордон отмечает, что совокупный долг различным финансовым институтам, накопленный домохозяйствами этой страны, достиг 133 % чистых поступлений в их бюджеты [17]. При этом оба ученых сходятся во мнении, что такое положение вещей «не может продолжаться вечно» и рано или поздно коррекция, консолидация, приведение потребностей в соответствие с заработками станет неизбежным.

Вызывает тревогу, что ситуация в отечественном народном хозяйстве начинает развиваться по схожему сценарию: так в 2012 г. расходы населения увеличились на 6,8 % [5], в то время как доходы – на 4,4 %, что является верным признаком того, что граждане России успешно осваивают кредитную модель потребления [2; 15]. Взрывной рост объемов потребительских заимствований (почти на 40 % в 2012 г.) создает предпосылки зарождения массовой волны индивидуальных банкротств в условиях ухудшения экономической конъюнктуры, сокращения количества рабочих мест, повышения уровня безработицы, которые неизбежно сузят возможности домашних хозяйств в плане обслуживания задолженности перед финансовым сектором. Монетарный регулятор во главе с новым председателем ЦБ РФ Э. С. Набиуллиной испытывает резонные опасения по данному поводу и изучает, судя по сообщениям, полученным из электронных средств массовой информации, возможности введения квазирыночных ограничений на стоимость наиболее популярных банковских продуктов из наиболее рискованных сегментов потребительского кредитования [16].

Однако самое главное заключается в том, что вышеприведенные официальные данные Феде-

ральной службы государственной статистики ничего не дают в плане понимания того, в какой мере в последнее время повышались доходы наиболее состоятельных индивидов, тех, кого принято причислять к среднему классу, и наконец, наименее обеспеченных слоев населения. В связи с этим американские экономисты приводят любопытную информацию для размышления, правда, что естественно, применительно к хозяйственной системе США. Оказывается, несмотря на то, что в течение 1993–2008 гг. доходы граждан этой страны увеличивались в среднем на 1,3 % каждые двенадцать месяцев, благосостояние 99 % домохозяйств росло заметно более умеренными темпами – всего на 0,75 % в год [14]. Другими словами, 1 % богатых и сверхбогатых семей в Соединенных Штатах Америки присваивал 52 % прироста национального дохода. Нужно сказать, что существуют и более категоричные оценки доли «золотого процента» – скажем, по расчетам Дж. Стиглица⁴, в 2000-е гг. она равнялась 65 %, а в 2010 г. и вовсе превзошла отметку в 90 % [17].

Принимая во внимание тот факт, какой уровень неравенства, поляризации, расслоения присущ современному российскому обществу, несложно догадаться, что в отечественном народном хозяйстве обсуждаемая неравномерность распределения с большой вероятностью выражена еще сильнее. Как справедливо подчеркивает академик РАН А. Аганбегян, повышение благосостояния в нашей стране охватывает лишь «малочисленную богатую прослойку» граждан [18]. Из этого следует, что верхняя граница потенциального экономического роста в России может быть еще ниже, чем это показывают значения индикатора *среднего* увеличения реальных располагаемых доходов населения. В действительности, с точки зрения предполагаемой динамики воспроизводства, критически важное значение имеет повышение благосостояния основной массы потребителей, а не только узкой прослойки самых состоятельных агентов. Для подтверждения данного вывода достаточно заметить, что богатые индивиды, какими бы стремительными темпами не росли их доходы, не способны поддерживать симметричное расширение размеров потребления продуктов питания,

³ J. Stiglitz *The Price of Inequality*. N.Y., L.: W.W. Norton & Company.

⁴ Там же.

одежды, бытовой техники, автомобилей эконом-класса и т.д. просто в силу принципа убывающей предельной полезности экономических благ. Одновременно очевидно, что именно эти «элементарные» товары и услуги «повседневного» спроса, а отнюдь не предметы роскоши образуют основу выпуска в современной рыночной экономике.

Таким образом, следует признать, что наблюдаемые тренды покупательской способности домашних хозяйств в нашей стране также не содержат предпосылок ее перехода на новую, более высокую траекторию экономического роста.

Список литературы

1. Сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/18383>
2. Состоится ли новая модель экономического роста в России? / Е. Ясин, Н. Акиндинова, Л. Якобсон, А. Яковлев // Вопросы экономики. – 2013. – № 5. – С. 4–39.
3. Алиев Т. Казахстан: «ресурсное проклятие» или «голландская болезнь»? // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 120–141.
4. Королев И. Неопределенность мирового экономического развития: риски для России // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 4. – С. 3–10.
5. Замедление экономического роста в России / Б. Замараев, А. Киюцевская, А. Назарова, Е. Суханов // Вопросы экономики. – 2013. – № 8. – С. 4–34.
6. Сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/15709>
7. Сайт исследования условий бизнес регулирования «DoingBusiness». – URL: <http://russian.doingbusiness.org/Rankings>
8. Боброва В., Протасов К. Прямые иностранные инвестиции в странах БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 2. – С. 26–35.
9. Зуев В. Факторы экономического развития и структурные реформы в России // Вопросы экономики. – 2013. – № 5. – С. 56–72.
10. Попов В. Глобальные дисбалансы – нетрадиционная трактовка // Вопросы экономики. – 2013. – № 1. – С. 69–80.
11. Кудрин А. Влияние доходов от экспорта нефтегазовых ресурсов на денежно-кредитную политику России // Вопросы экономики. – 2013. – № 3. – С. 4–19.
12. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/81076/>
13. Горюнов Е., Трунин П. Банк России на перепутье: нужно ли смягчать денежно-кредитную политику? // Вопросы экономики. – 2013. – № 6. – С. 29–44.
14. Гордон Р. Дж. Закончен ли экономический рост? Шесть препятствий для инновационного развития (на примере США) // Вопросы экономики. – 2013. – № 4. – С. 49–67.
15. Мау В. Между модернизацией и застоём: экономическая политика 2012 г. // Вопросы экономики. – 2013. – № 2. – С. 4–23.
16. Сайт ежедневной деловой газеты РБК daily. – URL: <http://www.rbcdaily.ru/finance/562949988967177>
17. Клинов В. Актуальные проблемы экономической политики США // Вопросы экономики. – 2013. – № 5. – С. 129–143.
18. Аганбегян А. О применении научных методов при подготовке решений социально-экономических проблем // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 124–137.

В редакцию материал поступил 16.10.13

© Гусев С. Н., 2013

Информация об авторе

Гусев Святослав Николаевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Казанский (Приволжский) федеральный университет
 Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 9, тел.: (843) 292 51 92
 E-mail: Svatoslav.Gusev@tatar.ru

Как цитировать статью: Гусев С. Н. Экономический рост в России: потенциальный уровень и ограничения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 130–137.

S. N. GUSEV,

PhD (Economics), senior lecturer

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ECONOMIC GROWTH IN RUSSIA: POTENTIAL LEVEL AND LIMITATIONS

Objective: comprehensive analysis of the causes of the observed slowdown of the Russian economy from the standpoint of internal growth factors - expansion of production capacity of the economic system and changes in purchasing power of the population.

Methods: statistical, abstract-logical, method of calculations.

Results: it is found that the "damping" rate of increase in gross domestic product in the domestic economy generally correspond to the potential level, set by the current intensity of the process of capital accumulation and the increasing dynamics of the households welfare. The assumption is

formulated and justified that if the current reproduction trends continue to exist, the risk will increase for Russia to lag (on several key parameters of social and economic development) not only behind countries with mature market or rapidly growing economies, but also behind some of the former USSR republics.

Scientific novelty: it is found that the existing models of investment activity and increase in population income (with such basic features as active migration of private capital to the foreign centres of profit accumulation; large share of state and quasi-state investments in the structure of national accumulation; deficit of internal sources of the cheap “long” money, and the extreme inequality in distribution of personal wealth) has no prerequisites for the Russian economy transition to the higher and more stable growth trajectory.

Practical value: possible revision of conceptual frameworks, principles and directions of economic dynamics stimulation based on the full participation of national savings in investment turnover and overcoming excessive differentiation of the population by income level.

Key words: economic growth; production capabilities; investment activities; capital investments; investment climate; consumer and corporate lending; household income; purchasing capacity of the population; inequality.

References

1. <http://www.kremlin.ru/transcripts/18383>
2. Sostoitsya li novaya model' ekonomicheskogo rosta v Rossii?, E. Yasin, N. Akindinova, L. Yakobson, A. Yakovlev (Will the new model of economic growth in Russia take place?, E. Yasin, N. Akindinova, L. Yakobson, A. Yakovlev), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 5, pp. 4–39.
3. Aliev, T. Kazakhstan: “resursnoe proklyatie” ili “gollandskaya bolezn”? (Kazakhstan: “resource imprecation” or “Dutch disease”?), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 6, pp. 120–141.
4. Korolev, I. Neopredelennost' mirovogo ekonomicheskogo razvitiya: riski dlya Rossii (Uncertainty of the global economic development: risks for Russia), *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, No. 4, pp. 3–10.
5. Zamedlenie ekonomicheskogo rosta v Rossii, B. Zamaraev, A. Kiyutsevskaya, A. Nazarova, E. Sukhanov (Slowdown of economic growth in Russia, B. Zamaraev, A. Kiyutsevskaya, A. Nazarova, E. Sukhanov), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 8, pp. 4–34.
6. <http://www.kremlin.ru/transcripts/15709>
7. *Sait issledovaniya uslovii biznes regulirovaniya “DoingBusiness”* (Web-site of research of business regulation conditions «DoingBusiness»), available at: <http://russian.doingbusiness.org/Rankings>
8. Bobrova, V., Protasov, K. Pryamyne inostrannye investitsii v stranakh BRIKS (Direct foreign investments in BRICS countries), *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, No. 2, pp. 26–35.
9. Zuev, V. Faktory ekonomicheskogo razvitiya i strukturnye reformy v Rossii (Factors of economic development and structural reforms in Russia), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 5, pp. 56–72.
10. Popov V. Global'nye disbalansy – netraditsionnaya traktovka (Global imbalances – non-traditional interpretation), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 1, pp. 69–80.
11. Kudrin, A. Vliyaniye dokhodov ot eksporta neftegazovykh resursov na denezhno-kreditnyuyu politiku Rossii (Influence of income from the oil and gas resources exports on the Russian monetary-credit policy), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 3, pp. 4–19.
12. <http://www.business-gazeta.ru/article/81076/>
13. Goryunov, E., Trunin, P. Bank Rossii na pereput'e: nuzhno li smyagchat' denezhno-kreditnyuyu politiku? (Bank of Russia at the crossroads: should monetary-credit policy be softened?), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 6, pp. 29–44.
14. Gordon, R. Dzh. Zakonchen li ekonomicheskii rost? Shest' prepyatstviy dlya innovatsionnogo razvitiya (na primere SShA) (Is economic growth finished? Six obstacles of innovative development (on the example of the USA)), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 4, pp. 49–67.
15. Mau, V. Mezhdumodernizatsiei i zastoem: ekonomicheskaya politika 2012 g. (Between modernization and stagnation: economic policy of 2012), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 2, pp. 4–23.
16. *Sait ezhdnevnoi delovoi gazety RBK daily* (Web-site of a daily business newspaper RBK daily), available at: <http://www.rbcdaily.ru/finance/562949988967177>
17. Klinov, V. Aktual'nye problemy ekonomicheskoi politiki SShA (Topical issues of the USA economic policy), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 5, pp. 129–143.
18. Aganbegyan, A. O primeneniі nauchnykh metodov pri podgotovke reshenii sotsial'no-ekonomicheskikh problem (On applying scientific methods to preparing solutions of social-economic problems), *Voprosy ekonomiki*, 2013, No. 7, pp. 124–137.

Information about the author

Gusev Svyatoslav Nikolayevich, PhD (Economics), senior lecturer of the chair of state and municipal management, Kazan (Volga region) Federal University

Address: 9 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 292 51 92

E-mail: Svatoslav.Gusev@tatar.ru

How to cite the article: Gusev S. N. Economic growth in Russia: potential level and limitations, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 130–137.

УДК 338.46:640.4:339.137.2

А. А. ДОНЕЦ,
аспирант

*Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского,
г. Донецк, Украина*

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА УСЛУГ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬЮ ГОСТИНИЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Цель: проведение оценки и обоснование влияния качества гостиничных услуг на формирование конкурентных преимуществ предприятий гостиничного хозяйства.

Методы: сравнительный анализ, обобщение, социологический опрос, методы парных сравнений и визуализации.

Результаты: обоснована необходимость повышения конкурентоспособности предприятий гостиничного хозяйства с учетом особенностей предоставляемых услуг и состояния рынка гостиничных услуг; доказана зависимость конкурентоспособности предприятия от качества предоставляемых гостиничных услуг; составлена матрица парных сравнений критериев качества гостиничных услуг на основе использования значений шкалы относительной важности.

Научная новизна: развит научно-методический подход к оценке критериев качества предоставляемых гостиничных услуг, отличительная особенность которого состоит в выделении основных критериев, определяющих качество гостиничных услуг с позиции клиента, и определении вектора их приоритетов.

Практическая значимость: создание возможностей для формирования конкурентных преимуществ предприятий гостиничного хозяйства и усиления их конкурентных позиций на рынке гостиничных услуг.

Ключевые слова: предприятие гостиничного хозяйства; качество гостиничных услуг; конкурентное преимущество; конкурентоспособность.

Введение

Развитие гостиничной индустрии направлено на расширение спектра услуг в отелях различного назначения. Развитие этих направлений является следствием того, что существуют определенные цели и задачи, которые ставят перед собой представители гостиничного бизнеса: повышение уровня конкурентоспособности предоставляемых услуг и, как следствие, приобретение базы постоянных клиентов [1].

Ключевым здесь является предоставление таких услуг, которые удовлетворяли бы и даже превосходили ожидания целевых клиентов. Покупатель всегда стремится к определенному соответствию цены услуги и ее качества. Интересно заметить, что, как правило, покупатель услуги реже жалуется на ее высокую цену, чем покупатель товара. Если он считает цену завышенной, то просто уходит без покупки. Неудовлетворенность услугой ведет, как правило, к большим потерям в доле рынка. Именно поэтому производитель услуг должен как можно точнее выявлять потребности и ожидания своих целевых клиентов [2].

Повышение уровня открытости рынка услуг и обострение конкуренции среди предприятий индустрии гостеприимства ставят перед ними задачу постоянного повышения качества услуг и их привлекательности для клиентов. Фактор меняющегося потребления и потребителя, рост его искушенности выдвигают вопросы повышения качества на передний план. Под качеством понимают свойства и характерные особенности услуги, вызывающие чувство удовлетворенности у потребителя или отсутствие недостатков, усиливающее состояние удовлетворенности у клиента. Следовательно, качество – это, прежде всего, чувство удовлетворенности клиента от обслуживания, а качественная услуга – это услуга, отвечающая потребностям гостя. Уровень качества, в свою очередь, зависит от степени совпадения представлений клиента о реальном и желаемом обслуживании на предприятиях гостеприимства [3].

Для гостиничных предприятий решающее значение имеет то, что потенциальный потребитель понимает под качеством на рынке услуг, т. е. для них важна личность потребителя.

При оценке качества услуги потребитель сравнивает то, что ему предоставили, с тем, что он желал получить. Ожидаемая услуга представляет из себя ожидаемое качество и может соотноситься с желаниями и индивидуальными нормами потребителей, с объективными представлениями об ожидаемом или другим стандартом сравнения. Оценка услуги зависит от опыта обращения к производителям подобных услуг, от знания услуги, рыночной коммуникации (сведений из рекламы, СМИ, каталогов, проспектов), личных желаний потребителя и имиджа производителя. Потребляемая услуга как воспринимаемое качество подчинена эффектам отборочного восприятия, приспособления и исправления воспринимаемого [4].

Ключевым фактором, формирующим понятие качества, является наиболее полное удовлетворение потребностей гостей с различными запросами и своим пониманием комфорта как такового. Например, россияне считают, что комфортной будет та гостиница, где есть хороший мини-бар и развитая система обслуживания, предлагающая разнообразные напитки и закуски на любой вкус. Американцы считают комфортной такую гостиницу, где в номерах предусмотрены места для приготовления коктейлей, в любое время суток можно достать лед, а также работает эффективная система безопасности. Европейцы особое внимание обращают на санузел и разнообразие предприятий питания, а японцы – на возможность своевременного получения информации, систему пиктограмм (специальных значков, рисунков), позволяющую хорошо ориентироваться в отеле, не зная местного языка, и наличие ресторана с восточной кухней [5]. Оценить качество услуги трудно, т.к. к свойствам услуги в отличие от продукции относятся неосвязаемость, неразрывность производства и потребления, изменчивость качества и неспособность к хранению [6, с. 66].

Цель статьи состоит в проведении оценки и обосновании влияния качества гостиничных услуг на формирование конкурентных преимуществ предприятий гостиничного хозяйства.

Результаты исследования

В последние годы гостиничный рынок в Украине характеризуется ростом предложения при одновременном сокращении спроса на услуги размещения. Такая ситуация способствует

усилению конкурентной борьбы, одним из направлений успеха в которой является формирование конкурентных преимуществ предприятий гостиничного хозяйства. Поскольку ассортимент услуг и ценовая политика на отечественном рынке гостиничных услуг представляет относительно одинаковый спектр, главной, магистральной компонентой, обуславливающей конкурентные преимущества, выступает предоставление гостиничных услуг более высокого качества по сравнению с конкурирующими аналогами.

Визуализация влияний качества гостиничных услуг на конкурентоспособность предприятия гостиничного хозяйства представлена на рис. 1.

Уровень качества услуг гостеприимства определяется рядом критериев, к которым относятся внешний вид персонала, в том числе наличие униформы, прическа и личная гигиена сотрудников, соблюдение сотрудниками норм этикета и корпоративной этики в общении с клиентами, соблюдение санитарно-гигиенических норм, главными из которых являются чистота и порядок в номерах, холлах, вестибюлях, использование натуральных материалов и живых цветов для оформления интерьеров; комфортабельность номеров; охрана и обеспечение безопасности проживающих в гостинице; ассортимент индивидуальных и дополнительных по желанию клиента услуг.

Оценка гостиничных услуг по обозначенным на рис. 1 критериям дает возможность определить уровень качества предоставляемых услуг и, как следствие, оценить уровень удовлетворенности клиента – потребителя этих услуг.

Высокий, средний или низкий уровень качества предоставляемых гостиничных услуг вызывает, соответственно, уровень удовлетворенности у клиента: высокий, средний или низкий. Высокий уровень удовлетворенности клиента предоставленными ему гостиничными услугами положительно влияет на имидж гостиницы, способствует формированию ее бренда.

Если рассматривать бренд как понятие, которое отражает репутацию гостиничной услуги, основанной на совокупности положительных эмоциональных ассоциаций о конкретной услуге, то можно сделать вывод о том, что формирование бренда и повышение имиджа гостиничного предприятия происходит только при высокой степени

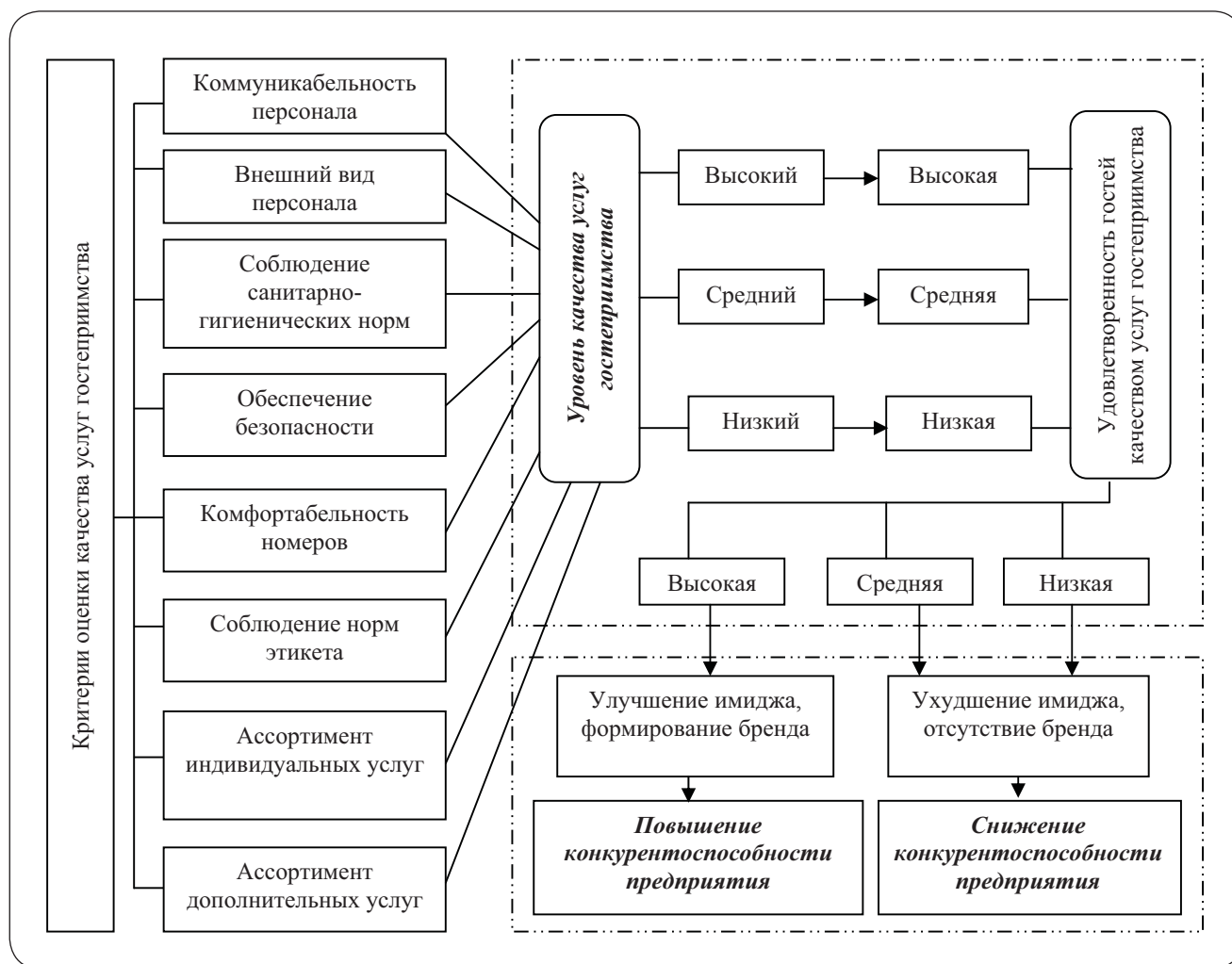

Рис. 1. Влияние качества услуг, предоставляемых гостиничным предприятием, на его конкурентоспособность (составлено автором)

удовлетворенности потребителей предоставленных услуг.

В контексте современного состояния рынка гостиничных услуг конкурентная позиция предприятия, функционирующего на данном рынке, во многом определяется наличием сильного бренда, который, в свою очередь, диктует необходимость постоянной работы над его позиционированием и развитием. Усиливающаяся конкуренция, многообразие аналогичных гостиничных услуг в одном ценовом сегменте вынуждают гостиничные предприятия искать способы создания дополнительных конкурентных преимуществ, одним из которых является наличие сильного бренда. Средний и низкий уровень удовлетворенности снижают имидж гостиничного предприятия и, не вызывая положительных эмоциональных

ассоциаций, не способствуют формированию бренда предоставляемых услуг.

Отсюда следует, что только высокий уровень предоставляемых гостиничных услуг выступает как конкурентное преимущество гостиницы и тем самым способствует повышению ее конкурентоспособности.

Выявив в ходе пилотажного исследования восемь основных критериев, отражающих, с точки зрения клиентов – потребителей гостиничного продукта – качество предоставляемых гостиничных услуг, мы провели социологический опрос для оценки приоритетов важности каждого критерия.

Респондентами при проведении социологического опроса стали клиенты, проживающие в гостиницах Донецка (табл. 1). Генеральная со-

вокупность – среднегодовая занятость номеров исследуемых гостиниц – составила 1112 чел. При формировании выборочной совокупности для проведения исследования применен метод случайного выбора и методика расчета, предложенная маркетинговым агентством FDFgroup [8].

Согласно произведенным расчетам, выборка объемом 339 единиц соответствует доверительной вероятности ($p = 95\%$). Ошибка выборки (4,4 %) является допустимой для того, чтобы считать выборку репрезентативной.

Таблица 1

Распределение респондентов при проведении социологического опроса по определению приоритетов важности критериев оценки качества услуг гостеприимства*

Название гостиницы	Категория	Количество респондентов
Донбасс Палас	5 звезд	36
Виктория	4 звезды	12
Прага	4 звезды	18
Риальто	4 звезды	6
Азония	3 звезды	8
Атлас	3 звезды	64
Доминик	3 звезды	9
Ева	3 звезды	21
Ливерпуль	3 звезды	34
Централь	3 звезды	16
BON-BON	3 звезды	7
Испанский дворик	2 звезды	12
Шахтер	2 звезды	72
Динамо	2 звезды	18
Приват	2 звезды	6
Всего		339

* Источник: составлено автором.

На первом этапе был определен ранг каждого критерия, и составлено неравенство (1).

$$A_4 > A_5 > A_3 > A_2 > A_1 > A_6 > A_7 > A_8 \quad (1)$$

где A_1 – внешний вид персонала; A_2 – коммуникабельность персонала; A_3 – соблюдение норм этикета; A_4 – комфортабельность номеров; A_5 – соблюдение санитарно-гигиенических норм; A_6 – обеспечение безопасности; A_7 – ассортимент индивидуальных услуг; A_8 – ассортимент дополнительных услуг.

С использованием метода парных сравнений [7] нами была составлена Матрица парных сравнений качества гостиничных услуг на основе использования значений шкалы относительной важности (табл. 2).

Как видно из табл. 2, при определении качества гостиничных услуг критерию «комфортабельность номеров» отдано предпочтение во всех парных сравнениях. Этот вывод подтвержден также после суммирования оценок по столбцам 2–9 матрицы парных сравнений, в результате чего получены абсолютные суммарные веса для каждого варианта оценки.

Определив значение собственного вектора по каждому критерию оценки качества гостиничных услуг, можно предварительно сделать заключение о том, что этот критерий имеет очень сильное превосходство над всеми другими критериями оценки качества гостиничных услуг по показателю собственного вектора, значение которого составляет 100,4 что больше следующего по весу важности критерия «Соблюдение санитарно-гигиенических норм» в 3,7 раза. Критерий комфортабельности номеров значительно превосходит другие критерии и по показателю вектора приоритетов, значение которого составляет 0,69.

Обращает на себя внимание, что критерии «Ассортимент индивидуальных услуг» «Ассортимент дополнительных услуг» по показателю вектора приоритетов имеют незначительный вес значимости (соответственно 0,0003 и 0,0001) для клиентов при оценке качества гостиничных услуг.

Выводы

Таким образом, подытоживая вышесказанное, можно сделать выводы о том, что при усилении конкуренции на рынке гостиничных услуг и тенденции роста потребностей и запросов клиентов – потребителей гостиничных услуг у предприятий, функционирующих на этом рынке, возникает необходимость поиска способов укрепления своей конкурентной позиции за счет повышения конкурентоспособности.

В силу уникальности предоставляемых услуг на рынке для предприятий гостиничного хозяйства значительным конкурентным преимуществом является качество предоставляемых гостиничных услуг, поскольку именно высокий уровень этого показателя деятельности гостинич-

Таблица 2

Матрица парных сравнений критериев качества гостиничных услуг на основе использования значений шкалы относительной важности*

Критерии оценки	Внешний вид персонала	Коммуникабельность персонала	Соблюдение норм этикета	Комфортабельность номеров	Соблюдение санитарно-гигиенических норм	Обеспечение безопасности	Ассортимент индивидуальных услуг	Ассортимент дополнительных услуг	Определение собственного вектора	Определение вектора приоритетов
Внешний вид персонала	1	1/2	1/2	1/4	1/3	2	2	3	0,50	0,0034
Коммуникабельность персонала	2	1	1/2	1/3	1/2	2	3	4	1,99	0,0137
Соблюдение норм этикета	2	2	1	2	1/2	3	4	5	15,49	0,1065
Комфортабельность номеров	4	3	2	1	2	5	6	7	100,40	0,6905
Соблюдение санитарно-гигиенических норм	3	2	2	1/2	1	4	5	6	26,83	0,1845
Обеспечение безопасности	1/2	1/2	1/3	1/5	1/4	1	2	2	0,14	0,0010
Ассортимент индивидуальных услуг	1/2	1/3	1/4	1/6	1/5	1/2	1	2	0,04	0,0003
Ассортимент дополнительных услуг	1/3	1/4	1/5	1/7	1/6	1/2	1/2	1	0,01	0,0001
Сумма	13,33	9,58	6,78	4,64	4,95	18	23,5	30	145,40	1,000

Примечание: Чем меньше значение суммы элементов столбца матрицы, тем выше рейтинг варианта оценки [7].

* *Источник:* составлено автором.

ного предприятия обеспечивает высокую степень удовлетворенности у клиентов, улучшает имидж предприятия, формирует бренд предоставляемых им услуг.

Рекомендации, сделанные на основе полученных результатов исследования, адресованы руководителям и менеджерам предприятий гостиничного хозяйства.

Список литературы

1. Самойлова Е. А. Управление конкурентоспособностью предприятий сферы гостиничного хозяйства: на примере ОАО «ГК «Космос»: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2009. – 19 с.

2. Анализ качества гостиничных услуг на примере гостиницы Калининград. – URL: <http://ref.by/refs/54/12732/1.html>

3. Управление качеством услуг в индустрии гостеприимства. – URL: <http://buklib.net/books/23528/>

4. Качество услуги как объект управления. – URL: <http://ooph.ru/1174.html>

5. Государственное регулирование гостиничного дела // Гостиничное дело. – URL: http://dw6.ru/pokazateli_kachestva_ostinichnyh_uslug.html

6. Кальченко Л. А., Подоляк Я. В. Управление системой качества услуг в гостиничном бизнесе // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 121. – С. 66–68.

7. Матрица парных сравнений. – URL: <http://anpavlov.ru/MAI/Chapter%203.htm>

8. Выборка. Типы выборок. Расчет ошибки выборки // FDF group. – URL: <http://www.fdfgroup.ru/?id=189>

В редакцию материал поступил 07.08.13

© Донец А.А., 2013

Информация об авторе

Донец Антон Анатольевич, аспирант кафедры прикладной экономики, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского

Адрес: 83050, Украина, г. Донецк, ул. Щорса, 31, тел.: +380623050673

E-mail: adonets@gmail.com

Как цитировать статью: Донец А. А. Повышение качества услуг как инструмент управления конкурентоспособностью гостиничного предприятия // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 138–143.

A. A. DONETS,

post-graduate student

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky, Donetsk, the Ukraine

INCREASING THE QUALITY OF SERVICES AS A TOOL FOR MANAGING COMPETITIVENESS OF A HOTEL ENTERPRISE

Objective: to evaluate and ground the influence of hotel services quality on forming the competitive advantages of hotel enterprises.

Methods: comparative analysis, summarizing, sociological poll, methods of pair comparison and visualization.

Results: the necessity is grounded to increase the hotels competitiveness taking into account the quality of rendered services and market conditions; a matrix of pair comparisons is designed for criteria of hotel services quality basing on the values of relative importance scale.

Scientific novelty: the scientific-methodological approach is developed for evaluation of criteria of the quality of rendered hotel services; its peculiar feature is to define the main criteria determining the quality of rendered hotel services from the customer's point of view, as well as the vector of their priorities.

Practical value: creating opportunities for forming competitive advantages of hotel enterprises and strengthening their competitive positions at hotel services market.

Key words: hotel enterprise; quality of hotel services competitive advantage; competitiveness.

References

1. Samoilova, E. A. *Upravlenie konkurentosposobnost'yu predpriyatii sfery gostinichnogo khozyaistva: na primere OAO "GK "Kosmos"* (Managing competitiveness of hotel enterprises on the example of "Kosmos" Public Corporation). Moscow, 2009, 19 p.
2. *Analiz kachestva gostinichnykh uslug na primere gostinitsy Kaliningrad* (Analysis of the quality of hotel services on the example of "Kaliningrad" hotel), available at: <http://ref.by/refs/54/12732/1.html>
3. *Upravlenie kachestvom uslug v industrii gostepriimstva* (Managing the services quality in the hospitality industry), available at: <http://buklib.net/books/23528/>
4. *Kachestvo uslugi kak ob"ekt upravleniya* (Quality of service as an object of management), available at: <http://oopht.ru/1174.html>
5. Gosudarstvennoe regulirovanie gostinichnogo dela (State regulation of hotel business), *Gostinichnoe delo*, available at: http://dw6.ru/pokazateli_kachestva_ostinichnyh_uslug.html
6. Kal'chenko, L. A., Podolyak, Ya. V. Upravlenie sistemoi kachestva uslug v gostinichnom biznese (Managing the services quality system in hotel business), *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2007, No. 121, pp. 66–68.
7. *Matritsa parnykh sravnenii* (Matrix of pair comparisons) available at: <http://anpavlov.ru/MAI/Chapter%203.htm>
8. Vyborok. Tipy vyborok. Raschet oshibki vyboroki (Selection. Types of selections. Calculation of the selection error), *FDF group*, available at: <http://www.fdfgroup.ru/?id=189>

Information about the author

Donets Anton Anatolyevich, post-graduate student of the chair of applied economics, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhailo Tugan-Baranovsky

Address: 31 Shchors Str., 83050, Donetsk, the Ukraine, tel: +380623050673

E-mail: adonets@gmail.com

How to cite the article: Donets A. A. Increasing the quality of services as a tool for managing competitiveness of a hotel enterprise, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 138–143.

УДК 65.011.1:334.716:33.845.01

Н. А. ДУБИНИНА,

кандидат экономических наук, доцент,

Е. Н. ЛАНЦМАН,

доцент

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Цель: исследование содержания различных концептуальных направлений и подходов к определению и формированию государственной промышленной политики.

Метод: формальной логики.

Результаты: на основе анализа существующих подходов выявлено, что наиболее эффективным методом формирования и реализации промышленной политики в современных условиях развития национальной экономики является вертикально-горизонтальный метод, позволяющий согласовать государственные и региональные интересы на основе выделения стратегически значимых отраслей промышленности как для региональной, так и для национальной экономики.

Научная новизна: систематизированы различные подходы к формированию и реализации промышленной политики с периода экономических реформ в России до современного этапа развития национальной экономики.

Практическая значимость: в возможности выбора наиболее эффективных методов формирования и реализации промышленной политики в современных условиях развития национальной экономики, обеспечивающих реализацию видов промышленной деятельности, имеющих стратегическое значение как для региона, так и для экономики страны в целом.

Ключевые слова: концептуальные направления; промышленная политика; методы формирования и реализации; территориальные кластеры; механизмы формирования.

Введение

Выступая частью общей экономической политики, промышленная политика государства является важнейшим элементом в обеспечении экономической безопасности страны, а также одним из основных средств, обеспечивающих основу устойчивого развития и модернизации российской экономики. Не менее важную функцию выполняет промышленная политика и на микроуровне, поскольку в деятельности промышленных комплексов и отдельных предприятий она может применяться для решения наиболее актуальных задач их функционирования и развития как средство обеспечения жизнедеятельности во внешней среде. Следовательно, от того, как протекают процессы формирования и реализации промышленной политики на различных уровнях, во многом зависят вопросы использования ресурсов, внедрения результатов инновационной деятельности, производства и реализации продуктов и услуг, достижения должного уровня конкурентоспособности, а на макроуровне – экономическое могущество страны и уровень жизни населения.

Результаты исследования

В период экономических реформ в России был разработан ряд концептуальных подходов к формированию промышленной политики (см. табл).

Базовой основой концепции промышленной политики на начальном этапе реформирования российской экономики являлось предположение о том, что решение большинства проблем отраслей и предприятий без участия государства возможно путем реализации общих экономических реформ и создания рыночных механизмов.

В период 1994–1995 гг. Государственный комитет РФ по промышленной политике разработал концепцию государственной промышленной политики, согласно которой промышленная политика представлена самостоятельной целостной системой мер, направленных на программно-целевое регулирование процесса организационной, структурной и технологической модернизации промышленного воспроизводства с целью последовательного наращивания выпуска наукоемкой продукции и увеличения покупательной способности занятого населения. Ключевыми

Концептуальные направления промышленной политики

Годы проведения	Основные направления и подходы
1991–1992 гг.	Экономическая реформа институциональной среды и создание рыночных механизмов. Активные попытки изучения и использования опыта развитых стран
1993–1994 гг.	Развитие внутреннего спроса, предоставление производителям дешевого оборотного капитала для более полной загрузки производственных мощностей, поиск передовых отраслей, господдержка которых благодаря межотраслевым связям дает импульс для роста промышленного производства (например, жилищное строительство, автомобилестроение и даже ТЭК)
1995–1996 гг.	Развитие импортозамещающих производств за счет протекционизма во внешнеэкономической политике государства, усиление внутрипромышленной интеграции и выстраивание производственных «цепочек»
1997–1999 гг.	Разработка среднесрочных и долгосрочных государственных программ развития
1999–2005 гг.	Развитие инновационной сферы, прямое госрегулирование, устранение ограничений инфраструктурных и технологических при активизации участия бизнеса, создание равных условий конкуренции для всех участников рынка, минимизация вмешательства государства
2005–2008 гг.	Установление государственных ориентиров и стимулов к инновационной модели развития, реализация структурной политики, стимулирующей межсекторный, межотраслевой и межрегиональный «перелив» капитала, обеспечивающий финансовую основу модификации отраслевой и территориальной структуры промышленности, развитие производства и производственной инфраструктуры на основе инвестиционной деятельности

вопросами программы названы: 1) восстановление управляемости экономики; 2) институциональное и организационно-хозяйственное реформирование промышленного комплекса; 3) специфика структурной и инвестиционной политики в промышленности; 4) оздоровление экономической среды [1, с. 4]. В числе традиционных инструментов государственной политики разработчики назвали: бюджетную политику, налоговую политику, ценовую, амортизационную и антимонопольную политику, укрепление финансовой дисциплины (в качестве мер промышленного регулирования).

Предложенная программа заключалась в попытке осмысления пришедшей с Запада парадигмы промышленной политики (ПП). В то же время стоит согласиться с мнением Е. Н. Потаповой, С. А. Толкачева, что выделение перечня государственно-правовых регуляторных инструментов для решения проблем промышленного развития представляет не концепцию промышленной политики, а определение общеэкономических задач в масштабах страны. Кроме того, к числу недостатков данного документа можно отнести:

- отсутствие конкретных приоритетов в промышленном развитии, их неаргументированность;
- концентрация в руках государства ресурсов индустриального развития;
- предлагаемые способы устранения барьеров по созданию конкурентоспособных и эффективных отраслей носят в большей степени теоретический характер;

– предложенный инструмент промышленной политики – приватизация – не способствовал решению проблем в промышленности [2, с. 59].

Предложенная концепция, несмотря на определенные недостатки, является первым вариантом разработки и реализации собственной программы индустриального развития страны.

В диапазоне современных концепций, обосновывающих необходимость внедрения ПП, следует также выделить: Концепцию государственной промышленной политики России, разработанную группой научных деятелей под руководством академика РАН Е. М. Примакова, Концепцию Новой промышленной политики академика РАН Д. С. Львова и Концепцию промышленной политики Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП).

В отличие от первых двух концепций, РСПП рассматривает не государственную политику, а национальную политику, в числе равноправных участников которой выступают государство, бизнес, научные сообщества, общественные организации и высокотехнологичные сектора экономики. Основной акцент концепции заключен в необходимости поддержки ряда субъектов, учитывая не только конкурентоспособные компании, но и интегрированные бизнес-группы, существующие крупные корпорации. Согласно РСПП, именно интегрированные бизнес-группы (ИБГ) реально и достаточно успешно включаются в процессы глобализации, приобретая опыт достижения национальной конкурентоспособности на мировых рынках [3].

Ввиду отрицательного опыта реализации жесткой промышленной политики с преобладанием прямых мер государственного регулирования авторы концепции отмечают целесообразность реализации прямых мер госрегулирования в сочетании с косвенными. Проведенный анализ концепции РСПП позволил сделать следующие выводы. Учитывая необходимость отказа от сырьевой ориентации для индустриального развития российской промышленности, противоречивым, на наш взгляд, является подход авторов, акцентирующих внимание на содействии повышению конкурентоспособности российского крупного бизнеса в форме сохранения и дальнейшего развития крупных компаний, относящихся к сырьевым отраслям. Нельзя согласиться и с предлагаемым РСПП-инструментарием в форме поддержки ИБГ с целью внедрения научно-технических новшеств, учитывая положительную в мировой практике закономерность: крупный бизнес уступает в инновационной активности мелким фирмам-инноваторам, которые осуществляют основные прорывные нововведения. Но в то же время положительной стороной рассматриваемой концепции, на наш взгляд, можно назвать предложенные прямые методы реализации концепции ПП в России – федеральные целевые программы реструктуризации отраслевых промышленных комплексов.

Наиболее обоснованно, на наш взгляд, проведение целенаправленной ПП, предложенное группой ученых Отделения экономики Российской академии наук, возглавляемой академиком Д. С. Львовым. По мнению авторов концепции, отставание России в развитии экономики от европейских стран можно преодолеть путем обеспечения опережающего роста производства обрабатывающих отраслей промышленности. Важную роль при этом, на наш взгляд, играет предложенный авторами инструментарий промышленной политики, возможность его рационального сочетания с политикой макроэкономического регулирования. Согласно концепции, главное направление новой промышленной политики – взаимодействие военно-промышленного и добывающего комплексов, причем ВПК отведена не ведущая роль, но и его принципиальная значимость не снижена. Основопологающей платформой такого взаимодействия назван ТЭК в роли главного заказчика продукции

и услуг предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК).

Собственная позиция по основополагающим направлениям формирования промышленной политики сформулирована в концепции государственной промышленной политики России (далее – ГПП), подготовленной Торгово-промышленной палатой Российской Федерации. Основным принципом данной концепции является постоянное сотрудничество государства, науки и бизнеса в области наиболее важных и острых проблем экономической сферы. Промышленная политика представлена системой мер, направленных на развитие национальной экономики, новейших технологий и продуктов высокой степени обработки, современных информационных и других услуг, человеческого капитала [5]. Ключевым положением ГПП является идея учреждения целевого ссудного фонда промышленности (СФП) как государственного внебюджетного фонда, направленная на решение проблем недостаточности ресурсов в промышленности. В качестве направлений использования средств СФП названы следующие цели:

- государственный заказ и государственные лизинговые компании, охватывающие машиностроение, авиапром, транспортное машиностроение, сельхозмашиностроение;
- компенсация части учетной банковской ставки, предоставление гарантий и страхования по коммерческим кредитам;
- реализация целевого прямого и синдицированного инвестиционного кредитования промышленности, кредитования с целью пополнения оборотных средств;
- оказание поддержки экспорта перерабатывающих отраслей, внутреннего производственного спроса [5].

Общей характерной чертой концепции ГПП и концепции РСПП является идейная материализация ПП на основе диалога бизнеса и государства. Оценивая концепцию ГПП, мы согласны с мнением ряда экспертов о ее излишней компромиссности в плане соотношения сил государства и бизнеса, что приводит к противоречивости с основополагающими принципами индустриальной политики.

Учитывая быстро меняющиеся условия и новые требования к современной промышленной

политике, предопределяющие необходимость применения не только существующих, но и создания новых механизмов ее реализации, А. Татаркин среди таких подходов выделяет четыре наиболее значимых:

- 1) приоритетные промышленные проекты различного масштаба;
- 2) построение промышленной политики на основе кластерного подхода;
- 3) частно-государственное партнерство;
- 4) региональные институты развития [6, с. 10].

Приоритетные промышленные проекты как инструмент промышленной политики объединяют в себе административные, финансовые, структурные, технологические и рыночные ресурсы. В числе таких проектов можно выделить два типа: первый – это инфраструктурные проекты, второй тип – инновационные проекты.

В качестве объекта и инструмента государственной промышленной политики в настоящее время традиционно применяется кластерный подход. Данный инструмент можно рассматривать не только как средство достижения основных целей промышленной политики (структурных изменений, модернизации экономики, повышение конкурентоспособности, инновационной направленности), но и как действенный инструмент развития регионов. При этом необходимо учитывать, что, поддерживая кластерное развитие в рамках формирования и реализации промышленной политики на региональном уровне, невозможно копировать опыт других регионов. Данное обстоятельство связано с тем, что формирование эффективных кластеров базируется на региональных особенностях, которые в дальнейшем трансформируются в конкурентные преимущества [7, с. 44].

По мнению Общероссийской общественной организации «Деловая Россия», выбор направлений и методов реализации промышленной политики, первоначально должен основываться на тщательном анализе микроэкономических факторов развития по отдельным секторам российской экономики. Цель проведения анализа – выявить и определить потенциальную конкурентоспособность точек роста, способствующих дополнительному промышленному спросу и оказанию воздействия на другие сектора экономики, отрасли и смежные производства [8].

Предлагаемые авторами данной концепции подходы к реализации промышленной политики в большинстве своем аналогичны механизмам, названным А. Татаркиным. Возможными механизмами реализации промышленной политики «Деловая Россия» называет:

1. Предоставление преференций объектам промышленной политики. Основной мерой названы инструменты амортизационной политики.

2. Применение практики государственного софинансирования проектов через систему государственных финансовых институтов развития.

3. Развитие существующих и создание новых территориально-производственных комплексов (в форме государственно-частного партнерства), стимулирование развития региональных и локальных кластеров.

4. Метод государственно-частного партнерства (форма взаимодействия государства и бизнеса, зародившаяся в начале 1990-х гг. в Великобритании).

При этом авторы считают, что представленный перечень механизмов реализации промышленной политики можно дополнить и другими механизмами в зависимости от степени участия государства в их реализации, форм взаимодействия и сотрудничества участников. Но в целом успешность формирования и реализации новой промышленной политики, по мнению авторов данной концепции, зависит от эффективности и адекватности системы ее государственного управления. Основой реализации программ в рамках промышленной политики должна стать методология проектного управления, характерной особенностью которой является выполнение утверждаемых Целевых проектов в рамках Единого плана действий. Представленный подход к созданию новой системы управления Целевыми проектами, по мнению авторов, может стать основой эффективных методов управления экономикой на базе новых прогрессивных принципов.

Прямую зависимость от принятой модели социально-экономического развития страны предлагает устанавливать О. А. Романова при формировании промышленной политики. Исторический опыт подтверждает, что модели регулирования экономического развития достаточно многообразны: либерально-рыночная модель, утвердившаяся в США, Канаде, Великобритании;

социально-рыночная – в Германии; социально-демократическая – в Швеции; дирижистская – во Франции; особая патерналистская модель – в Японии; двухсекторная модель в Китае и Монголии.

Исследование показывает, что в России наиболее обсуждаемыми альтернативными моделями экономической политики, определяющими тип промышленной политики, являются либеральная и дирижистская. Либеральная модель ориентирована на минимальное участие государства в экономике, дирижистская модель допускает участие государства в экономике не только в качестве реформатора, но и активного государственного предпринимателя и инвестора. В рамках рассматриваемых моделей сформировались «жесткая», или вертикальная промышленная политика, и «мягкая», или горизонтальная. Вертикальная модель предполагает поддержку конкретных производств со стороны государства всевозможными льготами. Горизонтальная модель предусматривает создание равных возможностей развития производства для всех отраслей. При этом мы согласны с мнением О. А. Романовой, что при формировании промышленной политики недостаточно противопоставлять рынок и централизованно управляемую экономику, определяя содержание и цели современной промышленной политики [9].

В работах других авторов обосновано, что системный подход к формированию и реализации является важным условием успешной промышленной политики. О. А. Романова и ряд других авторов считают, что системный подход должен быть уточнен с позиции системно-синергетического подхода к формированию промышленной политики. Только такой подход позволит не только решить задачи устойчивого развития, но и обеспечит качественный уровень развития, переход на новую, более высокую ступень развития. Кроме того, основу управления при системном подходе составляет ситуационное регулирование, реализуемое на принципе самоорганизации при системно-синергетическом подходе. Важное преимущество системно-синергетического подхода заключено не просто во взаимодействии, позволяющем адаптироваться к внешней среде, а в воздействии на нее, преодолении неопределенности, учете приоритета нелинейных инноваций [9].

Таким образом, на наш взгляд, следует согласиться с тем, что при таком подходе, правомерно

понимание природы промышленной политики с позиции взаимодействия политики с внешним окружением, так как это позволяет корректировать влияние рыночных сил, способствуя усилению или нивелированию эффекта распределения ресурсов, максимальному увеличению собственного потенциала экономического роста, снижению рисков производственных потерь.

Сторонником инфраструктурного подхода к формированию и реализации промышленной политики является В. Н. Тренев, считающий первоочередной задачей, решаемой на федеральном уровне, формирование и развитие инфраструктурной составляющей государственной промышленной политики. Второй этап предусматривает создание благоприятной бизнес-среды, обеспечивающей развитие национальной промышленности и высокий рост ее конкурентоспособности. Автор считает, что действующей мерой формирования благоприятной бизнес-среды является формирование и развитие институтов частно-государственного партнерства.

Особого внимания заслуживает предложение автора об организации бизнес-среды, обеспечивающей модель инновационного развития территорий. При этом инструментами реализации промышленной политики в целях инновационного развития является создание и развитие следующих объектов: промышленные и технико-внедренческие зоны; научные и технологические парки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий; региональные агентства по развитию территорий и привлечению инвестиций; кластеры [10].

Третий этап формирования и реализации эффективной промышленной политики автор связывает с развитием региональных кластеров, представленных точками экономического роста, определяющими конкурентоспособность и перспективы развития регионов. Возможными моделями реализации кластерной политики на уровне региона являются:

- 1) интеграция кластерного подхода в региональную стратегию социально-экономического развития;
- 2) кластерный подход в отраслевых региональных стратегиях и программах, а также в отдельных направлениях отраслевых стратегий федерального уровня;
- 3) отдельная кластерная политика региона.

Четвертым этапом реализации промышленной политики должно стать внедрение современной

системы мониторинга регионального развития. Заключительный этап развития промышленной политики автор связывает с возможностью эффективной реализации стратегий, программ и проектов, основанных, прежде всего, на создании системы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров для современного промышленного комплекса России. Таким образом, разработанный автором механизм реализации промышленной политики представлен комплексом мер по развитию промышленного потенциала регионов, включающих: повышение инвестиционной привлекательности, формирование и развитие кластеров, стимулирование региональных точек роста, обеспечивающих эффективную реализацию разработанных стратегий социально-экономического развития регионов.

В продолжение данного подхода следует, на наш взгляд, рассмотреть точку зрения А. С. Лихачева, предлагающего более развернутый подход к реализации промышленной политики, выраженный в возможной вариации в зависимости от типа субъекта и масштаба реализации промышленной политики. Построенная автором схема позволяет учесть такие типы субъектов промышленной политики, как: федеральные органы власти; региональные органы власти и органы местного самоуправления; бизнес-субъекты.

В результате автором предложено рассматривать возможные масштабы реализации промышленной политики на следующих уровнях:

1. Макроэкономическом (данный уровень отражает большинство инструментов промышленной политики федеральных органов власти: налоговую и тарифную политику, техническое регулирование и т. д.).

2. Мезоэкономическом (на уровне рыночных институтов и инструментов воздействия на их функционирование).

3. Микроэкономическом (на уровне предприятий, корпораций и т.д.) [11].

Очевидно, что самым простым вариантом метода формирования и реализации промышленной политики является последовательный (поэтапный) метод, заключающийся в соответствии каждому типу субъектов своего собственного масштаба реализации промышленной политики.

В целом подход к формированию и реализации промышленной политики, предложенный А. С. Лихачевым, по нашему мнению, в полной

мере позволяет учитывать действия каждого типа субъекта промышленной политики на разном уровне ее реализации. В результате использования такого подхода может быть построена своего рода матрица, позволяющая представить механизм согласования интересов субъектов промышленной политики на каждом уровне ее формирования и реализации. Структура матрицы объединяет наборы столбцов схемы, включающих возможные типы субъектов промышленной политики (федеральных органов власти; региональных органов власти и органов местного самоуправления; бизнес-субъектов) и строки матрицы, отражающие возможный масштаб, или уровень реализации промышленной политики: макроэкономический, мезоэкономический и микроэкономический. Уникальность данной матрицы заключена в том, что ее можно использовать для характеристики как отдельных инструментов, так и комплексов инструментов реализации промышленной политики.

Построение матриц, предложенное А. С. Лихачевым, позволило нам выделить следующие методы формирования и реализации промышленной политики: последовательный (формирование промышленной политики по уровням управления), вертикальный (разработка федеральными органами власти комплекса мер по поддержке отдельных отраслей), вертикально-горизонтальный (формирование промышленной политики на основе территориального принципа), вертикально-интегрированный (формирование промышленной политики на уровне отдельных предприятий).

Выводы

Из всего перечня методов, на наш взгляд, в современных условиях развития национальной экономики наиболее предпочтительным является вертикально-горизонтальный метод, позволяющий согласовать интересы государства и территорий на основе выделения видов промышленной деятельности, имеющих стратегическое значение как для региона, так и для национальной экономики в целом.

В конечном итоге построенный на основе данного метода механизм формирования и реализации промышленной политики представит собой систему правовых, экономических, организационных и других мер, содействующих формированию и эффективному функционированию конкурентоспособного промышленного комплекса.

Список литературы

1. Шурчков И. Ключевые положения концепции государственной промышленной политики России // Российский экономический журнал. – 1994. – № 9. – С. 3–8.
2. Потапова Е. Н., Толкачев С. А. Промышленная политика и государственное регулирование экономики (Современные аспекты российской практики). – М., 2006. – URL: <http://politecguu.ru/files/IndPolicy.pptx>
3. Концепция промышленной политики России, разработанная Комитетом Российского союза промышленников и предпринимателей по промышленной политике. – URL: <http://prompolitika.rsspr.ru>
4. Львов Д. С. Экономический механизм развития России. – URL: http://www.newecon.guu.ru/newecon.phtml?topic=lec_lvov
5. Государственная промышленная политика России (проблемы формирования и реализации) // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. – М., 2003. – URL: <http://common...committee/kpr...2008062310323378.doc>
6. Татаркин А. И. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Экономика и управление: российский научный журнал. – 2008. – № 2. – С. 10.
7. Дубинина Н. А. Факторы, формирующие конкурентные преимущества предприятия // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2006. – № 4. – С. 42–45.
8. Приложение 3 к Ежегодному экономическому докладу 2008 года Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» «Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов». – URL: http://www.krasdr.ru/docs/doklad_titov.pdf
9. Романова О. А. Национальная модель экономического развития и формирование промышленной политики. – URL: http://ars-administrandi.com>article/Romanova_2011_1.pdf
10. Тренев В. Н. Эффективная промышленная политика – основной элемент регионального развития // Пленарное заседание Всероссийской конференции «Стратегия регионального развития России», 02.02.2007, г. Москва. – URL: <http://www.roelconsulting.ru/publications/86189na>
11. Лихачев А. С. Эффективная промышленная политика – основной элемент регионального развития: материалы круглого стола, 22 декабря 2006 г. – М., 2007. – С. 34–42.

В редакцию материал поступил 21.10.13

© Дубинина Н. А., 2013

Информация об авторах

Дубинина Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры производственного менеджмента и организации предпринимательства, Астраханский государственный технический университет

Адрес: 414017, г. Астрахань, ул. Набережная реки Волги, 37, тел.: (8512) 72-72-74

E-mail: dubinina-nat@rambler.ru

Ланцман Елена Николаевна, доцент кафедры производственного менеджмента и организации предпринимательства, Астраханский государственный технический университет

Адрес: 414017, г. Астрахань, ул. Набережная реки Волги, 37, тел.: (8512) 72-72-74

E-mail: elena-lancman@mail.ru

Как цитировать статью: Дубинина Н. А., Ланцман Е. Н. Анализ подходов к формированию промышленной политики // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 144–151.

N. A. DUBININA,

PhD (Economics), associate professor,

E. N. LANTSMAN,

associate professor

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

ANALYSIS OF APPROACHES TO FORMING THE INDUSTRIAL POLICY

Objective: to study various conceptual directions and approaches to defining and establishing the state industrial policy.

Method: formal logic.

Results: on the basis of the analysis of existing approaches it is found that the most effective method for development and implementation of industrial policy in modern conditions of development of the national economy is the vertical-horizontal method allowing to coordinate the national and regional interests on the basis of allocating the strategically important industries for both regional and national economy.

Scientific novelty: different approaches are systematized to the formation and implementation of industrial policy within the period of economic reform in Russia up to the present stage of the national economy development.

Practical value: the possibility to choose the most effective methods of forming and realization of industrial policy in modern conditions of the national economy development, providing realization of the industrial activities of strategic importance for the region and for the economy as a whole.

Key words: conceptual directions; industrial policy; methods of formation and implementation; regional clusters; mechanisms of formation.

References

1. Shurchkov, I. Klyucheveye polozheniya kontseptsii gosudarstvennoi promyshlennoi politiki Rossii (Key provisions of the state industrial policy of Russia), *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 1994, No. 9, pp. 3–8.
2. Potapova, E. N., Tolkachev, S. A. *Promyshlennaya politika i gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki (Sovremennye aspekty rossiiskoi praktiki)* (Industrial policy and state regulation of economy (Modern aspects of the Russian practice)). Moscow, 2006, available at: <http://politecguu.ru/files/IndPolicy.pptx>
3. *Kontsepsiya promyshlennoi politiki Rossii, razrabotannaya Komitetom Rossiiskogo soyuza promyshlennikov i predprinimatelei po promyshlennoi politiki* (Concept of industrial policy of Russia, elaborated by the Committee of the Russian union of industrialists and entrepreneurs on industrial policy), available at: <http://prompolitika.rsspr.ru>
4. L'vov, D. S. *Ekonomicheskii mekhanizm razvitiya Rossii* (Economic mechanism of Russia's development), available at: http://www.newecon.guu.ru/newecon.phtml?topic=lec_lvov
5. Gosudarstvennaya promyshlennaya politika Rossii (problemy formirovaniya i realizatsii) (State industrial policy of Russia (issues of forming and implementation)), *Torgovo-promyshlennaya palata Rossiiskoi Federatsii*. Moscow, 2003, available at: <http://common...committee/kpr...2008062310323378.doc>
6. Tatarin, A. I. Promyshlennaya politika kak osnova sistemnoi modernizatsii ekonomiki Rossii (Industrial policy as the basis of systemic modernization of the Russian economy), *Ekonomika i upravlenie: Rossiiskii nauchnyi zhurnal*, 2008, No. 2, p. 10.
7. Dubinina, N. A. Faktory, formiruyushchie konkurentnye preimushchestva predpriyatiya (Factors forming the competitive advantages of an enterprise), *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2006, No. 4, pp. 42–45.
8. *Prilozhenie 3 k Ezhegodnomu ekonomicheskomu dokladu 2008 goda Obshcherossiiskoi obshchestvennoi organizatsii "Delovaya Rossiya" "Strategiya 2020": ot ekonomiki "direktiv" k ekonomike "stimulov"* (Appendix 3 to the Annual economic report of 2008 of the All-Russia public organization "Delovaya Rossiya" "Strategy 2020": from economy of "directives" to economy of "stimuli"), available at: http://www.krasdr.ru/docs/doklad_titov.pdf
9. Romanova, O. A. *Natsional'naya model' ekonomicheskogo razvitiya i formirovanie promyshlennoi politiki* (National model of economic development and forming of industrial policy), available at: http://ars-administrandi.com/article/Romanova_2011_1.pdf
10. Trenev, V. N. Effektivnaya promyshlennaya politika – osnovnoi element regional'nogo razvitiya (Effective industrial policy – the key element of regional development), *Plenarnoe zasedanie Vserossiiskoi konferentsii "Strategiya regional'nogo razvitiya Rossii"*, 02.02.2007, g. Moskva, available at: <http://www.roelconsulting.ru/publications/86189na>
11. Likhachev, A. S. *Effektivnaya promyshlennaya politika – osnovnoi element regional'nogo razvitiya: materialy kruglogo stola, 22 dekabrya 2006 g.* (Effective industrial policy – the key element of regional development: materials of a round table, December, 22, 2006). Moscow, 2007, pp. 34–42.

Information about the authors

Dubinina Nataliya Aleksandrovna, PhD (Economics), associate professor, associate professor of the chair of industrial management and organization of business, Astrakhan State Technical University

Address: 37 Naberezhnaya Reki Volgi Str., 414017, Astrakhan, tel.: (8512) 72-72-74

E-mail: dubinina-nat@rambler.ru

Lantsman Elena Nikolayevna, associate professor of the chair of industrial management and organization of business, Astrakhan State Technical University

Address: 37 Naberezhnaya Reki Volgi Str., 414017, Astrakhan, tel.: (8512) 72-72-74

E-mail: elena-lancman@mail.ru

How to cite the article: Dubinina N. A., Lantsman E. N. Analysis of approaches to forming the industrial policy, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 144–151.

© Dubinina N. A., Lantsman E. N., 2013

УДК 338.4:330.356.7

Е. Э. КОЛЧИНСКАЯ,

кандидат экономических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

г. Санкт-Петербург, Россия,

С. Н. РАСТВОРЦЕВА,

доктор экономических наук, доцент

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

г. Белгород, Россия

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ РОСТА ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ¹

Цель: построение и анализ производственных функций для отраслей промышленности России.

Метод: корреляционно-регрессионный анализ.

Результаты: в результате проведенного анализа были построены три производственные функции: для обрабатывающих производств, предприятий по добыче полезных ископаемых и предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды. Анализ полученных коэффициентов показал, что в обрабатывающих производствах главным фактором увеличения объема выпуска предприятий является увеличение объемов труда. Для добывающих предприятий значение капитала существенно выше. По третьей отрасли не удалось получить модели с высоким коэффициентом детерминации.

Научная новизна: построены производственные функции для трех отраслей промышленности России; предложен подход к построению производственных функций по российским отраслям, учитывающий ограничения по статистическим данным; сделаны выводы о факторах роста обрабатывающих и добывающих предприятий России.

Практическая значимость: предложенная модель позволяет прогнозировать развитие промышленности России в зависимости от изменения объемов ресурсов, вкладываемых в производство.

Ключевые слова: производственная функция Кобба-Дугласа; панельные данные.

Введение

Модернизация отечественной промышленности на протяжении последних двух десятилетий, несмотря на некоторый популизм, не теряет своей актуальности для российской экономики и является предметом интереса политиков различного уровня. Действительно, необходимость отказа от сырьевой зависимости страны, о которой говорят многие экономисты, невозможна без создания альтернативного источника доходов бюджета. Одной из часто рассматриваемых в литературе альтернатив является постепенная замена экспорта нефти и газа экспортом собственной продукции.

Для осуществления этой замены нужно найти, во-первых, отрасли, которые развиты в регионах России и продукция которых могла бы пользо-

ваться спросом в других странах. Во-вторых, необходимо оценить факторы, за счет которых отрасль может повысить конкурентоспособность своей продукции и вывести ее на мировой рынок. Данная работа посвящена построению производственной функции для отраслей промышленности России и анализу полученных коэффициентов.

Выбор типа производственной функции

За многолетнюю историю использования производственных функций в экономических исследованиях ученые разработали различные типы функций. Одной из самых известных ранних (неоклассических) моделей является производственная функция Кобба-Дугласа[1]:

$$Y = A L^{\alpha} C^{\beta}.$$

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ. Проект № 13-32-01208.

Функция Кобба-Дугласа – это зависимость объема производства (Y) от создающих его факторов производства – затрат труда (L) и капитала (C). Если сумма показателей степени ($\alpha + \beta$) равна единице, то функция показывает постоянную отдачу от масштаба производства. В исходной работе Ч. Кобба и П. Дугласа [1] так и было. Роберт Солоу дополнил функцию Кобба-Дугласа оценкой технического прогресса [2].

Несмотря на то, что функция Кобба-Дугласа была предложена более 80 лет назад, попытки эмпирических расчетов такого типа можно встретить и в современной литературе. Например, Д. Хажкова и Ж. Хурник [3] описывают в своей статье возможности применения этой функции для описания экономики переходного типа (на примере Чехии). Л. Морел [4] на основе данных по Канаде построил эмпирическую модель, отражающую долю дохода, которую приносит в него труд. Дж. Бидл описывает возможности и опыт построения функции Кобба-Дугласа для сельскохозяйственной отрасли [5]. Необычное применение функции Кобба-Дугласа содержится в работе Р. Хайеса [6], где она строится для библиотек, то есть не для промышленного сектора, а для сферы услуг. В качестве капитала автор работы рассматривает библиотечные фонды.

Таким образом, можно сказать, что функция Кобба-Дугласа является актуальным инструментом. Вычисление коэффициентов α и β на основании российских данных позволит оценить, какое влияние имеют на конечный выпуск оба рассматриваемых фактора производства. Из этих данных можно сделать выводы о том, за счет какого фактора может расти производство в России и позволит ли рост масштабов производства повысить объем экспорта отечественных товаров на мировой рынок.

Для построения регрессии можно использовать следующие показатели статистики:

- объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ и услуг, млн руб.;
- распределение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности, тыс. чел.;
- среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.;

- основные фонды организаций (по полной учетной стоимости; на конец года), млн руб.

То есть труд (L) для построения функции Кобба-Дугласа предлагается находить как произведение среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, руб. Однако, используя эти данные при анализе полученных результатов расчетов, нужно принимать во внимание следующие условия:

- информация о зарплате не единожды искажается на пути этих цифр к статистическому сборнику;
- рост объемов затрат на труд не всегда говорит об увеличении физического объема затрачиваемого при производстве труда. Рост может быть связан с повышением заработной платы;
- цена продукции зависит от ситуации на рынке, а не только от себестоимости. Соответственно динамика объема отгруженных товаров в рублях не всегда точно отражает динамику физического объема;
- зная размер основных фондов, нельзя определить, какая их часть используется при производстве продукции отрасли. Часть фондов может простаивать, часть может сдаваться в аренду другим предприятиям.

Одной из наиболее серьезных проблем, связанных с возможностью использования российской статистики, является то, что данные имеются за ограниченное число лет. Исследователи объективно ограничены тем, что новая экономика России существует только с 1991 г. Кроме того, после введения Общероссийского классификатора видов экономической деятельности вместо Общероссийского классификатора отраслей народного хозяйства в 2003 г., названия многих отраслей (видов деятельности) поменялись, что еще больше сократило перечень доступных для расчета данных.

В. К. Булгаков и О. В. Булгаков [7] в своей работе предлагают для устранения этого недостатка использовать при анализе экономики регионов России видоизмененную производственную функцию. Так как объектом рассмотрения данной работы является отрасль в масштабах всей страны, то возможно применение панельных данных. В качестве панелей рассматриваются все регио-

ны России. Данные по отрасли промышленности берутся за несколько лет и за счет этого можно получить несколько сотен наблюдений. При этом, безусловно, возникает проблема, связанная с индивидуальными особенностями регионов. Во-первых, регионы России различным образом развиваются в силу объективных причин (географическое положение, транспортная доступность, близость к границам с другими странами, исторические особенности развития и другие факторы). Во-вторых, регионы специализируются на разных подотраслях промышленности, которые тяжело сравнивать между собой. Ввиду того, что большинство рассматриваемых регионов не имеют ярко выраженной специализации в каком-либо виде производств, масштабы производства могут сильно различаться между регионами, что, в свою очередь, может быть определяющим фактором при возникновении эффекта от масштаба.

Поэтому важно использовать инструменты построения модели, позволяющие исключать из оценки эти особенности регионов, не имеющие отношения к общим закономерностям влияния труда и капитала на выпуск продукции, насколько это возможно. В данном случае оценка производилась в пакете «R» с помощью четырех моделей: *random*, *between*, *within*, *pooling*. Были построены модели по следующим видам деятельности: обрабатывающие производства, добыча полезных ископаемых и производство и распределение электроэнергии, газа и воды. Были рассмотрены данные с 2005 по 2011 гг.² Для каждого вида деятельности были построены все четыре типа моделей. Из них выбрана в каждом случае та, у которой результаты апробации получились ближе всего к реальным значениям объемов отгруженных товаров рассмотренных видов деятельности.

Результаты расчетов для трех видов деятельности

По обрабатывающим производствам по модели «*random*» были получены значения, представленные в табл. 1.

² Регионы России. Социально-экономические показатели. – М.: Росстат, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012.

Таблица 1

Точечные оценки генеральных коэффициентов регрессии по обрабатывающим производствам и проверка их значимости*

Коэффициенты	Значения коэффициентов	Стандартная ошибка	T-статистика (критическое значение – 1,96)
A	3,05	0,21	5,39
α	1,01	0,03	30,46
β	0,04	0,02	1,87

* Источник: составлено автором.

Из представленных в табл. 1 результатов регрессионного анализа видно, что труд в получившейся функции играет большую роль, чем капитал. Сравнение наблюдаемого значения t -статистики с ее критическим значением (1,96) говорит о значимости полученных коэффициентов A и α с вероятностью ошибки, равной 0,05. Коэффициент детерминации при этом равен 0,96, что говорит о наличии сильной зависимости между исследуемыми коэффициентами.

На рис. 1 представлено сравнение значений объема производства, полученных путем вычисления по построенной функции Кобба-Дугласа с реальной динамикой за 2005–2011 гг. Полученные значения близко подходят к фактическим, и функция в целом повторяет реальную динамику.

Сумма коэффициентов α и β практически равна единице, поэтому можно говорить, что полученная функция является классической. В своей работе Кобб и Дуглас называют такие значения коэффициентов: $\alpha = 0,75$, а $\beta = 0,25$ [1]. Они трактовали это следующим образом. Привлечение к производству дополнительных рабочих более выгодно для предприятия, чем дополнительное использование капитала, так как труд приносит 75 % дополнительного дохода, а капитал – только 25 %. В нашей функции этот разрыв еще больше. Отчасти это можно объяснить несовершенством исходных статистических данных, о котором было сказано выше. Однако можно утверждать, что общая тенденция взаимосвязи капитала, труда и объема производства в России близка к полученным нами результатам.

Таким образом, получается, что обрабатывающим предприятиям выгоднее расширять объем производства за счет привлечения новых

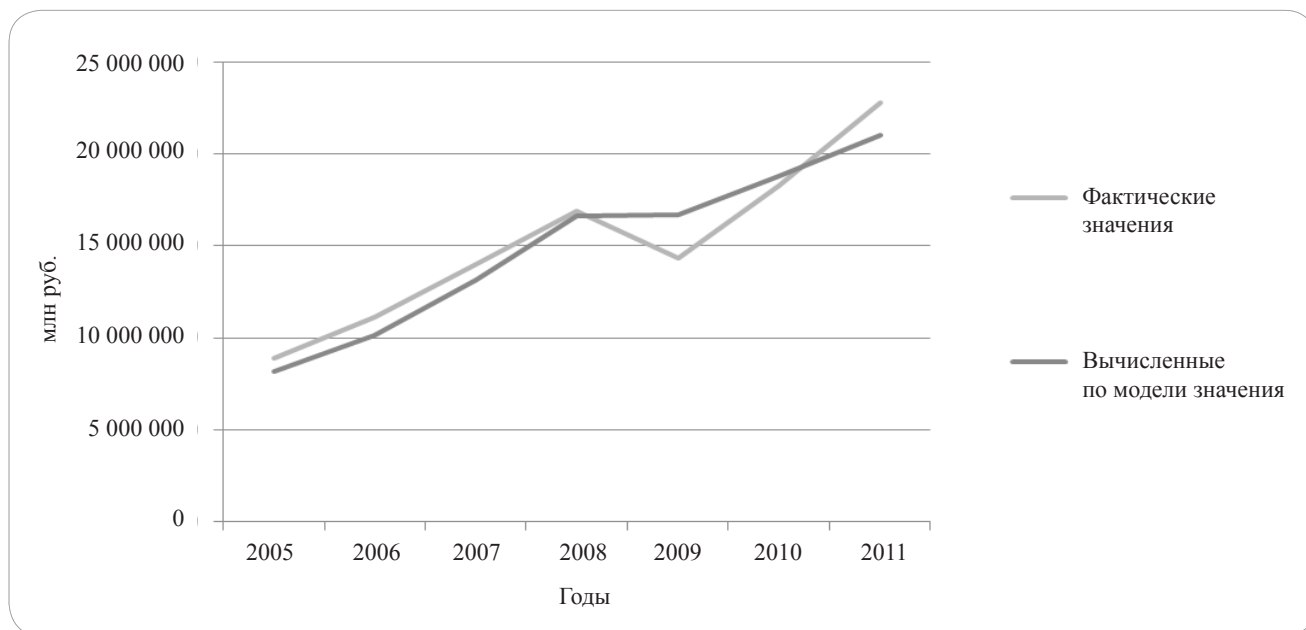

Рис. 1. Сравнение реальных значений объемов отгруженных товаров обрабатывающих предприятий России с рассчитанными по построенной функции Кобба-Дугласа

работников, а не за счет вложения средств в основные фонды. Поэтому когда речь идет об улучшении общей инвестиционной привлекательности региона, имеет смысл обратить внимание на значения коэффициентов производственной функции для данного региона. Для этого следует построить соответствующую модель для региона. Попытки решить эту задачу наталкиваются на уже упоминавшуюся проблему с небольшим количеством лет, за которые можно получить статистические данные для расчета. Поэтому можно только экстраполировать значения общей функции Кобба-Дугласа, построенной для обрабатывающих производств России. Это, конечно, снижает качество информации. Другим путем может стать построение функции для отдельной подотрасли обрабатывающих производств на основании статистических данных по регионам, специализирующимся в данной отрасли.

Для анализа добывающих предприятий была выбрана модель «pooling».

В табл. 2 приведены результаты расчета коэффициентов для функции Кобба-Дугласа добывающих предприятий. Коэффициент детерминации, как и в предыдущем случае достаточно высок – 0,89 – и здесь все полученные коэффициенты регрессии значимы. Вместе с тем видно принципиальное отличие от обрабатывающих производств в распределении значимости труда и капитала в

полученной функции. В добыче полезных ископаемых капитал играет более значимую роль, чем труд. Это, в первую очередь, объясняется самой спецификой отрасли, но в то же время значение труда достаточно высоко.

Таблица 2

Точечные оценки генеральных коэффициентов регрессии для предприятий по добыче полезных ископаемых и проверка их значимости*

Коэффициенты	Значения коэффициентов	Стандартная ошибка	T-статистика (критическое значение – 1,96)
A	2,08	0,12	5,90
α	0,42	0,04	11,54
β	0,62	0,03	23,87

* Источник: составлено автором.

Сравнение рассчитанных по модели значений объемов отгруженных товаров с фактическими значениями (рис. 2) позволяет сделать вывод о том, что модель достаточно точно передает зависимость между показателями, хоть совпадений и меньше, чем в случае с обрабатывающими производствами.

Модель «random» по производству и распределению электроэнергии, газа и воды получилась менее способной спрогнозировать значения от реальных цифр (рис. 3). Для других моделей по

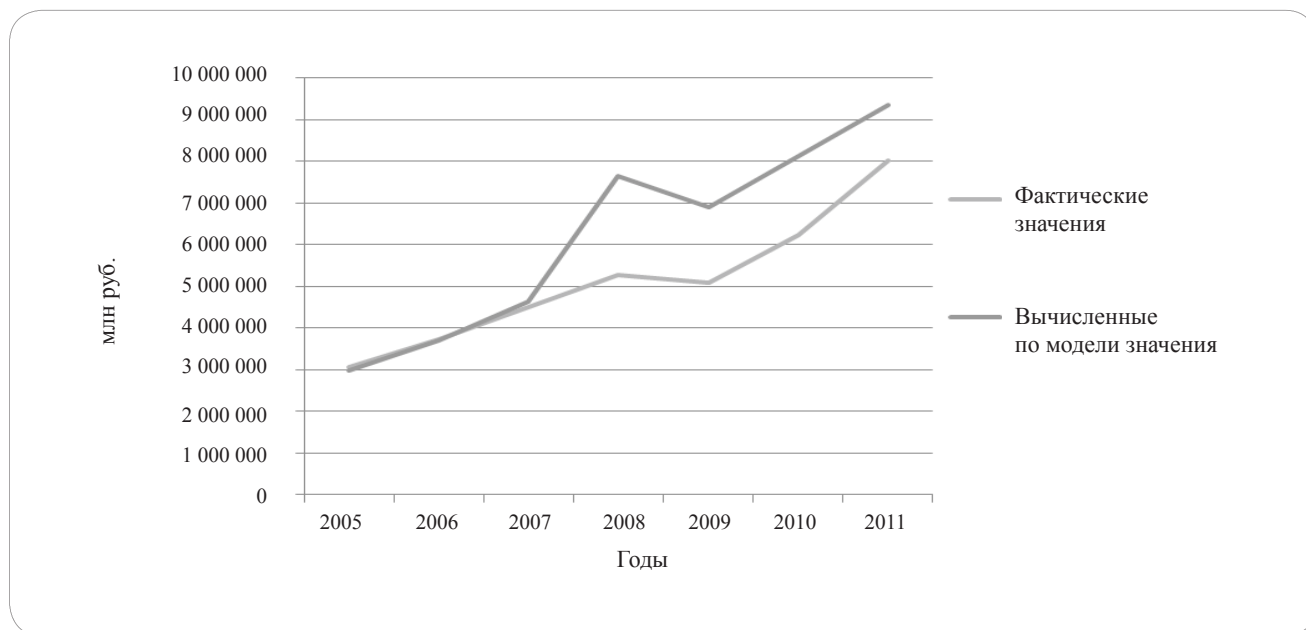

Рис. 2. Сравнение реальных значений объемов отгруженных товаров добывающих предприятий России с рассчитанными по построенной функции Кобба-Дугласа

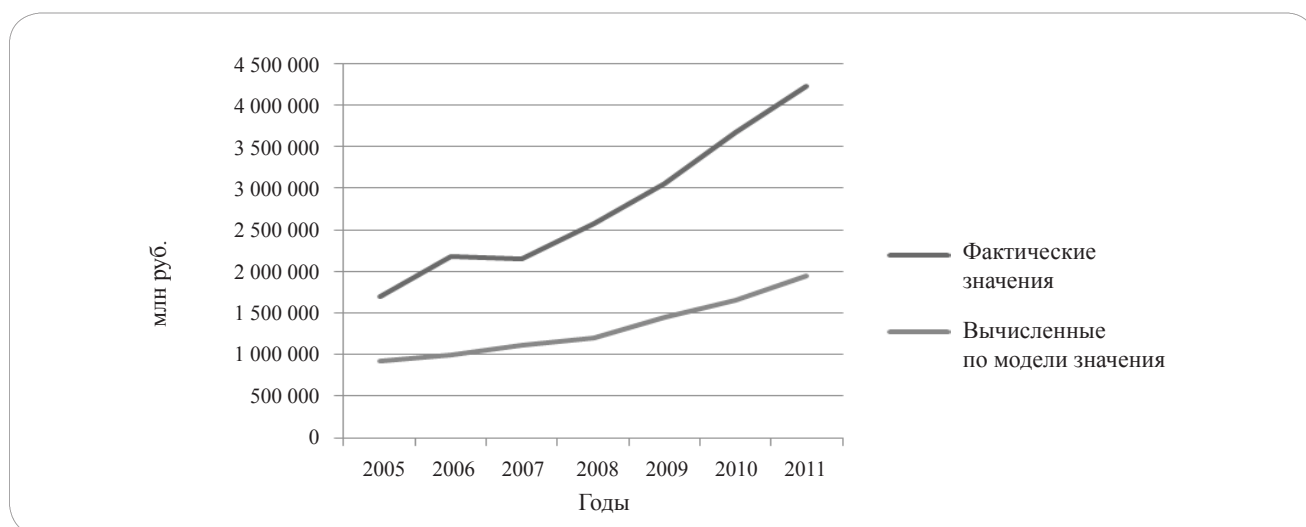

Рис. 3. Сравнение реальных значений объемов отгруженных товаров предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды России с рассчитанными по построенной функции Кобба-Дугласа

данной отрасли этот разрыв еще больше, т. е. значения коэффициентов, полученные в результате регрессионного анализа панельных данных по регионам России, не отражают динамику отрасли по России в целом. Коэффициент детерминации для модели «*random*» невелик – 0,68.

Поэтому можно сказать, что для этой отрасли из полученной модели тяжело сделать выводы.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, можно заключить, что возможно построение функции Кобба-Дугласа для промышленности России. Расчеты показали, что при использовании модели с панельными данными, где в качестве панелей выступают российские регионы, для обрабатывающей и добывающей промышленности полу-

ченные модели достаточно точно отражают динамику по России в целом. Такой же подход можно применить для построения производственной функции по подотраслям обрабатывающей промышленности, в качестве панелей рассматривая регионы, специализирующиеся в этих отраслях.

Наиболее показательные результаты получились по обрабатывающей промышленности. Увеличение объема производства российских обрабатывающих предприятий оказывается значительно более эффективным за счет увеличения числа занятых, чем за счет вложений в основной капитал. Этот вывод сделан с учетом полученных значений коэффициентов функции Кобба-Дугласа ($\alpha = 1,01$, $\beta = 0,04$). Можно даже сказать, что роль капитала не существенна, поэтому предприятиям более выгодно привлекать для расширения производства дополнительных рабочих, чем вкладывать деньги в основные фонды. Такая модель отражает нежелание или невозможность для предприятий вложения денег в переоснащение производства. Развитие промышленности идет по экстенсивному пути, что препятствует росту конкурентоспособности наших товаров на мировом рынке.

Немного иначе дело обстоит в сфере добывающих предприятий. Здесь капитал в полученной функции оказывает на конечный выпуск большее влияние, чем труд. Сам этот факт объясняется спецификой отрасли, которая по определению является более капиталоемкой, чем обрабатывающие предприятия. Однако было бы интересно сравнить полученные результаты с аналогичными показателями

по добывающей промышленности других стран, но таких данных в литературе найти не удалось. Поиск исходной информации, проведение расчетов и последующий сравнительный анализ полученных по другим странам производственных функций добывающих предприятий может стать продолжением представленного нами исследования.

Список литературы

1. Cobb, C. W. and P. H. Douglas. A theory of production // American Economic Review. – 1928. – № 18(1). – Pp. 139–165.
2. Solow, R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – № 70. – Pp. 65–94.
3. Najkova, D., Hornik, J. Cobb-Douglas production function: the case of a converging economy // Czech Journal of Economics and Finance. – 2007. – № 9–10. – Pp. 465–476.
4. Morel, L. A Sectoral analysis of labour's share of income in Canada. – Bank of Canada, 2006. – 50 p.
5. Biddle, J. The Introduction of the Cobb-Douglas Regression // Journal of Economic Perspectives. – 2012. – № 2 (Spring 2012). – Pp. 223–236.
6. Hayes, R. Application of the Cobb-Douglas Production Model to Libraries, 2005.
7. Булгаков В. К., Булгаков О. В. Моделирование динамики обобщающих показателей развития региональных экономических систем России // Экономика и математические методы. – 2006. – Т. 42. – № 1. – С. 32–49.
8. Nimoh, F., Tham-Agyekum, E., Nyarko, P. Resource Use Efficiency in Rice Production: the Case of Kpong Irrigation Project in the Dangme West District of Ghana // International Journal of Agriculture and Forestry. – 2012. – № 2 (1). – Pp. 35–40.
9. Zhelobodko, E., Kokovin, S., and Thisse, J. Monopolistic competition: beyond the CES // Discussion Paper of Centre for Economic Policy Research. – 2010. – № 7947. – 40 p.

В редакцию материал поступил 30.09.13

© Колчинская Е. Э., Растворцева С. Н., 2013

Информация об авторах

Колчинская Елизавета Эдуардовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и планирования социально-экономических процессов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Адрес: 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

E-mail: kolch@leontief.ru

Растворцева Светлана Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры мировой экономики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, тел.: (4722) 30-12-11

E-mail: Rastvortseva@bsu.edu.ru

Как цитировать статью: Колчинская Е. Э., Растворцева С. Н. Исследование факторов роста промышленности России с использованием производственной функции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 152–158.

E. E. KOLCHINSKAYA,

PhD (Economics), associate professor

Saint Petersburg State Economics University, Saint Petersburg, Russia,

S. N. RASTVORTSEVA,

doctor of economics, associate professor, professor

Belgorod State National Scientific-research University, Belgorod, Russia

RESEARCH OF THE FACTORS OF INDUSTRIAL GROWTH IN RUSSIA USING THE PRODUCTION FUNCTION¹

Objective: to construct and analyze production functions for the Russian industrial sectors.

Methods: correlation-regression analysis.

Results: the carried out analysis resulted in constructing three industrial functions: for processing industries, mining enterprises and electricity, gas and water producing and distributing enterprises. The analysis of the obtained coefficients showed that in processing industries the main factor of production growth is the increase in labor volumes. For the extractive industry the capital is much more important. The third sector did not allow to construct a model with high determination coefficient.

Scientific novelty: production functions are constructed for the three industrial sectors in Russia; the approach is proposed for constructing the production functions for the Russian sectors, taking into account the limitations of statistical data; conclusions are made about the growth factors of processing and extractive enterprises in Russia.

Practical value: the proposed model allows to predict the industrial development of Russia depending on the changes in resources volume invested into industry.

Key words: Cobb-Douglas production function; panel data.

References

1. Cobb, C. W. and P. H. Douglas. A theory of production, *American Economic Review*, 1928, No. 18(1), pp. 139–165.
2. Solow, R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth, *Quarterly Journal of Economics*, 1956, No. 70, pp. 65–94.
3. Hajkova, D., Hornik, J. Cobb-Douglas production function: the case of a converging economy, *Czech Journal of Economics and Finance*, 2007, No. 9–10, pp. 465–476.
4. Morel, L. *A Sectoral analysis of labour's share of income in Canada*, Bank of Canada, 2006, 50 p.
5. Biddle, J. The Introduction of the Cobb-Douglas Regression, *Journal of Economic Perspectives*, 2012, No. 2 (Spring 2012), pp. 223–236.
6. Hayes, R. *Application of the Cobb-Douglas Production Model to Libraries*, 2005.
7. Bulgakov, V. K., Bulgakov O. V. Modelirovanie dinamiki obobshchayushchikh pokazatelei razvitiya regional'nykh ekonomicheskikh sistem Rossii (Modelling of dynamics of summarizing indicators of the Russian economic systems), *Ekonomika i matematicheskie metody*, 2006, T. 42, No. 1, pp. 32–49.
8. Nimoh, F., Tham-Agyekum, E., Nyarko, P. Resource Use Efficiency in Rice Production: the Case of Kpong Irrigation Project in the Dangme West District of Ghana, *International Journal of Agriculture and Forestry*, 2012, No. 2(1), pp. 35–40.
9. Zhelobodko, E., Kokovin, S., and Thisse, J. Monopolistic competition: beyond the CES, *Discussion Paper of Centre for Economic Policy Research*, 2010, No. 7947, 40 p.

Information about the authors

Kolchinskaya Elizaveta Eduardovna, PhD (Economics), associate professor, associate professor of the chair of management and planning of social-economic processes, Saint Petersburg State Economics University
Address: 21 Sadovaya Str., 191023, Saint Petersburg
E-mail: kolch@leontief.ru

Rastvortseva Svetlana Nikolayevna, doctor of economics, associate professor, professor of the chair of world economy, Belgorod State National Scientific-research University
Address: 85 Pobedy Str., 308015, Belgorod, tel. : (4722) 30-12-11
E-mail: Rastvortseva@bsu.edu.ru

How to cite the article: Kolchinskaya E. E., Rastvortseva S. N. Research of the factors of industrial growth in Russia using the production function, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 152–158.

© Kolchinskaya E. E., Rastvortseva S. N., 2013

¹ The research is supported by RSSF grant. Project # 13-32-01208.

УДК 338.242

Н. В. КРУЧИНИНА,

кандидат экономических наук, доцент

Московский государственный университет путей сообщения, г. Москва, Россия

АМОРТИЗАЦИЯ КАК СТИМУЛИРУЮЩИЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

Цель: определение и обоснование экономической целесообразности использования различных способов отражения амортизации в бухгалтерском и налоговом учете.

Методы: абстрактно-логический; сравнение; экономический анализ.

Результаты: в результате проведения технико-экономической оценки конкретного проекта показаны и обоснованы стимулирующие возможности амортизационной политики для хозяйствующего субъекта в целях развития природоохранной деятельности на основе внедрения наилучших доступных технологий как составляющей инновационного пути развития российской экономики. Показана роль временных разниц и определяемых на их основе показателей в анализе имущественного состояния хозяйствующего субъекта. Предложен авторский подход к оценке показателя дисконтирования, а также подчеркнута несостоятельность доводов о необходимости сближения бухгалтерского и налогового учета по причине снижения трудоемкости учетных работ.

Научная новизна: эмпирически обоснованы возможности использования амортизационной политики хозяйствующим субъектом в процессе инновационного технологического перевооружения, и, как следствие, повышения эффективности природоохранной деятельности; уточнен подход к инструментарию анализа финансового состояния организации.

Практическая значимость: возможность оптимизировать расходы хозяйствующего субъекта на интегрированные в производственный процесс наилучшие доступные технологии в рамках проводимого в Российской Федерации курса на инновационное развитие по критерию снижения налоговой нагрузки.

Ключевые слова: амортизация; природоохранная деятельность; временные разницы; налогооблагаемая прибыль; отложенные налоговые активы; отложенные налоговые обязательства.

Введение

Решение стратегической задачи инновационного развития российской экономики в отрыве от охраны окружающей среды не представляется возможным. В настоящее время в развитых странах широкое распространение получили наилучшие доступные технологии. Согласно Европейской Директиве «О комплексном предотвращении и контроле загрязнений» (Директива 2008/1/ЕС), под «наилучшей» понимается технология, основанная на достижении общего высокого уровня защиты окружающей среды. А под «доступной» понимается технология, которая достигла уровня, позволяющего обеспечить ее внедрение в соответствующем секторе промышленности с учетом экономической и технической обоснованности, принимая во внимание затраты и преимущества [1]. Кроме того, процесс совершенствования управления природоохранной деятельностью развивается в направлении перехода к системе нормирования загрязнения окружающей среды на основе показателей наилучших доступных

технологий [2]. Поэтому важной задачей государства является стимулирование хозяйствующих субъектов к технологическому перевооружению на основе наилучших доступных технологий.

Одной из мер стимулирующего характера является амортизационная политика, так как амортизационные отчисления – это не только источник собственных средств хозяйствующего субъекта, но и расходы, уменьшающие налогооблагаемую прибыль. По сути, ускоренная амортизация является не чем иным, как налоговой льготой. Однако практика показывает, что большинство организаций этой льготой не пользуются [3]. Одна из основных причин кроется в трудоемкости учетной работы в случае, когда способы амортизации в бухгалтерском и налоговом учете различны. Проблемы сосуществования бухгалтерского и налогового учета свойственны именно Российской Федерации и исследовались в трудах А. С. Бакаева, В. Я. Кожинова, М. И. Кутер, Р. З. Тумасяна и других. В связи с этим целью статьи является определение и обоснование экономической целесообразности

использования различных способов отражения амортизации в бухгалтерском и налоговом учете. В ходе исследования были использованы следующие методы: абстрактно-логический, сравнения, аналитической увязки показателей бухгалтерской и налоговой отчетности, что позволило добиться аргументированности выводов, полученных нами.

Результаты исследования

Технологический комплекс по утилизации отходов 3 класса опасности для предприятий инфраструктуры железнодорожного транспорта – Центральной дирекции по ремонту пути (ЦДРП), экономическая целесообразность внедрения которого была нами подчеркнута, разработан и обоснован как наилучшая доступная технология в рамках Стратегии инновационного развития ОАО «РЖД» на период до 2015 г. Одним из этапов обоснования был сравнительный анализ различных способов начисления амортизации в бухгалтерском и налоговом учете.

Как известно, существует 4 способа начисления в бухгалтерском учете и 2 – в налоговом. Только один способ является общим – линейный. Однако его использование и в бухгалтерском, и в налоговом учете одновременно не приносит хозяйствующему субъекту никаких преференций, поскольку это способ равномерного распределения стоимости оборудования по времени полезного использования.

При расчетах амортизации по способу уменьшаемого остатка использован повышающий коэффициент к норме амортизации, равный 2. Расчеты амортизационных отчислений в налоговом учете проводились с применением нелинейного способа начисления амортизации, при этом право налогоплательщика на применение амортизационной премии в размере 10 % использовано в соответствии со ст. 258 Налогового кодекса РФ¹. Срок службы внедряемой группы оборудования – 8 лет, следовательно, оно включается в пятую амортизационную группу с месячной нормой амортизации 2,7 % (ст. 259.2 Налогового кодекса РФ).

Влияние различных способов начисления амортизации на размер налогооблагаемой прибыли представлено в табл. 1.

Как видно из расчетов (табл. 1), способы начисления амортизации в бухгалтерском учете, отличные от линейного, дают хозяйствующему субъекту возможность списать в затраты в первые годы эксплуатации большую часть инвестированных в оборудование средств. Заметим, что указанные способы начисления амортизации разрешено использовать действующим российским законодательством в области бухгалтерского учета и налогообложения, а организации вправе самостоятельно их выбирать.

Таблица 1

Влияние амортизации на налогооблагаемую прибыль на примере ЦДРП, 2012 г.*

Бухгалтерский учет, млн руб.			Налоговый учет, млн руб.		Временные разницы (нелинейный метод / линейный метод), млн руб.	Отложенный налоговый актив отложенное налоговое обязательство, млн руб.
Линейный способ	Способ уменьшаемого остатка, $k = 2$	Способ суммы чисел лет	Нелинейный способ			
Амортизационная премия не предусмотрена			Амортизационная премия 10 %			
8,85	17,7	15,73	27,21		18,96	3,672
8,85	13,27	13,77	13,77		4,92	0,984
8,85	9,95	11,80	9,42		0,57	0,114
8,85	7,46	9,83	6,44		+2,41	+0,482
8,85	5,60	7,87	4,41		+4,44	+0,888
8,85	4,20	5,90	3,01		+5,84	+1,168
8,85	3,15	3,93	2,07		+6,78	+1,356
8,85	9,47	1,97	4,47		+4,38	+0,876

* Источник: составлено автором.

¹ Налоговый кодекс РФ. Ч. 2. Федеральный закон от 01.09.2013. – URL: <http://www.consultant.ru>

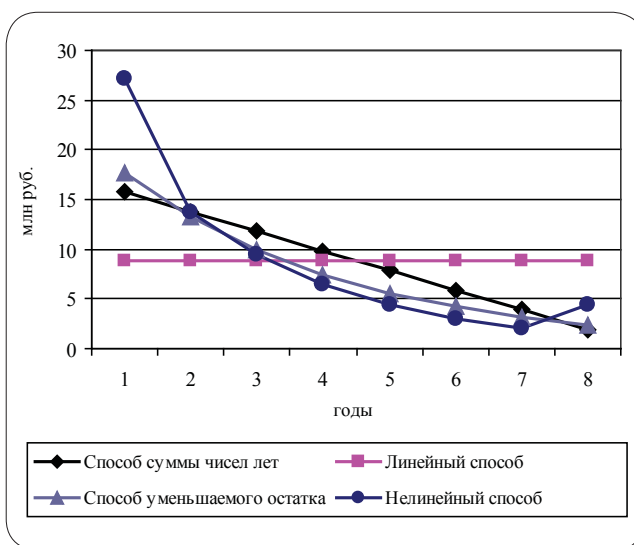
При расчете налога на прибыль условный налог, рассчитанный по данным бухгалтерского учета, корректируется с учетом требований налогового законодательства. При расхождении данных бухгалтерского и налогового учета возникают так называемые временные разницы, что влечет за собой образование отложенных налоговых активов или отложенных налоговых обязательств.

Под отложенным налоговым обязательством (ОНО) понимается та часть отложенного налога на прибыль, которая должна привести к увеличению налога на прибыль, подлежащего уплате в бюджет в следующем за отчетным или в последующих отчетных периодах. Соответственно, под отложенным налоговым активом (ОНА) понимается та часть отложенного налога на прибыль, которая должна привести к уменьшению налога на прибыль, подлежащего уплате в бюджет в следующем за отчетным или в последующих отчетных периодах².

Образуются ОНО и ОНА как произведение величины временной разницы на ставку налога на прибыль организаций, действующую в настоящий момент времени. Под временными разницами понимаются доходы и расходы, формирующие бухгалтерскую прибыль (убыток) в одном отчетном периоде, а налоговую базу по налогу на прибыль – в другом или в других отчетных периодах.

В нашем случае наибольшую выгоду налогоплательщику даст использование линейного способа в бухгалтерском учете и нелинейного – в налоговом учете за счет образования наибольших отложенных налоговых обязательств в первые годы использования оборудования (табл. 1, см. рис.)

ОНО уменьшают налог на прибыль организации в текущем периоде и, по существу, являются долгосрочными заемными средствами для организации. Очень важно подчеркнуть, что эти долгосрочные заемные средства для организации имеют нулевую стоимость. Для организации, инвестирующей в технологическое обновление, ис-

Распределение амортизационных отчислений по годам реализации проекта при различных методах начисления амортизации

пользование такого экономического инструмента, как амортизация, дает экономию на налоговых платежах на начальном этапе эксплуатации оборудования. Для более точных результатов анализа необходимо использовать процедуру дисконтирования, тем более что российские стандарты бухгалтерского учета также разрешают применять такой механизм.

Ставка дисконтирования должна включать минимально гарантированный уровень доходности (не зависящий от вида инвестиционных вложений), темп инфляции, и степень риска конкретного инвестирования. То есть этот показатель отражает минимально допустимую отдачу на вложенный капитал. В качестве минимального уровня доходности, соответствующего безрисковой ставке доходности, используем ставку доходности по российским еврооблигациям с 30-летним сроком погашения Russia-30 (средний показатель за 2012 г. – 1 полугодие 2013 г. – 4,44 %). По данным долгосрочного прогноза инфляции на период до 2030 года МЭРТ РФ среднегодовая инфляция имеет следующие значения (табл. 2).

Таблица 2

Прогноз инфляции до 2030 г., в % к предыдущему году [3]

Показатель	Год							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Инфляция среднегодовая	105,9	105,4	104,9	105,4	105,3	105,1	104,7	104,3

² Положение по бухгалтерскому учету 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль». Приказ Министерства финансов РФ от 24.12.2010. – URL: <http://base.garant.ru/12129425/>

Ставка дисконтирования, используемая при обосновании результатов внедрения проекта, составила 6,23 %. Результаты расчетов с учетом дисконтирования приведены в табл. 3.

Таблица 3

**Изменение налогооблагаемой прибыли
с учетом дисконтирования**

Показатель	1 год	2 год	3 год	4 год	5 год	6 год	7 год	8 год
ОНО / ОНА	3,456	0,872	0,095	+0,378	+0,656	+0,813	+0,888	+0,540

Данные расчетов, скорректированные с учетом временного фактора, показывают, что общая сумма отложенных налоговых обязательств, образующихся в первые годы эксплуатации оборудования, не будет покрыта отложенными налоговыми активами полностью, а это означает дополнительную экономию хозяйствующего субъекта на налогообложении.

Выводы

Проведенные практические расчеты показали целесообразность применения различных способов начисления амортизации в бухгалтерском и налоговом учете. Трудоемкость выполнения учетных работ, по нашему мнению, оправдана снижением налоговой нагрузки в результате образования отложенных налоговых обязательств. Особенно важно добиться такого снижения именно в первые годы реализации проекта технологического обновления, поскольку чистый дисконтированный доход в этот период, как правило, отрицателен.

ОНО с точки зрения экономического содержания являются отдельным видом долгосрочной кредиторской задолженности, а ОНА – видом

долгосрочной дебиторской задолженности. Если рассматривать отложенные налоговые активы и отложенные налоговые обязательства в разрезе движения денежных потоков организации, то движение отложенных налоговых обязательств связано с финансовой деятельностью, поскольку оказывает влияние на состав и размер капитала организации, а движение отложенных налоговых активов – с инвестиционной деятельностью. Использование показателей ОНО и ОНА в рамках анализа эффективности инвестиций позволяет повысить достоверность информации об имущественном и финансовом состоянии хозяйствующего субъекта и тем самым повлиять на управленческие решения.

Актуальность задачи внедрения наилучших доступных технологий в условиях вступления России в ВТО и предстоящего вступления в Организацию стран экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) не подвергается сомнению. В этих условиях грамотное использование законодательно установленных стимулирующих механизмов не только целесообразно, но и просто необходимо.

Список литературы

1. Эффективность затрат на мероприятия по защите окружающей среды. – Женева: Информил, 2001. – URL: cisstat.com
2. Показатель природоохранных расходов. Материалы конференции европейских статистиков. – Женева: Европейская экономическая комиссия, 2010. – URL: cisstat.com
3. Колотырин К. П. Теоретические подходы к решению проблемы обращения с отходами потребления // Экономика природопользования. – 2010. – № 2. – С. 49–58.
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. – URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/>

В редакцию материал поступил 12.09.13

© Кручинина Н. В., 2013

Информация об авторе

Кручинина Наталья Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры учета, анализа и аудита, Московский государственный университет путей сообщения

Адрес: 125993, г. Москва, ул. Часовая, 22/2.

E-mail: twins_77@inbox.ru

Как цитировать статью: Кручинина Н. В. Амортизация как стимулирующий механизм развития природоохранной деятельности хозяйствующего субъекта // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 159–163.

N. V. KRUCHININA,

PhD (Economics), associate professor

Moscow State University of Railway Engineering, Moscow, Russia

**DEPRECIATION AS A STIMULATING MECHANISM FOR NATURE PROTECTION ACTIVITY
OF AN ECONOMIC SUBJECT**

Objective: definition and substantiation of economic expediency of the use of different ways of expressing depreciation in accounting and tax accounting.

Methods: abstract logic; comparison; economic analysis.

Results: as a result of carrying out technical and economic assessment of a specific project stimulating possibilities of depreciation policy are shown and proved for a business entity to develop environmental activity on the basis of introducing the best available technologies as part of the innovative way of development of the Russian economy. The role of temporary differences is determined on the basis of their performance in the analysis of the financial status of a business entity. The author's approach is proposed to the assessment of discounting indicator, as well as the inconsistency of the arguments is shown about the necessity of accounting and tax rapprochement due to the reduction of accounting works complexity.

Scientific novelty: possibility is empirically grounded of using the depreciation policy of the managing subject in the process of innovative technological re-equipment, and, as a consequence, increasing the efficiency of environmental activities; approach is updated to the instruments of analysis of the financial condition of the organization.

Practical value: the opportunity to optimize the expenses of a business entity on the best available techniques integrated into the production process in the framework of the Russian Federation course to the innovative development on the criterion of minimizing the tax burden.

Key words: depreciation; environmental activity; temporary difference; taxable profit; deferred tax assets; deferred tax liabilities.

References

1. *Effektivnost' zatrat na meropriyatiya po zashchite okruzhayushchei sredy* (Efficiency of expenses for environment protection measures). Zheneva: Informil, 2001, available at: cisstat.com
2. *Pokazatel' prirodookhrannykh raskhodov: materialy konferentsii evropeiskikh statistikov* (Indicator of nature protection expenses: materials of a conference of European statistics specialists). Zheneva: Evropeiskaya ekonomicheskaya komissiya, 2010, available at: cisstat.com
3. Kolotyryn, K. P. Teoreticheskie podkhody k resheniyu problemy obrashcheniya s otkhodami potrebleniya (Theoretical approaches to solving the problem of wastes handling), *Ekonomika prirodopol'zovaniya*, 2010, No. 2, pp. 49–58.
4. *Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF na period do 2030 g.* (Prediction of the long-term development of the Russian Federation for the period till 2030), available at: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/>

Information about the author

Kruchinina Nataliya Viktorovna, PhD (Economics), associate professor of the chair of accounting, analysis and audit, Moscow State University of Railway Engineering

Address: 22/2 Chasovaya Str., 125993, Moscow

E-mail: twins_77@inbox.ru

How to cite the article: Kruchinina N. V. Depreciation as a stimulating mechanism for nature protection activity of an economic subject, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 159–163.

© Kruchinina N. V., 2013

УДК 338.45:62:339.9

Е. А. КУЗНЕЦОВ,

аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ–АСЕАН В СФЕРЕ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Цель: определение характера и особенностей экономических отношений России и АСЕАН в сфере энергоносителей на современном этапе.

Метод: абстрактно-логический.

Результаты: на основе оценок и анализа экономических отношений России и АСЕАН в сфере энергоносителей выявлены возможности дальнейшего укрепления сотрудничества.

Научная новизна: исследованы текущее состояние и возможности дальнейшего укрепления сотрудничества России и АСЕАН в освоении природных комплексов этих стран в условиях отсутствия систематизированных статистических данных по указанной сфере взаимной торговли. Показано возможное влияние феномена России на уже сложившийся комплекс отношений АСЕАН с другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере энергоносителей.

Практическая значимость: данные исследования могут быть использованы в углублении понимания малоизученного энергетического комплекса АСЕАН. Обозначенные возможности сотрудничества позволят продолжить развитие двустороннего диалога в условиях конкуренции за доступ на рынки Китайской народной республики (КНР), Японии и Республики Кореи.

Ключевые слова: Россия; АСЕАН; энергоносители; нефть; природный газ; торговля; инвестиции; экономические отношения.

Введение

Проблема глобальной энергетической безопасности вот уже несколько десятилетий является одной из ключевых на обсуждениях разного уровня в ходе двусторонних и многосторонних встреч между странами. Несмотря на различные определения данного понятия, выдвигаемые политическими и экономическими кругами, суть упомянутой концепции можно свести к следующим условиям:

1) наличие достаточного количества энергоресурсов и возможностей их добычи и производства для поддержания темпов экономического развития (ресурсный и производственный аспект);

2) наличие устойчивого спроса и гарантированного сбыта добываемых и производимых энергетических ресурсов (торговый аспект).

В свете сложившейся ситуации нами была поставлена задача определить характер и особенности экономических отношений России и АСЕАН в сфере энергоносителей на современном этапе.

Приведенные выше аспекты применительно к изменениям в экономических отношениях России и Ассоциации Государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН)¹ в сфере энергоносителей в 2000-е гг. сравнительно мало изучены в отечественной библиографии. Это можно объяснить небольшим до недавнего времени интересом к экономическим возможностям региона по причине его географической удаленности и непропорционально большим внешнеэкономическим интересом к странам Евросоюза, США, КНР и Японии.

Результаты исследования

Рассмотрим ресурсную базу России и АСЕАН. В конце 2012 г. достоверные запасы нефти, природного газа и угля России составляли

¹ Ассоциация Государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – интеграционная группировка, образованная в 1967 г. и состоящая из следующих 10 стран Юго-Восточной Азии: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд и Филиппины.

87,2 млрд баррелей, 32,9 трлн куб. м и 157 млрд т соответственно². Доля нашей страны от общемировых запасов составляла для черного золота – 5,2 %, голубого топлива – 17,6 % и угля – 18,2 %³.

На этом фоне богатство месторождений стран АСЕАН выглядит менее впечатляющим. Согласно расчетам, в конце 2012 г. для рассматриваемой интеграционной группировки запасы нефти составляли 13,5 млрд баррелей, природного газа – 5,7 трлн куб. м, угля – 6,9 млрд т⁴ (0,8 %, 3 % и 0,8 % соответственно от общемировых запасов)⁵. Исторически для стран АСЕАН приоритетным являлось освоение нефтегазового комплекса в силу особого сочетания конъюнктуры рынка⁶ и географических особенностей (близость к КНР и Японии), поэтому развитию угольной промышленности и сегодня уделяется незначительное внимание.

В связи с этим, принимая во внимание масштабы экономик России и АСЕАН, относительно высокие темпы их роста (3 % в 2012 г. [1] и 4,7% в 2011 г. соответственно [2]), а также стратегию России по выходу на рынки государств Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР), очевидны возможности синергии.

Так, для России страны АТР, в том числе АСЕАН, интересны с точки зрения перспектив сбыта и возможностей дать дополнительный толчок развитию экономик Восточной Сибири и Дальнего Востока. АСЕАН, являясь крупнейшим локальным игроком на рынках нефти и природного газа, заинтересована в дополнительных инвестициях в развитие перспективных месторождений. Кроме того, в 2000-е гг. в сфере сбыта энергоносителей интеграционной группировки наметилась определенная перестройка, связанная с потерей позиций традиционных экспортеров и выходом на рынок новых стран [3].

² British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy, June 2013 (workbook).

³ Там же.

⁴ Рассчитано по: British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy, June 2013 (workbook).

⁵ Рассчитано по: British Petroleum (BP) Statistical Review of World Energy, June 2013 (workbook).

⁶ Полномасштабное освоение топливно-энергетического потенциала ЮВА началось с момента обретения ведущими по запасам странами (Индонезией, Малайзией и Брунеем) независимости в 1950-е–1960-е гг.

Принимая во внимание вышеизложенное, налаживание торгово-инвестиционного диалога в сфере энергоносителей между Россией и АСЕАН является важным шагом на пути поддержания конкурентоспособности национальной нефтегазовой и угольной отрасли в борьбе за новые рынки.

Рассмотрим вышеназванный аспект сквозь призму следующих проблем:

1. *Становление России в качестве стратегического партнера стран АТР в торговле первичными энергоносителями в условиях набирающей силу конкуренции со странами АСЕАН.*

Следует отметить, что география поставок энергоносителей Юго-Восточной Азии и нашей страны в АТР схожа.

Исторически энергетический потенциал АСЕАН осваивался с целью последующего сбыта добытых энергоносителей на рынке стран АТР, в частности, Японии и Китая⁷. Имеющиеся сегодня торгово-инвестиционные взаимоотношения между странами характеризуются значительной ролью государств АСЕАН в энергетическом обеспечении ведущих государств АТР.

В частности, японские и китайские компании являются ведущими игроками на локальном рынке добычи, в то время как АСЕАН является практически единственным внутрирегиональным поставщиком сжиженного природного газа (далее – СПГ) и сырой нефти. На внешнюю торговлю рассматриваемой интеграционной группировки энергоносителями приходится свыше 66 % оборота данной товарной группы [4]. При этом, основываясь на данных последнего статистического ежегодника АСЕАН 2010 г., в 2009 г. на КНР, Японию и Республику Корею пришлось 10 %, 14 % и 8 % экспорта и 4 %, 2 % и 3 % импорта данной товарной группы соответственно⁸. Для сравнения, в 2011 г. для России доля упомянутых стран в товарообороте

⁷ Подробно этот вопрос описан в трудах Yergin Daniel, *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*, 1991 и Horsnell Paul, *Oil in Asia*, 1997.

⁸ Рассчитано по: ASEAN Statistical Yearbook 2010. Pp. 81, 96, 98, 99.

минерального топлива составила 6 %⁹, 3 %¹⁰ и 3 %¹¹ соответственно.

В связи с этим рассмотрим динамику торговли России и АСЕАН, а также энергетические аспекты роста. Следует указать на отсутствие систематизированных статистических данных по торговле минеральным топливом между РФ и упомянутой интеграционной группировкой. Данные двухсторонних отношений с каждой из стран АСЕАН не позволяют составить полную картину сотрудничества в сфере энергоносителей в масштабах ЮВА. Тем не менее имеющаяся статистическая информация позволяет прийти к следующим выводам.

Согласно данным АСЕАН, за период 2002–2011 гг. товарооборот между Россией и рассматриваемой интеграционной группировкой вырос с 1,3 до 14,5 млрд долл. [5]. В 2009 г. поставки минерального топлива из России составили около 2 % совокупного импорта данной категории АСЕАН¹². Основными предметами российского экспорта является продукция горнорудной и деревообрабатывающей промышленности. Импорта – сельскохозяйственной и обрабатывающей промышленности¹³.

Сегодня энергоносители по-прежнему не играют значимой роли во взаимной торговле между ЮВА и нашей страной. То же самое можно сказать и о двусторонней торговле с государствами региона, за исключением отношений с Сингапуром, где нефтепродукты традиционно составляют приблизительно 50 % стоимости импорта из России [6]. Это связано с реэкспортными

возможностями города-государства, являющегося сегодня крупнейшим нефтегазовым портом ЮВА.

Описанная ситуация в торговых отношениях объясняется медленно растущей заинтересованностью стран АСЕАН в энергетическом сотрудничестве с Россией, прежде всего, в условиях уже сложившихся тесных отраслевых связей с США, ЕС и Японией. Кроме того, отечественные нефтегазовые компании в течение длительного времени не выражали особого желания инвестировать в диверсификацию поставок, получая стабильную прибыль от уже существовавших экспортных возможностей европейского рынка. Результатом подобной политики стало малое количество геологоразведочных работ, что при существующих добывающих мощностях породило проблему рационального использования имеющегося природного потенциала первичных энергоносителей России.

Сегодня многие совместные планы по налаживанию двустороннего диалога в контексте сферы энергоносителей России и АСЕАН пока что остаются на проектном уровне, тем не менее посткризисное развитие отрасли может ускорить их практическую реализацию. В пользу этого утверждения говорят и имеющиеся данные о некоторых совместных инвестиционных проектах, разработанных и успешно реализуемых, в том числе и с участием АСЕАН.

С точки зрения увеличения взаимного товарооборота наиболее перспективным является трубопроводная система «Восточная Сибирь–Тихий Океан» (ВСТО). Данный трубопровод должен соединить нефтяные месторождения Западной и Восточной Сибири с портами Приморского края России и обеспечить выход на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего, КНР и Японии, а затем и ЮВА). По нему Россия планирует поставлять в Азиатско-Тихоокеанский регион свыше 50 млн т нефти [7]. Планируемая общая протяженность трубопровода составляет 4188 км. Оператором нефтепровода является государственная компания Транснефть. Сорт нефти, поставляемый на мировой рынок посредством ВСТО, получил название ESPO.

В конце 2009 г. была запущена первая очередь проекта («ВСТО-1») — трубопровод от Тайшета (Иркутская область) до Сковородино (Амурская область) длиной 2694 км. Далее 15 млн т нефти будет отправляться по железной дороге

⁹ Рассчитано по данным Торгового Представительства РФ в КНР. – URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/ru_ch_trade_2011.pdf и Росстат, 2012. С. 700–701.

¹⁰ Рассчитано по данным Минэкономразвития РФ. – URL http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/dc837f004b8df70db8ccbc77bb90350d/teo_jap_rus.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=dc837f004b8df70db8ccbc77bb90350d и Росстат 2012. С. 700–701.

¹¹ Рассчитано по данным Минэкономразвития РФ. – URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreignEconomicActivity/cooperation/economicAA/doc20110318_15 и Росстат 2012. С. 700–701.

¹² В 2009 г. поставки минерального топлива составили 2 % импорта АСЕАН из России.

¹³ Там же.

в нефтепорт Козьмино (Приморский край). Еще 15 млн т в год будет поставляться в Китай по ответвлению от Восточного нефтепровода в районе Сквородино. В 2010 г. была запущена вторая очередь – «ВСТО-2», пролегающая по маршруту Сквородино–Хабаровск–пос. Врангель.

ВСТО также имеет огромное инфраструктурное значение для России, так как в перспективе позволит освоить месторождения и повысить добычу в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, в случае успешной реализации данного проекта до 1/4 всей экспортируемой Россией нефти будет приходиться на страны АТР. Общая стоимость данного проекта составляет свыше 2 млрд долл., финансовая поддержка осуществляется за счет китайских инвесторов.

Стоит отметить, что по мере развития товарооборота первичных энергоносителей между Россией и АСЕАН значение ВСТО для двусторонних отношений будет только возрастать.

Еще одним масштабным проектом, призванным дать импульс торговым взаимоотношениям между Россией, АСЕАН и АТР, является освоение запасов о. Сахалин в ряде совместных проектов с зарубежными партнерами.

Сахалин-1 является первым масштабным проектом, осуществляемым в России на основе соглашения о разделе продукции (далее – СРП) на северо-восточном шельфе острова Сахалин. Разведанные запасы нефти и природного газа (70 млн баррелей и 24 млрд куб. м соответственно) осваиваются нефтяными компаниями «Роснефть», «ЭксонМобил» и «Содеко» [8]. Сегодня этот проект является наиболее успешным по разработке оффшорных месторождений на территории России.

Другим крупнейшим в России проектом добычи нефти и природного газа является Сахалин-2. Недавно построенный в рамках проекта завод по производству СПГ обеспечит около 8 % годового импорта СПГ Японии [9]. С этой точки зрения РФ конкурирует с ведущим рынком сбыта СПГ Индонезии и Малайзии. Данный стратегический проект осуществляется «Сахалин Энерджи Инвестмент Компани». Акционерами компании являются «Газпром», «Роял Датч Шелл», «Митсуи» и «Кои Митсубиши Корпорэйшн».

В 2014 г. планируется начать полномасштабное освоение месторождений в рамках проекта

Сахалин-3. В качестве потенциального потребителя рассматриваются, в том числе, и государства АСЕАН.

Проекты Сахалин 4, 5 и 6 носят перспективный характер, и их полномасштабное освоение начнется в 2016 г. На данном этапе упомянутые проекты находятся на стадии проведения геологоразведочных работ.

Топливо-энергетическое будущее всего АТР, включая АСЕАН, находится в Сибири и на Дальнем Востоке. К сожалению, степень исследованности нефтегазоносных территорий здесь по-прежнему находится на низком уровне. Общая площадь перспективной суши составляет порядка 400 тыс. кв. км, акваторий – 715 тыс. кв. км.

С учетом прироста спроса на энергию в этих странах, ограниченности запасов энергосырья в ЮВА и необходимости их рационального использования для собственных нужд, такое соперничество маловероятно в долгосрочной перспективе. Однако в настоящее время главным конкурентным преимуществом АСЕАН является низкая цена поставки, что объясняется многолетним присутствием на рынке и наличием традиционных потребителей. Для России же данное направление является новым, и его успешная реализация будет зависеть от количества заключенных контрактов на поставки.

2. Совместные финансовые и технологические инвестиции в освоение месторождений и производство энергоносителей в АСЕАН с целью их последующей реализации как внутри ЮВА, так и за ее пределами.

Как известно, в последние годы Россия уделяет большое внимание модернизации своей экономики. Особый инвестиционный интерес вызывает развитие новейших технологий с использованием продвинутых информационных продуктов. Некоторые разработки могут найти себе применение и в традиционной для нашей экономики отрасли хозяйства – нефтегазовой промышленности. Соответственно, являясь технологическим лидером, можно выходить с таким продуктом и на международный рынок.

Сегодня двустороннее сотрудничество Россия–АСЕАН уже идет по этому пути. В частности, группа компаний «Петрос», являясь технологическим лидером на рынке инновационных продуктов в области нефтедобычи, с 2008 г. занимается

активным продвижением российских разработок на рынки ЮВА, прежде всего, через свое представительство в Индонезии.

«Лукойл-Оверсиз», дочернее предприятие российской нефтяной частной компании «Лукойл», имеет ряд соглашений с национальными нефтегазовыми компаниями ЮВА об участии в геологоразведке и бурении, в частности, с «Пертамина» в Индонезии.

«Роснефть» имеет 35 % долю в нефтегазовых проектах Вьетнама, в так называемом «Блок 06.1» на основе СРП, а также 32,67 % доли в газопроводе «Намконшон» [10].

На территории Вьетнама с 1981 г. действует совместное предприятие «Вьетсовпетро»¹⁴, занимающееся разведкой и разработкой континентального шельфа этой страны. В 2013 г. в рамках проекта планируется добыть свыше 5,4 млн т нефти [11]. Основными импортерами нефти, добываемой совместным предприятием (далее – СП), являются Япония, Сингапур, США и Республика Корея. Российская «Зарубежнефть» и вьетнамская компания «Петровьетнам» в настоящий момент рассматривают возможности дальнейшего сотрудничества в освоении нефтегазовых месторождений Индокитая, в том числе в Мьянме.

В 2008 г. упомянутыми выше компаниями было создано СП «Русвьетпетро» для разработки месторождений в Ненецком автономном округе.

Еще одной компанией, учрежденной Россией и Вьетнамом на паритетных началах в 2002 г., является «Вьетгазпром» (СП «Вьетсовпетро» и «Газпром»). Данная структура была создана для реализации совместных проектов на территории Индокитая, главным образом, в шельфовой зоне. В данный момент рассматриваемая структура находится на стадии геологоразведки.

Обеими компаниями также в 2009 г. создано СП «Газпромвьет» для реализации совместных проектов на территории России.

В сентябре 2007 г. в ходе визита президента РФ в Индонезию, в рамках бизнес-форума в Джакарте были подписаны ряд соглашений.

Одно из них – между «Лукойл Оверсиз», дочерней структурой российской нефтяной компании «Лукойл», и индонезийской нефтегазовой корпорацией «Пертамина». Данное соглашение предусматривает использование опыта России для освоения морских месторождений на востоке Индонезии. Как было сказано представителями обеих компаний, также будет создан совместный комитет для оценки проектов как в Индонезии, так и в России [12].

Кроме того, крупнейший российский нефтрейдер «Gunvor» намерен войти в нефтеналивной бизнес АСЕАН, выкупив долю в терминале PT Oiltanking Karimun [13].

Как видно, за последние 10 лет наметилось углубление инвестиционного сотрудничества между Россией и АСЕАН. Несмотря на «единичный характер» проводимых мероприятий, очевиден потенциал роста двусторонних отношений, в особенности с Вьетнамом. С данной страной РФ на сегодняшний день имеет наиболее высокий уровень инвестиционных отношений в сфере энергоносителей.

С точки зрения укрепления энергетического сотрудничества с АСЕАН заманчивы перспективы разработки беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), позволяющих оперативно обрабатывать информацию о бурении, геологии, осуществлять осмотр трубопроводов и предвосхищать пиратские нападения. Последняя проблема стоит особенно остро для государств АСЕАН, так как Малаккский пролив является кратчайшим путем между Ближним Востоком и растущими рынками АТР и вторым в Азии по количеству проплывающих танкеров в день [14].

БПЛА были бы особенно интересны как государствам, находящимся в непосредственной близости от Малаккского пролива, так и тем странам, которые осуществляют добычу в труднодоступных районах.

Кроме того, государства АСЕАН являются динамично развивающимися рынками сбыта продукции нефтеперерабатывающей промышленности. И Россия уже принимает участие в создании новых мощностей в регионе. Здесь важно упомянуть и сотрудничество в рамках строительства НПЗ в Ханое, призванного стать одним из крупнейших в ЮВА. Россия в данном проекте выступает в качестве подрядчика [15].

¹⁴ Совместное предприятие Vietsovpetro образовано компаниями «Зарубежнефть» и Petrovietnam, принадлежащими соответственно России и Вьетнаму.

Как уже было сказано ранее, степень экономической интеграции России в АТР будет зависеть от развития Сибири и Дальнего Востока. Последние, располагая огромным природным потенциалом энергоносителей, уже являются объектом реализации совместных проектов российских и иностранных компаний в сфере добычи нефти и газа, в том числе и с участием партнеров из АСЕАН¹⁵.

Некоторые государства ЮВА, например, Сингапур и Малайзия, уже ведут переговоры о статусе финансовых и технологических партнеров нашей страны в освоении Дальневосточного, Арктического, Азовского и Каспийского шельфов¹⁶. «Петронас» уже является крупнейшим азиатским инвестором «Роснефти» [16]. В свою очередь, как было отмечено выше, российские компании уже привносят на региональный рынок новые, более современные технологии добычи и нефтепереработки.

3. Сотрудничество в сфере альтернативных источников энергии.

Ядерные технологии, строительство АЭС, в том числе и плавучих¹⁷, при наличии залежей урана в регионе¹⁸ способны решить многие текущие энергетические проблемы государств ЮВА.

Новые технологии находят применение и в сфере энергоносителей Вьетнама. В ходе визита президента России в Ханой было подписано соглашение о строительстве АЭС и принято

рамочное соглашение об энергетическом сотрудничестве России и АСЕАН на 2010–2015 гг. [17].

Упомянутые выше проекты особенно интересны сейсмоактивным странам, например, Индонезии.

Как видим, сфера энергоносителей представляет большое поле для взаимовыгодного сотрудничества между Россией и странами АСЕАН. Уже достигнутые успехи во взаимоотношениях свидетельствуют о преодолении «заявочного» характера сотрудничества и переходе на стадию практической реализации.

Для России экономическое сотрудничество с АСЕАН-10 является перспективным и многообещающим не только как с одной из региональных группировок наряду с ШОС, СНГ, ЕС. Страны ЮВА выступают в роли ядра интеграционных процессов в АТР, для которого решающими факторами, влияющими на место в глобальных мирохозяйственных связях, будут характер и устойчивость экономического роста. В связи с этим для АСЕАН-10 и России одной из наиболее перспективных сфер сотрудничества являются энергоносители.

Выводы

Таким образом, за последние 10 лет очевидна активизация взаимного сотрудничества в сфере энергоносителей. 2000-е гг. представляют собой уход от политического, «заявочного» характера отношений в сторону наполнения экономическим смыслом. Учитывая инвестиционный, технологический и торговый потенциал нашей страны, необходимо отметить, что Россия может стать значимым энергетическим партнером для государств АСЕАН, а перспективы будут зависеть от успешности продвижения инновационных технологий России в сфере добычи энергоносителей на рынок ЮВА, а также успешной реализации уже имеющихся совместных проектов.

Список литературы

1. World Bank. – URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>
2. Association of South-East Asian Nations. – URL: <http://www.asean.org/component/zoo/item/macroeconomic-indicators>
3. Кузнецов Е. А. Современные проблемы и тенденции формирования рынка энергоносителей в АСЕАН // Вестник Московского университета. Серия Экономика. – 2012. – № 1. – С. 37–46.

¹⁵ Примером проектов сотрудничества российских и иностранных компаний в сфере добычи нефти и природного газа является освоение месторождений на Сахалине, где участвуют американские, индийские и японские капиталовложения.

¹⁶ Chufirin, Hong, Teo, ASEAN-Russia..., pp. 60–61.

¹⁷ Плавучие АЭС – это особый тип атомных станций на морской платформе, позволяющей ее быструю транспортировку для обеспечения потребителей энергией. Принимая во внимание длительность и затратность строительства наземных АЭС, вследствие индивидуальности каждого проекта, подобные электростанции могли бы сыграть решающую роль в обеспечении энергией труднодоступных и сейсмоактивных областей некоторых государств, например, Индонезии.

¹⁸ Большие залежи урана имеются в богатой энергетическими ресурсами Индонезии, например, на о. Ириан Джайя.

4. URL: http://www.asean.org/images/2013/resources/statistics/external_trade/2013/table23.pdf
5. ASEANstats DATABASE. – URL: http://aseanstats.asean.org/Table.aspx?rxid=2d695329-e499-4c02-8242-e6a3753e39c4&px_db=2-International+Merchandise+Trade+Statistics&px_type=PX&px_language=en&px_tableid=2-International+Merchandise+Trade+Statistics%5c03.tables%5cIMTST12_YY-2000-2011.px&layout=tableViewLayout1
6. ASEAN-Russia relations / edited by Gennady Chufirin, Mark Hong, TeoKahBeng. – Singapore, 2006. – P. 59.
7. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130920135601.shtml>
8. URL: http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/russia_far_east/sakhalin-1/
9. URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/dc837f004b8df70db8ccbc77bb90350d/teo_jap_rus.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=dc837f004b8df70db8ccbc77bb90350d
10. URL: http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/international/Block061_Vietnam/
11. Нефть и Капитал. – URL: <http://www.oilcapital.ru/company/191500.html>
12. Нефтяные Ведомости. – 2007. – № 13. – URL: http://lukoil-overseas.ru/upload/iblock/34a/oil_news_13j115j.pdf
13. URL: http://www.vedomosti.ru/companies/news/9461991/gunvor_mozhet_stat_vladelcem_doli_v_indonezijskom_terminale
14. US Energy Administration. – URL: <http://www.eia.gov/countries/regions-topics2.cfm?fips=WOTC>
15. URL: <http://top.rbc.ru/economics/25/12/2002/75659.shtml>
16. Известия. – 2006. – 27 ноября. – URL: izvestia.ru/archive
17. Коммерсант. – 2010. – 2 ноября. – URL: www.komersant.ru/daily/2010-11-02

В редакцию материал поступил 04.12.12

© Кузнецов Е. А., 2013

Информация об авторе

Кузнецов Егор Алексеевич, аспирант кафедры международных экономических отношений, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Адрес: 125009, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 1, тел.: (495) 629-43-49
E-mail: egor.kuznetsov8@gmail.com

Как цитировать статью: Кузнецов Е. А. Особенности экономических отношений Россия–АСЕАН в сфере энергоносителей на современном этапе: возможности и перспективы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 164–171.

E. A. KUZNETSOV,
post-graduate student

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

FEATURES OF RUSSIA–ASEAN ECONOMIC RELATIONS IN THE SPHERE OF ENERGY CARRIERS IN THE MODERN PERIOD: POSSIBILITIES AND PERSPECTIVES

Objective: to define the character and features of economic relations between Russia and ASEAN in the sphere of energy carriers in the modern period.

Method: abstract-logical.

Results: basing on the estimations and analysis of economic relations between Russia and ASEAN in the sphere of energy carriers, possibilities for the further cooperation strengthening are revealed.

Scientific novelty: the current condition and possibilities for the further cooperation strengthening are researched concerning Russia and ASEAN relations in the development of their nature complexes under the lack of systematized statistical data in the mentioned sphere of mutual trade. The probably influence of the Russia phenomenon is shown on the established relations of ASEAN with other states of Asian-Pacific region in the sphere of energy carriers.

Practical value: The research data can be used to deepen the understanding of the poorly-studied energy complex of ASEAN. The marked possibilities for cooperation will allow to continue the bilateral dialogue under competition for the access to the markets of China, Japan, and Korea.

Key words: Russia; ASEAN; energy carriers; oil; natural gas; trade; investments; economic relations.

References

1. *World Bank*, available at: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>
2. *Association of South-East Asian Nations*, available at: <http://www.asean.org/component/zoo/item/macroeconomic-indicators>
3. Kuznetsov, E. A. Sovremennye problemy i tendentsii formirovaniya rynka energonositelei v ASEAN (Modern issues and trends of forming the energy carriers market in ASEAN), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Ekonomika*, 2012, No. 1, pp. 37–46.
4. http://www.asean.org/images/2013/resources/statistics/external_trade/2013/table23.pdf
5. *ASEANstats DATABASE*, available at http://aseanstats.asean.org/Table.aspx?rxid=2d695329-e499-4c02-8242-e6a3753e39c4&px_db=2-International+Merchandise+Trade+Statistics&px_type=PX&px_language=en&px_tableid=2-International+Merchandise+Trade+Statistics%5c03.tables%5cIMTST12_YY-2000-2011.px&layout=tableViewLayout1
6. *ASEAN-Russia relations*, edited by Gennady Chufrin, Mark Hong, TeoKahBeng. Singapore, 2006, p. 59.
7. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130920135601.shtml>
8. http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/russia_far_east/sakhalin-1/
9. http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/dc837f004b8df70db8ccbc77bb90350d/teo_jap_rus.doc?MOD=AJPERES&CACHEID=d837f004b8df70db8ccbc77bb90350d
10. http://www.rosneft.ru/Upstream/ProductionAndDevelopment/international/Block061_Vietnam/
11. *Neft' i Kapital*, available at: <http://www.oilcapital.ru/company/191500.html>
12. *Neftnyane Vedomosti*, 2007, No. 13, available at: http://lukoil-overseas.ru/upload/iblock/34a/oil_news_13j115j.pdf
13. http://www.vedomosti.ru/companies/news/9461991/gunvor_mozhet_stat_vladelcem_doli_v_indonezijskom_terminale
14. *US Energy Administration*, available at: <http://www.eia.gov/countries/regions-topics2.cfm?fips=WOTC>
15. <http://top.rbc.ru/economics/25/12/2002/75659.shtml>
16. *Izvestiya*, 2006, 27 November, available at: izvestia.ru/archive
17. *Kommersant*, 2010, 2 November, available at: www.kommersant.ru/daily/2010-11-02

Information about the author

Kuznetsov Egor Alekseyevich, post-graduate student of the chair of international economic relations, Institute for Asia and Africa states, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Address: 11 Mokhovaya Str, building 1, 125009, Moscow, tel.: (495) 629-43-49
E-mail: egor.kuznetsov8@gmail.com

How to cite the article: Kuznetsov E.A. Features of Russia–ASEAN economic relations in the sphere of energy carriers in the modern period: possibilities and perspectives, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 164–171.

УДК 331.5.024.5 (470.12)

Г. В. ЛЕОНИДОВА,

кандидат экономических наук, доцент

К. А. УСТИНОВА,

аспирант, младший научный сотрудник

*Институт социально-экономического развития территорий РАН (ИСЭРТ РАН),
г. Вологда, Россия*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ КАК РЕСУРС МОДЕРНИЗАЦИИ

Цель: оценка параметров, характеризующих образовательный потенциал молодежи и некоторые аспекты его реализации.

Методы: общенаучные и статистические.

Результаты: на основе результатов анализа статистических данных и данных мониторинговых исследований, проводимых ИСЭРТ РАН, определены проблемы реализации образовательного потенциала молодежи, заключающиеся в трудоустройстве не по специальности, полученной в образовательном учебном заведении, и несоответствии квалификации требованиям рабочих мест; определены мероприятия, направленные на устранение выявленных проблем.

Научная новизна: выявлены параметры, характеризующие образовательный потенциал населения; структурированы проблемы использования образовательного потенциала молодежи на региональном уровне.

Практическая значимость: результаты исследования использованы при проектировании «Концепции государственной молодежной политики в Вологодской области на 2011–2020 гг.».

Ключевые слова: модернизация экономики; человеческий капитал; образовательный потенциал; молодежь.

Введение

В настоящее время темпы экономического развития растут, что приводит к необходимости модернизации экономики и социальной сферы. В мировой экономике наблюдается тенденция снижения потребности экономики в работниках с низкой квалификацией в связи с технологическими изменениями, а также с развитием рынков труда и увеличением требований работодателей к работникам. Подобные изменения продиктованы тем, что общество нуждается в образованных, предприимчивых, мобильных молодых людях, самостоятельно принимающих решения, отличающихся творческим подходом к осуществлению трудовой деятельности [1].

В работе на основе статистических данных и результатов мониторингового исследования социально-экономического положения молодежи Вологодской области¹ проводится оценка

параметров, характеризующих образовательный потенциал молодежи и некоторые аспекты его реализации. Нами были использованы социологические методы сбора и обработки информации, статистические методы, табличные и графические приемы визуализации данных.

Результаты исследования

Следует подчеркнуть, что высокий образовательный потенциал молодежи способствует росту экономической активности, занятости, профессиональной и территориальной мобильности, высокого заработка, более чуткому реагированию на достижения научно-технического прогресса и активному их внедрению в практику, т.е. выступает фактором, усиливающим конкурентные позиции молодых на рынке труда. В связи с этим спрос населения (в первую очередь, молодого) на образование, в том числе высшее, в России растет. Данная тенденция характерна и для европейских стран. Так, например, за десятилетний период

¹ Мониторинг социально-экономического положения молодежи Вологодской области проводился в октябре–ноябре 2012 г. во всех муниципальных образованиях Вологодской области. Объем выборочной совокупности составил 2 923 респондента, репрезентирующей молодежь

области в возрасте 14–30 лет, в разбивке по следующим трем возрастным когортам: 14–19, 20–24, 25–30 лет.

увеличилась средняя продолжительность обучения среди 15–19-летней молодежи во Франции (с 9,4 до 10 лет), в Германии (с 4,1 до 7,7 лет), в Японии (с 10,1 до 10,5 лет); практически втрое сократилась доля необразованных в США.

Сопоставительный анализ показывает, что Россия по средней продолжительности обучения фактически не уступает развитым странам (в РФ среднее число накопленных лет обучения в 2010 г. было выше среднемирового уровня на 3,9 года и уровня развитых стран на 0,7 года).

Положительным трендом является увеличение к 2010 г. среди молодежи средней продолжительности вторичного и третичного образования² (среди 15–19-летней молодежи практически в два раза по каждому из обозначенных уровней образования), об этом также свидетельствуют и данные Всероссийских переписей населения за 2002 и 2010 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Уровень образования населения в возрасте 15 лет и старше (в расчете на 1000 человек населения соответствующей возрастной группы, указавших уровень образования)*

Образование	Все население		Мужчины		Женщины	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
<i>Имеют образование</i>						
<i>Профессиональное:</i>						
послевузовское	3	6	4	6	3	6
высшее	158	228	154	211	163	242
неполное высшее	31	46	31	46	31	46
среднее	275	312	253	301	292	321
начальное	128	56	159	70	102	44
<i>Общее:</i>						
среднее (полное)	177	182	189	201	168	167
основное	139	110	143	118	136	103
начальное	78	54	62	41	91	64
Не имеют начального общего образования	10	6	5	5	14	7

* *Источник:* Образование в цифрах: кр. стат. сб. – М.: НИУ-ВШЭ, 2013. – С. 10.

² В соответствии с МСКО 1997 г. эквивалентом нижнего уровня вторичного (среднего) в российской образовательной системе является основное общее образование, верхнего уровня вторичного (среднего) образования – среднее полное общее, послесреднего не-третичного – начальное профессиональное образование на базе полной средней школы, первого уровня третичного образования – среднее и высшее профессиональное, второго уровня третичного – послевузовское образование.

Анализ стратегий россиян относительно дальнейшего образования позволил получить схожие результаты. Так, в 2011 г. среди обучающихся в системе профессионального образования в целом по стране более 70 % в дальнейшем планировали учиться в академии, институте, университете, а 15 % – получить послевузовское образование³.

На региональном уровне прослеживается аналогичная тенденция – в период 2000–2012 гг. отмечается рост образовательного уровня среди населения Вологодской области. По данным мониторинговых исследований, проводимых ИСЭРТ РАН, доля населения с высшим образованием возросла в полтора раза. Кроме того, выявлено увеличение количества молодых людей с незаконченным высшим образованием (в 2012 г. 17 % против 3 % у остальных жителей области).

Анализ статистических данных подтверждает сложившиеся тенденции. Так, согласно результатам Всероссийской переписи населения (данные по Вологодской области), практически в два раза возросла численность населения с послевузовским образованием, практически на 40 % – с высшим и неполным высшим профессиональным образованием (табл. 2).

Таблица 2

Распределение населения Вологодской области по уровню образования*

Уровень образования	Всего, человек		2010 г. в % к 2002 г.
	2002 г.	2010 г.	
Все население в возрасте 15 лет и старше, в том числе имеют	1 062 508	1 017 290	95,7
<i>Профессиональное образование</i>			
послевузовское	1 663	3 163	190,0
высшее	128 865	177 452	137,7
В том числе по ступеням:			
бакалавр	–	4 129	–
специалист	–	171 684	–
магистр	–	1 639	–
неполное высшее	22 162	32 012	144,4
среднее	313 643	341 607	108,9
начальное	142 410	60 491	42,5
<i>Общее образование</i>			
среднее (полное)	160 814	158 522	98,6
основное	169 486	131 216	77,4
начальное	102 244	63 334	61,9
Не имеющие начального общего образования	13 232	6 806	51,4

* *Источник:* Уровень образования населения Вологодской области: итоги Всероссийской переписи населения 2010: в 5 т. Т. 4. – Вологда: Вологдастат. – С. 13.

³ Индикаторы образования 2013: стат. сб. – М.: НИУ-ВШЭ, 2013. – 400 с.

Молодежь является активным участником не только образовательного процесса, но и трудовых отношений. Анализ статистических данных показывает, что более высокий образовательный уровень позволяет молодежи избежать безработицы во время рецессии. Например, во время экономического спада 2008–2010 гг., по оценкам экспертов, уровень безработицы среди населения с полным средним образованием возрос в 1,6 раза, а среди тех, кто обладает высшим образованием – в 1,4 раза. В среднем по странам ОЭСР уровень безработицы у мужчин с высшим образованием в 2010 г. был примерно на одну треть ниже, чем с полным средним образованием, а среди женщин – на две пятых [2].

Аналогичная тенденция прослеживается и в России. Так, например, в 2000 г. уровень безработицы у населения с высшим образованием был вдвое ниже, чем у обладателей начального профессионального. В 2010 г. более образованное население по-прежнему было в меньшей степени подвержено безработице (табл. 3).

Таблица 3

Уровень безработицы населения в РФ по образованию (удельный вес занятых в общей численности населения соответствующего уровня образования, %)*

Уровень образования	2000 г.	2010 г.
Высшее профессиональное	5,2	4,0
Неполное высшее	9,1	–
Среднее профессиональное	7,9	5,8
Начальное профессиональное	11,7	7,9
Среднее (полное) общее	13,1	11,6
Основное общее	14,6	16,8
Не имеют основного общего образования	10,1	19,8

* *Источник:* Образование в цифрах: кр. стат. сб. – М.: НИУ-ВШЭ, 2013. – С. 46.

Такие положительные изменения наблюдались даже несмотря на то, что в 2008–2010 гг., по сравнению с предкризисным периодом, вырос уровень безработицы (практически до отметки 2000 г.). В силу значительных последствий кризиса в Вологодской области данные изменения были не такими весомыми по сравнению с ситуацией на уровне страны.

Однако следует учитывать, что относительно низкие показатели общей безработицы в молодежной среде могут компенсироваться ростом скрытой безработицы, увеличением ее продолжительности, что в значительной степени затрудняет регулиро-

вание этого процесса и, соответственно, снижает возможности получения молодежью социальных гарантий и другой поддержки со стороны государства. Одна из негативных тенденций – рост занятости молодежи в неформальном секторе экономики. Анализ статистических данных показал, что в 2009 г. в некоторых странах неформальная занятость среди молодых людей превышала ее уровень среди взрослого населения более чем на 30 %.

Обобщая некоторые тенденции на международном уровне, отметим, что за последние двадцать лет стал более очевидным рост как скрытой, так и официально зарегистрированной безработицы в молодежной среде, увеличилось количество молодых людей, занятых в неформальном секторе экономики, при одновременном сокращении темпов создания новых рабочих мест. Подобные негативные изменения могут стать для молодежи демотиватором к трудоустройству, к проявлению активной жизненной позиции, к творческой и инновационной активности, что, в конечном счете, может отразиться и на качестве модернизационных процессов в будущем.

Обозначенные выше проблемы получили распространение и на молодежном рынке труда в России. Системная их причина, с нашей точки зрения, кроется в рассогласовании между системой образования и рынком труда. Она проявляется в нескольких аспектах: во-первых, в количественных диспропорциях (дефицит квалифицированных кадров относительно планируемого выпуска продукции); во-вторых, в несоответствии полученного образования направлению трудоустройства, а также в несоответствии квалификации сотрудников требованиям рабочих мест.

Следует отметить, что, несмотря на формально довольно высокий образовательный уровень российских работников, по результатам опроса Russian Innovation Survey 2009–2010, 47 % руководителей инновационного бизнеса и столько же крупного и среднего бизнеса упоминают о сложности поиска квалифицированных инженеров и специалистов, 49 и 52 % соответственно – о проблеме поиска квалифицированных рабочих [3, с. 50–51]. В Вологодской области проблема дефицита кадров также получила распространение (около 30 % в целом по области и около 50 % в Череповце характеризуют обеспеченность промышленно-производственным персоналом

как недостаточную; 30% считают недостаточной численность руководителей среднего и низшего звеньев управления и специалистов)⁴.

Кроме того, около 30 % руководителей малых инновационных предприятий и 35 % руководителей средних и крупных компаний из традиционных секторов экономики оценивают подготовку выпускников технических и естественнонаучных факультетов вузов на низком уровне [3, с. 22]. Эффективность обучения в образовательных учреждениях разного уровня оценивается невысоко и в рамках региона. Так, в Вологодской области более 40 % оценивают уровень подготовки в ПТУ, техникумах, колледжах на среднем уровне, более 20 % – на низком. Оценки руководителей относительно качества обучения в вузах также невысоки: никто из опрошенных не охарактеризовал его высокими оценками.

В начале 1980-х гг. многие отрасли британской экономики испытывали дефицит в квалифицированных кадрах, в первую очередь, в инженерах. В 2003 г. около 2,4 млн работников Великобритании были охарактеризованы предпринимателями как не соответствующие по своему профессиональному уровню требованиям рабочих мест⁵, при этом 44 % опрошенных работодателей отметили, что из-за нехватки квалифицированных кадров они могут потерять свой бизнес. Спрос на высококвалифицированных специалистов превышал предложение и довольно быстро рос и в США во второй половине 1990-х гг.⁶. Аналогичные затруднения встречаются и на отечественном рынке труда. Так, согласно оценкам руководителей российских компаний, в дополнительном обучении или переподготовке в среднем нуждались от 20 до 30 % вновь принятых работников в зависимости от направления деятельности [4].

Обозначенные аспекты как следствие рассогласования между рынком труда и образовательной системой приводят к тому, что накопленный потенциал не используется в должной степени, в ряде случаев недоиспользуется, что в будущем может выступить фактором, препятствующим

осуществлению модернизации. Анализ результатов исследований, проводимых ИСЭРТ РАН, показывает, что более 40 % как среди всего трудоспособного населения, так и среди молодежи не работают по специальности (рис. 1). При этом, опираясь на результаты проводимых с 1997 г. исследований, можно говорить о том, что этот феномен – не одномоментное отклонение, а проявляющаяся уже более десяти лет тенденция.

Однако в европейских странах данная проблема стоит не так остро, поскольку образовательная подготовка там осуществляется по «широким направлениям», что снижает риск трудоустройства не по специальности [5]. Согласно исследованиям [6], проведенным в Швеции, 61 % мужчин и 71 % женщин работают по специальности, а 16 и 10 % соответственно – по смежным направлениям. В США лишь у четверти населения полученное образование и направление трудоустройства не соотносятся между собой [7]. Поэтому можно говорить о том, что в экономически развитых странах примерно 70–80 % выпускников сохраняют приверженность выбранному образовательному направлению.

Еще одной проблемой на российском рынке труда является несоответствие квалификации сотрудников требованиям рабочих мест. Одной из распространенных ситуаций является та, в которой сотрудники могут выполнять и более квалифицированную работу, чем им поручается, без необходимости дополнительной переподготовки и переобучения (практически 30 % – среди молодежи, 20 % – среди трудоспособного населения Вологодской области). Это свидетельствует о том, что накопленный человеческий капитал у этой части населения в значительной степени не востребован в трудовой деятельности. Однако в условиях модернизации социально-экономической сферы управление человеческим капиталом должно быть сосредоточено на создании условий для более полного определения и максимального использования всех возможностей и способностей населения. Фактически же лишь в половине случаев выявлено соответствие квалификации предъявляемым работодателями требованиям (рис. 2).

Резюмируя, следует подчеркнуть, что у молодежи в Вологодской области, как и в стране в целом, формально довольно высокий образовательный уровень, причем за последнее десятилетие увеличилась направленность населения на

⁴ При формулировке этого вывода использовались данные мониторинга руководителей по оценке состояния и развития промышленности Вологодской области, проводимого ИСЭРТ РАН.

⁵ The Official Yearbook UK, 2005.

⁶ Katz and Autor, 1999.

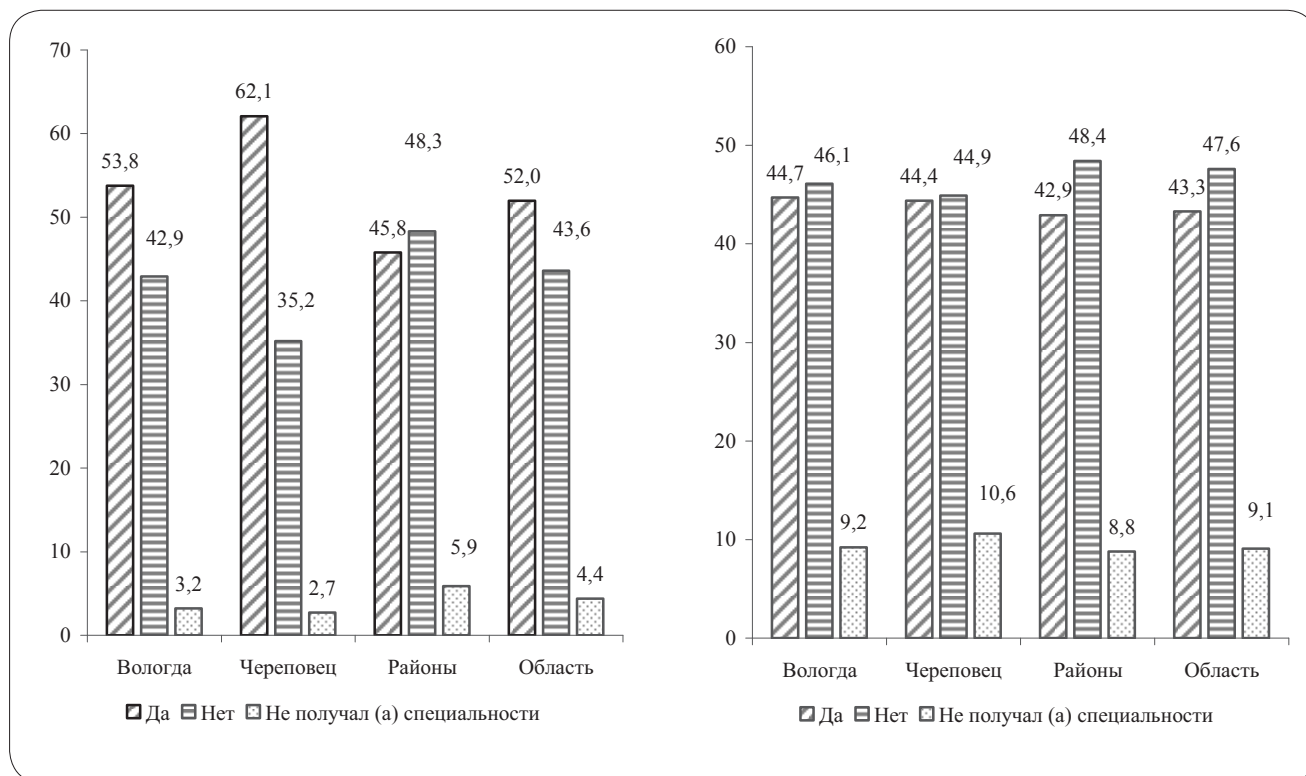

Рис. 1. Результаты опроса «Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональном учебном заведении (вузе, техникуме, училище)» в Вологодской области в 2012 г., % от числа работающих (по данным мониторингов качества трудового потенциала населения Вологодской области и социально-экономического положения Вологодской области, проводимых ИСЭРТ РАН)

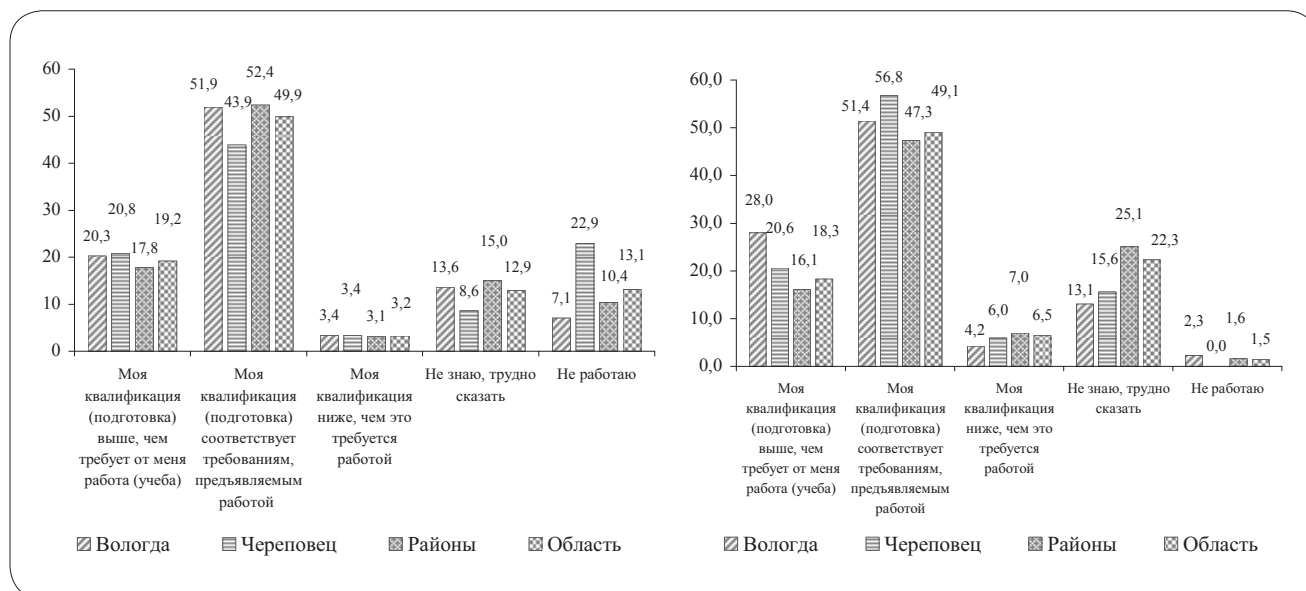

Рис. 2. Степень соответствия квалификации работников требованиям рабочих мест в Вологодской области в 2012 г., % от числа опрошенных (по данным мониторингов качества трудового потенциала населения Вологодской области и социально-экономического положения Вологодской области, проводимых ИСЭРТ РАН)

получение высшего образования. Возможными причинами выбора такой стратегии поведения является низкий уровень безработицы, высокий уровень дохода населения и более стабильное социальное положение у наиболее образованных по сравнению с другими группами населения.

Вместе с тем эффективная реализация накопленного потенциала на практике затруднена несоответствием полученного образования направлению трудоустройства (более половины опрошенных работают не по полученной специальности), а квалификации сотрудников – требованиям рабочих мест. Подобные рассогласования образовательной системы и рынка труда сопровождаются ростом уровня безработицы (в том числе зарегистрированной), распространением неформальных каналов трудоустройства и занятости в неформальном секторе экономики среди молодых людей.

Все вышеперечисленное приводит к тому, что потенциал молодежи в должной степени не используется в модернизационных преобразованиях, в некоторых случаях попросту недоиспользуется. Несмотря на то, что на страновом и региональном уровнях предпринимаются меры для изменения ситуации, их роль недостаточна для решения проблем в молодежной среде и зачастую они не носят системного характера.

Выводы

Считаем целесообразным для решения обозначенных проблем реализацию следующих мероприятий: организация мониторинговых исследований качества образования и удовлетворенности работодателей и населения качеством образовательных услуг; развитие системы взаимодействия образовательных учреждений и работодателей с целью формирования регионального заказа на подготовку кадров; обеспечение эффективности занятости молодежи за счет повышения уровня

удовлетворенности работодателей в качественных характеристиках трудовых ресурсов и росте уровня трудоустройства молодежи; совершенствование системы профориентации молодежи; формирование системы непрерывного индивидуализированного образования; создание системы ежегодного повышения квалификации с учетом формирования навыков и компетенций, необходимых для участия населения в инновационной деятельности, и создание образовательных программ, направленных на формирование таких навыков; разработка механизмов стимулирования населения к постоянному повышению своего образовательного и профессионального уровня; активное вовлечение молодежи в инновационную деятельность (проведение на постоянной основе конкурсов инновационных проектов; поиск и отбор талантливой молодежи, развитие ее инновационного потенциала).

Список литературы

1. Образовательная политика России на современном этапе: документы и материалы рабочей группы к заседанию Государственного Совета Российской Федерации. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/497/700/1219/5.pdf>
2. Взгляд на образование 2012. – URL: <http://www.oecd.org/edu/eag-2012-sum-ru.pdf>
3. Борисов С. Конкурируя за будущее сегодня: новая инновационная политика для России: доклад. – М.: Опора России, 2010. – 126 с.
4. Анализ взаимосвязей системы образования и рынка труда в России за последние 5 лет: информационный бюллетень. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 36 с.
5. Выбор профессии: чему учились и гдегодились? – URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/hse_ejournal/2009/2/13_02_03.pdf
6. Education-Occupation Mismatch: Is There an Income Penalty?: discussion paper № 3806 / Nordin M., Persson I., Rooth D.-O. – Bonn: IZA, 2008. – 19 p.
7. Robst J. Education, College Major and Job Match: Gender Differences in Reasons for Mismatch // Education Economics. – 2007. – Vol. 15. – № 2. – P. 159-175.

В редакцию материал поступил 10.10.13

© Леонидова Г. В., Устинова К. А., 2013

Информация об авторах

Леонидова Галина Валентиновна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала, Институт социально-экономического развития территорий РАН
Адрес: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56 а, тел.: (88172) 59-78-19 (доб. 306)
E-mail: galinaleonidova@mail.ru

Устинова Ксения Александровна, аспирант, младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Институт социально-экономического развития территорий РАН
Адрес: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56 а, тел.: (88172) 59-78-10 (доб. 400)
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

Как цитировать статью: Леонидова Г. В., Устинова К. А. Образовательный потенциал молодежи как ресурс организации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 164–170.

G. V. LEONIDOVA,

PhD (Economics), associate professor,

K. A. USTINOVA,

post-graduate student, junior researcher

Institute of social-economic development of territories of the Russian Academy of Sciences (ISED T RAS), Vologda, Russia

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE YOUTH AS A RESOURCE OF MODERNIZATION

Objective: evaluation of the parameters characterizing the educational potential of young people and some aspects of its implementation.

Methods: general scientific and statistical.

Results: basing on the results of the statistical data analysis and data from monitoring studies conducted by ISED T RAS, the authors defined the problem of the young people's educational potential, which include employment of people to a qualification not obtained in an educational institution, and discrepancy of qualification to the job requirements; activities are defined aimed at elimination of the revealed problems.

Scientific novelty: the parameters, characterizing the educational potential of the population; structured problems of the use of young people's educational potential at the regional level.

Practical value: the research results were used for designing of the "Concept of state youth policy in the Vologda region for 2011–2020".

Key words: modernization of the economy; human capital; educational potential; youth.

References

1. *Obrazovatel'naya politika Rossii na sovremennoy etape: dokumenty i materialy rabochey gruppy k zasedaniyu Gosudarstvennogo Soveta Rossiiskoi Federatsii* (Educational policy of Russia at the modern stage: documents and materials of the working group for the meeting of the Russian Federation State Council), available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/497/700/1219/5.pdf>
2. *Vzglyad na obrazovanie 2012* (View at education 2012), available at: <http://www.oecd.org/edu/eag-2012-sum-ru.pdf>
3. Borisov, S. *Konkuriruyaya za budushchee segodnya: novaya innovatsionnaya politika dlya Rossii* (Competing for the future today: new innovative policy for Russia). Moscow: Opora Rossii, 2010, 126 p.
4. *Analiz vzaimosvyazey sistemy obrazovaniya i rynka truda v Rossii za poslednie 5 let: informatsionnyi byulleten'* (Analysis of interactions of educational system and labour market in Russia for the recent 5 years: information bulletin). Moscow, NIU VShE, 2012, 36 p.
5. *Vybor professii: chemu uchilis' i gde prigodilis'?* (Choosing the profession: where did you study and where do you work?), available at: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/hse_ejournal/2009/2/13_02_03.pdf
6. Education-Occupation Mismatch: Is There an Income Penalty?: discussion paper № 3806, Nordin M., Persson I., Rooth D.-O. Bonn: IZA, 2008, 19 p.
7. Robst, J. Education, College Major and Job Match: Gender Differences in Reasons for Mismatch, *Education Economics*, 2007, Vol. 15, No. 2, pp. 159–175.

Information about the authors

Leonidova Galina Valentinovna, PhD (Economics), associate professor, head of the laboratory for research of labor potential development, Institute of social-economic development of territories of the Russian Academy of Sciences

Address: 56 a Gorkogo Str, 160014, Vologda, tel.: (88172) 59-78-19 (add. 306)

E-mail: galinaleonidova@mail.ru

Ustinova Kseniya Aleksandrovna, post-graduate student, junior researcher of the department for research of living standards of the population, Institute of social-economic development of territories of the Russian Academy of Sciences

Address: 56 a Gorkogo Str, 160014, Vologda, tel.: (88172) 59-78-10 (add. 400)

E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

How to cite the article: Leonidova G. V., Ustinova K. A. Educational potential of the youth as a resource of modernization, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 172–178.

УДК 336.532/581:378(470.46)

Р. А. НАБИЕВ,

доктор экономических наук, профессор

В. В. ЗВЕРЕВ,

кандидат экономических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет, г. Астрахань, Россия

ПРАКТИКА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Цель: определение путей совершенствования финансового обеспечения высшего профессионального образования (далее – ВПО) в условиях его реформирования.

Методы: статистический, аналитический и абстрактно-логический.

Результаты: на основе анализа финансовых инструментов, используемых вузами для поддержания образовательных услуг на высоком уровне, доказана наибольшая перспективность инновационно-предпринимательской деятельности как стабильного способа зарабатывания финансовых средств; предложены пути решения основных проблем в деятельности малых инновационных предприятий при вузах.

Научная новизна: научно обоснованы мероприятия по повышению эффективности деятельности малых инновационных предприятий путем совершенствования инновационной инфраструктуры региона.

Практическая значимость: Выработанные предложения по совершенствованию инновационной инфраструктуры деятельности малых инновационных предприятий на основе создания ассоциации малых инновационных предприятий при Федеральном агентстве по науке и инновациям Минобрнауки РФ, направлены на координирование действий отдельных МИПов и позволяют достигнуть синергетического эффекта.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование; финансовые инструменты; малые инновационные предприятия при высших учебных заведениях.

Введение

Высшее профессиональное образование (далее – ВПО) в условиях его реформирования столкнулось со значительным сокращением государственного финансирования и с усилением конкуренции на рынке оказания образовательных услуг, что вынуждает вузы искать пути получения дополнительного дохода, необходимого для поддержания соответствующего финансового обеспечения, укрепления материально-технического оснащения, совершенствования учебного процесса.

Неравномерность денежных поступлений, ограниченность финансовых ресурсов, протяженность во времени учебного процесса, законодательное ограничение ведения некоммерческой деятельности предопределяют необходимость повышения эффективности использования финансовых средств в системе высшего профессионального образования.

Для поддержания образовательных услуг на высоком уровне вузам приходится использовать различные финансовые инструменты: проектное финансирование, бюджетное финансирование на основе системы нормативов и на контрактной основе, использование налоговых инструментов, образовательное кредитование.

Проектное финансирование направлено на совершенствование системы управления бюджетными финансами путем повышения самостоятельности и ответственности учреждений, создания конкуренции между ними, внедрения механизмов саморегулирования и совместного финансирования [1]. В образовании оно базируется на прогнозе будущего развития вуза, зависит от эффективности его функционирования и эффективной реализации проектов. В проектном финансировании важна стратегия развития учебного заведения, включая стратегический менеджмент.

жмент проектов, что косвенно влияет на развитие стратегического менеджмента вуза.

Использование системы нормативов бюджетного финансирования учреждений ВПО, дифференцированных в зависимости от программ подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием и территориального расположения вузов, целесообразно для перехода вуза на финансовое обеспечение, позволяющее уйти от основного недостатка сметного порядка финансирования его расходов – ограничения прав учебных заведений при составлении и исполнении сметы доходов и расходов.

Формирование нормативов подушевого финансирования в сфере ВПО базируется на принципах единства методологической основы в расчетах нормативов бюджетного финансирования обучения, использования формализованного алгоритма расчета нормативов подушевого финансирования, учета различий в уровне расходов на подготовку кадров с ВПО в зависимости от программы обучения, направления подготовки, формы обучения, территориального расположения и т. д.

Результаты исследования

По мнению авторов, с целью повышения эффективности использования средств федерального бюджета, повышения качества подготовки кадров с высшим образованием, система нормативов подушевого финансирования программ ВПО может быть дополнена системой показателей для оценки результативности расходов федерального бюджета на обучение студентов в вузе, таких как: оценка удовлетворенности работодателей уровнем знаний выпускников вуза; оценка удовлетворенности выпускников качеством полученного образования; конкурс при поступлении в вуз; количество выпускников, занимающихся научно-исследовательской деятельностью; количество выпускников, работающих по специальности и их карьерный рост в течение пяти лет после окончания вуза; количество выпускников, работающих по специальности и занимающих руководящие должности в системообразующих органах и организациях. Федеральное агентство по образованию может определять повышающий коэффициент результативности расходов федерального бюджета на подготовку кадров с ВПО для каждого вуза на основании отчетности вузов,

а также данных Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, независимых рейтинговых агентств.

В современную систему бюджетного финансирования на основе контрактов включается широкий круг общественных услуг, за предоставление которых населению ответственность несет государство, в том числе услуги в сфере образования. В заключаемых договорах основную роль играет их экономическое содержание – размеры и формы оплаты услуг, санкции за нарушение условий контракта и т. д. Сейчас происходит процесс перемещения части общественных услуг из государственного сектора в частный, что приводит к повышению конкуренции с соответствующим воздействием на эффективность расходов бюджета.

В качестве основных налоговых инструментов, способных привлечь финансовые ресурсы организаций в сферу ВПО, можно предложить: предоставление налоговых льгот организациям при оплате за счет средств работодателей обучения своих сотрудников в вузах, а также при перечислении этими организациями благотворительных взносов вузам и освобождение от обложения прибыли, полученной организациями при осуществлении ими совместной инновационной деятельности с вузами.

В настоящее время получил особое распространение образовательный кредит как необходимый элемент платного образования, который способствует повышению качества образования, предоставляемого вузом. Внедрение образовательного кредитования позволяет «отсеять» невостребованные экономикой специальности: за деньги, а тем более заемные, никто не будет учиться в вузе, дающем образование низкого качества, и получать профессию, не востребованную на рынке. Предприятия, которым требуются специалисты определенного профиля и квалификации, могут путем предоставления поручительств по образовательному кредиту оплатить их образование. Государство путем предоставления гарантий по образовательным кредитам также может регулировать ситуацию на рынке труда. Кредит предоставляется студентам всех форм обучения в любых образовательных учреждениях, которые имеют лицензию на право осуществлять образовательные услуги. В рамках

срока кредитования по желанию заемщика может быть предоставлена отсрочка по уплате основного долга: пока студент учится, он платит только проценты, после окончания и получения диплома начинаются выплаты по основному долгу.

Ограниченность государственного финансирования вузов обуславливает необходимость поиска учебными заведениями собственных путей зарабатывания средств, наиболее перспективным из которых является инновационно-предпринимательская деятельность.

В 1990-е гг. была потеряна связь вузов с действующими промышленными предприятиями, а вузовская наука – фундаментальная и прикладная – оказалась невостребована. За 20-летний срок наука «законсервировалась» в вузах и НИИ, изредка применяясь в производстве. Для решения этой проблемы был принят Федеральный закон № 217 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности». Данный закон позволяет вузам и НИИ создавать на своей базе хозяйственные общества – малые инновационные предприятия (МИПы) – и полностью пользоваться коммерческими успехами от реализации продукции, производимой в них (изобретения, ноу-хау, модели, базы данных, компьютерное программное обеспечение). Вузы на основании лицензионных договоров могут вносить в уставной капитал МИП право использования принадлежащих ему результатов инновационной деятельности, создавая АО при доле вуза в предприятии не менее 25 % и ООО при доле не менее 1/3¹.

Таким образом, создание МИП при вузах способствует возвращению науки в производство,

развитию как самого учебного заведения (усиление материально-технической базы, развитие научных проектов, проведение дополнительных практических занятий для студентов), так и системы ВПО в целом.

Но, к сожалению, пока учебные заведения не демонстрируют больших инновационных успехов. После принятия закона № 217-ФЗ создано около 1000 МИП. Создается впечатление, что низкая инновационная активность вузов определяется тем, что университетская среда не располагает к предпринимательской деятельности.

Рассмотрев распределение малых инновационных предприятий, созданных при вузах, по федеральным округам России (Центральный – 262, Сибирский – 228, Приволжский – 151, Уральский – 75, Южный – 75, Северо-Западный – 73, Северо-Кавказский – 32, Дальневосточный – 21) можно отметить, что по количеству созданных МИП Южный федеральный округ находится на 5-м месте среди 8-ми округов России. Явными лидерами в ЮФО по количеству созданных МИП являются Астраханский государственный технический университет и Астраханский государственный университет².

Значительный успех данных начинаний обуславливается адекватной поддержкой со стороны региональных органов власти. В 2012 г. было принято Постановление правительства Астраханской области «О положении о грантах на создание инновационных компаний», утверждены условия и механизм оказания государственной поддержки в виде гранта (безвозмездной субсидии) на создание инновационной компании. Эти «гранты» предоставляются на доленое финансирование фактически произведенных целевых расходов в размерах двух третьих произведенных затрат, но не более 500 тыс. рублей³.

Вопрос о необходимости наличия у предприятия собственного капитала для осуществления первоначальных затрат может быть решен уча-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности: Федеральный закон № 217-ФЗ (с изменениями и дополнениями) от 2 августа 2009 г. // «ГАРАНТ-Законодательство (кодексы, законы, указы, постановления) РФ, аналитика, комментарии, практика». – URL: <http://base.garant.ru/12168685/>

² Наука России в цифрах 2012 // ЦИСН. – 2013. – URL: <http://csrs.extech.ru/catalog/2081>

³ О положении о грантах на создание инновационных компаний: Постановление Правительства Астраханской области № 506-П от 26 ноября 2010 г. // Министерство экономического развития Астраханской области, 2010. – URL: <http://minec.astrobl.ru/document/790>

ствием в программе «СТАРТ» Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

Также реализуется проект проведения регулярных встреч разработчиков инновационных проектов с руководителями и менеджерами успешных коммерческих компаний региона. Целью данного проекта является более активное содействие в организационном сопровождении инновационных разработок бизнес-компаниями региона.

В Астраханском государственном университете зарегистрировано 63 малых инновационных предприятия. В спектре областей деятельности, в которых разрабатываются инновации – приборостроение, медицина, фармакология, биотехнология для медицины, информационные технологии, биотехнологии, сельское хозяйство, пищевая промышленность, нанотехнологии – можно выделить следующие малые инновационные предприятия: ООО НПП «Мобильные технологии в управлении», занимающееся разработкой мобильной информационной системы управления предприятием; ООО НПП «НИЛС-НМ», занимающееся разработкой эффективной технологии синтеза углеродных нанотрубок; ООО НПП «Прикаспийское отделение международной академии минеральных ресурсов», разрабатывающее технологию утилизации промышленных и бытовых стоков, дренажных вод методом инъекции; ООО НПП «АСТКОСМЕТИКС», разрабатывающее натуральные косметические антибактериальные средства; ООО НПП «СТВОЛСИНТ», занимающееся созданием биологического стимулятора «Стволсинт» на основе пуповинной крови для интенсификации регенерации поврежденной кожи; ООО НПП «Технология нанокерамики», создающее инновационное промышленное производство эффективных магнитострикционных материалов для применения в различных температурных и частотных диапазонах⁴.

В Астраханской государственной медицинской академии функционируют 7 малых инновационных предприятий, среди которых можно отметить: ООО «Тест» (тест-системы для оценки течения беременности, состояния плода, и т. д.),

⁴ База данных хозобществ (Федеральный закон № 217-ФЗ от 02 августа 2009 г.) // ЦИСН. – 2013. – URL: <http://csrs.extech.ru/reestr/ho.php>

ООО «ИнноПроб» (противоаллергическая продукция «Гистофлорины»), ООО «Комплаенс» (продукция «Флоринтель» для персонализированной коррекции дисбактериозов), ООО «Пролайф» (кисломолочный продукт с выраженными лечебно-профилактическими свойствами «Пролайф») [2].

В результате большой подготовительной работы Астраханскому государственному техническому университету (АГТУ) удалось в целом сформировать институциональную базу для создания и развития малых предприятий (в структуре Управления науки АГТУ создан специализированный сектор поддержки МИП), скорректировать внутреннюю нормативную базу, предпринять ряд практических шагов по развитию компетенций в сфере наукоемкого предпринимательства и инновационного бизнеса у широкого круга сотрудников университета (для 80 сотрудников были проведены курсы повышения квалификации по соответствующей образовательной программе).

Таким образом, к январю 2012 г. Астраханским государственным техническим университетом было учреждено 32 хозяйственных общества в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности. Оборот МИП, созданных в Астраханском государственном техническом университете, составил в 2012 г. 8 100 тыс. рублей, а доход (за исключением возврата заемных средств и издержек) – 6 900 тыс. рублей.

Деятельность созданных и создаваемых предприятий разнообразна: разработка программного обеспечения и производство электроники; химические и ресурсосберегающие технологии; производство пищевой продукции; воспроизводство рыбы и водных биоресурсов; логистика и исследования пассажирских перевозок и грузопотоков; изучение конъюнктуры рынка и общественного мнения.

Среди наиболее перспективных МИП в АГТУ можно выделить предприятие «Орион-К», разрабатывающее электронные средства и программное обеспечение для дистанционного управления персональными компьютерами и мобильными устройствами; МИП «АГТУ-файл», осуществляющее разработку и внедрение программного обеспечения для банковских, социальных и кампусных карт; МИП «Центр информационных компетенций», разрабатывающее программное

обеспечение и базы данных, ориентируясь на перспективные методы автоматизации управления предприятием; МИП «Каспий Ньюс Старт», который с помощью инновационных разработок автоматизирует процесс обработки данных, полученных при обследовании маршрутов движения транспортных средств [3].

Проведенный анализ по организации и эффективному функционированию МИП в АО показал, что существует ряд нерешенных вопросов, связанных с инновационной предпринимательской деятельностью вузов.

Вузовским МИП не удалось избежать главной проблемы развития малых предприятий – недофинансирования. Зарубежный опыт решения данной проблемы – банковское инвестирование – в России не работает по причине неразвитой системы частно-государственного партнерства и слабого стимулирования банковского кредитования малого бизнеса со стороны государства. На инвестирование инновационной деятельности МИП банками оказывает негативное влияние выбор кредитными организациями рыночных ниш с низким риском вложения. Необходимо стимулировать инновационный процесс путем государственного регулирования финансового сектора экономики в целях обеспечения полной поддержки инновационной деятельности малого бизнеса. Сочетание средств и инструментов государственного регулирования и банковского инвестирования может обеспечить инновационное развитие малого бизнеса.

Развитие МИП в вузе позволит решить проблему некоторой «закостенелости» учебных заведений, не занимающихся активной предпринимательской деятельностью. Помимо получения предпринимательского дохода, будет развиваться предпринимательская культура, через которую будет изменяться управление вузом, будут формироваться объекты инновационно-предпринимательской инфраструктуры, расширяться финансовые источники и инструменты управления, формироваться зависимость оплаты труда преподавателей и сотрудников от результатов их деятельности, в том числе в направлении развития предпринимательства (создание МИП, выполнение перспективных научно-исследовательских проектов и т. д.). Дополнительно основы предпринимательской деятельности будут присутствовать

в большинстве программ обучения специалистов высших учебных заведений и в программах повышения квалификации.

Резюмируя вышесказанное можно отметить основные преимущества создания и деятельности МИП при вузе: появляется источник дополнительного финансирования деятельности вуза, реализуются его инновационные научные проекты; повышается конкурентоспособность студентов и преподавателей на рынке труда. Основными же проблемами создания малых инновационных предприятий на данный момент являются: низкая коммерческая эффективность научных разработок; недостаточный профессионализм в управлении инновационными проектами и процессами; слабое обоснование реализуемых проектов и т. д.

Для успешного функционирования инновационных предприятий на базе вузов необходимо: предоставить льготы при управлении имуществом малых инновационных предприятий при вузах и НИИ; решить проблемы участия в госзаказе; разрешить сложности оформления бюджетными организациями патентов на изобретения и другие результаты интеллектуальной деятельности; наладить систему денежной оценки исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности; возможность перехода на упрощенную систему налогообложения; уменьшить страховые выплаты; решить одну из главных проблем – аренда.

Одним из перспективных путей решения данных проблем станет создание координирующего органа – ассоциации малых инновационных предприятий при Федеральном агентстве по науке и инновациям Минобрнауки РФ, объединяющей региональные ассоциации, предоставляющей открытую информацию о деятельности предприятий этого сектора инвесторам, осуществляющей консалтинговую и экспертную деятельность (например, разработку критериев оценки эффективности хозяйственных обществ, поскольку на данный момент собираются только статистические данные – в каких вузах сколько открыто компаний, в какой области они работают и т. д.)

На рисунке, приведенном ниже, представлена схема, показывающая взаимодействие предлагаемой Ассоциации инновационных предприятий при вузах с организациями, оказывающими поддержку малому предпринимательству на региональном и федеральном уровне.

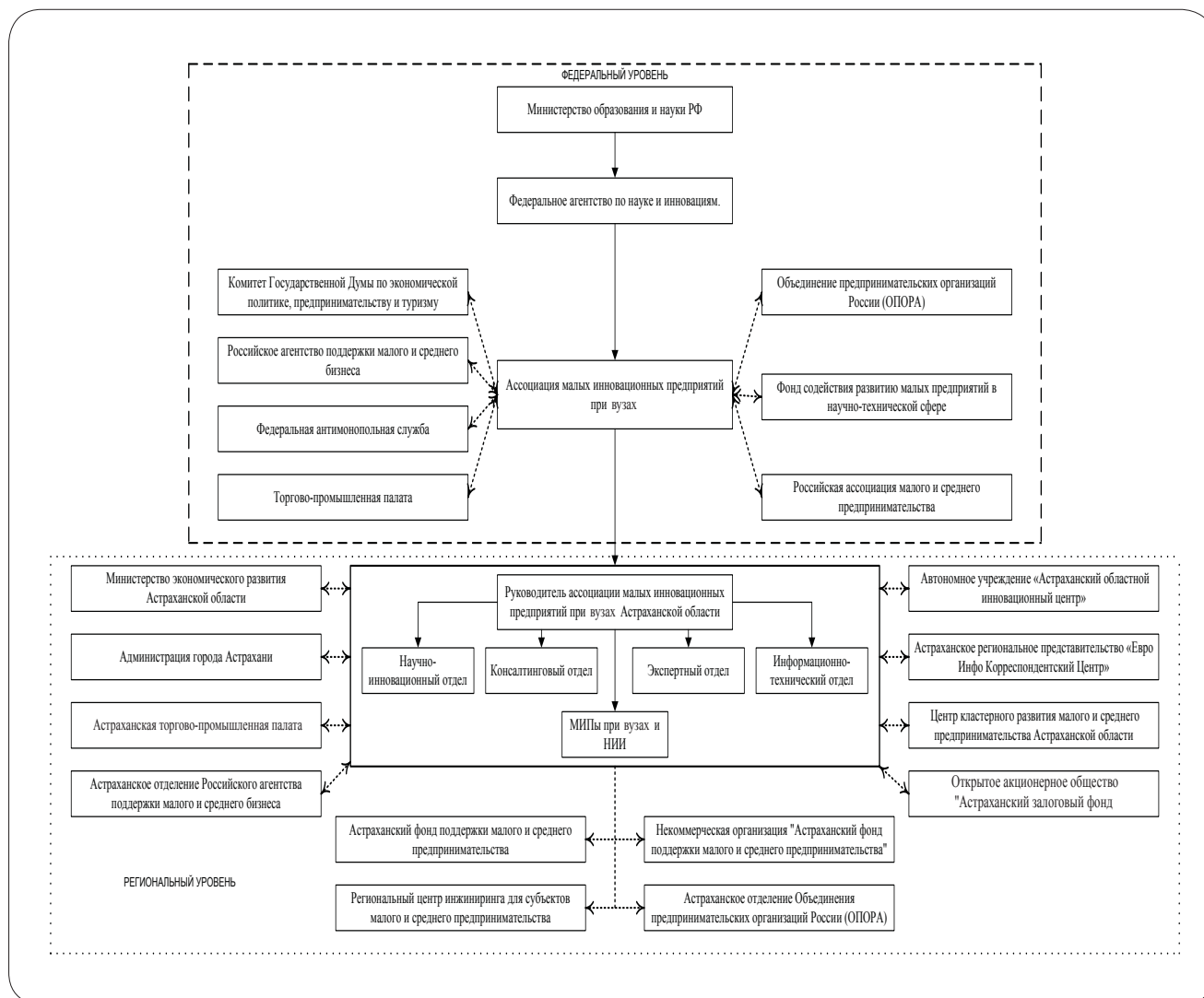

Схема взаимодействия Ассоциации инновационных предприятий при вузах с организациями, оказывающими поддержку малому предпринимательству

Выводы

Таким образом, в ближайшей перспективе необходимо совершенствовать законодательство в сфере финансового обеспечения вузов, особенно в части предпринимательской деятельности, так как остаются без решения вопросы с недостаточностью бюджетных средств в системе высшего образования, а также остаются спорные моменты, касающиеся внебюджетных источников финансирования и налогообложения вузов. Государство и рынок, вузы и НИИ должны содействовать расширению деятельности инновационного сектора экономики, обеспечить проведение эффективной национальной промышленной политики, стимулировать инновационную активность малых про-

изводственных предприятий, что, в свою очередь, будет способствовать инновационному прогрессу общества в целом.

Список литературы

1. Арыкбаев Р. К., Набиев Р. А. Повышение Эффективности государственных расходов. Переход к системе бюджетирования, ориентированного на результат // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 3. – С. 179–185.
2. Инновационная деятельность. – URL: <http://agma.astranet.ru/?cid=633>
3. Малые инновационные предприятия. – URL: <http://www.astu.org/pages/show/162-Malie-innovacionnie-predpriyatiya>

В редакцию материал поступил 08.11.13

© Р. А. Набиев, Зверев В. В., 2013

Информация об авторах

Набиев Рамазан Абдулмуминович, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономика бизнеса и финансы», Астраханский государственный технический университет

Адрес: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; тел.: (8512)61-43-00

E-mail: nabiev56@list.ru

Зверев Владимир Владимирович, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление предприятием», Астраханский государственный технический университет

Адрес: 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; тел.: (8512)61-43-00

E-mail: jmr@mail.ru

Как цитировать статью: Набиев Р. А., Зверев В. В. Практика совершенствования финансового обеспечения высшего профессионального образования в условиях реформирования высшего образования в Астраханской области // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 179–185.

R. A. NABIYEV,

doctor of economics, professor

V. V. ZVEREV,

PhD (Economics)

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

PRACTICE OF IMPROVING THE FINANCIAL PROVISION FOR HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION UNDER REFORMING HIGHER EDUCATION IN ASTRAKHAN OBLAST

Objective: to determine ways to improve the financial security of higher professional education (hereinafter - HPE) in conditions of its reforming.

Methods: statistical, analytical and abstract-logical.

Results: basing on the analysis of financial instruments used by institutions to maintain educational services on a high level, the authors proved the greatest prospects of innovative and entrepreneurial activities as a stable way of earning funds; proposed the ways of solving the major problems in the activity of small innovative enterprises at universities.

Scientific novelty: scientifically justified measures to increase the efficiency of activity of small innovative enterprises by improving the innovation infrastructure of the region.

Practical value: proposals are elaborated on the improvement of innovation infrastructure of small innovative enterprises on the basis of creation of the Association of small innovative enterprises at the Federal Agency for science and innovations, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, directed on the coordination of certain small innovative enterprises and allowing to achieve a synergetic effect.

Key words: higher professional education; financial instruments; small innovative enterprises at higher educational institutions.

References

1. Arykbaev, R. K., Nabiev, R. A. Povyshenie effektivnosti gosudarstvennykh raskhodov. Perekhod k sisteme byudzhetrovaniya, orientirovannogo na rezul'tat (Increasing the efficiency of state expenditures. Transition to the system of result-aimed budgeting), *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2007, No. 3, pp. 179–185.

2. *Innovatsionnaya deyatel'nost'* (Innovative activity), available at: <http://agma.astranet.ru/?cid=633>

3. *Malye innovatsionnye predpriyatiya* (Small innovative enterprises), available at: <http://www.astu.org/pages/show/162-Malie-innovacionnie-predpriyatiya>

Information about the author

Nabiev Ramazan Abdulumminovich, doctor of economics, professor of the chair “Economics of business and finance”, Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatishcheva Str., 414056, Astrakhan, tel.: (8512)61-43-00

E-mail: nabiev56@list.ru

Zverev Vladimir Vladimirovich, PhD (Economics), associate professor of the chair “Economics and Management of an Enterprise”, Astrakhan State Technical University

Address: 16 Tatishcheva Str., 414056, Astrakhan, tel.: (8512)61-43-00

E-mail: jmr@mail.ru

How to cite the article: Nabiev R. A., Zverev V. V. Practice of improving the financial provision for higher professional education under reforming higher education in Astrakhan oblast, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 179–185.

УДК 338.45:664

А. И. ОРЛОВА,

аспирант

Нижегородский инженерно-экономический институт, г. Нижний Новгород, Россия

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНЦИИ СРЕДИ ПРЕДПРИЯТИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Цель: определение и обоснование проблем развития конкуренции среди предприятий общественного питания на территории Нижегородской области, определение факторов, влияющих на развитие конкурентоспособности предприятий общественного питания и путей ее развития.

Методы: анализа, синтеза, обобщения и статистической метод.

Результаты: на основе проведенного анализа определена направленность развития конкуренции; выявлены проблемы формирования конкуренции на территории области; предложены рекомендации по совершенствованию конкурентных отношений в системе общественного питания.

Научная новизна: выявлены объективные основы формирования конкурентных отношений на территории Нижегородской области, исследована необходимость модификаций в структуре конкуренции в направлении общественного питания; определена роль государственного аппарата в развитии конкурентоспособности области.

Практическая значимость: рекомендуемые направления развития конкурентных отношений в Нижегородском регионе могут иметь важнейшее значение для развития рыночной экономики Приволжского федерального округа и России в целом.

Ключевые слова: общественное питание; конкуренция; развитие отрасли; конкурентная среда общественного питания.

Введение

В настоящее время проблема развития конкуренции является ключевой в развитии общественного питания как на территории Российской Федерации, так в частности и в Нижегородской области. Для развития рыночной экономики необходимо совершенствовать конкурентные отношения в системе общественного питания.

Территорию, на которой расположена Нижегородская область, по праву можно считать выигрышной для формирования здесь крупного промышленного, научного, торгового и научного центра России. Регион расположен в центральной части нашей страны, в месте слияния двух больших рек – Волги и Оки, на пересечении мощных транспортных потоков – авиаперевозки, железнодорожный, водный транспорт, автомагистральные пути сообщения.

Нижегородская область, несмотря на свое конкурентоспособное расположение, практически не имеет месторождений природных полезных ископаемых. Поэтому, основу экономического благосостояния региона составляют обрабатывающие предприятия, занимающие 90 % всего индустриального производства.

Нижегородская область находится на первом месте в Приволжском федеральном округе по количеству продукции, выпускаемой обрабатывающими и перерабатывающими предприятиями и занимает 5-е место в России в целом.

Правительство Нижегородской области уже несколько лет проводит работу над повышением конкурентоспособности региона на основе Стратегии развития Нижегородской области до 2020 г., утвержденной Постановлением Правительства Нижегородской области № 127 от 17 апреля 2006 г. [1].

Результаты исследования

В качестве важнейших направлений развития динамично растущей экономики в Нижегородской области правительство выделяет:

- получение значительного уровня продуктивности предприятий и степени их модернизации;
- формирование комфортных условий для развития бизнеса в регионе;
- формирование инвестиционной привлекательности территории для образования новых предприятий в приоритетных секторах экономики.

Исходя из обозначенных направлений, можно отметить, что деятельность правительства Нижегородской области сосредоточена на формировании и стимулировании в регионе выработанной конкурентной среды.

Одним из направлений формирования конкуренции в Нижегородской области является организация крупнейшего в России центра производства и дистрибуции продукции и услуг массового спроса. Реализация этого направления предусматривает:

- развитие отраслей, специализирующихся на производстве товаров общественного спроса (в том числе пищевой, легкой промышленности);
- развитие сетей реализации производимой продукции и услуг;
- развитие сырьевой базы для снабжения предприятий области;
- развитие транспортно-логистического комплекса.

Главной проблемой развития конкуренции как на территории России, так и на территории Нижегородской области являются административные барьеры, снижающие стремление и стимулы входа на промышленные рынки новых участников, увеличивающие непроизводительные издержки и формирующие условия для коррупции.

К таким административным барьерам в Российской Федерации можно отнести:

- усложненный характер проведения управленческих процедур работниками властных, проверяющих и контролирующих структур;
- большое количество инстанций при входе на рынок;
- затрудненный доступ к информации;
- общее негативное отношение к предпринимателям.

В свою очередь, Нижегородская область не является исключением, и отдельные случаи нарушений в сфере предпринимательской деятельности в регионе также существуют.

Поэтому эффективное противодействие ограничению, устранению или недопущению конкуренции является одной из основных задач деятельности правительства Нижегородской области.

Конкуренция в сфере общественного питания является сильной на фоне ухудшения спроса и

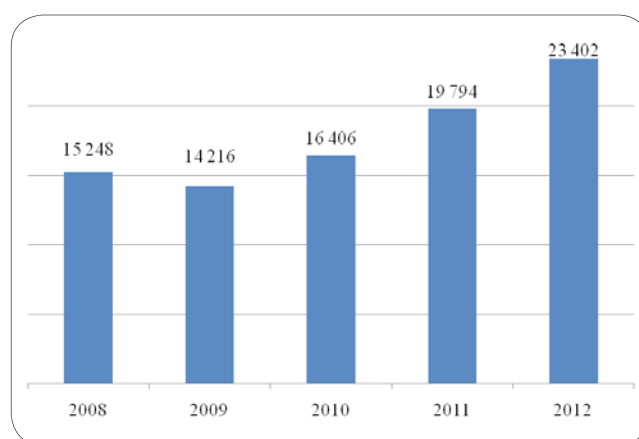
общего развития экономической обстановки в регионе и отрасли. Методами борьбы в настоящий момент являются ценовые методы.

Вероятность вхождения новых предприятий общественного питания на экономический рынок Нижегородского региона довольно мала, что соответствует общей негативной тенденции, выявленной ранее в части падения прибыли и ликвидации многих предприятий.

На экономическое развитие общественного питания в Нижегородской области и развитие конкурентоспособности отрасли влияют следующие факторы:

- интенсивное давление со стороны поставщиков сырья и полуфабрикатов в результате роста тарифов, отраженных в их косвенных затратах и переложенных на конечную цену предлагаемых услуг и товаров (повышение цен на горюче-смазочные материалы, аренду помещений, оборудования, рост уровня жилищно-коммунальных тарифов и др.);
- высокое давление со стороны потребителей в результате их достаточной информированности о стоимостях на предоставляемые услуги и выпускаемую продукцию.

Несмотря на низкое формирование конкуренции в сфере предприятий массового питания, оборот общественного питания увеличился с начала 2008 г. на конец 2012 г. на 2559 млн руб. (см. рис. ниже).

Оборот общественного питания на душу населения по Нижегородской области 2008–2012 гг. (млн руб.) [2]

В настоящее время Федеральной службой государственной статистики [2], в том числе и

органом Федеральной службы государственной статистики по Нижегородской области [3] сфера общественного питания отдельно не выделяется, а рассматривается вместе с розничной торговлей или гостиничным бизнесом (см. табл. ниже). Это приводит к затруднениям при проведении мониторинга вопросов и показателей отрасли. Вследствие этого анализ состояния отрасли относительный.

Удельный вес оборота розничной торговли продуктами питания Нижегородской области в общем объеме оборота розничной торговли

Год	Оборот общественного питания на душу населения, млн руб.	Удельный вес оборота общественного питания в общем объеме оборота розничной торговли, %
2008	15 248	17,1
2009	14 216	15,9
2010	16 406	18,4
2011	19 794	22,2
2012	23 402	26,3

Данная таблица показывает, что удельный вес оборота общественного питания на территории Нижегородской области на душу населения с 2010 по 2012 гг. увеличился на 2160 млн руб., но, несмотря на это, удельный вес оборота продуктов питания в общем объеме оборота розничной торговли снизился на 2,2 %.

Существенными основаниями модификаций в структуре конкуренции в направлении общественного питания являются:

– изменение долгосрочных экономических тенденций отрасли (необходимость функционирования на снижающемся спросе);

– изменения в составе потребителей (продолжающееся расслоение общества, снижение уровня доходов);

– изменения в законодательстве (экспертами отмечаются негативные последствия в связи с принятием Федерального закона РФ № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности» от 28 декабря 2009 г., в том числе увеличение страховых взносов с 26 до 34 % с 1.01.2011).

Каждая перечисленная причина почти одинаково существенна в своем воздействии на сферу

общественного питания, но все-таки основная причина заключается в видоизменении долгосрочных экономических тенденций в отрасли, поскольку именно она диктует изменения в конкуренции среди предприятий общественного питания отрасли.

Для формирования конкурентоспособности Нижегородской области правительством была организована «Стратегия развития Нижегородской области до 2020 г.», в которую включено представление о будущем региона, долгосрочные цели правительства, а также приоритеты, на которые оно будет устремлять свои стремления и ресурсы.

Согласно этой Стратегии, основной целью правительства Нижегородской области является рост величины благосостояния жителей. Улучшение качества жизни можно достичь при помощи результативной и сбалансированной экономики, создания комфортных условий для жизни, а также качества работы исполнительной власти. Приоритетные сектора экономики, на улучшение которых правительство области должно направить свои стремления и ресурсы, определены на основе двух групп показателей: привлекательность сектора общественного питания, а также наличие на территории Нижегородской области предпосылок и необходимых условий для его успешного развития.

Методы конкурентной борьбы можно разделить на две группы – ценовые и неценовые. Ценовые методы основаны на ценах реализуемой продукции и услуг, неценовые – на качестве предлагаемой продукции и услуг.

Ценовая конкуренция берет свое начало со времен свободных рыночных отношений и соперничества, когда товары одного вида были предложены потребителям по самым различным ценам.

Для завоевания доли рынка промышленники и торговцы снижали цены на товар, привлекая тем самым внимание потребителей.

В настоящее время ценовые методы борьбы не актуальны, так как приводят к снижению прибыли предприятий, их финансового состояния и даже к разорению. Потребитель все чаще предпочитает приобретать качественную продукцию и услуги, несмотря на их стоимость, что выводит неценовые методы конкуренции на передний план.

На современном рынке «ценовая война» не исключена полностью, она существует, но проявляется зачастую в скрытой форме. В открытой форме ценовая конкуренция может быть только до момента снижения резервов себестоимости продукции. В последнее время она используется в основном в следующих случаях:

1) когда у фирм-аутсайдеров нет ни сил, ни возможностей, но они соперничают с монополиями в области неценовой конкуренции;

2) при введении на рынки новых товаров.

Скрытые ценовые методы конкуренции предполагают введение на рынки новых товаров с более привлекательными потребительскими свойствами с незначительным увеличением цены на них.

Неценовые методы конкуренции предполагают производство продукции и услуг более высокого качества и эстетических свойств с низкой стоимостью для потребителя. К этим методам можно отнести все маркетинговые методы управления предприятием.

В последнее время все чаще наблюдается использование противозаконных методов неценовой конкуренции, таких как шпионаж в сфере производства, переманивание специалистов из других фирм, владеющих секретами производства, выпуск поддельной продукции, внешне ничем не отличающейся от подлинной, но значительно отличающейся по качеству, соответственно, с более низкой ценой.

Выводы

К рекомендациям по совершенствованию конкурентных отношений в системе общественного питания можно предложить следующие направления:

1) обучение персонала работе в современных рыночных условиях;

2) усиление сотрудничества предприятий общественного питания на основе партнерских отношений;

3) поиск альтернативных источников снабжения сырьем;

4) замена устаревшего оборудования на более современное;

5) обновление интерьеров торговых залов;

6) проведение различных выставок, дегустаций, рекламных мероприятий;

7) развитие системы предприятий быстрого питания, таких как «Бистро», «Русские пельмени» и др.

Список литературы

1. Программа «Развитие конкуренции на территории Нижегородской области на 2010–2012 гг.». – URL: <http://www.nnovgorod-city.ru/>

2. Федеральная служба государственной статистики по Нижегородской области. – URL: <http://www.nizstat.sinn.ru/news/default.aspx>

3. Котельникова А. В. О конкурентоспособности предприятий общественного питания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 39. – С. 123–125.

4. Максимова М. А., Зыбин О. С. Развитие рынка предприятий общественного питания в Санкт-Петербурге в условиях повышенной конкуренции // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2011. – № 15. – С. 97–100.

В редакцию материал поступил 09.10.13

© Орлова А. И., 2013

Информация об авторе

Орлова Анна Ильинична, аспирант кафедры экономики и статистики, Нижегородский инженерно-экономический институт

Адрес: 606340, Нижегородская область, г. Княгинино, ул. Октябрьская, 22

E-mail: annasamurina@mail.ru

Как цитировать статью: Орлова А. И. Развитие конкуренции среди предприятий общественного питания на территории Нижегородской области // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 186–190.

A. I. ORLOVA,

post-graduate student

Nizhniy Novgorod State Institute for Engineering and Economics, Nizhniy Novgorod, Russia

**DEVELOPMENT OF COMPETITION BETWEEN CATERING ENTERPRISES
IN NIZHEGORODSKAYA OBLAST**

Objective: to define and ground the issues of competition development between catering enterprises in Nizhegorodskaya oblast, to define the factors influencing the development of competitive catering enterprises and ways of its enhancing.

Methods: analysis, synthesis, summarizing and statistical method.

Results: basing on the carried out analysis, the vector of competitiveness is defined; problems of forming competitiveness in the region are revealed; recommendations for improving competitive relations in catering are given.

Scientific novelty: objective bases of forming competitive relations in Nizhegorodskaya oblast are revealed; necessity to modify the structure of competition in catering is researched; the role of state apparatus in development of competitiveness in Nizhegorodskaya oblast is defined.

Practical value: the recommended directions of competition development in Nizhegorodskaya oblast can be significant value for the development of market economy in Volga Federal district and the whole Russia.

Key words: catering; competition; sector development; competitive environment in catering.

References

1. *Programma "Razvitie konkurentsii na territorii Nizhegorodskoi oblasti na 2010–2012 gg."* (Program "Development of competitiveness in Nizhegorodskaya oblast for 2010-2012"), available at: <http://www.nnovgorod-city.ru/>

2. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki po Nizhegorodskoi oblasti* (On competitiveness in catering), available at: <http://www.nizstat.sinn.ru/news/default.aspx>

3. Kotel'nikova, A. V. O konkurentosposobnosti predpriyatii obshchestvennogo pitaniya (On competitiveness in catering), *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2007, No. 39, pp. 123–125.

4. Maksimova, M. A., Zybin, O. S. Razvitie rynka predpriyatii obshchestvennogo pitaniya v Sankt-Peterburge v usloviyakh povyshennoi konkurentsii (Development of the market of catering enterprises in Saint Petersburg under increased competition), *Tekhniko-tekhnologicheskie problemy servisa*, 2011, No. 15, pp. 97–100.

Information about the author

Orlova Anna Il'ichna, post-graduate student of the chair of economics and statistics, Nizhniy Novgorod State Institute for Engineering and Economics

Address: 22 Oktyabr'skaya Str., 606340, Nizhegorodskaya oblast, Knyaginino

E-mail: annasamurina@mail.ru

How to cite the article: Orlova A. I. Development of competition between catering enterprises in Nizhegorodskaya oblast, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 186–190.

© Orlova A. I., 2013

УДК 338.46:61

А. Л. ФАЙЗХАНОВА,
старший преподаватель

*Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань),
г. Набережные Челны, Россия*

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПРЕИМУЩЕСТВ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ОСНОВЕ ПРОГРАММЫ ЛОЯЛЬНОСТИ

Цель: выявить группы лояльности потребителей к наиболее известным медицинским учреждениям и разработать программу лояльности внутренних и внешних потребителей лечебно-профилактического учреждения.

Методы исследования: маркетинговое исследование на основе выборочного личного опроса и количественного анализа собранной первичной информации.

Результаты: выявлены группы лояльности к наиболее известным медицинским учреждениям и определено, что доля лояльных потребителей, относящихся к группе «промоутеры» недостаточна высока, а велика доля пациентов, относящихся к группам «нейтралы» и «критики». Данные легли в основу разработки программы лояльности.

Научная новизна: впервые выявлены факторы лояльности и определен уровень лояльности потребителей к наиболее известным частным лечебно-профилактическим учреждениям; разработана Программа лояльности потребителей к лечебно-профилактическому учреждению.

Практическая значимость: использование лечебно-профилактическими учреждениями программы повышения лояльности потребителей приведет к увеличению числа лояльных клиентов и увеличению прибыли.

Ключевые слова: конкурентные преимущества; лояльность потребителей; лояльность персонала; факторы лояльности; качество; доверие.

Введение

Частные лечебно-профилактические учреждения, имея конкурентные преимущества и встречаясь с определенной инертностью клиентов, вынуждены уделять значительное внимание продвижению своих услуг на рынок и достижению большей узнаваемости. Наиболее результативным способом продвижения частных медицинских услуг является передача информации «из уст в уста», когда клиент, получив удовлетворение от оказанной услуги, сам становится носителем рекламы. Отсюда следует вывод, что повышение уровня лояльности клиентов является одним из резервов наращивания конкурентных преимуществ.

Понятие «лояльность» (от англ. *loyalty*) пришло в нашу страну с Запада. Многие ученые и практики маркетинга начали уделять этому понятию пристальное внимание с начала 1980-х гг. Само понятие достаточно многогранно. Ф. Райхельд трактует его как качество, присущее пользователю ценности (товара, услуги), из раза в раз возвращающемуся к своему источнику и передающему данный источник по наследству;

лояльность – это преданность своему источнику ценностей. По мнению Райхельда, успех в бизнесе и в жизни зависит от того, улучшает компания жизнь людей или ухудшает [1].

По отношению к конкурентным преимуществам лояльность также имеет двойную сущность. С одной стороны, лояльность потребителей является следствием конкурентных преимуществ лечебно-профилактического учреждения, способного предоставить качественные услуги на основе современной техники и оборудования и внимательного отношения к клиентам, а с другой стороны, наличие лояльных групп (внутренних и внешних) является капиталом, конкурентным преимуществом конкретного учреждения, усиливающим успех учреждения на рынке.

Лояльный клиент на рынке медицинских услуг полностью удовлетворен получаемыми услугами, не меняет поставщика и рекомендует его своему близкому окружению. В свою очередь наличие лояльной клиентской базы служит основой для устойчивого положения компании на рынке. Лояльные потребители не только создают спрос на услуги медицинского учреждения, но

и формируют общественное мнение и имидж медицинского учреждения. Лояльность означает желание клиентов получать услуги именно в этом медицинском центре.

Основой формирования лояльности становится позитивный опыт, который получает пациент в медицинском учреждении, а также совокупность определенных действий для создания обширной базы лояльных клиентов. Важное значение приобретает уровень обслуживания и положительные эмоции потребителей от контакта с организацией. Многие исследователи доказывают, что основную прибыль приносят лояльные потребители, и их удержание обходится фирме намного дешевле, чем привлечение новых [2]. Если компания нацелена на конечный результат, она предпринимает усилия по увеличению количества лояльных потребителей.

Результаты исследования

Для измерения уровня лояльности к наиболее известным частным медицинским центрам на локальном рынке Набережных Челнов в июне 2012 г. было проведено исследование методом выборочного личного интервью по формализованной анкете и опрошены 292 потребителя услуг в трех

наиболее известных частных медицинских учреждениях. Структура выборки – 67 % женщин и 33 % мужчин. Среди респондентов были люди разного возраста, социального статуса, уровня дохода.

Для оценки лояльности потребителей к медицинским учреждениям применялась методика по вычислению индекса чистой поддержки (Net Promoter Score), предложенная Ф. Райхельдом в 2003 г., которая позволяет выявить, насколько фирма преуспела в выстраивании взаимоотношений с клиентами [3].

В результате проведенного анализа выявлены группы лояльности к наиболее известным частным медицинским учреждениям (рис. 1).

Как видно из рис. 1, у анализируемых нами лечебно-профилактических учреждений уровень лояльных потребителей, относящихся к группе «промоутеры», недостаточно высокий (согласно методике по вычислению индекса чистой поддержки уровень должен быть не ниже 80 %). Велика доля посетителей, относящихся к группам «нейтралы», которые являются потенциалом для перевода в группу «промоутеров». Негативным моментом является наличие потребителей, неудовлетворенных услугами и вошедших в группу «критики». Их доля, в зависимости от учреждения,

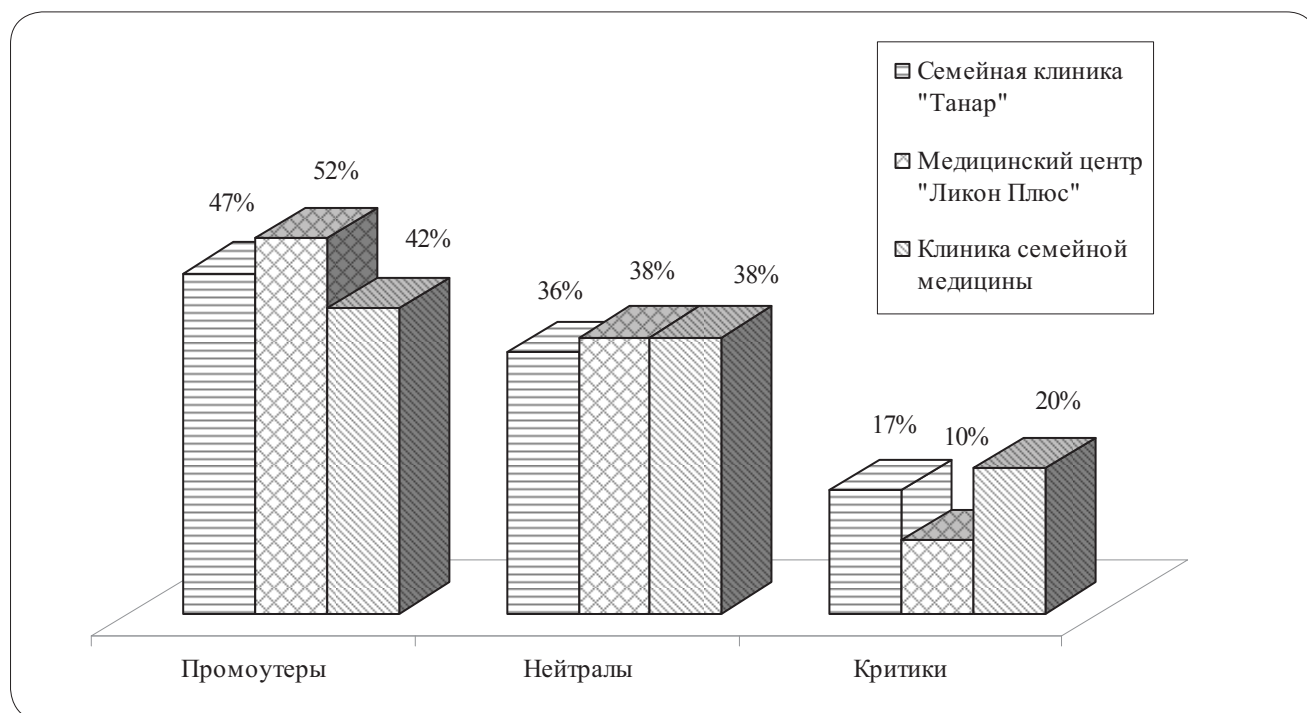

Рис. 1. Соотношение групп лояльности клиентов к трем наиболее известным медицинским учреждениям, %

колеблется от 10 до 20 %. Средняя сумма чека потребителей, обратившихся в лечебно-профилактические учреждения, составляет 3000 руб. Зависимости средней суммы чека от уровня лояльности клиентов, которые попали в группы «промоутеров» и «нейтралов», выявлено не было. Но при этом средняя сумма чека в группе «критики» была в два-три раза ниже, чем в двух других. Отсюда следует закономерный вывод, что повышение уровня лояльности клиентов является одним из резервов наращивания конкурентных преимуществ лечебно-профилактических учреждений. Показатель индекса NPS представлен в табл. 1.

Таблица 1

Индекс NPS наиболее известных медицинских учреждений, %*

Наименование учреждения	Промоутеры	Нейтралы	Критики	Индекс NPS (2–4)
СК «Танар»	47	36	17	30
МЦ «ЛИКОН ПЛЮС»	52	38	10	42
КСМ	42	38	20	22

* Источник: составлено автором.

Из табл. 1 видно, что индекс NPS выше у МЦ «ЛИКОН ПЛЮС» по сравнению с другими частными медицинскими учреждениями. По мнению автора, это объясняется следующими причинами. Этот медицинский центр появился на рынке Набережных Челнов одним из первых, в 1992 г. В МЦ «ЛИКОН ПЛЮС» представлен широкий спектр услуг; оснащение современным диагностическим оборудованием является его конкурентным преимуществом. В медицинском центре есть дневной стационар, который позволяет клиентам получать лечение, что особенно актуально для иногородних пациентов. В центре создана особая эмоциональная атмосфера, наличие которой подтверждается мнением потребителей и сотрудников. Хотя у респондентов нет однозначных ассоциаций, связанных с МЦ «ЛИКОН ПЛЮС», в основном они позитивные, что говорит о хорошем отношении потребителей к МЦ «ЛИКОН ПЛЮС». У этого центра нет неудовлетворенных потребителей, что также подтверждает полученный результат. Одним словом, можно сказать, что МЦ «ЛИКОН ПЛЮС» имеет стабильное положение на рынке медицинских услуг, обладая множеством конку-

рентных преимуществ для удержания пациентов и дальнейшего завоевания позиций на рынке.

Одним из важных факторов, влияющих на формирование лояльности клиентов, являются, по мнению С. О. Пашутина, лояльные сотрудники. Лояльность персонала – это искреннее уважительное отношение сотрудников компании друг к другу и к компании в целом, т. е. к действиям ее руководства; понимание и верность общему делу, а также взаимное соблюдение правил и обязательств между интересами работодателя и наемного персонала [4, с. 58].

Большинство людей предпочитают работать в крупных стабильных компаниях, пользующихся уважением общественности. Показателем низкой лояльности персонала является высокая текучесть кадров. Для выстраивания партнерских отношений в компании необходимо создать особую корпоративную культуру, погружать в нее новых сотрудников, что, в свою очередь, нацелит работников на выполнение миссии организации на рынке услуг.

На втором этапе исследовалась лояльность персонала по отношению к организации. В выборку вошли 20 сотрудников Семейной клиники «ТАНАР» (3 мужчин и 17 женщин), 27 сотрудников МЦ «ЛИКОН ПЛЮС» (10 мужчин и 17 женщин), 18 сотрудников Клиники семейной медицины (4 мужчин, 14 женщин). Среди опрошенных были врачи и средний медицинский персонал, так как именно эти категории вступают в непосредственный контакт с пациентами. Опрос проводился при помощи анкеты.

Возрастной состав опрошенного персонала лечебно-профилактических учреждений представлен в табл. 2.

Таблица 2

Возрастной состав опрошенного персонала лечебно-профилактических учреждений*

Возраст	Представленность в лечебных учреждениях, %		
	СК «Танар»	МЦ «ЛИКОН ПЛЮС»	КСМ
от 18 до 24 лет	10	4	5
от 25 до 34 лет	25	22	23
от 35 до 44 лет	30	26	28
от 45 до 54 лет	25	30	26
от 55 до 64 лет	10	15	18
от 65 лет	–	3	–

* Источник: составлено автором.

Врачебный персонал представлен различными возрастными категориями, при этом в МЦ «ЛИКОН ПЛЮС» есть специалисты, которым уже больше 65 лет. С одной стороны, это люди с большим жизненным опытом, с другой – в этом возрасте мало кто с оптимизмом воспринимает различные инновации.

В следующей таблице представлена информация о времени работы сотрудников в конкретном учреждении (табл. 3).

Таблица 3

**Продолжительность работы персонала
в медицинском учреждении***

Время работы	Продолжительность работы, %		
	СК «Танар»	МЦ «ЛИКОН ПЛЮС»	КСМ
менее 1 года	15	18,5	16
от 1 года до 3 лет	30	18,5	37
от 3 до 5 лет	25	22	24
от 5 лет	30	41	23

* *Источник:* составлено автором.

Как видно из табл. 3, самое большое количество сотрудников, которые работают в медицинском учреждении более пяти лет, в МЦ «ЛИКОН ПЛЮС».

Оценка факторов по десятибалльной шкале, значимых для удовлетворенности сотрудников работой в медицинских учреждениях, показана в табл. 4.

Таблица 4

Сводная оценка факторов удовлетворенности сотрудников в разрезе значимости и присутствия*

Фактор удовлетворенности	Значимость	Присутствие
Социально-психологический климат в коллективе	7,33	6,37
Создание необходимых условий для работы	6,72	6,73
Эффективная система отношений руководства и персонала	8,06	7,21
Наличие материальных вознаграждений	5,83	4,95
Сплоченность коллектива	5,05	4,36
Наличие социального пакета	5,21	5,68
Возможность повышения квалификации	4,71	4,56
Чувство гордости за успехи компании	4,53	6,05
Забота о здоровье персонала	3,83	3,47
Помощь в решении личных проблем работников	3,51	4,47

* *Источник:* составлено автором.

Как видно из табл. 4, оценка значимости и присутствия этого фактора практически совпадают только по двум пунктам: «Создание необходимых условий для работы» и «Возможность повышения квалификации». По всем остальным факторам оценки разнятся. Важность оценивается выше присутствия по следующим факторам: социально-психологический климат в коллективе, эффективная система отношений руководства и персонала, наличие материальных вознаграждений, сплоченность коллектива, забота о здоровье персонала. Эти моменты являются поводом для пересмотра руководством компании своего менеджмента. Но стоит отметить, что некоторые факторы оценены выше по присутствию, а именно: по наличию социального пакета, чувства гордости за успехи компании, помощи в решении личных проблем работников.

В рейтинге важности факторов удовлетворенности сотрудников на первом месте стоит не удовлетворенность за счет материальных выгод, а эффективная система отношений между руководством и персоналом. Работники ценят в своих руководителях последовательность, умение четко поставить задачу и оценить качество ее выполнения, готовность выразить благодарность, а не только порицание. Важно, чтобы каждый сотрудник чувствовал свою значимость для руководства, имел представление о целях деятельности компании. На второе место сотрудники поставили социально-психологический климат в коллективе, т. е. для них важным является атмосфера в коллективе, состояние уверенности в своей причастности к этому коллективу, чувство доверия к своим коллегам и т. д. На третьем месте – важность работать в комфортных условиях.

Большинство опрошенных сотрудников советуют своим родственникам, друзьям и знакомым обращаться за получением медицинских услуг в свои медицинские центры, что говорит о высокой лояльности персонала компаний.

Выводы

Полученные в результате исследования данные позволили разработать Программу лояльности как одного из факторов конкурентных преимуществ учреждения. Структура программы лояльности представлена на разработанной нами схеме (рис. 2).

Рис. 2. Структура программы лояльности

Как видно из вышеприведенного рисунка, программа начинается с блока 1, в котором определяется целевая установка программы лояльности. Целевая установка задается учредителем лечебно-профилактического учреждения. Целевая установка программы лояльности заключается в том, чтобы клиент стал абсолютно лояльным, а именно: обращался только в данное лечебно-профилактическое учреждение, был готов распространять позитивную информацию об учреждении и советовал его своему окружению, реагировал на все акции учреждения, понимал интересы учреждения и вносил предложения по совершенствованию его деятельности.

Блок 2 определяет факторы лояльности. Совокупность факторов, формирующих лояльность, выявленных автором в результате опроса потребителей, представлена на рис. 3.

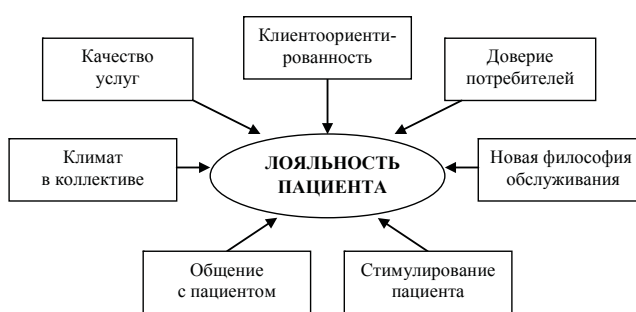

Рис. 3. Факторы, формирующие лояльность потребителей медицинских услуг

Клиентоориентированность. От внимательности, благожелательности, профессионализма и оптимизма, а также других подобных качеств зависит положительный результат услуги.

Доверие потребителей. Доверие пациента к конкретному врачу и к учреждению в целом является

ся источником притока пациентов в учреждение, т. е. одним из слагаемых конкурентных преимуществ.

Новая философия обслуживания. Достаточно часто медицина лечит не саму болезнь, а ее симптомы. Задача современной медицины – искать причину возникновения заболевания, а не ее следствие – болезнь.

Качество услуг. Качество предоставления услуги побуждает пациента быть источником позитивной информации о лечебно-профилактическом учреждении.

Стимулирование пациента. Для повышения лояльности клиентов рекомендуется использовать методы материального и нематериального стимулирования.

Общение с пациентом. Потребности человека в общении реализуются с помощью клуба лояльных потребителей.

Климат в коллективе. Внутренняя среда медицинского учреждения создает климат, который невербально передается во внешнюю среду. При решении кадрового вопроса сотрудники подбираются не только по профессиональным качествам, но и по человеческим: насколько они готовы лояльно относиться к клиентам, коммуникабельны и способны стать членами команды.

Блок 3 рис. 2 – формирование лояльности внешних потребителей (пациентов) включает последовательность следующих этапов:

- определение уровня лояльности клиентов;
- исследование желаний и удовлетворенности потребителей;
- создание информационной базы для повышения лояльности.

Блок 4 рис. 2 – формирование лояльности внутренних потребителей (сотрудников) происходит за счет следующих мероприятий:

- создание особого социально-психологического климата в коллективе;
- обеспечение возможности повышения профессионального уровня работников: стажировки, курсы переподготовки и повышения квалификации, участие в семинарах, конференциях по актуальным методам диагностики и техникам лечения;
- формирование внутри организации новой философии, где интересы клиентов находятся на первом месте. Совокупность действий, предусмотренных в блоках 1, 2, 3, 4 (рис. 2), формирует документально-оформленную, выверенную, со-

гласованную с ведущими работниками и утвержденную руководством учреждения «Программу повышения лояльности потребителей».

Общий методический подход к формированию «Программы повышения лояльности потребителей» апробирован в конкретном частном лечебно-профилактическом учреждении ООО «Семейная клиника «Танар» в Набережных Челнах. Это значительно повысило процент лояльных клиентов. До внедрения этой Программы процент лояльных потребителей, относящихся к группе «Промоутеры» составлял 47 %, после внедрения – 59 %. Результаты внедрения приведены на диаграмме (рис. 4).

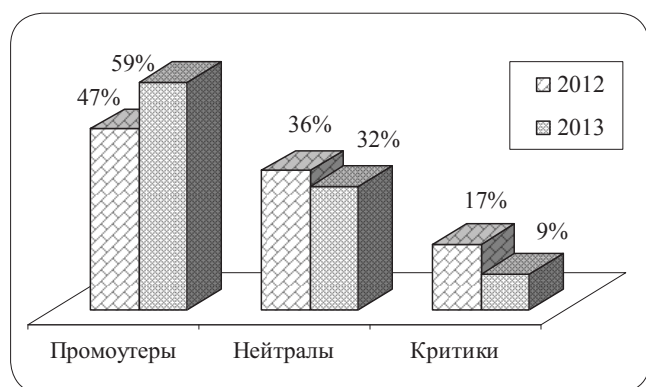

Рис. 4. Результаты внедрения «Программы повышения лояльности потребителей» в ООО «Семейная клиника «Танар»

Диаграмма наглядно показывает не только процент увеличения лояльных потребителей, но и уменьшение доли «критиков». Их доля снизилась с 17 до 9 %.

Выводы

Как определено выше, лояльность потребителей является одним из факторов конкурентных преимуществ, влияющих на приток пациентов в учреждение. Положительный корпоративный настрой, ориентация на максимальное удовлетворение запросов потребителей, инновационное лечение как относительно самостоятельные программы трансплантированы в программу лояльности [5]. Позитивный настрой персонала учреждения, стремление предоставить населению наиболее качественные медицинские услуги положительно влияют на конкурентные преимущества одного учреждения по сравнению с другими, что проявляется в увеличении притока клиентов.

Список литературы

1. Райхельд Ф., Тил Т. Эффект лояльности: движущие силы экономического роста, прибыли и непреходящей ценности. – М.: Вильямс, 2005. – 329 с.
2. Голубкова Е. Н. Управление удержанием потребителей // Маркетинг в России и за рубежом. – 2011. – № 1. – С. 39–46.
3. Райхельд Ф., Марки Р. Искренняя лояльность. Ключ к завоеванию клиентов на всю жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 250 с.
4. Пашутин С. О лояльных сотрудниках // Управление персоналом: Бизнес. Идеи. Решения. Технологии. Процессы. – 2008. – № 14. – С. 58–61.
5. Демченко С. Г., Файзханова А. Л. В конкурентной борьбе муниципальные медицинские учреждения проигрывают частным // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 3 (27). – С. 89–96.

В редакцию материал поступил 22.10.13

© А. Л. Файзханова, 2013

Информация об авторе

Файзханова Альфия Левовна, старший преподаватель кафедры маркетинга и экономики, Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 423822, г. Набережные Челны, пр. Московский, 67

Как цитировать статью: Файзханова А. Л. Развитие конкурентных преимуществ лечебно-профилактических учреждений на основе программы лояльности // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 191–197.

A. L. FAIZKHANOVA,

senior lecturer

Naberezhniye Chelny branch of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Naberezhniye Chelny, Russia

**DEVELOPING THE COMPETITIVE ADVANTAGES OF CURING-PREVENTION ESTABLISHMENTS
BASING ON THE LOYALTY PROGRAM**

Objective: to reveal the groups of customer loyalty to the most famous medical establishments and to elaborate the program of internal and external customers' loyalty of a curing-prevention establishment.

Methods: marketing research based on selective personal polls and quantitative analysis of the primary information.

Results: the groups of customer loyalty to the most famous medical establishments are revealed; it is stated that the share of loyal customers in "promoters" group is not sufficiently large, while the share of patients in groups "neutral" and "critics" is large. The data served as the basis for elaborating loyalty program.

Scientific novelty: for the first time the loyalty factors are revealed and the level of customer loyalty to the most famous private medical establishments is determined; the Program of customers' loyalty of a curing-prevention establishment is elaborated.

Practical value: using the program of customers' loyalty by a curing-prevention establishment will increase the number of loyal customers and the amount of profit.

Key words: competitive advantages; customers' loyalty; personnel loyalty; loyalty factors; quality; trust.

References

1. Raikhel'd, F., Til, T. *Effekt loyal'nosti: dvizhushchie sily ekonomicheskogo rosta, pribyli i neprekhdnyashchei tsennosti* (Loyalty effect: wheel of economic growth, profit and enduring values). Moscow: Vil'yams, 2005, 329 p.
2. Golubkova, E. N. Upravlenie uderzhaniam potrebitel' (Managing the customer holdover), *Marketing v Rossii i za rubezhom*, 2011, No. 1, pp. 39–46.
3. Raikhel'd, F., Marki, R. *Iskrennyaya loyal'nost'. Klyuch k zavoevaniyu klientov na vsyu zhizn'* (Sincere loyalty. Key to win clients for life). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013, 250 p.
4. Pashutin, S. O loyal'nykh sotrudnikakh (On the loyal staff), *Upravlenie personalom: Biznes. Idei. Resheniya. Tekhnologii. Protsessy*, 2008, No. 14, pp. 58–61.
5. Demchenko, S. G., Faizkhanova, A. L. V konkurentnoi bor'be munitsipal'nye meditsinskie uchrezhdeniya proigryvayut chastnym (Municipal medical establishments lose to the private ones in competitive struggle), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 3(27), pp. 89–96.

Information about the author

Faizkhanova Alfiya Levovna, senior lecturer of the chair of marketing and economics, Naberezhniye Chelny branch of the Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 67 Moskovskiy Avenue, 423822, Naberezhniye Chelny

How to cite the article: Faizkhanova A.L. Developing the competitive advantages of curing-prevention establishments basing on the loyalty program, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4(28), pp. 191–197.

© Faizkhanova A.L. , 2013

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 347:347.4:11

П. А. БАТАЙКИН,

кандидат юридических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

О СУЩНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ЕЕ ОТРАСЛЕВОЙ СПЕЦИФИКЕ

Цель: выявить сущность юридической конструкции в гражданском праве.

Методы: общеметодологическую основу составил общенаучный (диалектический) метод познания правовой действительности, позволивший рассмотреть проблематику юридических конструкций гражданско-правовой отрасли. В ходе исследования применялись такие частнонаучные методы познания, как формально-юридический, сравнительно-правовой, логический.

Результаты: путем анализа отраслевых особенностей юридической конструкции выявлена ее сущность в гражданском праве. На примере юридической конструкции договора раскрыты единство и дифференциация юридической конструкции гражданского права и конструкции иной отраслевой принадлежности.

Научная новизна: дано авторское определение юридической конструкции гражданского права, выявлены ее отраслевые признаки.

Практическая значимость: сформулированные в статье теоретические положения могут быть использованы в работе правотворческих органов при совершенствовании норм действующего законодательства; для проведения экспертиз нормативных правовых актов с целью выявления коллизий; в учебном процессе в рамках преподавания курсов «Гражданское право».

Ключевые слова: гражданское право; юридические конструкции; гражданско-правовые конструкции; гражданско-правовой договор.

Введение

В настоящее время термин «юридическая конструкция» получил широкое распространение в общетеоретической и отраслевой правовой науке. В то же время эта область исследования относится к числу недостаточно разработанных в отечественной юриспруденции, в том числе в цивилистике. Произошедшие в стране серьезные общественные, политические и экономические преобразования, выразившиеся в проводимой правовой реформе, закономерно придают юридическим конструкциям принципиально иной статус, поднимая их на уровень проблематики, непосредственно связанной с решением актуальных задач правового регулирования.

Результаты исследования

С этимологической точки зрения под конструкцией (от лат. *constructio*) понимается строение, устройство, взаимное расположение частей; сооружение сложного устройства, а также отдельные части, его составляющие; сочетание слов, рассматриваемое со стороны их грамматических связей [1, с. 92]; устройство, механизм, строение, составные части (элементы) которого находятся в некоем едином статическом и (или) динамическом взаимодействии [2, с. 629].

Прежде чем говорить о сущности юридической конструкции в целом и сущности юридической конструкции гражданского права в частности, следует раскрыть содержание термина «сущ-

ность». Философский энциклопедический словарь определяет сущность как смысл данной вещи, то, что она есть сама по себе, в отличие от всех других вещей и в отличие от изменчивых, под влиянием тех или иных обстоятельств, состояний вещи [3, с. 165]. По Э. Корету, сущность – внутренне конститутивный принцип конечного сущего, через ограничение и выделение его из иных содержаний бытия конституирующий его определенность [4, с. 254].

Сущность – это главное, основное в рассматриваемом объекте, а потому ее уяснение представляет особую ценность в процессе познания. Действительно, при исследовании сущности какого-либо правового явления речь идет обычно не столько о сущности, сколько о причинах возникновения этого явления и о его содержании. Категория сущности включает в себя такие качественные характеристики, без которых вообще нет того предмета, о содержании которого идет речь. Следовательно, сущность юридической конструкции – важнейшая внутренняя относительно устойчивая качественная черта, которая отражает не только природу, но и назначение ее в жизни общества.

Несомненно, при определении сущности юридической конструкции в целом и в частности в гражданском праве необходимо рассматривать ее в соотношении с иными смежными правовыми явлениями. Для создания целостности права, обеспечения возможности его объективного регулирования необходимы юридические конструкции. С помощью таких конструкций относительно самостоятельные социальные явления (нормы права) приобретают заверченный характер, способны существовать как структурный элемент института права [5, с. 113–117].

Таким образом, сущность юридической конструкции как в гражданском, так и в других отраслях права едина. Она заключается в том, что любая отраслевая конструкция выступает конкретным способом закрепления в соответствующем законодательстве разного рода правовых инструментов.

Гражданское право, составляя во всяком правовом порядке основу частного права, регулирует различные отношения граждан и их организаций, прежде всего, с учетом их частных интересов. Следовательно, юридическая конструкция в гражданском праве, в отличие от юридических

конструкций в публичном праве, предназначена для удовлетворения частных интересов.

В каждой отрасли права существуют устоявшиеся конструкции, модели, выраженные в нормах права. Это так называемые базовые юридические конструкции, определяющие отраслевую самостоятельность этих правовых образований.

Специфику юридической конструкции в определенной отрасли права можно показать через совокупность особых признаков, что составляет в данной области правовой действительности методику научного познания. Продемонстрировать особенность юридической конструкции в гражданском праве можно на примере такой важной для гражданского оборота конструкции, как договор. При этом следует уточнить, что к юридическим конструкциям гражданского права также относятся правосубъектность, правопреемство, предприятие, юридическое лицо, гражданско-правовая ответственность, гражданско-правовое сообщество и др.

Следует отметить, что многие термины, которыми обозначают юридические конструкции, имеют и другое назначение. Так, например, договор выступает одновременно юридической конструкцией, юридическим фактом, средством (инструментом) регулирования взаимоотношений его участников, средством осуществления предпринимательской деятельности и т. д. Юридическое лицо, также являясь юридической конструкцией, выступает как способ организации хозяйственной деятельности.

Несомненно, юридической конструкцией является строение гражданско-правового договора. Об этом прямо пишут О. С. Иоффе [6, с. 221], И. Б. Новицкий [7, с. 65–68], посвятившие свои труды сделкам. В указанных монографиях исследователи не употребляют термины «конструкция», «состав сделки». В. П. Шахматов [8, с. 239], не оперируя понятием «конструкция», называет свою работу «Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия». Само название научного труда подчеркивает структурно-сложное строение сделки, в том числе договора.

Как известно, стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. В п. 2 ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) нашел свое частное про-

явление общеправовой принцип: разрешено то, что прямо не запрещено (подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ).

Следовательно, субъекты гражданского оборота могут заключить так называемый смешанный договор. В таком договоре содержатся элементы различных типов (видов) договоров, предусмотренных гражданским законодательством. Смешанный договор, содержащий элементы разных договоров, устанавливает единую совокупность обязательств.

К примеру, в качестве смешанного договора можно рассматривать такое соглашение, по которому одна сторона обязуется передать другой вещь в собственность, а последняя – произвести за свой риск определенную работу. В такой договорной конструкции соединены обязательства, урегулированные законом применительно к купле-продаже и подряду. На основании специальных договоров организации берут в аренду действующие предприятия с обязанностью без остановки производства осуществить их техническое перевооружение, замену оборудования, а также сбыт выпускаемой продукции. После соответствующей реконструкции предприятие возвращается собственнику.

С учетом содержащегося в п. 2 ст. 421 ГК РФ общего дозволения о возможности заключения смешанного договора можно говорить о единстве и дифференциации юридических конструкций гражданско-правовых договоров. Так, к примеру, в рамках единой договорной конструкции купли-продажи происходит внутренняя дифференциация на такие виды, как розничная купля-продажа, поставка товаров для государственных нужд, контрактация, энергоснабжение, продажа недвижимости и продажа предприятия. При этом положения § 1 гл. 30 ГК РФ играют роль «общей конструкции» и применяются ко всем разновидностям договора купли-продажи, если специальными правилами о них не предусмотрено иное.

Таким образом, при помощи заложенной законодателем юридической конструкции «смешанного» договора стороны удовлетворяют индивидуальные интересы. Такая ситуация представляется вполне естественной, поскольку любые законодательные предписания, в том числе и традиционные юридические конструкции, не могут адекватно отражать все особенности экономической жизни и отношений, складывающихся между участниками оборота. Если в публичном праве в силу его при-

роды господствуют методы власти и подчинения, властных предписаний (обязываний) и запретов, то для частного права, напротив, характерны дозволение и право на деление, т. е. предоставление субъектам возможностей совершения инициативных юридических действий – самостоятельного использования различных правовых средств, в том числе юридических конструкций, для удовлетворения своих потребностей и интересов. Следовательно, субъекты гражданского (частного) права, в отличие от субъектов публичного права, более свободны в выборе применения той или иной юридической конструкции.

Выводы

Определяя сущность юридической конструкции через совокупность признаков, можно сделать вывод, что юридическая конструкция гражданского права – это способ закрепления правовых инструментов, обладающий своей отраслевой спецификой. К особым признакам юридической конструкции в гражданском праве относятся:

Юридические конструкции в гражданском праве, как правило, служат цели удовлетворения частных интересов.

Для закрепления юридических конструкций в гражданском законодательстве используется специальный терминологический аппарат. При этом термины, обозначающие определенные юридические конструкции (договор, юридическое лицо и др.) могут использоваться и для обозначения иных явлений правовой действительности.

Субъекты гражданского права в сравнении с субъектами публичного права обладают большей степенью свободы в применении юридических конструкций.

Список литературы

1. Словарь русского языка. – М., 1986. – Т. 2. – С. 690.
2. Советский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 1632.
3. Сущность // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 870.
4. Корет Э. Основы метафизики. – Киев: Тандем, 1998. – С. 560.
5. Багайкин П. А. О соотношении юридических конструкций гражданского права со смежными правовыми явлениями: опыт обзорного теоретического исследования // Роль частного права в модернизации российской экономики: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 23 апреля 2013 г.) / отв. ред. Е. М. Тужилова-Орданская. – Уфа: РИЦ-БашГУ, 2013. – С. 113–117.

6. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М., 1975. – С. 872.

7. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. – М., 1954. – С. 245.

8. Шахматов В. П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. – Томск, 1967. – С. 368.

В редакцию материал поступил 25.09.13

© Батайкин П. А., 2013

Информация об авторе

Батайкин Павел Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

E-mail: pavel@bataykin.ru

Как цитировать статью: Батайкин П. А. О сущности юридической конструкции гражданского права и ее отраслевой специфике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 198–201.

P. A. BATAYKIN,

PhD (Law), associate professor

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ON THE ESSENCE OF JURIDICAL CONSTRUCTION OF CIVIL LAW AND ITS BRANCH PECULIARITY

Objective: to reveal the essence of juridical construction in the civil law.

Methods: the general methodological basis was formed by the general scientific (dialectic) method of cognition of the juridical reality, enabling to view the problems of juridical constructions of the civil-legal branch. During the research we also used the private scientific methods of cognition, such as formal-juridical, comparative-legal, and logical.

Results: by analysis of the branch peculiarities of the juridical construction, its essence in civil law was revealed. On the example of a treaty juridical construction, the unity and differentiation of the civil law juridical construction was shown, as well as of the juridical construction of a different branch.

Scientific novelty: the author's definition of the civil law juridical construction is proposed, its branch features are revealed.

Practical value: the theoretical provisions formulated in the article can be used in the work of law-making bodies to improve the existing legal norms; for carrying out the expertise of normative legal acts with a view of revealing collisions; in the educational process for teaching the "Civil Law" course.

Key words: civil law; juridical constructions; civil-law constructions; civil-law treaty.

References

1. *Slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian language). Moscow, 1986. T. 2, p. 690.
2. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* (Soviet Encyclopedic Dictionary). Moscow, 1989, p. 1632.
3. Sushchnost' (Essence), *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow, 1989 g, S. 870.
4. Koret, E. *Osnovy metafiziki* (Bases of metaphysics). Kiev: Tandem, 1998, p. 560.
5. Bataikin, P. A. O sootnoshenii yuridicheskikh konstruktii grazhdanskogo prava so smezhnymi pravovymi yavleniyami: opyt obzornogo teoreticheskogo issledovaniya (On the correlation between juridical constructions of the civil law with related legal phenomena: experience of theoretical survey), *Rol' chastnogo prava v modernizatsii Rossiiskoi ekonomiki*. Ufa: RITsBashGU, 2013, pp. 113–117.
6. Ioffe, O. S. *Obyazatel'stvennoe pravo* (Law of obligation). Moscow, 1975, p. 872.
7. Novitskii, I. B. *Sdelki. Iskovaya davnost'* (Deals. Limitation of action). Moscow, 1954, p. 245.
8. Shakhmatov, V. P. *Sostavy protivopravnykh sdelok i obuslovlennye imi posledstviya* (Corpus delicti of illegal deals and their consequences). Tomsk, 1967, p. 368.

Information about the author

Bataykin Pavel Aleksandrovich, PhD (Law), associate professor of the chair of civil and entrepreneurship law, Kazan (Volga region) Federal University
Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan
E-mail: pavel@bataykin.ru

How to cite the article: Bataykin P.A. On the essence of juridical construction of civil law and its branch peculiarity, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 198–201.

© Bataykin P.A., 2013

УДК 347.235:349.41:32.2:332.3:332.6

А.И. ГАТИН,

соискатель

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, КАК ОБЪЕКТА ПРАВА РАСПОРЯЖЕНИЯ

Цель: сформулировать авторскую дефиницию понятия земельного участка, находящегося в федеральной собственности, как объекта права распоряжения.

Методы: исторический, формально-логический, сравнительно-правовой, диалектический; системно-структурный анализ правовых явлений.

Результаты: на основе всестороннего анализа различных научных позиций, признанных в теории гражданского права, было проведено исследование соотношения категорий «объект правового регулирования», «объект гражданского правоотношения», «объект субъективного гражданского права» и «объект гражданских прав» применительно к категории «федеральный земельный участок»; выявлены признаки и специфика федерального земельного участка как объекта недвижимости; установлены особенности правового режима федерального земельного участка; дано определение федерального земельного участка как объекта права распоряжения.

Научная новизна: разъяснена специфика федерального земельного участка как объекта права распоряжения и его правового режима. Доказано, что возможность осуществления государством права распоряжения зависит от правового режима федерального земельного участка. Приведены доводы, что специфика гражданско-правового режима федерального земельного участка как объекта права распоряжения состоит в том, что при осуществлении правомочия распоряжения государство-собственник решает публичные задачи, связанные с использованием этих земель. Представлено авторское определение понятия федерального земельного участка как объекта права распоряжения.

Практическая значимость: результаты проведенного исследования обозначенной проблематики целесообразно использовать: во-первых, в учебном процессе при изучении курса «Гражданское право» (общая часть); во-вторых, в практике применения при разрешении споров, связанных с механизмом осуществления государством правомочия распоряжения земельными участками, находящимися в федеральной собственности.

Ключевые слова: Российская Федерация; федеральные земельные участки; объекты гражданских прав; объект права распоряжения; недвижимые вещи; правовой режим.

Введение

Реформирование гражданского законодательства затронуло многие сферы гражданских отношений, в том числе это касается и объектов гражданских прав. К числу объектов относятся и федеральные земельные участки, правовая природа которых является достаточно специфичной ввиду особого статуса их собственника – Российской Федерации, поэтому данная статья посвящена раскрытию понятия федеральных земельных участков и особенностям их правового режима.

Со времен римского частного права государство признавалось субъектом гражданского оборота. Однако в силу своей специфической природы правоспособность государства всегда отличалась от правоспособности иных субъектов частноправовых отношений ввиду особой значи-

мости ее правового статуса. Такая значимость обусловливается необходимостью решения стоящих перед государством публично-правовых задач, направленных на удовлетворение государственных и иных общественных нужд и интересов. Поэтому в современный период развития общественно-экономических отношений, ознаменованный реформированием гражданского законодательства, вопрос об особенностях участия государства в гражданских правоотношениях является насущным и важным, ибо от правильного его решения напрямую зависит развитие гражданского оборота.

Как показывает анализ действующего законодательства, а также практика его применения, государство участвует во многих гражданских отношениях. Однако в рамках настоящей статьи нам

хотелось бы уделить внимание исследованию характеристики земельных участков, находящихся в федеральной собственности, как объекту правомочия распоряжения, и на его основе предпринять попытку сформулировать авторское представление о понятии данной категории. Выбор данной проблематики и ее актуальность определяются тем, что, во-первых, земля – это основной объект недвижимости, ибо все иные объекты находятся в неразрывной с ней связи, во-вторых, правомочие распоряжения является главной составляющей содержания права собственности, в-третьих, право распоряжения федеральными земельными участками способствует решению публично-правовых и иных общегосударственных задач.

Результаты исследования

Наше изыскание, полагаем, следует начать с определения места федерального земельного участка в системе объектов гражданских прав и его правового режима.

Вопрос об объекте является одним из самых дискуссионных в теории гражданского права, и ввиду его сложности и неоднородности до настоящего времени не выработан единый научный подход в понимании этой фундаментальной категории правовой науки. Научная полемика связана со спором о понятийном соотношении категорий «объект правового регулирования», «объект гражданского правоотношения», «объект субъективного гражданского права» и «объект гражданских прав». Занятие своей позиции в этой дискуссии является первостепенным для нашего исследования, потому как федеральная земля может являться объектом и правового регулирования, и гражданского правоотношения, и субъективного гражданского права и объектом гражданских прав. Словом, внесение ясности в определение названных категорий для нас важно, поскольку от этого зависит правильное восприятие обозначенной проблематики данного исследования.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, нельзя смешивать объект гражданского правоотношения с объектом (предметом) правового регулирования, потому что последняя категория представляет собой общественные отношения, акты волевого поведения людей – участников общественных отношений, на кото-

рые воздействует право [1, с. 394]. Объектом же правоотношения, как убедительно аргументирует С. С. Алексеев, выступают явления окружающего нас мира, разнообразные материальные и нематериальные блага, способные удовлетворять потребности субъектов, на которые направлены субъективные права и юридические обязанности [1, с. 393, 395]. Такой же позиции придерживаются и другие правоведы, в частности, А. Б. Венгеров [2, с. 176.], В. К. Бабаев [3, с. 425] и пр. Иными словами, можно сказать, что объект права – это достаточно универсальное понятие, под которым следует понимать общественные отношения, требующие правового регулирования, тогда как объекты прав и правоотношений – это блага, разнообразие и множественность которых обусловлены природой их происхождения и деятельностью человека. Таким образом, говоря о земельных участках, находящихся в федеральной собственности, можно отметить, что в качестве объекта права выступают отношения, складывающиеся между Российской Федерацией и иными участниками гражданского оборота по поводу права распоряжения федеральными земельными участками. Объектом данных правоотношений и соответствующих прав являются земельные участки, находящиеся в собственности РФ.

Определенные разногласия возникают и в отношении смыслового единства и дифференциации категорий «объект гражданского правоотношения» и «объект субъективного гражданского права». Однако, несмотря на противоречивые позиции в теории права по поводу искомых дефиниций, мы склонны примкнуть к авторам, которые считают, что анализируемые категории тождественны. Как справедливо указывает С. С. Алексеев, рассматриваемая категория одновременно является и объектом субъективного права, и объектом правоотношения, поскольку «своего» самостоятельного объекта правоотношения не имеет [1, с. 291]. Поэтому федеральные земельные участки являются не только объектом отношений по поводу реализации правомочия распоряжения РФ как их собственника, но и объектом гражданских прав. Причем только признание данных земельных участков объектом гражданских прав, наделенных особым правовым режимом, позволяет им быть объектом права собственности РФ.

Особого внимания заслуживает позиция В. И. Сенчищева, который считает, что подлинным объектом гражданских правоотношений является правовой режим, под которым понимается не поведение обязанного лица и не вещь как таковые, но правовое значение (правовая характеристика) вещи, поведения или иных категорий имущества (в цивилистическом значении этого термина) и неимущественных прав [4, с. 109–160]. Правовой режим, как уточняет В. И. Сенчищев, объединяет всю совокупность прав и обязанностей, дозволений и запретов, существующего правового регулирования в отношении данного явления объективной действительности [4, с. 139–140]. Безусловно, данная позиция заслуживает пристального внимания. Однако мы полагаем, что объектом гражданских правоотношений не может являться сам правовой режим как таковой, поскольку, исходя из анализа цивилистических исследований, посвященных правовой природе категории гражданско-правового режима, под правовым режимом следует понимать совокупность приемов и способов, закрепляющих особенности правового регулирования отношений, возникающих по поводу конкретного объекта, т.е. в нашем случае, федерального земельного участка; те или иные особенности, устанавливаемые законом, зависят не только от специфики объекта, но и от субъекта и его прав и обязанностей по отношению к объекту [5, с. 117]. Поэтому при характеристике федеральных земельных участков как объекта гражданских правоотношений особенности их правового режима напрямую зависят от статуса РФ как субъекта гражданских правоотношений.

Развивая теорию В. И. Сенчищева, Е. А. Суханов отмечает, что именно правовым режимом (а не своими физическими свойствами) отличаются друг от друга различные объекты гражданского оборота, и именно эта сторона имеет значение для гражданского права [6, с. 394]. В силу этого, полагает Е. А. Суханов, объектом гражданских правоотношений (или объектом гражданских прав) можно было бы признать определяемое законом (правовым режимом) поведение людей по поводу приобретения, отчуждения и использования разнообразных благ, а не сами эти блага [6, с. 394]. Е. А. Суханов отмечает, что по сложившейся традиции и при известном упрощении ситуации к числу таких объектов относят именно материаль-

ные и нематериальные блага либо деятельность по их созданию, имея в виду, что в связи с ними (по их поводу) и возникают соответствующие права и обязанности, реализуемые в поведении участников правоотношений [6, с. 394].

Что касается научного диспута о соотношении категорий «объект гражданских прав» и «объект гражданского правоотношения», то мы присоединяемся к весьма распространенной точке зрения о том, что названные категории паритетны, т.е. понятие объекта гражданских прав совпадает с понятием объекта гражданских правоотношений (либо понятие объекта гражданских прав следует признать условным и весьма неточным) [3, с. 393; 6, с. 77–79]. Иными словами, федеральные земельные участки являются объектом отношений по поводу реализации правомочия распоряжения РФ как собственника, поскольку являются объектом гражданских прав. Именно признание их объектом гражданских прав, наделенных особым правовым режимом, позволяет РФ владеть, пользоваться и распоряжаться федеральными земельными участками.

Определив свою позицию в исследовании базовых понятий, необходимых для нашего исследования, следует уделить внимание особенностям федеральных земельных участков как объектов правомочия распоряжения РФ как их собственника. Отметим, что ст. 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) в буквальном смысле сами по себе земельные участки к объектам гражданских прав не относят¹. И это неслучайно, поскольку ввиду множественности объектов гражданских прав, законодатель в юридической лексике прибегает к абстрактным категориям с целью охвата всего спектра возможных объектов гражданского оборота. Однако, исходя из анализа ст. 130 ГК РФ, земельные участки законодатель относит к недвижимым вещам как разновидности материальных благ – основного дифференциального свойства объектов гражданских прав, гражданского оборота.

В связи с этим возникает правомерный вопрос о принадлежности земельных участков, находя-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (Ч. I, II, III, IV) (с изменениями) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 410; 2001. – № 49. – Ст. 4553; 2006. – № 52 (Ч. I). – Ст. 5496.

щихся в федеральной собственности, к разряду недвижимых вещей, которым, как исторически признано в цивилистической науке, присущи следующие признаки: а) это разновидность вещей; б) они обладают индивидуально определенными признаками и являются незаменимыми; в) им свойственна прочность и непотребляемость; г) они неспособны к перемещению без несоразмерного ущерба их назначению, т.е. им свойственна прочная связь с землей; д) целевое назначение недвижимых вещей; е) особый правовой режим недвижимости [7, с. 487].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что названные признаки больше характеризуют такие объекты, относящиеся к недвижимости, как здания, сооружения и пр. Отметим, что у всех видов недвижимых вещей, за исключением вещей, относящихся к недвижимости в силу закона, проявляется один общий признак – прочная связь с землей. Следовательно, главным объектом недвижимых вещей является сама земля, а все иные объекты находятся в неразрывной с ней связи. Именно эта особенность позволила авторам Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации внести предложение о включении в ст. 130 ГК РФ положения о том, что земельный участок и находящиеся на нем здание, сооружение, объект незавершенного строительства, принадлежащие на праве собственности одному лицу, признаются единым объектом и участвуют в гражданском обороте как одна недвижимая вещь [8]. Хотелось бы акцентировать внимание на важном моменте, вытекающем из анализа действующего гражданского законодательства: объектом гражданских прав является не сама земля как природный ресурс (эта категория абстрактна, она скорее родовое понятие, не имеющее индивидуальных и территориальных признаков), ее недра, а земельные участки, в том числе находящиеся в федеральной собственности, и участки недр. Данное заключение подтверждается и формулировкой ст. 130 ГК РФ, это исходит из правил ст. 261 ГК РФ, которая содержит общие положения о земельных участках как объектах права собственности. Именно им присущи все перечисленные свойства недвижимости.

Раскрывая особенности земельных участков как объектов федеральной собственности и специфику их правового режима, следует обратить

внимание и на их сущность. Такая необходимость обосновывается тем, что гражданское законодательство прямого определения названной категории прямо не содержит. Косвенное понятие земельного участка вытекает из п. 2 ст. 261 ГК РФ – это поверхностный слой земли, имеющий определенные границы, с водными объектами и находящимися на нем растениями. Такое определение земельного участка, как представляется, не в полной мере дает нам представление о федеральном земельном участке как объекте гражданских прав. Вместе с тем именно в таком понимании земельный участок признается объектом гражданских правоотношений, в том числе права собственности, а следовательно, и правомочия распоряжения им. В более обобщенной форме дана дефиниция земельного участка в ст. 11.1 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ): земельным участком является часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами². В данном случае земельное законодательство прямо указывает на то, что земельный участок может быть признан объектом права только в случае выполнения ряда организационных процедур по определению его границ в порядке, установленном законом. Иными словами в ст. 11.1 ЗК РФ прямо указывается, что земельный участок признается объектом лишь в том случае, если на него распространяется правовой режим, установленный законом. Вместе с тем земельное законодательство более конкретизирует понятие земли как объекта земельных отношений, внося уточнение в ст. 6 ЗК РФ, что такими объектами могут быть не только земельные участки, границы которого определены в порядке, установленном законом, но и земля как природный объект и природный ресурс, а также части земельных участков. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что понятие земельного участка как объекта гражданских прав уже, нежели понятие земельного участка как объекта земельных отношений.

Следует признать, что и в науке гражданского права предпринимались попытки представить

² Земельный кодекс № 136-ФЗ Российской Федерации от 25 октября 2001 г. (с изменениями) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

дефиницию «земельный участок» как объекта гражданских прав. Так, например, О. В. Шихалева под земельным участком понимает геометризованный блок почвенного слоя (плодородная недвижимость) или часть поверхности земли (территориальная недвижимость), границы которых описаны и удостоверены в установленном порядке уполномоченным органом власти, а также все, что находится над и под поверхностью земельного участка, если иное не предусмотрено федеральными законами [9, с. 7]. Определение О. В. Шихалевой земельного участка с геометризованным блоком почвенного слоя основано на п. 8 ст. 38 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» от 24 июля 2007 г. (далее – Закон о кадастре)³. По мнению О. В. Шихалевой, данное определение отражает возможные формы использования земли либо в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйстве, либо как пространственно-территориальный базис для размещения зданий, строений, сооружений и иных объектов [10, с. 7]. Однако, с нашей точки зрения, представленное для научного признания определение лишь указывает на особый правовой режим рассматриваемого объекта, нежели раскрывает понятие «земельный участок – объект гражданских прав», а соответственно исследуемую нами категорию «федеральный земельный участок – объект права распоряжения РФ».

Вместе с тем, подразумевая под земельными участками, как указано в п. 2 ст. 261 ГК РФ, поверхностный слой земли, имеющий определенные границы, с водными объектами и находящимися на нем растениями, цивилисты предпринимают попытки дать качественную характеристику данной категории, уделяя внимание в своих научных изысканиях, по сути, правовому режиму данного объекта. Так, в частности, Н. П. Лотникова обосновывает, что к числу объектов имущественного оборота относится земельный участок, обязательным признаком которого является его индивидуализация – определение границ в установленном законом порядке, в связи с чем «часть» земельного участка может участвовать в обороте лишь после

описания границ, т.е. в качестве вновь образованного земельного участка [10, с. 10]. Г. В. Романова утверждает, что поскольку земельный участок является объектом кадастрового учета, а права на него подлежат государственной регистрации, он как объект гражданских прав является индивидуально-определенной вещью [11, с. 6]. Таким образом, одним из характерных признаков земельных участков, и федеральных в том числе, является их индивидуализация, свойственная всем недвижимым вещам. Но, в отличие от иных недвижимых вещей, процесс индивидуализации земельных участков отличается от индивидуализации прочей недвижимости, поскольку такая индивидуализация происходит посредством определенных юридических процедур⁴, установленных ст. ст. 68, 69 ЗК РФ и иными правовыми актами⁵, что опять-таки характеризует особый правовой режим земельных участков как объектов недвижимости.

Еще одной специфической чертой федерального земельного участка является то, что он может быть как делимым, так и неделимым. Это вытекает из формулировки п. 1 подп. 3 ст. 6 ЗК РФ. Считаем, что возможность признания земельного участка делимым или неделимым также указывает на особый правовой режим рассматриваемого объекта.

⁴ В данном случае, говоря о юридической процедуре, мы принимаем определение указанной категории, выработанное Г. Н. Давыдовой, которая обоснованно пришла к выводу о том, что под юридической процедурой следует понимать систему последовательно совершаемых действий и возникающих на их базе отношений, направленных на достижение определенного правового результата. См.: Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве. Общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – С. 22.

⁵ О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3594; О землеустройстве: Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 26. – Ст. 2582; Об утверждении Правил кадастрового деления территории Российской Федерации и Правил присвоения кадастровых номеров земельным участкам: Постановление Правительства РФ от 6 сентября 2000 г. № 660 // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 37. – Ст. 3726.

³ О государственном кадастре недвижимости: Федеральный закон № 221-ФЗ от 24 июля 2007 г. // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4017.

Кроме того, целевое назначение земельных участков следует выделить как особенность их правового режима. Согласно п. 1 ст. 7 ЗК РФ, по целевому назначению все земли в РФ подразделяются на определенные категории, например, земли сельскохозяйственного назначения или земли поселений, или земли особо охраняемых территорий и объектов и пр. Это правило носит императивный характер. Нецелевое использование земель не допускается законом, в противном случае лица, нарушившие данное правило, привлекаются к ответственности (п. 2 ст. 7 ЗК РФ). Причем, перечень категорий земель, указанный в п. 1 ст. 7 ЗК РФ, носит исчерпывающий характер.

Таким образом, из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории целевого назначения земель и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий⁶. При этом следует иметь в виду, что особый правовой режим использования земель категорий, указанных в п. 1 ст. 7 ЗК РФ, может быть установлен и специальным законодательством в соответствии с п. 3 ст. 7 ЗК РФ⁷.

Завершая исследование избранной проблематики настоящей статьи, хотелось бы отметить, что выделение лишь признаков объектов гражданских прав недостаточно для объективной характеристики того или иного объекта. Соответственно, недостаточно этого и для характеристики федеральных земельных участков как объектов гражданских прав и правоотношений. Необходимо исследовать их правовой режим и структуру, только так можно выделить специфические особенности того или иного объекта и возможность

их вовлечения в гражданский оборот. Исходя из признанного понятия правового режима, к таким особенностям, как нами уже отмечалось выше, следует относить, помимо характеризующих признаков самого объекта, иные структурные элементы: особенности правового статуса субъекта, а также его права и обязанности по отношению к объекту.

Следовательно, главное отличие федеральных земельных участков как объектов гражданских прав и правоотношений состоит в том, что их собственником является РФ. Причем, исходя из смысла правил, установленных гл. 5 ГК РФ, Российская Федерация – это особый субъект гражданского оборота, который, с одной стороны, признается равным участником гражданских отношений, а с другой – в силу своей специфической природы наделяется особой гражданской правосубъектностью, благодаря которой государство может влиять своей законодательной инициативой на развитие самого гражданского оборота. Вступая в те или иные гражданские отношения, оно обязано не превышать пределы возможного своего поведения, и цель участия государства в гражданских отношениях, как правило, лишь одна – это решение стоящих перед ним публично-правовых задач, направленных на удовлетворение государственных и иных общественных интересов и нужд. Как собственник государство, осуществляя правомочия распоряжения, т.е. определяя юридическую судьбу федеральных земельных участков, в первую очередь, решает публичные задачи, связанные с использованием этих земель. В этом и заключается специфика федеральных земельных участков и как объектов гражданских правоотношений, и как объектов права распоряжения; в этом состоит специфика их гражданско-правового режима.

Таким образом, необходимо сделать заключительный вывод о понятии федерального земельного участка как объекта гражданских прав (в том числе и права распоряжения). Таким объектом признается поверхностный слой земли, имеющий определенные границы, установленные в законном порядке, с водными объектами и находящимися на нем растениями, принадлежащий на праве собственности Российской Федерации и используемый по целевому назначению для удовлетворения публично-правовых нужд.

⁶ Так, виды разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства установлены ст. 37 Градостроительного кодекса Российской Федерации № 190-ФЗ от 29 декабря 2004 г. (с изменениями) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (Часть I). – Ст. 16.

⁷ Так, например, особый правовой режим использования земель установлен Главой III, О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: Федеральный закон № 49-ФЗ от 7 мая 2001 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 20. – Ст. 1972.

Выводы

В заключение хотелось бы подвести итоги исследования заявленной проблематики:

– аргументировано, что применительно к земельным участкам, находящимся в федеральной собственности, объектом права выступают отношения, складывающиеся между РФ и иными участниками гражданского оборота по поводу права распоряжения федеральными земельными участками, а объектом данных правоотношений и соответствующих прав являются земельные участки, находящиеся в собственности РФ;

– доказано, что признание федерального земельного участка объектом гражданских прав, наделенного особым правовым режимом, позволяет ему быть объектом и права распоряжения РФ;

– мотивировано, что объектом права распоряжения является не сама земля, как природный ресурс, ее недра, а земельные участки, в том числе находящиеся в федеральной собственности, и участки недр;

– обосновано, что особенности гражданско-правового режима федеральных земельных участков зависят от статуса РФ как субъекта гражданских правоотношений;

– проведено соотношение понятий «земельный участок» на основе сравнительно-правового анализа гражданского и земельного законодательства и выявлено, что понятие земельного участка как объекта гражданских прав уже, чем понятие земельного участка как объекта земельных отношений;

– установлено, что индивидуализация федеральных земельных участков посредством специальных юридических процедур следует рассматривать как одну из особенностей правового режима федеральных земельных участков как объектов недвижимости;

– определено, что правовой режим федеральных земельных участков определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории целевого назначения и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий;

– поддерживая довод, признанный в теории гражданского права, был сделан вывод о том, что структурными элементами гражданско-право-

вого режима федерального земельного участка являются: особенности правового статуса государства как собственника земельного участка, находящегося в федеральной собственности, его субъективные права и обязанности по отношению к этому объекту;

– установлено, что государство-собственник, осуществляя правомочия распоряжения федеральным земельным участком, в первую очередь, решает публичные задачи, связанные с использованием этой земли; в этом состоит специфика гражданско-правового режима земельного участка, находящегося в федеральной собственности;

– сформулирована авторская дефиниция понятия федерального земельного участка.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2008. – 576 с.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. – М.: ОМЕГА-Л, 2004. – 608 с.
3. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юрист, 2004. – 592 с.
4. Сенчищев В. И. Объект гражданского правоотношения // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 1 / под ред. М. И. Брагинского – М.: Статут, 1999. – С. 109–160.
5. Селиванов В. В. Гражданско-правовой режим самовольной постройки и его нормативное закрепление. – Казань: Отечество, 2011. – 200 с.
6. Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть: учебник / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ВолтерКлувер, 2005. – 720 с.
7. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. – 1326 с.
8. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации // Портал российского частного права. – URL: <http://www.privlaw.ru> (дата обращения: 30.06.2012)
9. Шихалева О. В. Земельный участок как объект гражданских прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 24 с.
10. Лотникова Н. П. Особенности правового регулирования сделок с земельными участками, находящимися в государственной или муниципальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 28 с.
11. Романова Г. В. Содержание права собственности на земельные участки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 25 с.

В редакцию материал поступил 24.07.2013

© Гатин А. И., 2013.

Информация об авторе

Гатин Альберт Искандерович, соискатель кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (При-волжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: (843) 233-71-36.

E-mail: A.Gatin@rosim.ru

Как цитировать статью: Гатин А. И. К вопросу о понятии земельного участка, находящегося в федеральной собственности, как объекта права распоряжения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 198–209.

A.I. GATIN,

applicant

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ON THE ISSUE OF THE NOTION OF FEDERALLY OWNED LANDSITE, AS AN OBJECT OF DISPOSITION RIGHT

Objective: to formulate the author's definition of the notion of federally owned landsite, as an object of disposition right.

Methods: historical, formal-logical, comparative-legal, dialectic, systemic-structural analysis of legal phenomena.

Results: basing on the multi-sided analysis of various scientific views accepted in the civil law theory, the research of correlation was carried out between such categories as "object of legal regulation", "object of civil legal relationship", "object of subjective civil law" and "object of civil rights" referring to the category "federal land site"; features and specifics are revealed for federal land site as an object of real estate; features of legal regime of federal land site are stated; federal land site is defined as an object of disposition right.

Scientific novelty: features of federal land site as an object of disposition right and its legal regime are explained. It is proved that possibility to implement the disposition right by the state depends on the legal regime of federal land site. Reasons are given that the specifics of civil-legal regime of federal land site as an object of disposition right consists in the fact that while implementing the disposition right the owner state solves public problems connected with using these lands. The author's definition of federal land site as an object of disposition right is presented.

Practical value: Results of the research should be used, first of all, in educational process, while studying the course "Civil Law" (general part); secondly, in law-enforcement practice when solving the disputes connected with the mechanisms of federal land sites disposition.

Key words: Russian Federation; federal land sites; objects of civil rights; object of disposition right; real estate; legal regime.

References

1. Alekseev, S. S. *Obshchaya teoriya prava* (General theory of law). Moscow: TK Velbi, Prospekt, 2008, 576 p.
2. Vengerov, A. B. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law). Moscow: OMEGA-L, 2004, 608 p.
3. *Teoriya gosudarstva i prava, pod red. V. K. Babaeva* (Theory of state and law, edited by V.K. Babayev). Moscow: Yurist, 2004, 592 p.
4. Senchishchev, V. I. Ob "ekt grazhdanskogo pravootnosheniya (object of civil legal relationship), *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*. Moscow: Statut, 1999, pp. 109–160.
5. Selivanov, V. V. *Grazhdansko-pravovoi rezhim samovol'noi postroiki i ego normativnoe zakreplenie* (Civil-legal regime of squatter construction and its normative confirmation). Kazan: Otechestvo, 2011, 200 p.
6. *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. T. I. Obshchaya chast', otv. red. prof. E. A. Sukhanov* (Civil law: in 3 vol. Vol.1. General part: textbook, executive editor Professor E.A. Sukhanov). Moscow: VolterKluver, 2005, 720 p.
7. *Postateinyi kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chastii pervoi, pod red. P. V. Krashenninnikova* (Clause-by-clause comments to the Civil Code of the Russian Federation, part 1, edited by P.V. Krashenninnikov). Moscow: Statut, 2011, 1326 p.
8. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii (Concept of development of the Russian Federation civil legislation, *Portal rossiiskogo chastnogo prava*, available at: <http://www.privlaw.ru> (accessed: 30.06.2012).
9. Shikhaleva, O. V. *Zemel'nyi uchastok kak ob"ekt grazhdanskikh prav* (Land site as an object of civil rights). Ekaterinburg, 2006, 24 p.
10. Lotnikova, N. P. *Osobennosti pravovogo regulirovaniya sdelok s zemel'nymi uchastkami, nakhodyashchimisya v gosudarstvennoi ili munitsipal'noi sobstvennosti* (Features of legal regulation of deals with state and municipal owned land site). Moscow, 2007, 28 p.
11. Romanova, G. V. *Soderzhanie prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki* (Content of property rights for land sites). Krasnodar, 2009, 25 p.

Information about the author

Gatin Albert Iskanderovich, applicant of the chair of civil and entrepreneurship law, Kazan (Volga region) Federal University

Address: 18 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 233-71-36.

E-mail: A.Gatin@rosim.ru

How to cite the article: Gatin A. I. On the issue of the notion of federally owned landsite, as an object of disposition right, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 198–209.

УДК 347.1

А. Я. РЫЖЕНКОВ,

доктор юридических наук, профессор

Волгоградский институт бизнеса, г. Волгоград, Россия

ДИФФЕРЕНЦИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Цель: исследование механизма реализации принципов российского гражданского права в судебной практике. Для ее достижения раскрываются основные варианты применения основных начал гражданского законодательства, критикуется закреплённая в Гражданском кодексе РФ модель «аналогии права».

Методы: сравнительный, функциональный, формально-логический, документальный.

Результаты: автор приходит к выводу о вариативности применения судами основных начал гражданского законодательства.

Научная новизна: в авторской классификации принципов гражданского законодательства, в рамках которой особо выделены конституционные принципы гражданского права (суды всегда ссылаются на них в своих решениях) и все остальные принципы, указанные в ст. 1 ГК РФ (суд обращается к ним в том случае, если отсутствует специальная норма, регулирующая спорное отношение).

Практическая значимость: вывод о том, что отсутствие специальной нормы позволяет судам либо применять аналогию закона, либо принять решение в соответствии с основными началами гражданского законодательства.

Ключевые слова: принцип; суд; Конституция; аналогия; свобода; практика; пробел; аналогия закона; основные начала гражданского законодательства; общая норма; специальная норма; спорное отношение.

Введение

Любое нормативное положение, тем более содержащееся в кодифицированном законодательном акте, предполагает тот или иной механизм практического действия. В случае с «основными началами гражданского законодательства» специфика этого механизма неизбежно определяется, во-первых, самим особым статусом данных положений, открывающих текст Гражданского кодекса РФ и претендующих на роль его идейной основы, а во-вторых, юридической техникой их изложения, поскольку «основные начала» сформулированы по большей части не в виде конкретных правил, а как самые общие установки: «невмешательство», «неприкосновенность», «свобода» и т. п. При этом основным субъектом, который применяет эти положения и определяет способы их толкования, в современных условиях является суд, хотя и не без влияния договорной практики хозяйствующих субъектов, адвокатской практики и др.

В 1999 г. (т. е. через пять лет после принятия ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации) С. С. Алексеев констатировал, что суды в своих решениях не ссылаются на принципы гражданского права [1]; в 2005 г. О. А. Кузнецова

отмечала, что, хотя соответствующая практика и начала формироваться, правила непосредственного применения этих принципов доктриной не выработаны, и суд по-прежнему не имеет «путеводной нити» для их использования в своей деятельности [2].

Результаты исследования

К настоящему времени накопилась богатая практика применения судами принципов гражданского права, сформулированных в ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» (не отождествляя в полной мере понятия «принципы» и «основные начала», в данном случае мы будем использовать их в качестве синонимов [3; 4]). Вместе с тем в судебной практике их применение по-прежнему связано с некоторыми трудностями.

Так, довольно часто суд ограничивается тем, что лишь называет в тексте своего решения те или иные основные начала гражданского законодательства (как правило, сразу несколько), но не разъясняет, каким образом они влияют на итоговые выводы по делу. Например, в своем решении по делу № 2-972/13 от 17 мая 2013 г. Кировский районный суд г. Томска указал, что в

соответствии со ст. 1 ГК РФ гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Далее суд перешел к иным применяемым в данном деле нормам гражданского законодательства, и при обосновании принятого решения об отказе в признании договора залога недействительным приведенные ранее основные начала гражданского законодательства более не упоминались. В других случаях суды указывают ст. 1 ГК РФ не только в мотивировочной, но и в резолютивной части решения, но также без использования их в процессе аргументации.

Такая ситуация, бесспорно, свидетельствует о несовершенстве существующего правового механизма действия принципов гражданского законодательства.

При этом, казалось бы, такая нормативная модель достаточно четко закреплена в ст. 6 Гражданского кодекса РФ: если гражданско-правовые отношения прямо не урегулированы ни законодательством, ни соглашением сторон, ни обычаем, причем не удастся найти даже норму, регулиющую сходное отношение («аналогия закона»), то права и обязанности сторон определяются, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства («аналогия права»). Разумеется, в данном случае возможны разночтения относительно соотношения понятий «основные начала» и «общие начала»; в целом ясно, что основные начала гражданского законодательства также имеются в виду, хотя не исключено, что к «общим началам» могут относиться и еще какие-либо законодательные положения [5; 6; 2, с. 32].

Вместе с тем в силу конструкции п. 2 ст. 6 ГК РФ нормативный статус основных начал гражданского законодательства становится противо-

речивым. С одной стороны, само их название, как и место в тексте закона, вроде бы означает, что перед нами принципиальные, ведущие, первостепенные по своему значению нормативные идеи, которые определяют дух гражданско-правового регулирования. С другой стороны, из п. 2 ст. 6 вытекает, что основные начала гражданского законодательства – это, напротив, сугубо вторичные, служебные по своему характеру предписания, которые уступают по своей силе не только нормам гражданского права, регулирующим конкретные отношения, но даже другим нормам, которые касаются сходных отношений, и что применять основные начала (т. е. принципы) гражданского законодательства можно лишь в последнюю очередь, если никаких других норм обнаружить не удалось. Так, например, если речь идет о регулировании отношений, связанных с оборотом земельных участков, то применение гражданско-правовых принципов возможно, если на эти отношения не распространяются специальные принципы земельного законодательства [7].

Неудовлетворенность таким решением ощущается в теоретических работах. Так, О. А. Кузнецова, помимо «усиления аргументации» и «использования для толкования» (т. е. явно вспомогательных операций), выделяет две функции принципов гражданского законодательства – применение по аналогии права и так называемое «прямое действие», однако не дает необходимых пояснений, каково же различие между ними и в каких именно случаях принципы гражданского права приобретают это прямое действие [2, с. 33].

Следует отметить, что далеко не все отраслевые принципы права при своем применении порождают подобные затруднения. Для сравнения достаточно привести Уголовный кодекс Российской Федерации, в ст. ст. 3–7 которого сформулированы пять принципов (законность, равенство, справедливость, вина, гуманизм), причем они непосредственно определяют применение всех остальных положений уголовного законодательства, и ни о каком применении этих принципов по аналогии речи не идет, поскольку аналогия в сфере уголовного права вообще не допускается (п. 2 ст. 2 УК РФ).

В действительности сложность применения принципов гражданского законодательства в

судебной практике связана главным образом с тем, что единого механизма их действия не существует, а это, в свою очередь, обусловлено тем, что какие-то из этих принципов заимствованы из Конституции Российской Федерации, а другие дублируются в конкретных нормах Гражданского кодекса РФ. Роль отдельных принципов гражданского законодательства отмечена в решениях Конституционного суда РФ [8]. Как следствие, существует по меньшей мере три разновидности основных начал гражданского законодательства с различным режимом их применения в судебной практике.

1. К конституционным принципам гражданского законодательства относятся: свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств (ст. 8 Конституции РФ); неприкосновенность собственности (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ); судебная защита прав (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ). При этом часто в Конституции РФ содержатся более развернутые формулировки этих принципов, нежели в ГК РФ (это относится, например, к принципу неприкосновенности собственности) [9].

По существу, их конституционная природа превалирует над гражданско-правовой, а их статус в качестве основных начал гражданского законодательства является лишь дополнением к их основному значению как конституционных положений. В этом качестве данные принципы, во-первых, обладают прямым действием на основании ч. 1 ст. 15 Конституции РФ. Это означает, что все государственные органы, в том числе судебные, должны руководствоваться данными положениями непосредственно, независимо от того, закреплены ли они в текущем законодательстве. Во-вторых, указанные принципы, будучи частью конституционного текста, обладают еще и высшей юридической силой, т. е. имеют приоритет в том случае, если какие-либо иные нормы им противоречат.

Таким образом, по отношению к данным принципам гражданского права не может идти речь об их применении по «анalogии права» в силу п. 2 ст. 6 ГК РФ, поскольку, если те или иные общественные отношения входят в сферу действия этих положений, то уже не являются «нерегулированными» – напротив, они урегулированы на высшем, конституционном уровне, поэтому ни аналогия права, ни аналогия закона здесь не требуются.

2. Один из принципов гражданского законодательства дублируется в тексте ГК РФ в качестве общей нормы гражданского права. Речь идет о принципе свободы договора, содержание которого раскрывается в ст. 421 ГК РФ, где содержится целый комплекс управомочивающих и запрещающих норм. Фактически свобода договора – это не общий принцип гражданского права, а принцип более частного характера, относящийся к договорному праву как институту обязательственного права.

Следовательно, и этот принцип в общем виде действует не в порядке п. 2 ст. 6 ГК РФ, а в качестве общей нормы гражданского права; иначе говоря, он применяется судами ко всем договорным отношениям, кроме случаев, прямо предусмотренных законом.

При этом характерно, что в судебной практике принцип свободы договора, как правило, применяется со ссылками одновременно на ст. 1 и ст. 421 ГК РФ. Так, в Определении Высшего арбитражного суда Российской Федерации № ВАС-33/13 от 30.01.2013 говорится: «Руководствуясь статьями 1, 421, 809 Гражданского кодекса Российской Федерации, суды первой и кассационной инстанций пришли к выводу об отсутствии оснований для признания оспариваемой части договора займа недействительной, поскольку указанный договор и приложения к нему содержат все необходимые условия, предусмотренные гражданским законодательством для такого вида сделок, и эти условия согласованы сторонами с соблюдением принципа свободы договора и не противоречат требованиям Гражданского кодекса Российской Федерации»¹. В таких случаях ссылки на ст. 1 и ст. 421 ГК РФ являются равнозначными и, по существу, в таком дублировании нет практической необходимости. При этом применение ст. 421 является более предпочтительным, поскольку в ней принцип свободы договора раскрывается с большей степенью правовой определенности.

3. Все остальные принципы, или основные начала гражданского законодательства (равенство участников, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необ-

¹ Определение ВАС РФ от 30.01.2013 № ВАС-33/13 по делу № А19-2015/2012//Документ опубликован не был.

ходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, добросовестность, действие своей волей и в своем интересе) имеют своим основным источником ст. 1 Гражданского кодекса РФ и применяются со ссылками на нее. Так, зачастую принцип беспрепятственного осуществления прав становится правовой основой для защиты дачниками своих гражданских прав на землю [10].

Однако даже в этом случае общий механизм применения данных принципов не может быть сведен к конструкции «аналогия права», содержащейся в п. 2 ст. 6 ГК РФ.

Аналогия обычно понимается как «вывод от сходства одних свойств или отношений к сходству других» [11]. Это определение вполне подходит к так называемой «аналогии закона», когда происходит распространение норм, регулирующих те или иные отношения, на другие отношения по признаку их существенного сходства [12]. Что касается «аналогии права», то она, как правило, описывается так: «При аналогии права, т. е. таком применении, когда правоприменительный орган исходит из общих начал и смысла законодательства, решающее значение имеют принципы права, в особенности специально-юридические правовые начала – принципы справедливости, юридического равенства, ответственности за вину и другие выраженные в праве аксиомы» [12, с. 348–349]. Примерно такое же представление об аналогии права содержится в п. 2 ст. 6 ГК РФ. Однако в данном случае не поясняется, почему речь идет именно об аналогии или, иначе говоря, сходство между какими объектами здесь имеет место. Ведь если то или иное общее начало гражданского законодательства применяется по своему точному смыслу, то оно распространяется правоприменителем (судом) не на «сходные» отношения, а именно на те, которые изначально относятся к сфере его действия.

Рассмотрим типичный случай применения положений ст. 1 ГК РФ в судебной практике. Предприниматель Н. обратилась в Комитет по управлению имуществом Саратова с заявлением о заключении с ней договора аренды на нежилое помещение. Комитет по управлению имуществом Саратова в своем ответе сообщил, что после проведения заседания комиссии по рациональному

использованию нежилых помещений Саратова было принято решение о передаче данного нежилого помещения в аренду ЗАО «Арвико». Н. обратилась в суд с иском о признании недействительным распоряжения Комитета по управлению имуществом г. Саратова о предоставлении в аренду нежилого помещения ЗАО «Арвико». Арбитражный суд Саратовской области удовлетворил исковое требование. Федеральный арбитражный суд Поволжского округа, рассматривая дело в кассационной инстанции по жалобе ответчика, установил, что на заседании городской комиссии вопрос о передаче в аренду нежилого помещения обсуждался только с участием ЗАО «Арвико», чем была нарушена ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений; кассационная жалоба ответчика была оставлена без удовлетворения (Постановление ФАС Поволжского округа № А57-8619/01-26 от 12.09.2002 [13]).

Корректно ли в данном случае утверждать, что судом была использована «аналогия права»? С нашей точки зрения, нет, поскольку принцип равенства был применен не из-за отсутствия в гражданском законодательстве нормы, регулирующей сходные отношения, а как общее правило, имеющее максимально широкую сферу действия, т.е. прямо относящееся к рассматриваемому делу.

Вопрос о применении «аналогии права» в порядке п. 2 ст. 6 ГК РФ, по существу, сводится к следующему: обязан ли суд, прежде чем применить в том или ином случае основные начала гражданского законодательства, убедиться в отсутствии нормы, регулирующей сходный случай? В свою очередь, этот вопрос с практической точки зрения выглядит так: возможна ли отмена судебного решения на том основании, что суд применил принципы гражданского права, не обратившись предварительно к аналогии закона?

С нашей точки зрения, такая обязанность у суда отсутствует. В пользу этого вывода можно привести следующие аргументы. Во-первых, из буквального толкования п. 2 ст. 6 ГК РФ не вытекает, что суд может применять общие начала гражданского права лишь в том случае, если отсутствуют нормы, регулирующие сходные отношения. Действительно, п. 2 ст. 6 гласит, что при

невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства. Однако это не означает, что суду запрещено применять общие начала гражданского законодательства при других условиях – например, когда «аналогия закона» возможна.

Во-вторых, по смыслу п. 1 ст. 6 ГК РФ сама аналогия закона используется в тех случаях, когда гражданско-правовые отношения прямо не урегулированы законодательством. Однако если данные отношения принадлежат к сфере действия какого-либо из основных начал гражданского законодательства, то нет никаких оснований считать, что они «не урегулированы», поскольку правовое регулирование общественных отношений происходит как на уровне норм, так и на уровне принципов.

В-третьих, судебная практика не знает таких примеров, когда решение суда отменялось вышестоящей инстанцией на том основании, что был применен общий принцип гражданского законодательства вместо нормы, регулирующей сходные отношения.

Таким образом, обнаружив пробел в гражданско-правовом регулировании, суд может поступить следующим образом: либо применить нормы по аналогии закона в силу п. 1 ст. 6 ГК РФ, либо разрешить дело в соответствии с основными началами гражданского законодательства, содержащимися в ст. 1 ГК РФ.

По механизму своего действия основные начала гражданского законодательства, закрепленные в ст. 1 ГК РФ, в целом не отличаются от общих норм гражданского права. В случае противоречия между основными началами и специальными нормами гражданского права приоритет имеют последние, поскольку ими могут устанавливаться исключения из общих принципов.

Итак, существуют два пути применения судами основных начал гражданского законодательства. Выбор между ними определяется не усмотрением суда, а зависит от содержания применимого принципа.

Первая группа принципов, куда входят неприкосновенность собственности, судебная защита гражданских прав и свободное перемещение товаров и услуг, – это конституционные принципы гражданского права. В силу этого они обладают

более высокой юридической силой, нежели конкретные нормы гражданского права. Поэтому суд, обнаружив применимость какого-либо из этих принципов в рассматриваемом деле, может непосредственно сослаться на них в своем решении, независимо от того, что предусматривают специальные гражданско-правовые нормы, поскольку в случае противоречия приоритет будет принадлежать основным началам гражданского законодательства.

Ко второй группе относятся все остальные принципы, перечисленные в ст. 1 ГК РФ. Эта категория основных начал гражданского законодательства применяется в судебной практике по той же модели, что и общие нормы гражданского законодательства. Иначе говоря, суд обращается к ним в том случае, если отсутствует специальная норма, регулирующая спорное отношение. В случае, если такая норма существует, она имеет приоритет, поскольку основные начала гражданского законодательства имеют лишь рамочное содержание, в то время как специальные нормы конкретизируют их для более узких случаев.

При этом суд в отсутствие специальной нормы вправе либо использовать аналогию закона, т. е. применить другую норму, регулирующую сходное отношение, либо принять решение в соответствии с основными началами гражданского законодательства; при этом в последнем случае, как представляется, легально установленный термин «аналогия права» является неточным, поскольку принципы гражданского права применяются именно к тем общественным отношениям, на которые они изначально распространяются.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Частное право. – М.: Статут, 1999. – 160 с.
2. Кузнецова О. А. Принципы гражданского права: Вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 24–34.
3. Рыженков А. Я. О значении и составе основных начал гражданского права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 2. – С. 29–36.
4. Романюта М. П. Система основных начал гражданского права // Новая правовая мысль. – 2008. – № 2. – С. 35–37.
5. Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ин-та мировой экономики, управления и права, 2001. – 128 с.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. ред. О. Н. Са-

диков. – М.: Юридическая фирма КОНТРАКТ; ИНФРА-М., 2002. – 940 с.

7. Чаркин С. А. Правовые особенности оборота земельных участков в составе отдельных категорий земель // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2012. – № 3. – С. 262–266.

8. Рыженков А. Я. Роль решений Конституционного Суда Российской Федерации в определении правового режима недвижимости // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2013. – № 3. – С. 252–256.

9. Сагдеева Л. В. Принцип неприкосновенности собственности в актах Конституционного суда Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 1. – С. 88–96.

10. Чикильдина А. Ю. Приобретение права частной собственности на садовые земельные участки: основания и практика их применения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2011. – № 4(17). – С. 287–292.

11. Уемов А. И. Аналогия в практике научного исследования. – М.: Наука, 1970. – 264 с.

12. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в двух томах. – Т. II. – М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.

13. Кузнецова О. А. Применение судами принципа равенства участников гражданских правоотношений // Арбитражное правосудие в России. – 2007. – № 2. – С. 10–29.

В редакцию материал поступил 23.10.13

© Рыженков А. Я., 2013

Информация об авторе

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, Волгоградский институт бизнеса

Адрес: 400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, 63, тел.: (8442) 22-41-43

E-mail: meon_nauka@mail.ru

Как цитировать статью: Рыженков А. Я. Дифференцирование применения принципов гражданского права в судебной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 210–216.

A. YA. RYZHENKOV,

doctor of law, professor

Volgograd Institute for Business, Volgograd, Russia

DIFFERENTIATING OF IMPLEMENTATION OF CIVIL LAW PRINCIPLES IN COURT PRACTICE

Objective: to study the mechanism of implementation of the Russian civil law principles in court practice. To achieve it the basic options are revealed for the application of the fundamental principles of civil legislation, and the “analogy of law” model stipulated in the RF Civil Code is criticized

Methods: comparative and functional, formal-logical, documentary.

Results: the author comes to the conclusion about variations in the courts application of the basic civil legislation principles.

Scientific novelty: the author's classification of the civil legislation principles which highlights the constitutional principles of civil law (courts always refer to them in their decisions), and all other principles set out in Article 1 of the Civil Code (the court refers to them if there is no special law that regulates the relation).

Practical value: the conclusion that the absence of a special rule allows the courts to apply the law analogy, or make a decision in accordance with the basic principles of civil legislation.

Key words: principle; the court; the Constitution; analogy; freedom; practice; blank; the analogy of the law; the basic principles of civil legislation; general regulation; special norm; disputable relation.

References

1. Alekseev, S. S. *Chastnoe pravo* (Private law). Moscow: Statut, 1999, 160 p.
2. Kuznetsova, O. A. Printsipy grazhdanskogo prava: Voprosy teorii i praktiki (Principles of civil law: issues of theory and practice), *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2005, No. 2, S. 24–34.
3. Ryzhenkov, A. Ya. O znachenii i sostave osnovnykh nachal grazhdanskogo prava (On the meaning and composition of bases of civil legislation), *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2013, No. 2, pp. 29–36.
4. Romanyuta, M. P. Sistema osnovnykh nachal grazhdanskogo prava (System of bases of civil legislation), *Novaya pravovaya mysl'*, 2008, No. 2, pp. 35–37.

5. Komissarova, E. G. *Printsipy v prave i osnovnye nachala grazhdanskogo zakonodatel'stva* (Principles in law and bases of civil legislation). Tyumen': Izd-vo Tyumen. gos. in-ta mirovoi ekonomiki, upravleniya i prava, 2001, 128 p.
6. *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chasti pervoi (postateinyi), otv. red. O. N. Sadikov* (Comment to the Civil Code of the Russian Federation, part 1 (by article) / exec.editor O.N. Sadikov). Moscow: Yuridicheskaya firma KONTRAKT; INFRA-M., 2002, 940 p.
7. Charkin, S. A. Pravovye osobennosti oborota zemel'nykh uchastkov v sostave otdel'nykh kategorii zemel' (Legal features of turnover of land lots within the composition of certain land categories), *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, 2012, No. 3, pp. 262–266.
8. Ryzhenkov, A. Ya. Rol' reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v opredelenii pravovogo rezhima nedvizhimosti (The role of decisions of Constitution Court of the Russian Federation in determining the legal regime of real estate), *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, 2013, No. 3, pp. 252–256.
9. Sagdeeva, L. V. Printsip neprikosновенности собственности v aktakh Konstitutsionnogo suda Rossiiskoi Federatsii (Principle of property inviolability in the acts of Constitution Court of the Russian Federation), *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2009, No. 1, pp. 88–96.
10. Chikil'dina, A. Yu. Priobretenie prava chastnoi sobstvennosti na sadovye zemel'nye uchastki: osnovaniya i praktika ikh primeneniya (Acquisition of private property right for garden land lots: foundations and practice of implementation), *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa*, 2011, No. 4(17), pp. 287–292.
11. Uemov, A. I. *Analogiya v praktike nauchnogo issledovaniya* (Analogy in the practice of scientific reserach). Moscow: Nauka, 1970, 264 p.
12. Alekseev, S. S. *Obshchaya teoriya prava* (General theory of law). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1982, 360 p.
13. Kuznetsova, O. A. Primenenie sudami printsipa ravenstva uchastnikov grazhdanskikh pravootnoshenii (Implementation by the courts of equality principle for the participants of civil legal relations), *Arbitrazhnoe pravosudie v Rossii*, 2007, No. 2, pp. 10–29.

Information about the author

Ryzhenkov Anatoliy Yakovlevich, doctor of law, professor of the chair of civil law, Volgograd Institute for Business
Address: 63 Kachintsev Str., 400010, Volgograd, tel.: (8442) 22-41-43
E-mail: meon_nauka@mail.ru

How to cite the article: Ryzhenkov A. Ya. Differentiating of implementation of civil law principles in court practice, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4(28), pp. 210–216.

© Ryzhenkov A. I. , 2013

Дискурсивные практики синергийной антропологи: сб. науч. ст. / под ред. О.Д. Агапова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 92 с.

В сборнике представлены научные статьи участников Всероссийской летней философской школы «Синергийная антропология как метод анализа и стратегия сдерживания антропологических и глобальных рисков современности» (1–5 июля 2013 г.), которая проходила на базе Нижнекамского филиала Института экономики, управления и права (г. Казань) в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» по проекту «Модернизация оснований гуманитарного знания и образования на базе новой модели человека» (№ 2012-11-12-000-3003-078).

Авторы статей изучают различные аспекты развития современного общества с позиций синергийной антропологии как неклассической гуманитарной парадигмы.

Материалы сборника предназначены для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, творческой интеллигенции.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 342.7:1:002.6:31

Л. Ф. ГАЙНУЛЛИНА,

кандидат философских наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,

Л. С. ЛЕОНТЬЕВА,

кандидат философских наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

ПРАВО НА КОММУНИКАЦИЮ: ДОЛЖНОЕ И СУЩЕЕ

Цель: определение понятия, структуры и особенностей реализации права на коммуникацию в России.

Методы: социально-коммуникативный подход с использованием общенаучных методов анализа и обобщения.

Результаты: на основе анализа эмпирических и статистических данных выявлено диалектическое противоречие между сущим как фактическим положением дел в политико-коммуникативной сфере и должным как системой информационно-коммуникативных отношений, складывающихся на основе адекватных современному демократическому обществу нормативно-правовых актов, регулирующих информационную сферу. Выделены политико-правовые должноствоания, способствующие реализации права на коммуникацию.

Научная новизна: определено соотношение понятий «право на коммуникацию» и «право на информацию», уточнены и проанализированы структурные элементы данной правовой системы и механизм их реализации в контексте современных политических событий и информационного правотворчества.

Практическая значимость: в возможности диалогической оптимизации информационно-коммуникативных отношений в сфере политики адекватными методами правового регулирования. Реализация права на коммуникацию способствует сохранению динамического равновесия социальной системы, рационализации конфликтов и коммуникативной легитимации власти.

Ключевые слова: право на коммуникацию; доступ к информации; свобода слова; гражданское участие; информационно-коммуникативные отношения; государственно-гражданский дискурс; открытое правительство.

Введение

Феномен информационного общества акцентирует внимание не только на информации как данности, но и на возможности интенсивного информационного обмена, который осуществляется в информационном взаимодействии заинтересованных субъектов. Современные технологические каналы коммуникации и информационно-коммуникативные потребности людей взаимодетерминируют друг друга. Мультимедийная конвергентность продуцирует информационно-текстовое, эмоционально-психологическое пространство, которое способно трансформировать общественное бытие в режиме реального времени. Поэтому конструктивная

активизация жизнедеятельности социума требует адекватных политико-правовых норм функционирования коммуникационных каналов наряду с правом субъекта осуществлять коммуникативные акты, искать и получать, производить и распространять информацию.

Плюралистический коммуникативный подход к анализу правовой системы, роль коммуникаций в создании и легитимации права рассматриваются в книге профессора права Гентского университета (Бельгия), президента Европейской академии теории права Марка ван Хука «Право как коммуникация». Информационно-коммуникативную проблематику в рамках российской философии права и социологии права нельзя назвать широко и глу-

боку исследованной областью. Коммуникативная концепция права бельгийского профессора развивается в работах А. Полякова, коммуникативную природу информационных правоотношений с позиций пользователя и обладателя информации анализирует Д. Котиков, право на коммуникацию в русле социальной информатиологии исследует Э. Татаринцева. В рамках данной статьи применяется социально-коммуникативный подход, опирающийся на методологию Ю. Хабермаса и Н. Лумана, а также на коммуникативную теорию права Марка ван Хука и концепцию Ж. д'Арси.

Результаты исследования

Информация и коммуникация – взаимодополняющие категории. По образному высказыванию основоположника социальной информатиологии проф. В. Д. Попова, «информация – ядро и «материя» коммуникации и средство связи информационно-коммуникативных отношений. Однако без коммуникации информация в социальном смысле мертва» [1]. По аналогии можно утверждать, что право на коммуникацию предполагает наличие права на информацию. Однако вне социального дискурса самая достоверная и актуальная информация теряет свою социальную значимость, превращаясь в вещь в себе и для себя. Поэтому реализация права на информацию – необходимая, но не достаточная часть коммуникативно-правовых задач современного общества. Право на коммуникацию как более широкая категория в большей степени отражает специфику курса модернизации социально-экономического развития страны, интенсификации социальных взаимодействий как по вертикали, так и по горизонтали, создает условия для самореализации человека и расширения его прав и свобод.

Анализируя реализацию права на коммуникацию, мы основывались на коммуникативной теории права Марка ван Хука. Авторитарная парадигма в русле «приказ-исполнение» заменяется бельгийским ученым на легитимацию права, зависимую «от неискаженных форм публичной коммуникации и косвенно от коммуникативной инфраструктуры частной сферы» [2, с. 281]. Право предстает в форме диалога и полилога управомоченных и правообязанных субъектов, а складывающиеся правовые отношения упорядочивают общество посредством выполнения

двух основных функций: «а) структурирование политической власти и б) создание и сохранение социальной связи» [2, с. 89].

Коммуникативная сущность права в трактовке Марка ван Хука созвучна концепции Н. Лумана о коммуникативной сущности власти. Если по Ю. Хабермасу основная функция власти – это функция коммуникации, то Н. Луман саму власть определяет как средство коммуникации, как «символически генерализованного медиума коммуникации» [3]. С позиций коммуникативного подхода не только власть, но и право выступает в роли подобного медиума, способствуя обобщению смысловых ориентаций, закреплению единого смысла между различными субъектами в различных ситуациях, причем не только в виде норм-принципов, норм-целей, но и *норм-символов, т. е., выполняя, в терминологии Н. Лумана, символическую генерализацию*. Если власть, по Н. Луману, – это управляемая кодом коммуникация, то и право можно рассматривать как коммуникацию, которая регулируется совокупностью общезначимых правил и общепринятых норм. Таким образом, и право, и власть предстают как средства человеческих взаимодействий, упорядочивающих социальное бытие. Это нормоотношения, имеющие в своей основе информационно-коммуникативный волевой компонент, различные формы поведения субъектов правовых и политических отношений. Современные стратегии и практики власти, феномена, безусловно, коммуникативного по своей сути, должны опираться на концептуальные положения права человека на коммуникацию. Теоретические положения права на коммуникацию были сформулированы в 1970-е гг. французским исследователем Ж. д'Арси (право человека на коммуникацию) [4, с. 5–6; 5]. Вертикальный поток информации, т. е. ее передачу средствами массовой информации для больших аудиторий нельзя рассматривать как полноценную коммуникацию, утверждает Ж. д'Арси. Развитие коммуникации предполагает также и горизонтальный, взаимовыгодный информационный обмен, т. е. непосредственное общение–коммуницирование индивидов и социальных групп, способствующее участию в общественных делах, совместной реализации социально значимых потребностей независимо от территориальных границ их жизнедеятельности. Следовательно, право на комму-

никацию – это «законодательно гарантированное обеспечение общедоступной общительности – *convivialite*» [6]. Основные свойства этого права, выявленные в диссертационном исследовании Э. А. Татаринцевой: естественность, всеобщность, универсальность, самоценность [7, с. 11]. Неотчуждаемость и неизбирательность данного вида права связаны с его «естественным» происхождением, а определенный содержательный минимум правовых проявлений обязателен для государства, при этом свойство универсальности не ограничивает расширение его норм в конкретном социокультурном контексте, а свойство самоценности подчеркивает его способность служить целью и средством для осуществления социальных и политических коммуникаций.

Основными структурными элементами права на коммуникацию в концепции Ж. д'Арси выступают: 1) право доступа к средствам коммуникации в качестве получателя информации и 2) право непосредственного участия в процессе коммуникации, возможность потребителя быть создателем и распространителем информации. Доступ, участие, коммуникация – ключевые понятия в концепции Ж. д'Арси. Если в государстве априори признаются права человека, то акцент в разработке и реализации данного права делается не столько на обеспечении граждан социально значимой информацией, сколько на возможности и способности граждан пользоваться для ее получения, производства и распространения информационно-коммуникационными технологиями. В этом случае, опираясь на концепцию свободного потока информации, право на коммуникацию можно определять как право универсального доступа к информации, право на универсальное обслуживание. Исходя из концепции универсальной услуги и интенсивного развития государственно-гражданского коммуницирования, некоторые исследователи рассматривают право на коммуникацию «в качестве нового социально-экономического права, нежели личного или политического информационного права в смысле ст. 29 Конституции РФ» [8], где закреплены базовые информационные свободы наряду с гарантиями.

В контексте современных социально-политических условий и правового регулирования информационной сферы в России преобладает концепция права на информацию. По аналогии

со структурой права на коммуникацию, ключевыми понятиями являются доступ, участие и информация. Право на доступ к информации в законодательстве трактуется преимущественно как информационная открытость власти. Во исполнение ст. 29 и ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, право на доступ к информации закрепляется Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» № 8 от 21.01.2009. Статья 6 данного закона определяет порядок доступа к официальной информации посредством предоставления сведений конкретному лицу (по запросу) и распространения информации для неограниченного круга лиц (опубликование в СМИ, Интернете, размещение в помещениях органов власти). Исключение составляет информация ограниченного доступа, статус которой закреплен в ст. 5 ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006. Виды информации ограниченного доступа прописаны в федеральных, отраслевых законах и кодексах: государственная тайна (ст. 5 ФЗ № 5485 «О государственной тайне» 1993 г.); персональные данные (ст. 3 ФЗ № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г.; Письмо Банка России № 137-Т от 28.11.2001; ФЗ № 143-ФЗ от 15 ноября 1997 г.); тайна следствия и судопроизводства (ФЗ № 119-ФЗ от 20 августа 2004 г.); служебная тайна (ГК РФ; Указ Президента РФ № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» от 06.03.1997; ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006); профессиональная тайна (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений и т.д., ФЗ № 149-ФЗ от 27.07.2006; Указ Президента РФ № 188 от 06.03.1997); коммерческая тайна (ГК РФ; ФЗ № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» от 29.07.2004); сведения о сущности изобретения (ГК РФ, гл. 72). За рамками вышеперечисленных исключений-ограничений, информационные ресурсы должны быть открыты для граждан.

В настоящее время, когда сеть Интернет является общедоступной, наиболее актуальный способ открытости и «распространения информации для неограниченного круга лиц» – официальные

сайты ведомств. Статья 13 ФЗ № 8 устанавливает содержание информации, которую государственные органы обязаны разместить на своих сайтах, ФЗ № 112 «О внесении изменений...» от 07.06.2013¹ уточняет понятие общедоступной информации, размещаемой в форме открытых данных, а Постановление Правительства РФ № 583 от 10.07.2013² определяет правила отнесения информации к общедоступной и порядок ее размещения в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Мониторинговый анализ исполнения данных правовых установок, актуальной интернет-представленности федеральных органов власти ежегодно осуществляет Институт развития свободы информации. Результаты мониторинга 2013 г. свидетельствуют о расширении присутствия органов государственной исполнительной власти в сети Интернет. В призовой тройке: ФМС России (100 %), Роскомнадзор (95 %) и Минкультуры России (93,9 %); завершает рейтинг Федеральное агентство по строительству и ЖКХ (17 %). Среднее значение информационной открытости официальных сайтов исполнительных органов власти – 60 %. Вне доступа по-прежнему остаются такие сведения, как «отчетность и статистическая информация; информация о размещении заказов на поставки товаров, выполнение услуг; информация о государственных информационных системах; информация о проверках» [9]. Вместе с тем сравнение со средним показателем 2008 г. (19,87 %) свидетельствует о действенности вышеперечисленных нормативно-правовых актов, принятых после 2009 г., т. е. после введения в силу ФЗ № 8.

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»: Федеральный закон № 112-ФЗ от 07.06.2013 // Российская газета. – 2013. – № 124. – 11 июня.

² Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в форме открытых данных: Постановление Правительства РФ № 583 от 10 июля 2013 г. // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 30 (ч. II). – Ст. 4107.

Одна сторона вопроса – полнота представленной информации, другая – доверие населения к информации, выложенной в сети официальными инстанциями. Доверие формируется в процессе содействия, соучастия, совместного обсуждения, решения, реализации социально значимых проблем. Поэтому право искать и получать информацию дополняется правомочиями граждан передавать, распространять и производить информацию. Опираясь на конституционную свободу слова, право на публичное выражение собственного мнения, следует говорить о возможности участия в информационном обмене не только профессиональных субъектов информационной деятельности (журналистов, аналитиков, политиков и т. д.), но и всех пользователей-потребителей информации. Участие – это не только возможность получения информации по запросу или в открытом доступе и ее передачи, это возможность и способность интерактивного общения во всех сферах жизнедеятельности. Благоприятное влияние «широкого коммуникативного участия граждан» на область правотворчества подчеркивается в монографии Марка ван Хука. Публичные коммуникации придают закону свойство когерентности, адаптивности и коммуникативной легитимации, утверждает автор [2, с. 326], что непосредственным образом детерминирует легитимацию власти. Однако в поле российской политики наблюдается примат исполнительной власти над законодательной с имитацией многопартийности, что позволяет властвующему субъекту обходиться без широкого гражданского участия в делах государственных. Демократические институты и процедуры зачастую используются влиятельными акторами политики в собственных и корпоративных интересах, что неизбежно снижает кредит доверия населения власти. Так, по данным «Левада-Центра», лишь 10 % и 25 % респондентов убеждены, что нарушений закона не было на парламентских и президентских выборах соответственно [10, с. 13]. Подобная ситуация «разорванной коммуникации» в системе «власть-общество» порождает протестные настроения, которые в той или иной степени осознанности охватывают в настоящее время от 25 % до 35 % населения [10, с. 21]. Исследования российских и зарубежных ученых показывают, что по демографическим, экономическим и социальным

параметрам участники акций оппозиции и сторонники власти не имеют различий [11]. Следовательно, всплеск протестной активности связан не с финансовым кризисом, а носит политический характер и базируется на «эффекте информационного каскада», способствующего массовой самоорганизации участников. Мониторинговые всероссийские опросы подтверждают данный вывод, демонстрируя следующую динамику: если в 2010 г. за демократические права и свободы высказывались 16 %, а за поддержание стабильности любыми средствами – 72 %, в 2011 г. – уже 23 и 56 % соответственно, то в 2013 г. – 33 и 57 % [12].

Коммуникационной площадкой гражданского участия, развивающей, в соответствии с концепцией Ж. д`Арси, горизонтальные связи, являются преимущественно социальные медиа и такие традиционные формы публичной политики, как мирные собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, право на которые закреплено Конституцией РФ (ч. 2 ст. 31). В развитие данной конституционной статьи принят ФЗ № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19 июня 2004 г., который признает целью публичных мероприятий «свободное выражение и формирование мнений, а также выдвижение требований по различным вопросам» (ст. 2, п. 1). Однако российский тренд развития публичных мероприятий со свободным выражением мнений от акций «Стратегии 31» до массовых митингов на Манежной и Болотной площади ориентирует власть не на развитие государственно-гражданского дискурса, а на ужесточение законодательства в русле административно-силовых парадигм властвования. За «массовое одновременное пребывание и (или) передвижение граждан в общественных местах» (КоАП РФ, ст. 20.2), за участие в «прогулках», «маршах», «гуляниях», а также призывы к участию в них введены солидные штрафы в соответствии с законом³, усиливающим ответственность за нарушения на митингах. Данные санкции свидетельствуют об игнорировании гражданских

интенций, об отказе власти «слышать» общество и модернизироваться в соответствии с его требованиями. Как следствие, финансовое наказание за право участия в массовом выражении свободного мнения только 17 % респондентов сочли правомерным и адекватным [13].

В свое время, будучи президентом РФ, Д. А. Медведев посоветовал «продвинутым» гражданам «уходить в Интернет» как пространство, свободное от административного давления. Но технологические и политические процессы динамичны и ныне функционирование контент-контрольных программ подкрепляется законодательными поправками в ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴. Совет при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека дал отрицательное заключение данному закону на стадии его разработки, предупреждая, что «поправки могут стать основой для реальной цензуры в сети Интернет формирования списка запрещенных сайтов и IP-адресов с их последующей фильтрацией», а это «губительно скажется на правах граждан России» [14]. Правоприменение данного закона способно создать и уже создает проблемы для вполне «добросовестных интернет-ресурсов с легальным контентом», что ограничивает право на участие в коммуникации законопослушных граждан. Так, например, по данным Роскомнадзора, официальные информационные ресурсы правительства РФ *Gov.ru* и *Kremlin.ru* по количеству жалоб пользователей (2.191 и 693 соответственно) [15] вошли в десятку лидеров, а значит, имеют шанс пополнить собой «черный список».

Вероятно, с целью снижения социально-политической интернет-активности и повышения контроля над СМИ Госдума разрабатывает поправки, приравнивающие популярные блоги к СМИ, а популярные СМИ, вслед за НКО – к «иностранным агентам». Легально функционировать смогут только СМИ-члены региональных и федеральных

³ О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: Федеральный закон № 65-ФЗ от 8.06.2012 // Российская газета. – 2012. – № 131. – 9 июня.

⁴ О внесении изменений в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 139-ФЗ от 28.07.2012 // Российская газета. – 2012. – № 172. – 30 июля.

«саморегулируемых организаций». Феномен регулируемой «саморегуляции» в пространстве публичной политики имеет советские корни и призван вернуть утраченную властью императивную управляемость социально-информационными процессами.

Логично предположить, что рассмотренные правотворческие инновации ограничительного характера приостановили процесс вступления России в Партнерство открытых правительств (*Open Government Partnership – OGP*), намеченное на 2013 г., так как деятельность в рамках данной организации предполагает открытое участие граждан в политике и принятии государственных решений. В связи с этим основатель Фонда свободы информации И. Ю. Павлов, участвующий в разработке российского Плана действий для *OGP*, оценил Россию как «приоткрытое» государство, что согласуется с результатами исследования, проведенного экспертной организацией *Open Knowledge Foundation* [16]. Сводная таблица исследования – «Ценз открытых данных G8» демонстрирует отсутствие стопроцентных показателей открытости важной общественной информации у всех стран «большой восьмерки»: максимальный индекс у США (54 из 60 возможных), минимальный – у России (30/60). Поэтому на саммите группы G-8 (июнь 2013 г.) тема свободы информации оказалась одной из самых актуальных. В итоговой «Хартии открытых данных» G-8 подчеркивается, что «открытые данные представляют собой все еще незадействованный ресурс с огромным потенциалом для стимуляции построения более сильных обществ» [17].

Выводы

В русле данных международных тенденций и во исполнение Указа Президента РФ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» от 7 мая 2012 г. следует рассматривать введение должности министра по вопросам Открытого правительства, внедрение порталов открытых данных, запуск пилотных проектов «Открытое министерство», а в ряде субъектов РФ – «Открытый регион». Таким образом, в соответствии с законодательством, власть предпринимает конкретные меры по обеспечению доступа к открытым данным, содержащимся в информационных системах орга-

нов государственной власти. Формула Открытого правительства гласит: «прозрачность+участие=подотчетность, эффективность, продуктивность», т. е. второе слагаемое связывает реализацию целей и задач социального государства с коммуникативными взаимодействиями. Поэтому для членов Партнерства открытых правительств закономерным следствием права на доступ к информации («прозрачность») является право на участие в процессе не только вертикальной, но и горизонтальной коммуникации. Именно в этой части права на коммуникацию концентрируются основные российские проблемы, решение которых требует развития институтов гражданского участия и функционирования механизмов «обратной связи», которые способны обеспечить гражданский контроль. Данная целеустановка требует реализации следующих политико-правовых долженствований:

– вмешательство государства в область информационных прав и свобод должно иметь ограниченный круг оснований, перечисленных в ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵. Более того, в соответствии с принципом пропорциональности (соразмерности), адресованным законодателю и судам, ограничивающие условия не должны умалять свободы.

– правовые ограничения информационных свобод, соответствующие требованиям демократического участия, должны оптимально сочетаться со стимулирующими методами правового воздействия, направленными на эффективное развитие государственно-гражданских коммуникаций.

– правоприменительная практика, по рекомендации В. В. Путина, должна быть такой, «которая не ограничивала бы никоим образом демократические права граждан на волеизъявление и на выражение своей позиции по любым вопросам внутренней и внешней политики, в том числе и с помощью уличных шествий и мероприятий» [18]. Такой тип правоприменения выражает социальную конвенциональность,

⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод, измененная и дополненная протоколом № 11, Рим, 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

опирается на гуманистические, общепризнанные принципы правотворчества и создает социально комфортную ситуацию удовлетворения общественно-коммуникативных ожиданий, связанных с реализацией права человека на информацию и коммуникацию.

Список литературы

1. Попов В. Д. Социальная информатология: проблемы становления и развития. – М.: РАГС, 2004. – 69 с.
2. Марк ван Хук. Право как коммуникация: пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. – СПб.: Университетский издательский консорциум, 2012. – 288 с.
3. Луман Н. Медиа коммуникации. – М., 2005. – URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/luman_media/
4. Право на коммуникацию: обзор материалов «Комиссии Макбрайда». – М.: АН СССР-ИНИОН, 1980. – 59 с.
5. Ж. д'Арси. Право на коммуникацию. – Париж, 1980. – 286 с.
6. Терин В. П. Массовая коммуникация: исследование опыта Запада. – М.: МГИМО, 2000. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Terin/07.php
7. Татаринцева Э. А. Реализация права на коммуникацию в информационном обществе: автореф. ... дис. канд. полит. наук. – М.: РАГС, 2009.
8. Шевердяев С. Право на доступ к информации в России: проблемы теории и законодательства. – URL: http://www.dzvalosh.ru/02-dostup/statii/pravo_na_dostup_k_inf_2.htm
9. Результаты мониторинга официальных сайтов федеральных органов исполнительной власти – 2013 г. / Фонд

Свободы Информации. – URL: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/2527>

10. Президентские выборы в России 2012 г.: постэлекторальный анализ. Отчет об установках и оценках электората. – М.: Левада-Центр, 2012. – 21 с. – URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/russianelections2012_0.pdf

11. Научный анализ российских протестов // Объясняя политику протеста в России: инновации в теории и анализе данных. – М.: НИУ ВШЭ, 4.07.2013. – URL: <http://opesc.ru/1545836.html>

12. Опрос расставил все по порядку / Коммерсантъ. – 2013. – 27 июля. – URL: <http://kommersan.ru/doc/2243079>

13. «Левада-центр»: 38% россиян не одобряют закон о митингах. – URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1827735/nasilie_ne_variant

14. Заявление членов Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека в отношении законопроекта № 89417-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». – URL: http://www.president-sovet.ru/council_decision/council_statement/zayavlenie_chlenov_soveta_v_otnoshenii_zakonoproekta_89417_6.php

15. Черный список Роскомнадзора возглавили «В Контакте» и правительство. – URL: <http://izvestia.ru/news/553151>

16. G8 Open Data Census. – URL: <http://census.okfn.org/g8/>

17. G8 Open Data Charter and Technical Annex. Published 18 June 2013. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/open-data-charter/g8-open-data-charter-and-technical-annex>

18. Совещание по вопросам совершенствования судебной системы, 8 июня 2012 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/15607>

В редакцию материал поступил 05.09.13

© Гайнуллина Л.Ф., Леонтьева Л.С., 2013

Информация об авторах

Гайнуллина Лилиана Файберговна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: lianagai@yandex.ru

Леонтьева Людмила Станиславовна, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института управления и территориального развития, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 6/20, тел.: (843) 231-54-66

E-mail: Lsl3@yandex.ru

Как цитировать статью: Гайнуллина Л. Ф., Леонтьева Л. С. Право на коммуникацию: должное и сущее // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 217–225.

L. F. GAINULLINA,

PhD (Philosophy), associate professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

L. S. LEONTYEVA,

PhD (Philosophy), associate professor

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

RIGHT FOR COMMUNICATION: THE DUE AND THE ACTUAL

Objective: to define the notion, structure and features of implementation of right for communication in Russia.

Methods: social-communicative approach using general scientific methods of analysis and generalization.

Results: basing on the analysis of empirical and statistical data the dialectic contradiction is revealed between the actual as the instantaneous state of affairs in political-communicative sphere and the due as a system of information-communicative relations formed on the basis of normative-legal acts regulating the information sphere, which are adequate for the modern democratic society. The political-legal necessities are defined, which promote the implementation of the right for communication.

Scientific novelty: the correlation is defined between the notions “right for communication” and “right for information”; structural elements of the given legal system are analyzed, as well as the mechanism of their implementation in the context of the modern political events and informational law-making.

Practical value: the possibility of dialogical optimization of information-communication relations in the political sphere by adequate methods of legal regulation. Implementation of the right for communication promotes perseverance of the dynamic balance of the social system, rationalization of conflicts and communicational legalization of the authorities.

Key words: right for communication; access to information; freedom of speech; civil participation; information-communication relations; state-civil discourse; open government.

References

1. Popov, V. D. *Sotsial'naya informatsiologiya: problemy stanovleniya i razvitiya* (Social informationology: issues of formation and development). Moscow: RAGS, 2004, 69 p.
2. Mark van Khuk. *Pravo kak kommunikatsiya* (Right as communication). Saint Petersburg: Universitetskii izdatel'skii konsortium, 2012, 288 p.
3. Luman, N. *Mediakommunikatsii* (Mediacommunications). Moscow, 2005, available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/luman_media/
4. *Pravo na kommunikatsiyu: obzor materialov "Komissii Makbraida"* (Right for communication: review of “McBride Commission” materials). Moscow: AN SSSR-INION, 1980, 59 p.
5. Zh. d'Arzi. *Pravo na kommunikatsiyu* (Right for communication), Parizh, 1980, 286 p.
6. Terin, V. P. *Massovaya kommunikatsiya: issledovanie opyta Zapada* (Mass communication: research of the Western experience). Moscow: MGIMO, 2000, available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Terin/07.php
7. Tatarintseva, E. A. *Realizatsiya prava na kommunikatsiyu v informatsionnom obshchestve* (Implementation of the right for communication in information society). Moscow: RAGS, 2009.
8. Sheverdyayev, S. *Pravo na dostup k informatsii v Rossii: problemy teorii i zakonodatel'stva* (Right for information access in Russia: issues of theory and legislation), available at: http://www.dzyalosh.ru/02-dostup/statii/pravo_na_dostup_k_inf_2.htm
9. Rezul'taty monitoringa ofitsial'nykh saitov federal'nykh organov ispolnitel'noi vlasti – 2013 g. (Results of monitoring of official sites of federal executive authorities – 2013), *Fond Svobody Informatsii*, available at: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/2527>
10. *Prezidentskie vybory v Rossii 2012 g.: posteletoral'nyi analiz. Otchet ob ustanovkakh i otsenkakh elektorata* (President elections in Russia 2012: post-electoral analysis. Report on the concepts and evaluations of the electorate). Moscow: Levada-Tsentr, 2012, 21 p., available at: http://www.levada.ru/sites/default/files/russianelections2012_0.pdf
11. Nauchnyi analiz rossiiskikh protestov (Scientific analysis of the Russian protests), *Ob'yasnyaya politiku protesta v Rossii: innovatsii v teorii i analize dannykh*. Moscow: NIU VShE, 4.07.2013, available at: <http://opec.ru/1545836.html>
12. Opros rasstavil vse po poryadku (The poll made it clear), *Kommersant*, 2013, 27 July, available at: [Kommersant.ru/doc/2243079](http://kommersant.ru/doc/2243079)
13. “Levada-tsentr”: 38% rossiyan ne odobryayut zakon o mitingakh (“Levada-tsentr”: 38% of the Russians do not approve of the law on meetings), available at: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1827735/nasilie_ne_variant
14. *Zayavlenie chlenov Soveta pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka v otnoshenii zakonoproekta № 89417-6 “O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon “O zashchite detei ot informatsii, prichinyayushchei vred ikh zdorov'yu i razvitiyu”* (Statement of the members of the Russian President Council on the civil society development and human rights referring to the draft law # 89417-6 “On introducing the changes to the Federal Law “On protecting children against information doing harm to their health and development”), available at: http://www.president-sovet.ru/council_decision/council_statement/zayavlenie_chlenov_soveta_v_otnoshenii_zakonoproekta_89417_6.php
15. *Chernyi spisok Roskomnadzora vozglavili “V Kontakte” i pravitel'stvo* (“Vkontakte” and the government headed the black list of Roskomnadzor), available at: <http://izvestia.ru/news/553151>
16. *G8 Open Data Census*, available at: <http://census.okfn.org/g8/>
17. *G8 Open Data Charter and Technical Annex*. Published 18 June 2013, available at: <https://www.gov.uk/government/publications/open-data-charter/g8-open-data-charter-and-technical-annex>
18. *Soveshchanie po voprosam sovershenstvovaniya sudebnoi sistemy, 8 iyunya 2012 g.* (Session on the issues of court system improving, 8 June 2012), available at: <http://www.kremlin.ru/news/15607>

Information about the authors

Gainullina Liliana Faibergovna, PhD (Philosophy), associate professor of the chair of philosophy, professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: lianagai@yandex.ru

Leontyeva Lyudmila Stanislavovna, PhD (Philosophy), associate professor of the chair of public management of the Institute for management and territorial development, Kazan (Volga region) Federal University

Address: 6/20 Kremlyovskaya Str., 420008, Kazan, tel.: (843) 231-54-66

E-mail: Lsl3@yandex.ru

How to cite the article: Gainullina L.F., Leontyeva L.S. Right for communication: the due and the actual, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 217–225.

© Gainullina L. F., Leontyeva L. S., 2013

ПОЗНАНИЕ

Скоробогатов А.В. Русская Правда: учебное пособие для семинарских занятий по дисциплине «История отечественного государства и права» / А.В. Скоробогатов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики управления и права, 2013. – 112 с.

Учебное пособие обобщает и систематизирует материалы по истории создания и содержания важнейшего источника русского права – Русской Правды. В пособии представлены тексты Русской Правды с переводом на современный русский язык, комментарии и дополнительные материалы, предназначенные для изучения данного источника.

Предназначено для студентов, магистранов, аспирантов и преподавателей юридических факультетов, а также для читателей, интересующихся историей русского права и законодательства.

УДК 340.13:34.01:159.9

А. В. КРАСНОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Казанский филиал Российской академии правосудия, г. Казань,

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

СОДЕРЖАНИЕ САНКЦИЙ НОРМ ПРАВА В СВЕТЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Цель: выявление связей между общепринятыми общественными ценностями и содержанием санкций норм права путем сопоставительного исследования.

Методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный и аксиологический.

Результаты: в результате анализа законодательства, а также иных эмпирических фактов доказано наличие косвенных связей между интересами современного общества и содержанием санкций норм права. Особенно ярко соответствующие связи проявляются в сфере экономических преступлений и административных правонарушений, а также гражданско-правовых деликтов. Выявлен комплекс благ современного общества, которые могут подвергаться воздействию со стороны санкций норм права и доказан их объективно консервативный характер. Обоснована эффективность поиска адекватных современным правонарушениям мер воздействия.

Научная новизна: осуществлен комплексный подход к исследованию благ, подвергающихся негативно-правовому воздействию, дана их теоретико-правовая структуризация; впервые выявлены в новом контексте прямые и косвенные связи между указанными благами и общественными ценностями; уточнены пути дальнейшей трансформации санкций норм права в сторону повышения их эффективности.

Практическая значимость: положения, сформулированные по итогам статьи, могут применяться в законодательной деятельности в целях повышения эффективности действия санкций норм права, что в целом направлено на совершенствование правоприменения и стабилизацию правопорядка в российском обществе.

Ключевые слова: санкция; ценность; правонарушение; наказание; благо; воздействие; интерес.

Введение

Исследование тех или иных правовых явлений с помощью нестандартных методологических средств дает возможность с новых позиций оценить сущность и содержание явлений, внести элементы новизны в достижения юридической науки. Информационно-психологический подход к праву в последние десятилетия используется все чаще, так как позволяет выйти за пределы узконормативной трактовки права, выявить внутренние закономерности содержания норм права. Суть подхода заключается в обращении к потребностям, интересам субъектов, а механизм правового регулирования видится его представителями как система средств, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права [1, с. 61; 2, с. 25; 3; 4, с. 11, 13].

Применение указанного подхода к исследованию санкций представляется актуальным, прежде всего, потому, что санкция как разновидность правового ограничения, безусловно, оказывает

мотивационное воздействие; при этом соотношение системы собственных ценностей субъекта с системой ценностей, заложенных в содержание санкций норм права, существенно влияет на результаты воздействия [5, с. 64, 119]. «...Изучение ценности права требует обращения к потребностям субъектов» [6, с. 22].

Ценность права чаще всего видится в обеспечении свободы человека, стабильности, урегулированности отношений, ограничении произвола публичной власти. Так, С. С. Алексеев отмечает, что ценность права – в упорядоченной социальной свободе и справедливости [7, с. 128]. Выделяются такие общеправовые ценности, как свобода, справедливость, формальное равенство [8, с. 96]. Указанные правовые ценности имеют прямое отношение и к содержанию санкций норм права, так как на них основываются характеристики непосредственных мер воздействия, используемых в рамках санкций, т. е. в этом плане общеправовые ценности исполняют роль определенных принципов.

В то же время чрезвычайно важным и актуальным, с нашей точки зрения, представляется исследование того, на какие блага преимущественно оказывают влияние санкции норм права, и каково соотношение этих благ с общепринятыми общественными ценностями. Справедливость санкций в плане полезности их воздействия, удовлетворения интересов потерпевших – проблематика, которая находит отражение в зарубежной юридической мысли [9; 10]. Без решения указанных проблем представляется невозможным повышение эффективности санкций норм права и стабилизация правопорядка в обществе.

Цель нашего исследования – выявление связей между общепринятыми ценностями и содержанием санкций норм права.

Результаты исследования

Дать характеристику реальным ценностям современного общества непросто в силу пестроты современного общественного сознания. Российское общество неоднородно; кроме того, интерпретация социальных фактов в гуманитарной науке зависит от позиции исследователя, а также от целей, к которым движется общество, что является отражением так называемой постнеклассической научной рациональности.

В соответствии с Конституцией РФ¹ основная ценность современного российского общества – человек, его права и свободы. В то же время все чаще утверждают о том, что система традиционных ценностей утрачена [11], а личное обогащение осуществляется в ущерб публичным интересам [12]. На страницах «Российской газеты» филолог и писатель Валентин Непомнящий отметил мифологичность истинности и ценности, акцентированность общества на целях и средствах их достижения [13].

Результаты опроса ВЦИОМ «Что такое счастье?» показали, что современные россияне на первое место ставят семейное благополучие, за-

тем – здоровье свое и близких, а вот на третьем месте находится материальное благополучие [14].

Санкция – лишь одно из многочисленных средств правового регулирования. В данной работе под санкцией мы имеем в виду как элемент нормы права, так и меры воздействия, содержащиеся в последнем [15; 16]. Преувеличивать значение санкций не стоит, однако преуменьшение их роли также будет неправильным.

Сложился определенный перечень социальных благ, подвергаемых воздействию, в качестве которых выступает, во-первых, свобода человека. Ряд санкций затрагивает физическую свободу в широком смысле (арест в уголовном² и административном праве³, лишение свободы по нескольким разновидностям, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части в уголовном праве). Кроме того, законодатель традиционно предусматривает некую «специализацию» данного блага, используя целый ряд санкций для воздействия на свободу труда, ущемляя ее (исправительные работы, принудительные работы в уголовном праве, обязательные работы в уголовном и административном праве), а также на право осуществлять определенные виды деятельности, на которые государство дает разрешение (лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в уголовном праве; лишение специального права, предоставленного физическому лицу, в административном праве). Есть также целый ряд иных санкций, предусматривающих отдельные ограничения правового статуса как для физических, так и для юридических лиц, что также можно в целом рассматривать как воздействие на свободу как на социальное благо (ограничение по военной службе, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград в уголовном праве, предупреждение в административном праве, административное выдворение за пределы Российской Федерации

¹ Конституция России. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (№ 6-ФКЗ с изм. от 30.12.2008 г., № 7-ФКЗ от 30.12.2008) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237; Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 1; Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 2.

² Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.96 (ред. № 245-ФЗ от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. № 252-ФЗ от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

иностранного гражданина или лица без гражданства, дисквалификация, административное приостановление деятельности).

Во-вторых, санкции воздействуют на такое благо, как собственность, обладание имуществом (штраф в уголовном и административном праве, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения).

Что касается гражданско-правовых санкций, то они, как известно, главным образом носят имущественный характер (возмещение убытков – ст. 15, 393 Гражданского кодекса РФ⁴, взыскание неустойки – § 2 главы 23 ГК РФ, а также ответственность за нарушение денежных обязательств – ст. 395 ГК РФ. В то же время анализ таких санкций позволяет говорить о некотором разнообразии воздействия, так как ряд санкций направлен на ограничение в осуществлении прав, т. е. в конечном счете затрагивает человеческую свободу в широком смысле (к примеру, одностороннее расторжение договора как оперативная санкция – ст. 450 ГК РФ), а также может выражаться в признании тех или иных юридически значимых актов недействительными (ст. 12 ГК РФ).

Россия провозглашает себя демократическим правовым государством (ст. 1 Конституции РФ). Согласно ст. 6–11 Международного пакта о гражданских и политических правах⁵, ни при каких обстоятельствах не могут быть ограничены такие права, как право на жизнь, право не подвергаться жестокому бесчеловечному обращению, право не подвергаться без своего согласия медицинским или научным опытам, право не содержаться в рабстве или подневольном состоянии, право не подвергаться лишению свободы за невыполнение какого-либо договорного обязательства. Собственно, здоровье, половая свобода, честь и достоинство не могут выступать содержанием санкций ни при каких обстоятельствах [17, с. 38] (по поводу жизни и соответственно смертной казни мнения неоднозначны).

Таким образом, связи между общественными ценностями и благами, на которые осуществляют

воздействие санкции, существуют, но далеко не всегда носят прямой характер. Более того, применительно к уголовным деяниям давно высказана мысль о том, что наказание имеет символическое значение, оно просто означает, что обществу причинен вред деянием [18, с. 120].

Исследование соотношения санкций уголовного права и экономической «стоимости» преступлений приводит ученых к выводу о том, экономический ущерб от нарушения прав человека меньше, чем от преступлений против собственности, т. е. на самом деле, хотя де-юре человеческая жизнь, права человека ставятся уголовным законодательством на первое место по жесткости санкций, в стоимостном выражении они не столь опасны для общества [19, с. 63].

Полагаем, необходимо серьезно задуматься над приведенным выводом. Пусть оно и не бесспорно, однако заслуживает глубоко внимания. Для исправления ситуации, по нашему мнению, одних усилий со стороны государства явно недостаточно – должно меняться все общество. Если же оно меняться не будет, то лицемерие будет усиливаться, а противоречие между санкциями УК РФ и реальной экономической ситуацией – нарастать.

Несмотря на то, что санкции норм права консервативны, и в целом перечень возможных социальных благ, в отношении которых санкции могут оказывать то или иное воздействие, на данный момент по существу не подлежит расширению; трансформация содержания санкций в сторону воздействия на ценности из числа наиболее важных для современного человека, которые адекватны сложившемуся культурному, социально-экономическому уровню развития общества, необходима. Санкция должна не просто формировать определенную мотивацию или контрмотивацию, она должна в определенной, пусть и ограниченной степени, оказывать воспитательное воздействие на ту ценностную сферу, которая наиболее близка большей части населения.

В целом трансформация санкций в исследуемом нами ракурсе возможна и практикуется в следующих направлениях: совершенствование уже имеющихся санкций, «приближение» их по мере возможности к мотивации потенциального правонарушителя – в одних случаях через применение более адекватных деянию

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ (ч. 1) от 30.11.1994 (ред. от 02.07.2013. № 167-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – 1994.

санкций (более широкое применение штрафов в уголовном праве⁶, особенно по экономическим преступлениям⁷), а также переключение на качественные иные имеющиеся на данный момент меры воздействия, если обычно применяемые за данное деяние санкции теряют свою эффективность (например, использование лишения права, административного ареста, если штраф не действенен⁸; упомянутое выше использование уголовно-правовых штрафов, более активное использование альтернативных санкций, не связанных с лишением свободы, в уголовном праве⁹); вводятся также и новые виды санкций, однако в пределах имеющегося перечня социальных благ (свободы в широком смысле) с попыткой каким-то образом разнообразить воздействие на установки правонарушителя – как, к примеру, обязательные работы в административном праве (ст. 3.13 КоАП РФ) или принудительные работы в уголовном праве (ст. 53.1 УК РФ).

Нельзя не упомянуть и об изменении пределов санкций в количественном отношении, т.

⁶ Федеральный закон № 162-ФЗ от 08.12.2003 (ред. от 07.12.2011.) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 26-ФЗ от 07.03.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 11. – Ст. 1495.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон № 97-ФЗ от 04.05.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2714; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции: Федеральный закон № 253-ФЗ от 21.07.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4601.

⁸ К примеру, О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 49-ФЗ от 05.04.2013 // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14. – Ст. 1657.

⁹ Федеральный закон № 162-ФЗ от 08.12.2003 (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от № 26-ФЗ 07.03.2011 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 11. – Ст. 1495.

е. об усилении (смягчении) наказаний. И если для административной ответственности более характерно усиление санкций, то в уголовном праве одновременно существует и тенденция гуманизации уголовных наказаний, которая происходит поэтапно, выражается в упомянутом выше более широком использовании альтернативных лишению свободы наказаний, снижении нижних пределов санкций [20].

В этом плане отечественные санкции включаются в общемировой вектор развития: как подчеркивают наши иностранные коллеги, санкция должна давать не столько карательное удовлетворение (оно должно игнорироваться), сколько осуществлять социальное сдерживание [9, с. 224–225].

Есть и иные пути возможных трансформаций содержания санкций в более эффективную сторону. Здесь можно упомянуть зарубежный опыт: в частности, в Германии размер доходов лица учитывается при определении размера штрафа [21]. Следует согласиться с тем, что «использование единой правовой меры принуждения к одинаковому в юридическом отношении поступкам имущего и неимущего в условиях любой социальной системы заведомо несправедливо. Напротив, применение единого правового масштаба к поступкам людей, равным не только в правовом, но во многом в социальном и экономическом отношениях, в принципе возможно и справедливо» [22, с. 16].

Как сказанное согласуется с принципом формального равенства? Необходимо различать формальное равенство как общеправовой принцип, в соответствии с которым норма права выступает как равный масштаб для соответствующих адресатов, и распространение нормы на соответствующую группу лиц, которые определяются родовыми или индивидуальными признаками. Скажем, смертная казнь изначально не должна была применяться к пожилым мужчинам старше 65 лет, несовершеннолетним, а также к женщинам (п. 2 ст. 59 УК РФ), однако при этом принцип формального равенства не считается нарушенным.

Думается, что такой подход к использованию размеров штрафов также является проявлением принципа соразмерности, как и соответствие преступления характеру и степени общественной опасности, обстоятельствам его совершения и

личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). Аналогичная норма устанавливается ч. 2 и 3 ст. 4.1. КоАП РФ. Можно найти такого рода примеры и в гражданском законодательстве (например, об этом речь идет в ч. 3 ст. 1083 Гражданского кодекса РФ¹⁰ (ч. 2), где сказано, что суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, с учетом его имущественного положения, за исключением случаев, когда вред причинен действиями, совершенными умышленно.

Выводы

Таким образом, связь между существом мер воздействия, закрепленных в санкциях норм права, и общественными ценностями, имеет место и носит главным образом косвенный характер. В то же время в российской законодательной практике присутствует определенное движение в сторону поиска адекватности санкции совершенным деяниям, с переключением воздействия на иные значимые для субъектов ценности, что находится в общемировом векторе развития и не может вызывать удовлетворения, так как эффективность санкций, их содержательное совершенствование – одно из важных условий повышения уровня правопорядка в нашей стране.

Список литературы

1. Орзих М. Ф. Личность и право. – М.: Юридическая литература, 1975. – 112 с.
2. Новик И. Б. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. – М.: Госполитиздат, 1963. – 208 с.
3. Кудрявцев Ю. В. Нормы права как социальная информация. – М.: Юридическая литература, 1981. – 144 с.
4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. – 2-е изд., перераб. и доп., науч. – М.: Юрист, 2005. – 250 с.
5. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001. – 195 с.
6. Новиков М. В. Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2004. – 171 с.
7. Алексеев С. С. Теория права. – М.: БЕК, 1993. – 224 с.
8. Шафиринов В. М. Естественно-позитивное право: Проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – Красноярск, 2005. – 479 с.
9. Polinsky, A Mitchell and Shavell, S. The fairness of sanctions: some implications for optimal enforcement

policy American Law and Economics Review, Vol. 2, No. 1, pp. 223–237, 2000; Stanford Law and Economics Olin Working Paper No. 167; Harvard Law and Economics Discussion Paper No. 247. – URL: <http://aler.oxfordjournals.org/content/2/2/223.abstract>

10. Shavell, S. Law versus Morality as Regulators of Conduct // Am Law Econ Rev (2002) 4 (2). – URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=293905

11. Любова Т. В. Реализация аксиологического подхода в процессе развития межкультурной компетенции студентов вуза: на примере изучения иностранного языка. – Казань, 2009. – 202 с. – URL: <http://www.dissertcat.com/content/realizatsiya-aksiologicheskogo-podkhoda-v-protseesse-razvitiya-mezhkulturnoi-kompetentsii-stu#ixzz2bprBrvAe>

12. Рогозин подготовит поручение, обязывающее руководителей предприятий ОПК декларировать доходы. Голос России. – URL: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/17/63991659/> (дата обращения: 23.09.2013)

13. Наталия Ячменникова, Павел Басинский. Балл после бала. Почему литература стала в школе «необязательной» и как вернуть старшеклассникам сочинение // Российская газета. – 2009. – 11 ноября.

14. Пресс-выпуск № 1814 от 09.08.2011 «Что такое счастье и где живут счастливые люди?» // Официальный сайт ВЦИОМ. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111855> (дата обращения: 14.08.2013)

15. Краснов А. В. Правовые санкции в экономической сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 1999. – 26 с.

16. Краснов А. В. Правовые санкции в экономической сфере: теоретический и цивилистический аспекты. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2003. – 128 с.

17. Щербаков В. В. Уголовная ответственность, ее основание: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1998. – 209 с.

18. Кристи Н. Удобное количество преступлений: пер. с англ. Е. Матерновский. – СПб.: Алетейя, 2006. – 179 с.

19. Долотов Р. О. Цена преступности как показатель общественной опасности преступности // Диалектика противодействия коррупции: мат-лы II Всероссийской науч.-практ. конф. – Казань: Изд-во «Таглитат» ИЭУП, 2012. – 304 с.

20. Епихин А. Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2012. – № 3. – С. 140–145.

21. В Германии дорожных грубиянов усмиряют штрафами. – URL: <http://news.mail.ru/society/4812357/> (дата обращения: 21.09.2013)

22. Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. – М.: Российское право, 1992. – 320 с.

В редакцию материал поступил 02.10.13

© Краснов А. В., 2013

¹⁰ Гражданский кодекс № 14-ФЗ Российской Федерации от 26.01.96 (ч. II) (ред. от 23.07.2013 № 251-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

Информация об авторе

Краснов Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Казанский филиал Российской академии правосудия, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адреса: 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а, тел.: (843) 273-16-74;

420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: field@mail.ru

Как цитировать статью: Краснов А. В. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 226–232.

A.V. KRASNOV,

PhD (Law), associate professor

*Kazan branch of the Russian Academy of Justice, Kazan
Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia*

CONTENT OF LEGAL NORMS' SANCTIONS IN INFORMATION-PSYCHOLOGICAL APPROACH TO THE RESEARCH OF LEGAL PHENOMENA

Objective: to reveal the connections between the conventional public values and the content of legal norms' sanctions by comparative research.

Methods: formal-legal, comparative-legal, systemic-structural and axiological.

Results: resulting from legislation analysis, as well as other empirical facts, the existence of indirect links between the interests of the modern society and the content of legal norms' sanctions. These links are most vividly revealed in the sphere of economic crimes and administrative offences, as well as civil-legal delicts. The complex of benefits of the modern society is revealed, which can be subject to influence from legal norms' sanctions, and their objective conservative character was proved. The efficiency of the search of adequate measures against modern crimes is grounded.

Scientific novelty: the complex approach is implemented to the research of the benefits subject to the negative-legal influence, their theoretical-legal structurization is presented; for the first time the direct and indirect links are revealed between the mentioned benefits and public values; the ways of further transformation of legal norms' sanctions towards increasing their efficiency are specified.

Practical value: the provisions formulated as conclusions of the article can be applied in law-making activities for increasing the efficiency of legal norms' sanctions, which in general will be aimed at improving the law-enforcement in the Russian society.

Key words: sanction; value; offence; punishment; benefit; influence; interest.

References

1. Orzikh, M. F. *Lichnost' i pravo* (Personality and law). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1975, 112 p.
2. Novik, I. B. *Kibernetika. Filosofskie i sotsiologicheskie problemy* (Cybernetics. Philosophical and sociological issues). Moscow: Gospolitizdat, 1963, 208 p.
3. Kudryavtsev, Yu. V. *Normy prava kak sotsial'naya informatsiya* (Legal norms as social information). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1981, 144 p.
4. Mal'ko, A. V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* (Stimuli and limitations in law). Moscow: Yurist, 2005, 250 p.
5. Prikhod'ko, I. M. *Ogranicheniya v rossiiskom prave (problemy teorii i praktiki)* (Limitations in the Russian law (issues of theory and practice)). Saratov, 2001, 195 p.
6. Novikov, M. V. *Ogranichitel'naya funktsiya prava i ee realizatsiya v rossiiskom zakonodatel'stve* (Limitation function of law and its implementation in the Russian legislation). Vladimir, 2004, 171 p.
7. Alekseev, S. S. *Teoriya prava* (Theory of law). Moscow: BEK, 1993, 224 p.
8. Shafirov, V. M. *Estestvenno-pozitivnoe pravo: problemy teorii i praktiki* (Natural-positive law: Issues of theory and practice). Krasnoyarsk, 2005, 479 p.
9. Polinsky, A Mitchell and Shavell, S. *The fairness of sanctions: some implications for optimal enforcement policy* *American Law and Economics Review*, Vol. 2, No. 1, pp. 223–237, 2000; *Stanford Law and Economics Olin Working Paper*, No. 167; *Harvard Law and Economics Discussion Paper*, No. 247., available at: <http://aler.oxfordjournals.org/content/2/2/223.abstract>
10. Shavell, S. Law versus Morality as Regulators of Conduct, *Am Law Econ Rev* (2002), No. 4(2), available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=293905

11. Lyubova, T. V. *Realizatsiya aksiologicheskogo podkhoda v protsesse razvitiya mezhkul'turnoi kompetentsii studentov vuza: na primere izucheniya inostrannogo yazyka* (Implementation of axiological approach when developing inter-cultural competence of university students: on the example of foreign language studies). Kazan', 2009. 202 s. URL: <http://www.dissercat.com/content/realizatsiya-aksiologicheskogo-podkhoda-v-protsesse-razvitiya-mezhkulturnoi-kompetentsii-stu#ixzz2bprBrvAe>
12. Rogozin *podgotovit poruchenie, obyazyvayushchee rukovoditelei predpriyatii OPK deklarirovat' dokhody*. *Golos Rossii* (Rogozin will prepare the order obliging enterprises' heads to declare their incomes. Voice of Russia), available at: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/17/63991659/> (data obrashcheniya: 23.09.2013)
13. Nataliya Yachmennikova, Pavel Basinskii. *Ball posle bala. Pochemu literatura stala v shkole "neobyazatel'noi" i kak vernut' starsheklassnikam sochinenie* (Mark after the ball. Why literature has become "non-obligatory" at school and how to return compositions to senior pupils), *Rossiiskaya gazeta*, 2009, 11th November.
14. "Chto takoe schast'e i gde zhivut schastlivye lyudi?" ("What is happiness and where do happy people live?"), available at: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111855> (data obrashcheniya: 14.08.2013)
15. Krasnov, A. V. *Pravovye sanktsii v ekonomicheskoi sfere* (Legal sanctions in economic sphere). Kazan: Izd-vo "Taglimat" IEUP, 1999, 26 p.
16. Krasnov, A. V. *Pravovye sanktsii v ekonomicheskoi sfere: teoreticheskii i tsivilisticheskii aspekty* (Legal sanctions in economic sphere: theoretical and civilistic aspects). Kazan: Izd-vo "Taglimat" IEUP, 2003, 128 p.
17. Shcherbakov, V. V. *Ugolovnaya otvetstvennost', ee osnovanie* (Criminal liability and its foundation). Saratov, 1998, 209 p.
18. Kristi, N. *Udobnoe kolichestvo prestuplenii* (The convenient number of crimes). Saint Petersburg: Aleteiya, 2006, 179 p.
19. Dolotov, R. O. Tsena prestupnosti kak pokazatel' obshchestvennoi opasnosti prestupnosti (Cost of crime as an indicator of public threat of the crime), *Dialektika protivodeistviya korruptsii*. Kazan: Izd-vo "Taglimat" IEUP, 2012, 304 p.
20. Epikhin, A. Yu. Osnovnye napravleniya ugolovnoi politiki Rossii na sovremennom etape (Main directions of the Russian criminal policy at the present period), *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"*. 2012, No. 3, pp. 140–145.
21. *V Germanii dorozhnykh grubiyanov usmiryayut shtrafami* (In Germany the road bullies are pacified by fines), available at: <http://news.mail.ru/society/4812357/> (data obrashcheniya: 21.09.2013)
22. Bonner, A. T. *Zakonnost' i spravedlivost' v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti* (Legality and justice in law-enforcement activity). Moscow: Rossiiskoe pravo, 1992, 320 p.

Information about the author

Krasnov Aleksandr Valeryevich, PhD (Law), associate professor, associate professor of the chair of theory and history of state and law, Kazan branch of the Russian Academy of Justice, associate professor of the chair of theory of state and law and public-legal disciplines, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 7a 2nd Azinskaya Str, 420088, Kazan, tel.: (843) 273-16-74;

42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: field@mail.ru

How to cite the article: Krasnov A.V. Content of legal norms' sanctions in information-psychological approach to the research of legal phenomena, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 226–232.

УДК 340

А. В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор исторических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

КОНЦЕПТ «ПРАВО» В РОССИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Цель: исследовать содержание концепта «право» в современном российском юридическом дискурсе.

Методы: методологическую основу исследования составляет диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, а также постмодернистская парадигма, дающая возможность исследовать правовую реальность на различных уровнях, в том числе на правоинтерпретационном. Диалектический подход и постмодернистская парадигма определили выбор конкретных методов исследования: компаративного, герменевтического, дискурсивного.

Результаты: на основе анализа наиболее значимых работ по теории права сделан вывод, что современный российский юридический дискурс характеризуется плюрализмом правопонимания. Концепт «право» не имеет строго вербализованного смыслового значения, будучи представлен пятью конкурирующими моделями, что осложняет правотворчество и правореализацию и обуславливает многоуровневость российской правовой реальности.

Научная новизна: впервые использован дискурсивный метод для анализа философско-правовой категории «правопонимание».

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности права и тенденциях его развития в России.

Ключевые слова: правопонимание; сущность права; теории права; методология исследования права.

Введение

Постановка проблемы. Многозначность концепта «право» определяется не только его лингвистическими, но и сущностными характеристиками. Различные типы правового мышления и социокультурные особенности формирования национальных правовых систем привели к созданию различных образов права, но одновременно обусловили его предельную значимость как социального регулятора. В то же время анализ правопонимания в контексте теории юридического дискурса практически не предпринимался. Целью данной статьи является изучение концепта «право» в современном российском юридическом дискурсе.

Анализ исследований и достижений. Проблемы права и правопонимания занимают большое место в современных гуманитарных исследованиях. Хотя в качестве самостоятельного объекта исследования правопонимание выдвинулось только в 1960-е гг., к настоящему времени сложилось устойчивое направление отечественного правоведения, связанное с исследованием правопонимания как философско-правовой категории, определяющей содержание юридической науки, правотворчества и правоприменения.

Правопонимание как сложное, комплексное явление исследуется в синхронном, диахронном и асинхронном аспекте. Предприняты попытки выявить не только научно-теоретический, но и практический потенциал этой категории. Выявлено значение данной категории для формирования правовой реальности [1]. Но если социальная философия и социология основное внимание сосредоточили на изучении социального механизма действия права в правовой реальности России [2–5], то юридическая наука преимущественно сосредоточила внимание на анализе проблем механизма правового регулирования и сущности права в этом контексте [6–8].

Результаты исследования

В условиях постклассической рациональности, которая характеризует особенности развития науки на современном этапе, принципиально меняется отношение к научному познанию [9]. Если классическая наука отдавала приоритет знанию или практике, постклассическая основное внимание уделяет интерпретации, причем не только первичных, но и вторичных текстов с целью их деконструкции. Постклассическая парадигма, ориентированная на открытость, незавершенность и

относительность наших знаний об окружающей социальной, в том числе правовой реальности, допускает возможность существования множества теорий, концепций и доктрин, каждая из которых истинна, но лишь в той системе координат и в том методологическом дискурсе, который характерен для определенной науки на определенном этапе ее развития. Существует возможность появления нового знания, новых объектов исследования или интерпретации прежнего знания и прежних объектов на основе новых методологических подходов и приемов, которые могут не только изменить существующее социальное знание, но и в корне его изменить, трансформировать [10].

Применительно к правовой сфере это означает существенное расширение предметного, межпредметного и метапредметного поля исследований, формирование совершенно новой, нетрадиционной для правоведения научной проблематики, проникновение в юриспруденцию теоретических проблем и методологических подходов, разработанных в других гуманитарных науках. Ряд проблем взаимосвязи права со смежными общественными явлениями, которые традиционно изучались в социальной философии, социологии и культурологии, постепенно входят в предмет юриспруденции. Одновременно усиливается влияние гуманитарной методологии на правовые исследования. Под влиянием лингвистического и антропологического поворота в гуманитарных науках основное внимание ученых стало занимать изучение проблем взаимовлияния права и человека (общество все больше стало восприниматься лишь как совокупность отдельных личностей). Право стало изучаться не столько с точки зрения его эталонной роли, сколько в контексте значения для формирования правомерного поведения человека, но не в абсолюте, а лишь в понимании конкретного субъекта. Нормативное право, законодательство все больше стало восприниматься лишь как миф [11]. Если в западном правоведении этот процесс был растянут на несколько десятилетий, то отечественная юридическая наука в силу особенностей развития, прежде всего, политической ангажированности, сжала этот процесс в несколько лет. Преодоление советского прошлого, с одной стороны, привело к снижению роли законодательства и нормативизма как правопонимания, основанного на осмыслении

права через призму правотворческой деятельности государства, а с другой – стимулировало поиски новой правовой теории, которая оказалась бы способна объяснить современную правовую реальность. При этом активно рецепировался западный правовой опыт и западные правовые теории без их критического осмысления на соответствие российским правовым традициям. Ориентация на построение демократического общества и государства по «западному образцу» обуславливала необходимость заимствования теорий, в рамках которых этот западный образец был разработан и объяснен. Интеграция правовых исследований в рамках европейской и американской философии и социологии права способствовала появлению в российском обществоведении целого ряда метапредметных проблем, в том числе связанных и с осмыслением правовой сферы.

Одной из современных метапредметных проблем становится изучение юридического дискурса. Юридический дискурс в современных гуманитарных науках рассматривается как совокупность юридических текстов, т. е. вербальных, литеральных и невербальных выражений правовых представлений [12]. Если классическая наука основное внимание сосредоточила на анализе категорий «правовая норма», «правоотношение» или «правосознание», одна из которых рассматривались в качестве ключевой, определяющей для исследования всей совокупности правовых явлений, то постклассическая юриспруденция, ориентируясь на достижения постмодернистской философии, прежде всего, феноменологии и герменевтики, предполагает, что знание о праве основывается не только на анализе нормативных и правоприменительных документов с точки зрения их текста, правового подтекста и социального контекста, исследовании социальной эффективности и общественной обусловленности правовых норм, но и на выявлении позиции интерпретатора [13]. Поэтому современная наука исследует не только собственно знания о праве (во всей их широте и дискуссионности) [14], но и представления, сформировавшиеся как в научной среде, так и в профессиональном сообществе, и даже в быту, основное внимание уделяя интерпретации правовых текстов как письменных, так и устных [15].

Именно это обусловило формирование новой философско-правовой категории – «правопонима-

ние», которая рассматривается как определяющая позицию интерпретатора, его отношение не только к исследуемому явлению, но и особенности восприятия изучаемого явления с учетом совокупности субъективных факторов. Правопонимание можно определить как философско-правовую категорию, включающую в себя как интеллектуальную познавательную деятельность, так и систему интерпретируемых правовых явлений, полученных в результате этой деятельности [16].

Сложность анализа правопонимания обуславливается существованием как минимум двух уровней интерпретации. Во-первых, индивид способен интерпретировать собственно юридические документы (юридические тексты), что будет определять его правовое поведение и отношение к окружающей правовой реальности. Во-вторых, ученые осуществляют интерпретацию правовых текстов доктринального характера, что позволяет сформировать представление не только о значимости права, но и о сущности правовой реальности в целом; месте в ней социума и бытия отдельного индивида; факторов, определяющих правовое поведение индивида в конкретной социокультурной ситуации [17].

Формирование современного российского юридического дискурса определяется социально-культурными, экономическими, политическими и правовыми процессами, идущими в нашей стране на протяжении последних 20 лет. Развал Советского Союза и преодоление марксистско-ленинской парадигмы как методологии гуманитарных наук, в том числе и юриспруденции, привели к тому, что в современной российской правовой науке, правотворчестве и правореализации отсутствует единая правовая теория, существует плюрализм концепций правопонимания. Эта ситуация усугубляется кризисом правопонимания, заложенным Конституцией РФ, которая основана на агломерате трех конкурирующих теорий правопонимания: нормативизма, социологии права и естественно-правовой теории. Попытки преодолеть этот кризис в отраслевом правотворчестве и создании эффективного механизма правоприменения при восприятии конституции как высшей нормативной и доктринальной ценности не увенчались успехом.

Поэтому перед теорией права в настоящее время стоит задача разработки такой теории

правопонимания, которая могла бы дать теоретически обоснованные и верифицируемые критерии правового начала, очерчивающие границы конституционно-правового пространства для законодателя и правоприменителя; концепции, которая бы адекватно описала особенности современной российской правовой реальности¹.

Среди основных тенденций развития современного российского правопонимания следует отметить: 1) интегративность как стремление синтезировать, объединить наиболее значимые содержательные или методологические аспекты существующих теорий права с целью исследования права как многогранного, многоуровневого феномена; 2) универсальность, ориентированная на то, что теория права призвана не просто фиксировать действующие нормы права, но и объяснять особенности правореализации отдельных индивидов и социальных групп; 3) обращение к дореволюционной правовой доктрине, которая рассматривается как альтернатива западной юриспруденции в стремлении объяснить особенности российского права и отечественной правовой культуры; 4) униформизация, представляющая собой стремление отечественных ученых формализовать свои представления о праве, трансформировать их в рамки определенной теории, претендующей на адекватное объяснение правовой реальности. Таким образом, большинство российских ученых изначально не ориентированы на поиски компромиссов с коллегами, представляя собственную систему взглядов как единственно верную теорию [18].

Это обуславливает необходимость исследования не только феномена права, но и интерпретации в рамках отдельных теорий, научных направлений и методологических подходов тех явлений, которые признаются в качестве правовых в научной, профессиональной и обыденной среде. Наиболее целесообразным это представляется с помощью достижений современной компаративистики, которая предполагает необходимость сравнения

¹ Представители современной постклассической юриспруденции, напротив, заявляют, что в современных условиях правовое знание становится относительным и совершенно не связанным с правовой реальностью. Оно лишь отражает представления конкретного индивида о праве [15, с. 129–130].

явления на нескольких уровнях. Применительно к юридическому дискурсу это означает осуществление синхронного, диахронного и асинхронного сравнения с целью получить новые данные, которые не содержатся ни в одном из сравниваемых юридических текстов, и формирование идеальной модели. Наиболее точным обозначением такой модели является категория «концепт», которая понимается как смысловое значение имени, в отличие от его предметного значения [19].

Концепт «право» в современном российском юридическом дискурсе представлен пятью моделями, которые отражают уровень развития отечественного обществоведения и соответствуют степени социального развития.

1. *Нормативистская модель*, основанная на представлении о праве как системе правил поведения, установленных и обеспеченных государством, и сформировавшаяся на основе рецепции трех взаимосвязанных методологий: западного нормативизма (чистой теории права) Г. Кельзена, советского узконормативного подхода к исследованию права А. Я. Вышинского и русской до-революционной догматической юриспруденции, нашедшей выражение, прежде всего, в работах Г. Ф. Шершеневича. Наиболее завершенное выражение эта модель нашла в работах М. И. Байтина и А. В. Аверина. Право в рамках современной нормативистской доктрины рассматривается как система норм (правил поведения общего характера), исходящих от государства, и (или) им санкционируемых и направленных на регулирование общественных отношений [6, с. 80]. Эти нормы общеобязательны, формально определены, обеспечены принудительной силой государства [6, с. 59–66]. Правоприменение должно основываться на точном следовании правовой норме [20]. При этом правотворческая воля, которая находит свое отражение в нормах права, должна выражаться в демократических формах, учитывающих интересы различных социальных групп, а также регулировать реально сложившиеся отношения [21]. Более того, практика применения имеющихся норм и сложившиеся объективно отношения, еще не урегулированные правом, оказывают влияние на содержание будущих норм, на внесение изменений в уже действующие правила, иначе нормы могут трактоваться как ложные [6, с. 73]. Предполагается, что право (в своем законодатель-

ном выражении) поддерживает и рассматривает как исходные и неотчуждаемые «естественные права человека» [22]. Кроме того, право призвано максимально связывать и ограничивать произвол государственной власти путем применения системы соответствующих мер в публичном праве [23].

2. *Социологическая модель*, основанная на представлении, что право формируется в процессе жизнедеятельности общества. Эффективность же издаваемых государством норм определяется их социальной востребованностью. Для социологической теории права характерны: функциональный подход к праву; выделение правоотношений в качестве основных наиболее существенных элементов права; «несводимость» права к закону (нормативному правовому акту) [24]. Положительным моментом такого подхода является стремление познать право в действии, в процессе функционирования, что дает возможность исследовать эффективность действия издаваемых государством правовых норм [25]. При этом исследования правовых явлений и институтов преследуют цель преобразования социальной действительности, а само право рассматривается как инструмент социальных преобразований, средство достижения согласия между интересами различных социальных групп [26–28]. Достаточно четко обозначились три основных направления юридико-социологических исследований: 1) изучение социальной обусловленности законодательства (В. В. Варчук, В. В. Лапаева, Э. В. Тадевосян) [29]; 2) исследования эффективности действия законодательства и правоприменительной деятельности (Е. В. Масловская) [30] и 3) комплекс исследований различного профиля, посвященных изучению социального механизма действия права (В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук) [31].

3. *Юснатуралистская модель*, основанная на конституционных положениях о приоритете принципов международного права и прав человека. При этом первые отождествляются с естественным правом в объективном смысле, а вторые – с естественным правом в субъективном смысле. Содержание и легитимность позитивного, государственно установленного права определяется его соответствием первичным надгосударственным нормам, т.е. естественному праву [32]. Признавая возможность существования права вне законодательства, В. М. Шафиров связывает его

действенность именно с соответствием вышеназванным критериям как позитивным ценностям, к которым естественно стремится социальный субъект и именно поэтому реализует право в жизни. Отсюда вытекают два вывода: 1) государственное принуждение выступает лишь как дополнительный и второстепенный обеспечитель действия права, 2) позитивное право (законодательство) является лишь частью естественного, в систему которого входят, помимо норм, правосознание и правоотношения [33, с. 53].

Как отмечают сторонники теории естественного права, переходные условия правовой жизни общества вынуждают опираться на иные, неформализованные источники права, в частности, на правовую доктрину естественного права [34]. Естественное право представляет собой именно доктрину, а не право в собственном смысле слова, поскольку не имеет обеспечительного механизма реализации своих положений [35].

4. *Интегративная модель*, основанная на синтезе классических монистических теорий и утверждающая, что право представляет собой воплощенные в юридических нормах и фактических правовых действиях правовые ценности, которые определяют их эффективность. Текстуально эта модель наиболее ярко воплотилась в теории реалистического позитивизма Р. А. Ромашова и коммуникативной теории права А. В. Полякова. Современное интегральное правопонимание предполагает сочетание нормативизма с естественно-правовой и социологической юридической доктриной [36]. Право, по мнению сторонников интегративного правопонимания, нельзя отождествлять с его отдельной составляющей: с отраслью, с законом, с пониманием добра и зла, справедливости и несправедливости. Право – это инструментальная система, имеющая в достаточной степени нейтральный характер; в зависимости от того, в каких исторических условиях происходит применение права, какими целевыми установками руководствуется субъект, результаты правового воздействия будут различными [37].

5. *Постмодернистская модель*, основанная на представлении о праве как многомерном, многоуровневом явлении, познать которое возможно только на основе обращения к современным философским концепциям (феноменологии, герменевтике, экзистенциализму), позволяющим

понять не только онтологические характеристики права, но и его глубинную сущность, гносеологическое, деонтологическое и аксиологическое значение для отдельного индивида и социальной реальности в целом. Она характеризуется отказом от познания сущности права, сосредоточением внимания на его «слоях» (частных правовых явлениях), включением права в контекст аналогий с иными знаковыми системами (литературой, искусством), деконструкцией классической либеральной юриспруденции, децентрализацией законодателя и правоприменителя в правовом процессе, который понимается как процесс взаимодействия и диалога разных культур. В российском юридическом дискурсе эта модель наиболее полно представлена диалогической теорией права И. Л. Честнова [36].

Вывод

Современный российский юридический дискурс характеризуется плюрализмом правопонимания. Концепт «право» не имеет строго вербализованного смыслового значения, будучи представлен пятью конкурирующими моделями, что осложняет правотворчество и правореализацию и обуславливает многоуровневость российской правовой реальности.

Список литературы

1. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Современные концепции правопонимания: учеб. пособие. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 140 с.
2. Крет О. В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2007. – 155 с.
3. Кувшинов И. С. Философский анализ гносеологических аспектов правовой реальности: дис. ... канд. филос. наук. – Магнитогорск, 2002. – 141 с.
4. Максимов С. И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков, 2002. – 327 с.
5. Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2000. – 104 с.
6. Байтин М. И. Сущность права (Современное правопонимание на грани двух веков). – Изд. 2-е, доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.
7. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 246 с.
8. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред.: А. В. Малько, Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005. – 528 с.

9. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. – М., 2011. – 368 с.
10. Каньгин В. И., Груздева В. В., Гришанин И. К. Философское обоснование права. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 27–47.
11. Малахов В. П. Мифы современной общеправовой теории. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – С. 26–35.
12. Коновалова М. В. Типы когерентности юридического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 21. – С. 83.
13. Мирошничко Д. А. Интерпретация права как проблема юридической практики // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 2. – С. 86.
14. Краснов А. В. Дуализм санкций норм права: концептуальные основы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 3. – С. 192–196.
15. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. – СПб.: Алеф-Пресс, 2012. – С. 135.
16. Скоробогатов А. В. Правопонимание как категория сравнительного правоведения // Порівняльне правознавство: сучасний стан і перспективи розвитку: збірник наукових праць / за ред. Ю. С. Шемшученка, В. П. Тихого, М. М. Цимбалюка, І. С. Гриценка; упор. О. В. Кресін, І. М. Ситар. – Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2012. – С. 293.
17. Палашевская И. В. Жанры юридического дискурса: форматы, сценарии, тексты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – Т. 50. – № 6. – С. 28–32.
18. Четвернин В. А. Либертарно-юридическая интерпретация прав человека // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца / отв. ред.: Графский В. Г. – М.: Норма, 2009. – С. 173–189.
19. Пантыкина М. И. Концепт «правовая жизнь»: опыт философско-феноменологической интерпретации // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 3: Общественные науки. – 2009. – Т. 69. – № 3. – С. 19.
20. Аверин А. В. Правопонимание и юридическая практика // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 4 (14). – С. 19–36.
21. Бузун Е. В. Правотворчество в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Молодой ученый. – 2012. – № 4. – С. 269–271.
22. Вопленко Н. Н. Понятие и основные черты законности // Вестник ВолГУ. Сер. 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 33–48.
23. Масловская Е. В. Социологические теории права и анализ правовых институтов российского общества. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007. – 139 с.
24. Глазкова М. Е., Нанба С. Б. Оценка эффективности действия нормативных правовых актов: современные подходы // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 73–80.
25. Лапаева В. В. Социология права в современной России: Основные направления исследований // Современная социология права: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Алферова. – М.: ИНИОН РАН, 2013. – С. 10–30.
26. Варчук В. В. Социология права – отрасль социологии // Социологические исследования. – 1996. – № 10. – С. 102–109.
27. Лапаева В. В. Социология права как юридическая дисциплина // Социс. – 1999. – № 7. – С. 47–57.
28. Тадевосян Э. В. Социология права как специфическая отрасль социологии // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 2. – С. 102–117.
29. Масловская Е. В., Масловский М. В. Социология права. Классические и современные теории: учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. – 92 с.
30. Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. Современная социология права: учебник для вузов. – М., 1995. – 297 с.
31. Бабаев В. К., Демидов В. В. Законность и ее принципы // Ленинградский юридический журнал. – 2004. – № 1. – С. 133–144.
32. Шафиров В. М. Естественно-позитивное право: введение в теорию. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2004. – С. 199.
33. Лукьянова Е. Г. Теория государства и права. Введение в естественно-правовой курс: учеб. пособие. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 43–45.
34. Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: современный тип интегративного правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4–11.
35. Поляков А. В. Коммуникативный подход в общей теории права // Проблеми філософії права. – 2006. – Т. 4–5. – С. 60–67.
36. Честнов И. Л. Методология и методика юридического исследования: учеб. пособие. – СПб., 2004. – 128 с.

В редакцию материал поступил 23.07.13

© Скоробогатов А. В., 2013

Информация об авторе

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Как цитировать статью: Скоробогатов А. В. Концепт «право» в российском юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 233–240.

A. V. SKOROBOGATOV,

doctor of history, associate professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

CONCEPT OF “LAW” IN THE RUSSIAN JURIDICAL DISCOURSE

Objective: to examine the contents of the concept of “law” in modern Russian juridical discourse.

Methods: a methodological basis of the research is a dialectical approach to the cognition of social phenomena, which allows to analyze them in historical development and functioning in the context of the unity of the objective and subjective factors, as well as postmodern paradigm, which gives an opportunity to study the legal reality at different levels, including law interpretation. Dialectical approach and postmodern paradigm determine the choice of specific methods of research: comparative, hermeneutic, discursive.

Results: basing on the analysis of the most important works on the theory of law, it is concluded that the current Russian juridical discourse is characterised by pluralism of law interpretation. The concept of “law” has no strictly verbalized meaningful value being presented by five competing models, which complicates law making and law implementation and determines the multilevel structure of the Russian legal reality.

Scientific novelty: for the first time a discursive method is used for the analysis of philosophical and legal category of “law interpretation”.

Practical value: the key issues and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity for the consideration of the essence of law and tendencies of its development in Russia.

Key words: law interpretation; the essence of law; theory of law; law research methodology.

References

1. Skorobogatov, A. V., Krasnov, A. V. *Sovremennye kontseptsii pravoponimaniya* (Modern concepts of law interpretation). Kazan: Poznanie, 2013, 140 p.
2. Kret, O. V. *Pravovaya real'nost': ontologo-gnoseologicheskii analiz* (Legal reality: ontological-gnoseological analysis). Tambov, 2007, 155 s.
3. Kuvshinov, I. S. *Filosofskii analiz gnoseologicheskikh aspektov pravovoi real'nosti* (Philosophical analysis of gnoseological aspects of legal reality). Magnitogorsk, 2002, 141 p.
4. Maksimov, S. I. *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya* (Legal reality: experience of philosophical interpretation). Khar'kov, 2002, 327 p.
5. Chestnov, I. L. *Pravo kak dialog: k formirovaniyu novoi ontologii pravovoi real'nosti* (Law as a dialogue: to forming the new ontology of legal reality). Saint Petersburg: IVESEP, Znanie, 2000, 104 p.
6. Baitin, M. I. *Sushchnost' prava (Sovremennoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* (Essence of law (Modern law interpretation at the verge of two centuries)). Moscow: OOO ID “Pravo i gosudarstvo”, 2005, 544 p.
7. Leist, O. E. *Sushchnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava* (Essence of law. Issues of theory and philosophy of law). Moscow: Zertsalo, 2008, 246 p.
8. *Pravovaya zhizn' v sovremennoi Rossii: teoretiko-metodologicheskii aspekt, pod red.: Mal'ko A.V., Matuzov N.I.* (Legal life in the modern Russia: theoretical-methodological aspect / edited by Mal'ko A.V., Matuzov N.I.). Saratov: Izd-vo GOU VPO “Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava”, 2005, 528 p.
9. Shapiro, I. *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* (Escape from reality in Humanities). Moscow, 2011, 368 p.
10. Kanygin, V. I., Gruzdeva, V. V., Grishanin, I. K. *Filosofskoe obosnovanie prava* (Philosophical justification of law). Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2008, pp. 27–47.
11. Malakhov, V. P. *Mify sovremennoi obshchepravovoi teorii* (Myths of the modern general law theory). Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2013, pp. 26–35.
12. Konovalova, M. V. *Tipy kogerentnosti yuridicheskogo diskursa* (Types of coherency of juridical discourse), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, No. 21, p. 83.
13. Miroshnichekno, D. A. *Interpretatsiya prava kak problema yuridicheskoi praktiki* (Law Interpretation as an issue of legal practice), *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov*, 2011, No. 2, p. 86.
14. Krasnov, A. V. *Dualizm sanktsii norm prava: kontseptual'nye osnovy* (Duality of legal norms sanctions: conceptual bases), *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2011, No. 3, pp. 192–196.
15. Chestnov, I. L. *Postklassicheskaya teoriya prava* (Post-classical theory of law). Saint Petersburg: Alef-Press, 2012, p. 135.
16. Skorobogatov, A. V. *Pravoponimanie kak kategoriya sravnitel'nogo pravovedeniya* (Law interpretation as a category of comparative legal studies), *Porivnyal'ne pravoznavstvo: suchasni stan i perspektivi rozvitku: zbirnik naukovikh prats'*. L'viv: L'vivskii derzhavni universitet vnutrishnikh sprav, 2012, p. 293.
17. Palashevskaya, I. V. *Zhanry yuridicheskogo diskursa: formaty, stsenarii, teksty* (Genres of juridical discourse: formats, scenarios, texts), *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, T. 50, No. 6, pp. 28–32.
18. Chetvernin, V. A. *Libertarno-yuridicheskaya interpretatsiya prav cheloveka* (Liberty-juridical interpretation of human rights), *Filosofiya prava v Rossii: istoriya i sovremennost'. Materialy tret'ikh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V. S. Nersesyantsa*. Moscow: Norma, 2009, pp. 173–189.
19. Pantykina, M. I. *Kontsept “pravovaya zhizn'”: opyt filosofsko-fenomenologicheskoi interpretatsii* (Concept “legal life”: experience of philosophical-phenomenological interpretation), *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 2009, T. 69, No. 3, p. 19.
20. Averin, A. V. *Pravoponimanie i yuridicheskaya praktika* (Law interpretation and juridical practice), *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, 2008, No. 4(14), pp. 19–36.
21. Buzun, E. V. *Pravotvorchestvo v Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy* (Law making in the Russian Federation: problems and prospects), *Molodoi uchenyi*, 2012, No. 4, pp. 269–271.
22. Voplenko, N. N. *Ponyatie i osnovnye cherty zakonnosti* (Notion and basic features of nomocracy), *Vestnik VolGU*, 2006, No. 8, pp. 33–48.
23. Maslovskaya, E. V. *Sotsiologicheskie teorii prava i analiz pravovykh institutov rossiiskogo obshchestva* (Sociological theories of law and analysis of legal institutions of the Russian society). Nizhnii Novgorod: Izd-vo NISOTS, 2007, 139 p.

24. Glazkova, M. E., Nanba, S. B. Otsenka effektivnosti deistviya normativnykh pravovykh aktov: sovremennye podkhody (Evaluation of efficiency of normative legal acts functioning: modern approaches), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2011, No. 9, pp. 73–80.
25. Lapaeva, V. V. Sotsiologiya prava v sovremennoi Rossii: Osnovnye napravleniya issledovaniia (Sociology of law in modern Russia: basic directions of research), *Sovremennaya sotsiologiya prava*. Moscow: INION RAN, 2013, pp. 10–30.
26. Varchuk, V. V. Sotsiologiya prava – otrasl' sotsiologii (Sociology of law as a branch of sociology), *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996, No. 10, pp. 102–109.
27. Lapaeva, V.V. Sotsiologiya prava kak yuridicheskaya distsiplina (Sociology of law as a juridical discipline), *Sotsis*, 1999. No. 7, pp. 47–57.
28. Tadevosyan, E. V. Sotsiologiya prava kak spetsificheskaya otrasl' sotsiologii (Sociology of law as a specific branch of sociology), *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2000. No. 2, pp. 102–117.
29. Maslovskaya, E. V., Maslovskii, M. V. *Sotsiologiya prava. Klassicheskie i sovremennye teorii* (Sociology of law. Classical and modern theories). Nizhnii Novgorod: Izd-vo NNGU, 2008, 92 p.
30. Kazimirchuk, V. P., Kudryavtsev, V. N. *Sovremennaya sotsiologiya prava* (Modern sociology of law). Moscow, 1995, 297 p.
31. Babaev, V. K., Demidov, V. V. Zakonnost' i ee printsipy (Nomocracy and its principles), *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, 2004, No. 1, pp. 133–144.
32. Shafirov, V. M. *Estestvenno-pozitivnoe pravo: vvedenie v teoriyu* (Natural-positive law: introduction to the theory). Krasnoyarsk: ITS KrasGU, 2004, p. 199.
33. Luk'yanova, E. G. *Teoriya gosudarstva i prava. Vvedenie v estestvenno-pravovoi kurs* (Theory of state and law. Introduction to the natural-legal course). Moscow: Norma: INFRA-M, 2013, pp. 43–45.
34. Romashov, R. A. Realisticheskii pozitivizm: sovremennyi tip integrativnogo pravoponimaniya, (Realistic positivism: modern type of integrative law interpretation), *Pravovedenie*, 2005, No. 1, pp. 4–11.
35. Polyakov, A. V. Kommunikativnyi podkhod v obshchei teorii prava (Communicative approach in the general theory of law), *Problemi filosofii prava*, 2006, T. 4–5, pp. 60–67.
36. Chestnov, I. L. *Metodologiya i metodika yuridicheskogo issledovaniya* (Methodology and methods of legal research). Saint Petersburg, 2004, 128 p.

Information about the author

Skorobogatov Andrey Valeryevich, doctor of history, associate professor, professor of the chair of theory of state and law and public-legal disciplines, Institute of Economics, Management and Law

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

How to cite the article: Skorobogatov A. V. Concept of “law” in the Russian juridical discourse, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 233–240.

© Skorobogatov A. V. , 2013

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.24

Ф. В. ГАБДРАХМАНОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия

ДЕЙСТВИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СУДИМОСТИ ВО ВРЕМЕНИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Цель: доказать, что в ряде случаев последствия судимости не прекращаются ее погашением или снятием, предложить их классификацию, а также внести предложение в действующее уголовное законодательство.

Методы: всеобщий диалектический метод познания; общенаучные, специальные и частноправовые.

Результаты: доказано, что действие последствий судимости не всегда ограничивается погашением или снятием судимости, и в зависимости от их действия во времени они могут быть классифицированы на срочные, неопределенно срочные и бессрочные (пожизненные). В целях устранения противоречий с законодательной формулировкой о срочности последствий судимости вносится предложение о внесении изменений в ст. 86 УК РФ.

Научная новизна: впервые в теории российского уголовного права предложена классификация действий последствий судимости во времени.

Практическая значимость: результаты исследования, углубляющие представление о правовой природе судимости, могут быть использованы при совершенствовании уголовного законодательства, в учебном процессе.

Ключевые слова: судимость; уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и общеправовые последствия судимости; классификация последствий судимости; снятие судимости; погашение судимости; Конституционный Суд Российской Федерации; Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

Введение

Проблемы погашения и снятия судимости издавна привлекали внимание советских, а позднее и российских ученых. В. В. Голина писала, что «нормы о погашении судимости впервые были введены в Уголовный кодекс РСФСР декретом ВЦИК и СНК от 9 февраля 1925 г. «О дополнении ст. 37 Уголовного кодекса», регулировавшей в то время основания отмены условного осуждения... В 1927 г. Советское государство ввело новую форму прекращения судимости – снятие ее путем включения соответствующих пунктов в акты амнистий, а также при помиловании» [1, с. 25, 50].

Несмотря на наличие фундаментальных исследований, посвященных институту судимости, научная литература обошла вниманием вопрос о возможности классификации действий всех последствий судимости во времени, ограничившись только рамками уголовно-правовых отношений.

Проблема обусловлена не вполне удачной законодательной формулировкой ст. 86 Уголовного кодекса РФ, закрепившей срочный характер судимости (лицо считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости)¹ и находящейся в противоречии с иными федеральными законами, предусматривающими сохранение последствий судимости после ее погашения и снятия. Устранить это противоречие предлагается путем внесения изменений в ст. 86 Уголовного кодекса РФ. В зависимости от времени действия последствий судимости предлагается класси-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня. – Ст. 2954.

цировать их на срочные, неопределенно-срочные и бессрочные (пожизненные).

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод познания, позволяющий раскрыть судимость как институт уголовного права в развитии во взаимосвязи с иными институтами российского законодательства, и общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

В сфере уголовно-правовых отношений сроки судимости регламентированы ст. 74, 82, 86, 95 Уголовного кодекса РФ. Они дифференцируются в зависимости от вида наказаний (осуждение к лишению свободы или к более мягким видам наказаний, чем лишение свободы), категории совершенного преступления. На сроки погашения или снятия судимости, порядок их отсчета могут оказать влияние вид освобождения от отбывания наказания или от реального отбывания наказания; несовершеннолетний возраст лица, совершившего преступление, наличие дополнительного вида наказаний; отбывание наказания по совокупности преступлений или приговоров и др.

Судимость за каждое преступление погашается самостоятельно по истечении срока, необходимого для ее погашения. При наличии основного и дополнительного видов наказаний даже за одно преступление «сроки погашения судимости текут самостоятельно, не складываются друг с другом и не следуют один за другим. Таким образом, в рамках одного преступления, если наказания за него относятся к разным классификационным группам, возможно течение нескольких самостоятельных сроков погашения судимости» [2, с. 23, 25].

Каждое исполненное или отбытое наказание за преступление может иметь особенности погашения или снятия судимости. Так, при условном осуждении судимость за преступление, за совершение которого назначено основное наказание, погашается по истечении испытательного срока. Если при этом реально отбывается или исполняется еще дополнительное наказание, которое по продолжительности превышает испытательный срок, то судимость погашается по отбытии этого дополнительного наказания (ст. 74 ч. 1, 86 ч. 5 Уголовного кодекса РФ).

При условно-досрочном освобождении «срок погашения судимости исчисляется с момента условно-досрочного освобождения от отбывания

основного и дополнительного видов наказаний. При этом моментом условно-досрочного освобождения от отбывания основного наказания в виде лишения свободы на определенный срок судебная практика, как правило, признает дату освобождения осужденного из исправительного учреждения» [2, с. 25, 26].

Если осужденный после отбытия наказания вел себя безупречно, то по его ходатайству суд может снять с него судимость до истечения срока погашения судимости. При условном осуждении судимость может быть снята по истечении не менее половины испытательного срока.

В. П. Малков отметил, что «УК РФ 1996 г. отказался от порядка одновременного погашения судимостей, ориентированного на погашение или снятие судимости за наиболее тяжкое преступление» [3].

При совокупности преступлений и при совокупности приговоров срок погашения судимости начинается с момента отбытия общего наказания и «исчисляется самостоятельно в отношении каждого из входящих в совокупность преступлений» [4].

Исключение из общего правила может быть в случаях самостоятельного исполнения некоторых видов наказаний (например, штрафа) или приговоров (например, в случае сохранения условного осуждения в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 74 УК РФ).

Погашение или снятие судимости не всегда влечет аннулирование последствий судимости. Продолжают действовать так называемые «фантомные» последствия судимости. Сохранение отдельных последствий судимости после ее погашения или снятия считают возможным А. В. Елинский, С. Д. Белоцерковский и др. Так, А. В. Елинский отмечает, что «погашение или снятие судимости аннулирует не все, а только уголовно-правовые последствия, связанные с судимостью» [5, с. 78–84]. С. Д. Белоцерковский пишет, что «общеправовые последствия судимости далеко не всегда должны аннулировать ее погашением или снятием» [6].

Мы предлагаем все последствия судимости (уголовно-правовые, общеправовые и др.) в зависимости от продолжительности их действия во времени классифицировать на срочные, неопределенно срочные и бессрочные (пожизненные).

Две первые группы, как правило, относятся к уголовно-правовым и уголовно-исполнительным последствиям судимости, последняя группа – к общеправовым.

1. Срочными называются такие последствия судимости, которые действуют в пределах срока погашения или снятия судимости, т. е. с момента вступления приговора суда в законную силу до погашения или снятия судимости. К этой группе относятся большинство уголовно-правовых последствий судимости, например, последствия, которые наступают при совершении преступления лицом, имеющим непогашенную или неснятую судимость. Устанавливая срочный (временный) характер действия последствий судимости, законодатель использует слова «лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость» или образованные на их основе словосочетания.

2. Неопределенно срочными называются последствия судимости, которые могут действовать определенное время после ее погашения или снятия. К этой группе относятся некоторые уголовно-исполнительные и даже уголовно-правовые последствия судимости.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 10.10.2013 указал, что «сроки вводимых федеральным законом ограничений пассивного избирательного права, по общему правилу, должны устанавливаться соответственно дифференциации сроков судимости, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. В исключительных случаях за отдельные тяжкие и особо тяжкие преступления, исходя из повышенной степени их общественной опасности, федеральным законом могут вводиться ограничения и на более продолжительные сроки – с соблюдением конституционных критериев соразмерности и необходимости»².

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 20-П по делу о проверке конституционности пп. «а» п. 32 ст. 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 1 ст. 10 и ч. 6 ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова от 10 октября 2013 г. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 15.10.2013)

Момент окончания последствий судимости этой группы может не совпадать с моментом прекращения или снятия самой судимости. Это может зависеть от отраслевой принадлежности регулируемых общественных отношений, вида и категории совершенного преступления, наличия юридически значимых обстоятельств и др. Например, если «осужденный скрылся от контроля в период испытательного срока, решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, может быть принято судом и в случае, когда рассмотрение данного вопроса осуществляется по истечении установленного ему испытательного срока»³.

Правоприменитель допускает возможность отмены условного осуждения после погашения судимости не только в связи с совершением преступления, что отвечало бы положениям ч. 1 ст. 9 Уголовного кодекса РФ, но и совершением иных юридически значимых обстоятельств.

Пленум Верховного Суда РФ указал в своем постановлении от 12.11.2001, что «если во время отбывания наказания по ранее вынесенным приговорам истек срок погашения судимости за одно или несколько преступлений, которая явилась основанием для назначения осужденному исправительной колонии строгого или особого режима по последнему приговору, то назначенный по приговору суда вид колонии не подлежит пересмотру, а лицо не переводится в исправительную колонию другого вида, поскольку в соответствии с частями пятой и шестой ст. 74 УИК РФ в исправительных колониях строгого или особого режима отбывают наказание лица, осужденные за преступления, которые были совершены соответственно при рецидиве, опасном рецидиве или особо опасном рецидиве преступлений, причем в момент совершения преступления эти судимости не были сняты или погашены»⁴.

³ О практике применения судами законодательства об исполнении приговора: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 20 декабря 2011 г. (с изменением, внесенным постановлением Пленума № 3 от 9 февраля 2012 г.) (п. 10). – URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7727 (дата обращения: 12.11.2012)

⁴ О практике назначения судами видов исправительных учреждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 14 (п. 18) от 12.11.2001 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 1.

3) Бессрочными (пожизненными) ограничениями называют последствия судимости, которые не ограничены во времени и действуют после погашения или снятия судимости – на всю жизнь человека. На бессрочный характер действия судимости указывают слова закона – «лица, имевшие судимость». Они присущи, как правило, общеправовым последствиям судимости.

Судимость, даже снятая или погашенная, лишает гражданина РФ возможности быть назначенным судьей⁵, принятым на службу в Следственный комитет Российской Федерации⁶, в органы внутренних дел⁷, или в органы и учреждения прокуратуры и находиться на указанной службе⁸.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 18.07.2013 и 10.10.2013 отметил, что «такого же рода запрет действует и для лиц, осуществляющих трудовую деятельность в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних (ст. 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации), если такие лица имеют или имели судимость за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Его введение, обусловленное спецификой указанной деятельности, как следует из правовой

позиции Конституционного Суда Российской Федерации, не выходит за пределы ограничений, предусмотренных ст. 55 (ч. ч. 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку не отменяет самого права на занятие трудовой деятельностью в иных сферах»⁹.

Конституционный Суд РФ признал, что «законоположения в части, ограничивающей право на выбор рода деятельности и профессии для лиц, чья виновность в совершении тяжких и особо тяжких преступлений из числа указанных в этих законоположениях, а преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности – независимо от степени их тяжести установлена вступившим в законную силу приговором суда (даже если впоследствии судимость снята или погашена), не могут рассматриваться как нарушающие конституционный принцип соразмерности»¹⁰.

Возможность установления бессрочного характера последствий судимости может зависеть от категории и вида преступлений, объекта уголовно-правовой охраны, обладания признаками специального субъекта и др.

Выводы

Таким образом, можно сформулировать некоторые выводы исследования и внести предложения:

1. Действие последствий судимости не всегда ограничивается погашением или снятием судимости.

2. Последствия судимости в зависимости их действия во времени предлагается классифицировать на срочные, неопределенно срочные и бессрочные (пожизненные).

а) срочными называются последствия судимости, которые действуют в пределах срока погашения или снятия судимости, т. е. с момента

⁵ О статусе судей в Российской Федерации (пп. 2 п. 1 ст. 4): Закон РФ № 3132-1 от 26.06.1992 (ред. от 02.07.2013). – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base> (дата обращения: 13.10.2013)

⁶ О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный закон № 403-ФЗ от 28.12.2010 (ред. от 2.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 3 января. – Ст. 15.

⁷ О полиции: Федеральный закон № 3-ФЗ от 07.02.2011 (ред. от 02.07.2013) (ст. 29 ч. 1 п. 2); Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел и текста присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: Постановление ВС РФ № 4202-1 от 23.12.1992 (с изм. от 21.11.2011) ч. 1 ст. 9 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 13.10.2013).

⁸ О прокуратуре Российской Федерации (п. 2 ст. 40.1): Федеральный закон № 2202-1 от 17.01.1992 (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – 20 ноября. – Ст. 4472.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. по делу о проверке конституционности п. 13 ч. 1 ст. 83, абзаца третьего ч. 2 ст. 331 и ст. 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. К. Барабаш, А. Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы. – URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 01.08.2013)

¹⁰ Там же.

вступления приговора суда в законную силу до погашения или снятия судимости. К этой группе относятся большинство уголовно-правовых последствий судимости;

б) неопределенно срочными называются последствия судимости, которые продолжают действовать определенное время после ее погашения или снятия. К этой группе судимости относятся некоторые уголовно-исполнительные и даже уголовно-правовые последствия судимости;

в) бессрочными (пожизненными) ограничениями называют последствия судимости, которые не ограничены во времени и действуют после погашения или снятия судимости, т. е. на всю жизнь человека.

3. Возможность установления бессрочного характера последствий судимости зависит от вида и категории преступления, объекта уголовно-правовой охраны, наличия признаков специального субъекта и др.

4. Возможность бессрочного и безусловного характера последствий судимости, конституционность которого по ряду дел подтверждена решениями Конституционного Суда Российской Федерации, позволяет предложить новую редакцию ч. 6 ст. 86 Уголовного кодекса Российской

Федерации: «6. Погашение или снятие судимости аннулирует правовые последствия, связанные с судимостью, за исключением случаев, указанных в федеральных законах».

Список литературы

1. Голина В. В. Погашение и снятие судимости по советскому уголовному праву. – Харьков: Вища школа, 1979. – 137 с.

2. Габдрахманов Ф. Погашение и снятие судимости при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания: проблемы правоприменения // Уголовное право. – 2010. – № 6. – С. 17–26.

3. Малков В. П. Погашение и снятие судимости при осуждении по совокупности преступлений и приговоров // Вестник ТИСБИ. – 2001. – № 1. – URL: law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1216629 (дата обращения: 12.10.2012).

4. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т. Б. Басова, Е. В. Благов, П. В. Головненков и др.; под ред. А. И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. – 704 с.

5. Елинский А. В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. – 2010. – № 7. – С. 78–84.

6. Белоцерковский С. Д. Совершенствование института судимости как одно из необходимых условий оптимизации борьбы с организованной преступностью // Российский следователь. – 2010. – № 12. – С. 17–19.

В редакцию материал поступил 16.10.13

© Габдрахманов Ф. В., 2013

Информация об авторе

Габдрахманов Фарит Вадатович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета, Марийский государственный университет
Адрес: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина 1, тел: +7 (8362) 42-55-20
E-mail: law.margu@yandex.ru

Как цитировать статью: Габдрахманов Ф. В. Действие последствий судимости во времени и их классификация // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 241–246.

F. V. GABDRAKHMANOV,

PhD (Law), associate professor

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

FUNCTIONING OF CONVICTION CONSEQUENCES IN TIME AND THEIR CLASSIFICATION

Objective: to prove that in some cases the consequences of a criminal conviction do not stop with its discharge and remission; to offer their classification, and make a proposal to the current criminal law.

Methods: universal dialectic method of knowledge; general scientific, special and private legal methods.

Results: it is proved that the action of the consequences of a criminal conviction is not always limited to the discharge and remission of a criminal record, and depending on their actions in time they can be classified into fixed-term, indefinite-term and permanent (life-long). To eliminate the contradictions with the legislative wording on the urgency of the conviction consequences, a proposal is made on amendments in Article 86 of the Criminal Code.

Scientific novelty: for the first time in the theory of the Russian criminal law classification of the actions of the conviction consequences in time is made.

Practical value: the results of research that improve the view of the legal nature of criminal convictions, may be used for perfection of the criminal legislation, and in the educational process.

Key words: criminal record; criminal-legal, criminal-executive and legal consequences of conviction; the classification of the conviction consequences; conviction discharge; conviction remission; the Constitutional Court of the Russian Federation; the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

References

1. Golina, V. V. *Pogashenie i snyatie sudimosti po sovetскому уголовному праву* (Discharge and remission of conviction according to the Soviet criminal law). Khar'kov: Vishcha shkola, 1979, 137 p.
2. Gabdrakhmanov, F. Pogashenie i snyatie sudimosti pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya: problemy pravo-primeneniya (Discharge and remission of conviction when granting parole: problems of law implementation), *Ugolovnoe pravo*, 2010, No. 6, pp. 17–26.
3. Malkov, V. P. Pogashenie i snyatie sudimosti pri osuzhdenii po sovokupnosti prestuplenii i prigovorov (Discharge and remission of conviction when sentencing for cumulative crimes), *Vestnik TISBI*, 2001, No. 1, available at: law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1216629 (accessed: 12.10.2012).
4. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya i Osobennaya chasty*, T. B. Basova, E. V. Blagov, P. V. Golovnenkov (Criminal law of the Russian Federation. General and specific parts / T. B. Basova, E. V. Blagov, P. V. Golovnenkov). Moscow: KONTRAKT, INFRA-M, 2013, 704 p.
5. Elinskii, A. V. Neugolovno-pravovye posledstviya prezheii sudimosti v svete reshenii Konstitutsionnogo Suda RF (Non-criminal legal consequences of previous conviction in the light of the Russian Constitution Court decisions), *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2010, No. 7, pp. 78–84.
6. Belotserkovskii, S. D. Sovershenstvovanie instituta sudimosti kak odno iz neobkhodimykh uslovii optimizatsii bor'by s organizovannoi prestupnost'yu (Improving the institution of criminal record as one of the necessary conditions of optimization of combating organized crime), *Rossiiskii sledovatel'*, 2010, No. 12, pp. 17–19.

Information about the author

Gabdrakhmanov Farit Vadutovich, PhD (Law), associate Professor of the chair of criminal law and procedure of law faculty, Mari State University

Address: 1 Lenina Square, 424000, Yoshkar-Ola, tel: +7 (8362) 42-55-20

E-mail: law.margu@yandex.ru

How to cite the article: Gabdrakhmanov F. V. Functioning of conviction consequences in time and their classification, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 241–246.

© Gabdrakhmanov F. V. , 2013

УДК 343.222:343.24

С. Г. ОЛЬКОВ,

доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ПРЕДЕЛЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОДНОТИПНЫХ НАКАЗАНИЙ И ПООЩРЕНИЙ

Цель: повышение эффективности применения мер юридической ответственности.

Методы: нелинейный МНК, используемый для параметризации кубических функций; парный регрессионный анализ; функциональный и криминологический анализ (интерпретация полученных кубических функций); построение графиков функций; наблюдение; сравнение; интроспекция; формально-логические приемы.

Результаты: по условным эмпирическим данным выведены две симметричные кубические функции, раскрывающие суть исследуемых юридических зависимостей. Реальное значение имеют первые поощрения или наказания данного вида. Последующие меры воздействия практически неэффективны и с какого-то момента даже вредны, поскольку дают обратный эффект – наказываемый поощряется, а поощряемый – наказывается, т. е. позитивная и негативная ответственность меняются местами, чего следует избегать, поскольку преступника это будет стимулировать совершать преступления, а добродетельного человека – по меньшей мере воздерживаться от благодеяний.

Научная новизна: построена математическая модель, описывающая зависимость удовлетворения от числа одностипных поощрений и наказаний.

Практическая значимость: учет данной зависимости в законотворческой и правоприменительной практике способен повысить эффективность применения мер позитивной и негативной юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность; поощрения; наказания; правонарушения; преступления; правоотношения; эффективность; рецидив; функция; квадрант; декартова система координат; страх; удовольствие.

Тюрьма, против ожидания, устрашает и пугает лишь тех, которые вовсе в этом не нуждаются [1].

Чезаре Ломброзо (1835–1909)

Введение

Если кратко, но совершенно точно изложить суть юридической ответственности, то это – поощрения и наказания, что однозначно вытекает из математической модели юридической ответственности, разработанной автором настоящей статьи в начале 2000-х гг., где на оси абсцисс располагаются теоретически возможные деяния субъектов правовых отношений, а на оси ординат – теоретически возможные оценки этих деяний компетентными субъектами правовых отношений. Поэтому более развернутое определение юридической ответственности гласит: юридическая ответственность – это государственное реагирование на деяния субъектов правовых отношений, выражающаяся в поощрениях и наказаниях. Благодеяния поощряются, а злодеяния караются (наказываются). В первом квадранте декартовой системы координат находится геометрическое место положительной (позитивной) юридиче-

ской ответственности, а в третьем – негативной (отрицательной) юридической ответственности. Очевидно, что и цели этих видов ответственности противоположны. В первом случае речь идет о минимизации числа отрицательных деяний, а во втором – о максимизации числа положительных деяний. В этом смысле право можно рассматривать как способ оптимизации поведения людей с целевыми функциями – максимизация для положительных деяний и минимизация – для отрицательных.

Уберите юридическую ответственность, и право исчезнет, ибо исчезнет его суть – поощрение и наказание, убеждение и принуждение, «кнут и пряник», на которых, собственно, и зиждется все правовое сознание, правовое воспитание, правовая культура – вся правовая материя – дозволения и запреты, права и обязанности, правоотношения, преступления (шире – правонарушения) и подвиги (шире – благодеяния).

Результаты исследования

Из житейского опыта известно, что рецидивисты не слишком-то опасаются возврата в колонии и тюрьмы. Как говорится «не впервой». Более того имеют место случаи, когда рецидивист не желает покидать «насиженное» место. Ч. Ломброзо еще в XIX столетии обращает внимание на «почтенный» или «спокойный» вид старых каторжников и приводит письмо, в котором рецидивист (ранее 5 раз судимый) пишет директору тюрьмы: «Милостивый государь! Вы меня знаете, кто я, чего я стою и насколько могу быть Вам полезным. Меня скоро выбросят на свободу: я не буду знать, что делать. Не успею я проесть свой заработок, в последний раз кутнуть, как снова дам себя арестовать. Будьте любезны, прошу Вас, как только меня снова присудят к тюремному заключению на несколько лет, вытребуйте меня к себе, в Клерво; я вас извещу о времени и месте; а в ожидании этого, сохраните за мной место. Ни Вам, ни мне не придется каяться в такой комбинации» [1].

В Первомайском РОВД Кургана, в котором автор статьи работал следователем, осенью 1986 г. в производстве было уголовное дело по обвинению особо опасного рецидивиста Богача в краже личного имущества по ч. 3 ст. 144 УК РСФСР. Это был умудренный опытом, неоднократно судимый мужчина, который совершил кражу лишь с той целью, чтобы вернуться в ИТК (исправительно-трудовую колонию). Он устал на свободе и скучал по привычной ему жизни. В его намерения не входило оказывать противодействие расследованию. Напротив, он охотно давал показания о том, как взял золотое кольцо у родной сестры, пошел на базар и продал его незнакомому человеку за мизерную цену.

Косвенно о том, что порог чувствительности к уголовному наказанию снижается, свидетельствует статистика преступлений, совершаемых рецидивистами. Например, в 2012 г. удельный вес рецидивистов в числе выявленных лиц, совершивших преступления в Российской Федерации, составил 32,3 %.

Из графика и таблицы видно, что удельный вес рецидивистов в числе выявленных лиц, совершивших преступления, в Российской Федерации возрастает с большой скоростью и неплохо аппроксимируется (коэффициент аппроксимации 0,7) кубическим уравнением:

$$y = 0,008 x^3 - 0,237 x^2 + 1,786 x + 19,66.$$

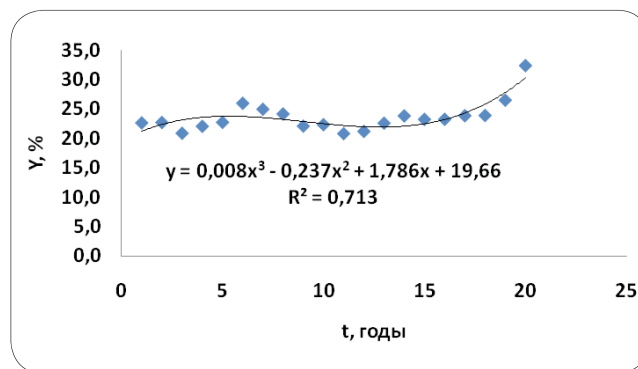

Рис. 1. Временной ряд показателя «удельный вес рецидивистов» (%) в числе выявленных лиц, совершивших преступления в Российской Федерации за период с 1992 по 2012 гг.

Временные ряды ранее судимых, совершивших преступления (человек) и выявленных лиц, совершивших преступления (человек) в Российской Федерации за период с 1992 по 2012 гг. [2]

Год	Число лиц, совершивших преступления, чел.	Число ранее судимых, совершивших преступления, чел.	Удельный вес рецидивистов, %
1992	1148962	260024	22,6
1993	1262532	286591	22,7
1994	1441568	300815	20,9
1995	1595501	351661	22,0
1996	1618394	367780	22,7
1997	1372161	356018	25,9
1998	1481503	369572	24,9
1999	1716679	414387	24,1
2000	1741439	384508	22,1
2001	1644242	367084	22,3
2002	1257700	261618	20,8
2003	1236733	262059	21,2
2004	1222504	275948	22,6
2005	1297123	308855	23,8
2006	1360860	316034	23,2
2007	1317582	306105	23,2
2008	1256199	299521	23,8
2009	1219789	291285	23,9
2010	1111145	294167	26,5
2012	1010938	326894	32,3

Среднее значение удельного веса рецидивистов в числе выявленных лиц, совершивших преступления, в России за период с 1992 по 2012 гг. составило 22,58 %, минимальный удельный вес рецидивистов – 20,8 % в 2002 г., а максимальный – 32,3 % имел место в 2012 г. Коэффициент вариации временного ряда всего 10,8 % $((2,55/23,58) \cdot 100)$, что говорит о высокой устойчивости (стабильности) временного ряда.

С учетом того, что отдельную категорию законченных преступников трудно утратить уголовным наказанием в виде лишения свободы, в США было введено правило «трех ударов» («Three strikes laws»), называемое также «Законы трех судимостей» или законы типа «три преступления – и вы вне игры»¹ («Three strikes and you're out»), а в американской юриспруденции – «habitual offender laws»². Суть «правила трех ударов» заключается в том, что рецидивист, осуждаемый в третий раз (и более) за тяжкое преступление, подвергается суровому наказанию вплоть до пожизненного лишения свободы³. Таким рецидивистам по закону могут выноситься «заранее определенные приговоры» [3], устанавливающие пожизненное лишение свободы.

Научной основой упомянутых законов, действующих в большинстве штатов США, а также Новой Зеландии [4] стали соответствующие научные разработки американских криминологов [3, с. 675–676; 5]. В частности, такая стратегия во многом была основана на работах Питера Гринвуда (Peter Greenwood), который в начале 1980-х гг. разработал специальную шкалу, с помощью которой предлагал выявлять нужную категорию рецидивистов [6].

То же самое касается и отдельных видов наград, которые постепенно «придаются». Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, получая одну за другой звезды Героя СССР, радовался этому все меньше и меньше. Тем более что и получать-то их было не за что. Подвиг «дорогой Леонид Ильич» не совершал.

Очевидно, что первое наказание имеет самый сильный эффект, и именно поэтому его следует по мере возможности оттягивать, давая возможность потенциальному преступнику исправиться под

действием страха (отложенное наказание). Неслучайно в действующем российском уголовном законодательстве имеется механизм отложенного наказания (условное осуждение и отсрочка исполнения приговора). Именно на первом рубеже страх в среднем выступает сильным лекарством против преступности. Далее с каждым разом его действие ослабевает, происходит переход от отрицательного удовлетворения к положительному, как в случае с упомянутым Ломброзо рецидивистом. Ведь, по существу, осуждая к лишению свободы такого рецидивиста, общество уже не наказывает, а поощряет его.

Понять зависимость величины страха от числа однотипных наказаний и зависимость величины удовольствия от числа однотипных поощрений значит ответить на ключевой вопрос о пределах эффективности отдельных видов юридической ответственности. Математически здесь нужно установить связь между двумя переменными: 1) удовлетворением и 2) числом фактов применения положительной и отрицательной юридической ответственности, т. е. определить параметры уравнения:

$$y = f(x),$$

где y – удовлетворение в баллах; x – число фактов применения положительной и отрицательной юридической ответственности в штуках, f – правило (параметры уравнения), связывающее левую и правую части уравнения.

Почему зависимость устанавливается между двумя переменными? Потому что удовлетворение может быть положительным (удовольствие) и отрицательным (неудовольствие), а отрицательное удовлетворение – это и есть, по сути, страх, поскольку страх – свойство (эффект, результат) отрицательного удовлетворения, чего-то нежелательного. Например, вручение герою ордена вызывает у него положительное удовлетворение (удовольствие), а осуждение убийцы к лишению свободы или смертной казни – неудовольствие и страх.

В декартовой системе координат удовлетворение как зависимая переменная располагается на оси ординат, а число фактов применения юридической ответственности ложится на ось абсцисс. Соответственно, в первом квадранте имеем положительное удовлетворение, в четвертом – отрицательное. Второй и третий квадранты в данной модели не задействуются, поскольку

¹ Название законов возникло из правил игры в бейсбол, где отбивающий может пропустить два удара, прежде чем выбыть из игры, пропустив третий удар.

² A habitual offender is a person who has repeatedly committed the same crime. Various state and jurisdictions may have laws targeting habitual offenders, and specifically providing for enhanced or exemplary punishments or other sanctions

³ Three-strikes laws are statutes enacted by state governments in the United States which mandate state courts to impose harsher sentences on persons convicted of three or more serious criminal offenses. In most jurisdictions, only crimes at the felony level qualify as serious offenses.

число фактов применения юридической ответственности является положительной величиной.

По условным эмпирическим данным построим модельные функции удовольствия и страха в зависимости от числа фактов применения юридической ответственности ($y = f(x)$), т. е. в зависимости от числа однотипных поощрений при положительной юридической ответственности и числа однотипных наказаний при отрицательной юридической ответственности. Единственное допущение, которое здесь необходимо пояснить – это сама величина юридической ответственности, т. е. переменная x . Здесь предполагается, что используется только один вид поощрения и наказания. Например, лишение свободы как мера наказания используется в первый, второй, третий и более раз; или объявление благодарности как мера поощрения – в первый, второй, третий и более раз. Очевидно, например, денежная премия или штраф если и могут рассматриваться как однотипные, то с большой натяжкой, поскольку деньги – всеобщий эквивалент, позволяющий делать выбор товаров и услуг (рис. 2).

Из рисунка видно, что первое поощрение дает максимум удовольствия, а затем оно резко падает при втором аналогичном поощрении. Далее подобные поощрения могут доставлять некоторое небольшое удовольствие и вовсе надоедают, превращаясь в отрицательную величину (например, грамотами оклеивают обои). Нечто подобное, но в обратном направлении происходит с движением страха. Его величина максимальна в ожидании первого наказания. После отбытия данного наказания вторичное его применение вызывает неудовольствие, но гораздо меньшей величины по модулю. Далее величина неудовольствия стабилизируется и переходит в положительную величину, т. е. страха больше нет, а есть удовольствие.

Измеряем y (игрек) в баллах, а x (икс) в штуках. Величина y непрерывна, ибо может сколь угодно дробиться; величина x либо дискретна (неделима), и тогда функция не будет гладкой, как представлено на графике, а будет ступенчатой, либо, если рассматривать наказание не как одномоментный, а как длящийся акт, в частности, отбытие лишения свободы, то тогда x – непрерывная величина, и функция непрерывна, как в нашем примере.

Очевидно, что параметры функций y_1 и y_2 (коэффициенты при x и свободный член) в нашем примере взяты условно, и будут различаться от индивидуума к индивидууму, а усредненные агрегированные функции уместно будет положить в основу принимаемых управленческих решений – совершенствование действующего законодательства.

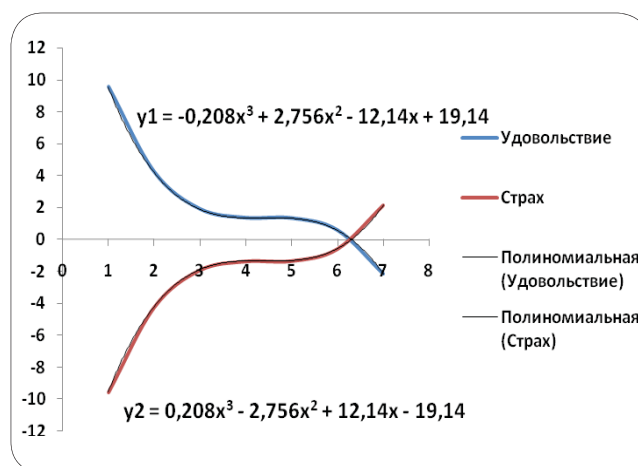

Рис. 2. Модельные функции удовольствия и страха в зависимости от числа фактов применения юридической ответственности (однотипные поощрения – при благодеяниях; однотипные наказания – при злодеяниях)

Выводы

Практический общий вывод, соответствующий двум вышеприведенным симметричным функциям, гласит: реальное значение имеют первые поощрения или наказания данного вида. Последующие меры воздействия практически неэффективны и с какого-то момента даже вредны, поскольку дают обратный эффект – наказываемый поощряется, а поощряемый – наказывается, т. е. позитивная и негативная ответственность меняются местами, чего следует избегать, поскольку преступника это будет стимулировать совершать преступления, а добродетельного человека, по меньшей мере, воздерживаться от благодеяний.

Список литературы

1. Ломброзо Ч. Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 199.
2. URL: <http://cbbsd.gks.ru/>
3. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели: пер с англ. – СПб.: Питер, 2003. – С. 674.

4. URL: <http://www.scoop.co.nz/stories/PA1001/S00061.htm>

5. Blumstein, A., and J.Cohen. 1987. *Characterizing Criminal Careers*. Science 237, p. 985–991.

6. Greenwood, P., and A. Abrahamse. 1982. *Selective Incapacitation*. Rand Report R-2815-NIJ. Santa Monica, CA: Rand Corporation.

В редакцию материал поступил 12.11.12

© Ольков С.Г., 2013

Информация об авторе

Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: olkovsg@mail.ru

Как цитировать статью: Ольков С.Г. Пределы эффективности юридической ответственности при применении одностипных наказаний и поощрений // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 247–251.

S. G. OL'KOV,

doctor of law, professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

LIMITS OF LEGAL LIABILITY EFFICIENCY WHEN APPLYING SINGLE-TYPE PUNISHMENTS AND AWARDS

Objective: the increase the efficiency of application of legal liability measures.

Methods: non-linear Ordinary Least Squares, used for parametrization of cubic functions, pair regression analysis; functional and criminological analysis (interpretation of the obtained cubic functions); constructing the function graphs; observation; comparison; introspection; formal-logical techniques.

Results: according to the conditional empirical data, two symmetrical cubic functions are deduced, revealing the essence of the researched juridical dependences. Actually important are the first awards or punishments of the given type. Further measures are practically inefficient and since a certain moment are even harmful, as they have a reverse effect – the punished is awarded and the awarded is punished, that is, the positive and the negative liabilities change places. This should be avoided, as the criminal would be stimulated to commit crimes, and the lawful citizen would at least abstain from beneficence.

Scientific novelty: mathematic model is constructed, describing the dependence of satisfaction on the number of single-type awards and punishments.

Practical value: taking the described dependence into account in law-making and law-enforcing practice can increase the efficiency of positive and negative measures of juridical liability.

Key words: juridical liability; awards; punishments; law breaches; crimes; legal relations; efficiency; recidivism; function; quadrant; rectangular coordinate system; fear; pleasure.

References

1. Lombrozo, Ch. *Prestuplenie. Noveishie uspekhi nauki o prestup-nike. Anarkhisty* (Crime. The recent achievements of the science of a criminal. The anarchists). Moscow: INFRA-M, 2004, p. 199.

2. <http://cbsd.gks.ru/>

3. *Criminology*, edited by Dzh. F. Sheli. Saint Petersburg: Piter, 2003, p. 674.

4. <http://www.scoop.co.nz/stories/PA1001/S00061.htm>

5. Blumstein, A., and J.Cohen. 1987. *Characterizing Criminal Careers*. Science 237, p. 985–991.

6. Greenwood, P., and A. Abrahamse. 1982. *Selective Incapacitation*. Rand Report R-2815-NIJ. Santa Monica, CA: Rand Corporation.

Information about the author

Ol'kov Sergey Gennadyevich, doctor of law, professor of the chair of criminal law and procedure, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., 420111, Kazan, Russia, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: olkovsg@mail.ru

How to cite the article: Olkov S. G. Limits of legal liability efficiency when applying single-type punishments and awards, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 247–251.

© Ol'kov S. G., 2013

УДК 343.37:343.7

В. И. ПОКЛАД,

кандидат философских наук, доцент

*Луганский государственный университет внутренних дел им. Э. А. Дидоренко, г. Луганск,
Украина*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Цель: определение влияния социального контроля на противодействие экономическим преступлениям.

Методы: на основе методологии функционализма применяется абстрактно-логический метод.

Результаты: путем сопоставления особенностей функционирования экономики как социального института и экономики как правового института доказывается определяющее влияние социальных норм на экономические процессы. В связи с этим эффективность противодействия экономической преступности зависит от соответствия правовых предписаний социальным ожиданиям.

Научная новизна: перенесение акцента в противодействии экономической преступности с уголовно-репрессивных методов на ценностно-нормативное регулирование.

Практическая значимость: в корректировке методологии государственно-правового регулирования экономики с учетом функционирования механизмов социального контроля в экономической сфере.

Ключевые слова: социальный контроль; социальный институт; экономика; экономическая преступность.

Введение

Особенностью развития транзитивных обществ, к которым относятся все постсоветские государства, является повсеместное повышение уровня экономической преступности. Данная ситуация стала предметом широкого научного обсуждения как среди ученых России, Украины и других бывших советских республик [1; 2; 3], так и в дальнем зарубежье [4].

Вместе с тем криминологический анализ экономической преступности осуществляется, главным образом, в рамках юридической парадигмы, поскольку сама криминология и в России, и в Украине относится к юридическим наукам со всеми вытекающими отсюда методологическими и методическими последствиями [5]. И большая часть предложений по минимизации экономической преступности, исходя из этого, сводится к экономико-правовым и уголовно-правовым мероприятиям.

Целью данной статьи является определение специфики влияния социального контроля как неформального института общества на отдельные формы экономического поведения, формально запрещаемые и наказуемые государством.

Результаты исследования

Социальный контроль как «способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий ее

сохранение и нормальное функционирование» [6, с. 111] является универсальным механизмом поддержания порядка в обществе на самых разных уровнях социальности – от диады-микродиады и до этнических, религиозных и прочих массовых общностей. Действие социального контроля построено на поощрении конформного (нормального) поведения и наказании девиантного (отклоняющегося) поведения [7, с. 227]. Тем самым обеспечивается устойчивость, стабильность и предсказуемость социальных отношений.

Социальный контроль представляет собой институализированные способы регулирования социальных взаимодействий в различных сферах человеческой деятельности. В сущности, любой из социальных институтов, прежде всего, является системой организации социального контроля. Семья, религия, политика, экономика и другие базовые институты – это, главным образом, нормы (стандарты поведения большинства) и реакции на их выполнение.

При рассмотрении экономики как института общества необходимо исходить из различения социальных институтов и правовых. Социальный институт – это устойчивый комплекс ценностей, норм и понятий, обеспечивающий совместные действия индивидов в определенных сферах общественной жизни. Или, как пишет английский социолог Э. Гидденс, «устойчивые во времени

способы поведения» [8, с. 673]. Всякий институт – ответ на социальные потребности. Его формирование (институционализация) есть закрепление и общественное одобрение успешных способов удовлетворения потребностей.

Экономика как социальный институт – ответ на потребности получать все необходимое для жизнедеятельности, что осуществляется в процессе производства, распределения, обмена материальных и нематериальных благ. Социальные ожидания населения, связанные с экономикой, можно свести к двум: 1) получение качественных товаров и услуг; 2) получение достойных доходов (прибыль, заработная плата и т.п.). Таким образом, экономика как социальный институт есть устойчивая система способов удовлетворения потребностей населения в товарах, услугах и доходах.

Для получения необходимых товаров, услуг и доходов участники экономических отношений совершают определенные действия (производство, распределение, продажа, покупка и т.д.) и вступают в отношения с другими людьми. Эти действия и отношения могут быть нормальными, конформными (стандартными для большинства) и девиантными (отклоняющимися от общепринятых стандартов поведения).

Как уже отмечалось, функционирование всякого социального института как ценностно-нормативного комплекса, регулирующего определенную сферу деятельности, включает в себя определенные механизмы социального контроля – реакции большинства акторов на индивидуальное поведение. Соответственно, конформное поведение поощряется, девиантное – наказывается. Производитель качественного товара поощряется деньгами покупателя. Производитель некачественной продукции разоряется. Покупатель некачественного («левого») товара наказывается ухудшением здоровья и последующими упреками близких. И так далее.

В отличие от социального института правовой институт – это поддержание государством стандартов должного поведения с помощью системы правовых норм, санкций, организаций и учреждений. При этом правовые нормы следует отличать от социальных норм. Социальные нормы *описывают* поведение (дескрипция), а правовые нормы *предписывают* поведение (прескрипция).

Социальные нормы – это *реальное* поведение большинства в стандартных ситуациях, правовые нормы – *ожидаемое* государством поведение граждан.

Экономика как государственно-правовой институт и экономика как социальный институт никогда не могут быть полностью идентичными. Основные причины их различия следующие:

1) правовой институт, в отличие от естественной самоорганизации общества, всегда является искусственно созданным;

2) если социальный институт формируется поведением большинства, то правовой институт создается меньшинством (более или менее легитимным);

3) социальный институт поддерживается исключительно воздействием общественного мнения, добровольной конформностью большинства, а правовой институт – силой государственного принуждения, репрессии.

Некоторые девиации, признаваемые государством «общественно опасными», криминализируются и влекут за собой уголовное наказание. При этом «преступление» как правовая категория в силу указанных выше причин может отличаться от массовых представлений о социальной девиации. В частности, «уплата налогов рассматривается не только деловыми людьми, но и всем населением как двойное налогообложение, так как все покупают государственные услуги в частном порядке в том конкретном объеме, который требуется тому или иному предпринимателю или частному лицу. В обществе сформировалась такая атмосфера, когда уклонение от уплаты налогов стало нормой, следование которой морально не осуждается» [9, с. 16]. Как пишет украинский социолог И. Рущенко, «средний и малый бизнес у нас напоминает айсберг, где меньшая, надводная часть – декларируемая прибыль, легальная заработная плата, заявленные виды деятельности, официальное количество работающих, а гораздо большая по объему подводная – все остальное, что и является фактическим стимулом для предпринимателя» [10, с. 204]. Весьма распространена практика устных договоренностей между предпринимателями и наемными работниками при найме и использовании рабочей силы (работа без оформления, совмещение статуса безработного с неоформленной работой, выполнение аккордных

работ и т. п.). Общественному осуждению в таких случаях подвергается не нарушение трудового законодательства, а нарушение устных договоренностей [11, с. 43–44]. По мнению психологов, «в социуме формируются жизненные стратегии, в которых целеустремленный труд и вообще всякое усилие являются отрицательными ценностями, ассоциируясь с принуждением, неуспехом, позором» [12, с. 53].

Такая ситуация обусловлена одной из основных дисфункций института экономики – несоответствием потребности в доходах их реальным размерам. В Украине, в процессе реформ 90-х гг. прошлого века заработная плата основной массы работников упала до уровня, который не обеспечивал даже простого воспроизводства населения [13, с. 220]. По данным социологических исследований, количество жителей Украины, семьи которых в 2009–2010 гг. столкнулись с невыплатой или неполной выплатой заработной платы, пенсий, составила от одной четверти до одной трети [14, с. 167].

Поскольку институт легальной экономики не соответствует потребностям большинства участников экономических отношений (как работодателей, так и работников), в качестве компенсаторного механизма формируется и развивается неформальная (нелегальная, теневая экономика), «система конкурирующих с законом фактических норм» [6, с. 150].

В России в настоящее время объемы теневой деятельности согласно различным источникам оцениваются в пределах от 25 % до 60 % ВВП [15, с. 3]. В соответствии с расчетами австрийского экономиста Ф. Шнайдера, уровень теневой экономики в Украине составляет 52,8 % от официального ВВП [16, с. 13]. А поскольку поведение большинства (52,8–60 %) формирует социальные нормы, нормальной, с социологической точки зрения, и в российском, и в украинском обществе скорее может считаться теневая экономика, нежели легальная. И «из ряда обособленных экономических операций теневая экономика становится структурированной и комплексной социально-экономической системой, имеющей свои собственные законы развития» [15, с. 3]. Более того, российские экономисты отмечают «опережающий рост теневого сектора услуг по сравнению с промышленностью и сельским хозяйством» [15, с. 6].

Теневая экономика таких масштабов «не может не вовлекать в свою орбиту политику. Происходит сращивание теневой экономики и теневой политики, образуя теневую реальность, теневую действительность, невольными участниками (и жертвами) которой оказываются все граждане страны» [17]. Следствием такого сращивания является моделирование экономического законодательства не на основе потребностей большинства членов общества, а исходя из предпочтений меньшинства, представителей весьма криминализованной постсоветской элиты [10, с. 206], что значительно усиливает общие криминогенные факторы «беловоротничковой преступности», давно отмечаемые в мировой криминологии. В частности, «принимая законы, касающиеся наказаний за кражу со взломом или грабеж, никто не консультируется с будущими взломщиками и грабителями. Совсем иное дело – более привилегированные преступники. Они и их представители играют активную роль в разработке законов и полномочий контрольных органов, ограничивающих их деятельность» [18, с. 353]. Не будет преувеличением, что в России и Украине они играют более чем активную роль.

Таким образом, многие виды экономических правонарушений, как запрещенные и наказуемые выходы за пределы правового институционального порядка, стали социально нормальными вследствие несоответствия легального института реальным социальным потребностям, что стимулирует поиски неформальных (нелегальных) способов их удовлетворения. И «главный приз» в этой конкуренции неформальных поисковых стратегий получают привилегированные участники экономических отношений – предприниматели, работодатели, коррумпированные чиновники. Коррупция в этой системе выполняет функцию механизма согласования неформальных практик с легальными правилами в части нейтрализации негативных санкций государственно-правового контроля.

Противодействие экономической преступности усложняется тем, что в обществе одновременно действуют, находясь в сложном переплетении, социальный контроль и государственно-правовой контроль. Поведение экономических акторов обусловлено воздействием обеих систем контроля. Приоритетным все же является влияние соци-

ального контроля. Как отмечал М. Вебер, «при нарушении условности (например, «профессиональной этики») социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказывается значительно более действенной и ощутимой карой, чем наказание, назначенное судебным приговором» [19, с. 640]. Общественное мнение влияет и на деятельность агентов правового контроля (правоохранительные органы), на что обращал внимание еще основоположник теории «беловоротничковой преступности» Э. Сатерленд: «... методы, применяемые для обеспечения исполнения закона, зависят от отношения законодателей, а также судебного и исполнительного персонала к личности возможных нарушителей закона. Отношение к бизнесменам ... – это *смесь страха и восхищения*. Важным обстоятельством является *культурная однородность* законодателей, судей, а также лиц, исполняющих закон, с одной стороны, и бизнесменов – с другой» [20, с. 55].

Кроме того, «направленность преступления против конкретного лица вызывает большее неприятие общества, чем изъятие денег у «абстрактного» государства, тем более с учетом социокультурной традиции противопоставления народа и власти» [21, с. 23].

При высоком уровне социальной латентности экономических правонарушений ужесточение санкций без расширения практики их применения неспособно изменить положение: взяточник, недобросовестный предприниматель и продавец скорее «поощряются» получаемыми доходами, нежели испытывают достаточно серьезные меры негативного противодействия. Если наказание (негативная санкция) для большинства экономических правонарушителей остается в значительной степени потенциальным, абстрактным, то нелегальный доход (позитивная санкция социального контроля) – весьма реален. Вследствие чего «доминирующее влияние существующих в группе стандартов успеха приводит к постепенному вытеснению законных, однако сплошь да рядом неэффективных попыток его достижения ко все большему использованию незаконных, но более или менее эффективных средств аморального и преступного характера» [22, с. 309]. Более того, в России, как и в большинстве постсоветских обществ, «официальное право в значительной мере превратилось в декоративное. Оно зачастую

используется лишь для того, чтобы наказать тех, кто нарушает теневые нормы или мешает влиятельным группировкам добиваться своих «теневых» экономических, политических или иных целей» [9, с. 16].

Выводы

Эффективное противодействие экономической преступности, исходя из обозначенных ее институциональных факторов, возможно, в первую очередь, через приведение в соответствие правовых предписаний социальным ожиданиям. Центральным моментом здесь является обеспечение справедливости, как высшей правовой ценности. Применительно к экономическим отношениям задача заключается в установлении баланса (гармонии) между ожиданиями социальных акторов экономики (продавец – покупатель, наемный работник – работодатель).

Во-вторых, минимизации нелегальных экономических практик может способствовать легализация отдельных видов деятельности, не имеющих отношения к явному криминалу типа наркобизнеса, торговли оружием и т.п. Как пишет Н. Бараева, «то, что криминологи называют латентной преступностью, может рассматриваться экономистами и социологами как социальные практики, доказавшие свою жизнеспособность, обеспечившие выживание и экспансию для индивидов и целых групп» [23, с. 143].

При этом следует весьма осторожно подходить к ужесточению официальных наказаний. По мнению профессора философии права в университете Эрлангена-Нюрнберга Райнхольда Циппелиуса, «государственный правопорядок зиждется не только на власти и принуждении, а в значительной мере и на иначе мотивированном послушании. *Осуществление норм исключительно с помощью санкций присуще, пожалуй, лишь концлагерям*» [24, с. 264].

Правовые санкции должны выполнять мотивирующую функцию, чтобы правомерная экономическая деятельность оказывалась выгодной и вытесняла неформальные (нелегальные) социальные нормы. В качестве примера можно вспомнить антитрестовский закон Шермана (США), в соответствии с которым «потерпевшие в результате нарушения закона стороны управомочены предъявлять иски о возмещении ущерба,

причем в обязательном порядке предусмотрено возмещение ущерба, в три раза превышающее причиненный вред» [20, с. 47]. Таким образом, если для предпринимателя поощрением является прибыль, а наказанием – убытки, данная правовая мера может способствовать утверждению иных социальных норм и преодолению дисфункций легального института экономики.

Список литературы

1. Аслаханов А. А. Преступность в сфере экономики (Криминологические и уголовно-правовые проблемы). – М.: Моск. юрид. ин-т, 1997. – 128 с.
2. Егоршин В. М., Колесников В. В. Преступность в сфере экономической деятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с.
3. Кальман А. Г. Экономическая преступность как криминологическое понятие // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 101–104.
4. Шели Л. Преступность как определяющая проблема: взгляд западного криминолога. – URL: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100088076>
5. Поклад В. И. К вопросу о предметном статусе криминологии в Украине // Актуальные проблемы криминологии и криминальной психологии: сб. науч. статей / под ред. М. Ф. Орзиха, В. Н. Дремина. – Одесса: Фенікс, 2007. – С. 264–267.
6. Лапаева В. В. Социология права: Краткий учебный курс / под ред. В. С. Нерсесянца. – М.: НОРМА, 2000. – 304 с.
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М.: Феникс, 1994. – 688 с.
8. Гидденс Э. Социология: пер. с англ. / науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.
9. Косалс Л. Я., Рывкина Р. В. Становление институтов теневой экономики в постсоветской России // Социс. – 2002. – № 4. – С. 13–20.
10. Рущенко И. П. «Криминальная революция» как социетальный фактор // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2008. – № 3. – С. 194–210.
11. Попова І. Моральне виправдання і нормативна складова тіньових практик (спроба порушити проблему) // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 2004. – № 1. – С. 30–50.
12. Ениколопов С. Н., Умняшкина Д. А. Психологические проблемы влечения к азартным играм // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2008. – № 2 (15). – С. 43–62.
13. Чепурко Г., Привалов Ю. Гідна праця: реалії та перспективи // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2010. – С. 217–229.
14. Петрушина Т. Сприйняття економічних інститутів громадянами України за умов глобальної кризи // Українське суспільство 1992–2010. Соціологічний моніторинг / за ред. д. ек. н. В. Ворони, д. соц. н. М. Шульги. – К.: Інститут соціології НАН України, 2010. – С. 165–175.
15. Коняева А. Л. Развитие стратегий государственного воздействия на теневую экономику (институциональный подход): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М.: 2008. – 26 с.
16. Тіньова економіка в Україні: масштаби та напрямки подолання. – К.: НІСД, 2011. – 31 с.
17. Гилинский Я. И. Криминальное лицо свободной экономики // Crimpravo.ru. – URL: <http://crimpravo.ru/blog/1685.html>
18. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шели: пер. с англ. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.
19. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 602–643.
20. Сатерленд Э. Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями? // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – С. 45–59.
21. Клинтух И. И. Делинквентное поведение: социокультурная обусловленность: автореф. дис. канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 32 с.
22. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.
23. Бараева Н. Б. Латентность как социальная и криминологическая проблема // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2009. – № 1 (16). – С. 142–145.
24. Ципелиус Р. Общество и право. Основные понятия социологии права и государства // Право XX века: Идеи и ценности: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М., 2001. – С. 252–266.

В редакцію матеріал постули 26.08.13

© Поклад В. И., 2013

Информация об авторе

Поклад Василий Иванович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии и социологии, Луганский государственный университет внутренних дел им. Э. А. Дидоренко
Адрес: 91493, Украина, г. Луганск, пос. Юбилейный, ул. Генерала Дидоренко, 4
E-mail: vpoklad@mail.ru

Как цитировать статью: Поклад В. И. Социальный контроль и экономическая преступность // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 252–258.

V. I. POKLAD,

PhD (Philosophy), associate professor

Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko, Lugansk, Ukraine

SOCIAL CONTROL AND ECONOMIC CRIME

Objective: to identify the influence of social control on counteracting the economic crimes.

Methods: on basis of methodology of functionalism the abstract-logical method was used.

Results: the determining influence of social standards on economic processes is proved by means of comparison of characteristics in operation of the economy as a social institution and the economy in the capacity of legal institution. By this reason the efficiency of counteracting the economic crimes depends on the conformity of prescriptions of law with social expectations.

Scientific novelty: displacement of emphasis in counteracting the economic crimes from criminal – repressive techniques to value – standard regulations.

Practical value: consists in correcting of methodology of state and legal management of the economy with due regard for functioning of the mechanisms of social control in the sphere of economy.

Key words: social control; social institution; economy; economic crime.

References

1. Aslakhonov, A. A. *Prestupnost' v sfere ekonomiki (Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy)* (Crime in the economy sphere (Criminological and criminal and legal problems). Moscow: Mosk. jurid. in-t, 1997, 128 p.
2. Egorshin, V. M., Kolesnikov V. V. *Prestupnost' v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti* (Crime in the sphere of economic activity). Saint Petersburg: Fond "Universitet", 2000, 273 p.
3. Kal'man, A. G. *Ekonomicheskaya prestupnost' kak kriminologicheskoe ponyatie* (Economic crime as criminological concept), *Gosudarstvo i pravo*, 2003, No. 3, pp. 101–104.
4. Sheli, L. *Prestupnost' kak opredelyayushchaya problema: vzglyad zapadnogo kriminologa* (Crime as a defining problem: look of the western criminologist), available at: <http://law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100088076>
5. Poklad, V. I. K voprosu o predmetnom statuse kriminologii v Ukraine (To the question of the subject status of criminology), *Aktual'nye problemy kriminologii i kriminal'noi psikhologii*. Odessa: Feniks, 2007, pp. 264–267.
6. Lapaeva, V. V. *Sotsiologiya prava: kratkii uchebnyi kurs* (The sociology is right: short training course). Moscow: NORMA, 2000, 304 p.
7. Smelzer, N. *Sotsiologiya* (Sociology). Moscow: Feniks, 1994, 688 p.
8. Giddens, E. *Sotsiologiya* (Sociology). Moscow: Editorial URSS, 1999, 703 p.
9. Kosals, L. Ya., Ryykina, R. V. *Stanovlenie institutov tenevoi ekonomiki v postsovetskoj Rossii* (Formation of institutes of shadow economy in Post-Soviet Russia), *Sotsis*, 2002, No. 4, pp. 13–20.
10. Rushchenko, I. P. "Kriminal'naya revolyutsiya" kak sotsietal'nyi faktor ("Criminal revolution" as sotsiyetalny factor), *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2008, No. 3, pp. 194–210.
11. Popova, I. Moral'ne vipravdannya i normativna skladova tin'ovikh praktik (sproba porushiti problem), *Sotsiologiya: teoriya, metodi, marketing*, 2004, No. 1, pp. 30–50.
12. Enikolopov, S. N., Umnyashkina D. A. Psikhologicheskie problemy vlecheniya k azartnym igram (Psychological problems of an inclination to gamblings), *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2008, No. 2(15), pp. 43–62.
13. Chepurko, G., Privalov, Yu. Gidna pratsya: realii ta perspektivi, *Ukrains'ke suspil'stvo 1992–2010. Sotsiologichniy monitoring*. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukraïni, 2010, pp. 217–229.
14. Petrushina, T. Spriinyattya ekonomichnikh institutiv gromadyanami Ukraïni za umov global'noi krizi, *Ukrains'ke suspil'stvo 1992–2010. Sotsiologichniy monitoring*. Kiev: Institut sotsiologii NAN Ukraïni, 2010, pp. 165–175.
15. Konyaeva, A. L. *Razvitie strategii gosudarstvennogo vozdeistviya na tenevuyu ekonomiku (institutsional'nyi podkhod)* (Development of strategy of the state impact on shadow economy (institutional approach)). Moscow, 2008, 26 p.
16. *Tin'ova ekonomika v Ukraïni: masshtabi ta napryamki podolannya*. Kiev: NISD, 2011, 31 p.
17. Gilinskii, Ya. I. *Kriminal'noe litso svobodnoi ekonomiki* (Criminal person of free economy), available at: <http://crimpravo.ru/blog/1685.html>
18. *Kriminologiya, pod red. Dzh. F. Sheli* (Criminology, under the editorship of J. F. Shelley). Saint Petersburg: Piter, 2003, 864 p.
19. Veber, M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya (Basic sociological concepts), *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1990, pp. 602–643.
20. Saterlend, E. Yavlyayutsya li prestupleniya lyudei v belykh vorotnichkakh prestupleniyami? (Whether are crimes of people in white collars crimes?), *Sotsiologiya prestupnosti*. Moscow: Progress, 1966, pp. 45–59.
21. Klintukh, I. I. *Delinkventnoe povedenie: sotsiokul'turnaya obuslovlennost'* (Delinkventny behavior: sociocultural conditionality). Rostov on Don, 2009, 32 p.
22. Merton, R. Sotsial'naya struktura i anomiya, *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* (Social structure and anomy). Moscow: Progress, 1966, pp. 299–313.
23. Baraeva, N. B. Latentnost' kak sotsial'naya i kriminologicheskaya problema (Latency as social and criminological problem), *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba*, 2009, No. 1(16), pp. 142–145.
24. Tsippelius, R. Obshchestvo i pravo. Osnovnye ponyatiya sotsiologii prava i gosudarstva (Society and right. Basic concepts of sociology of the right and state), *Pravo XX veka: Idei i tsennosti: sb. obzorov i referatov*. Moscow, 2001, pp. 252–266.

Information about the author

Poklad Vasily Ivanovich, PhD (Philosophy), associate professor, head of the chair of criminology and sociology, Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko

Address: 4 General Didorenko Str., 91493, Lugansk, Yubileinyi settlement, Ukraine, tel.: +38-0642-536-630

E-mail: vpoklad@mail.ru

How to cite the article: Poklad V. I. Social control and economic crime, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 252–258.

© Poklad V. I., 2013

ПОЗНАНИЕ

Якупов З.С. Налогообложение участников внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие / З.С. Якупов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 208 с.

В учебном пособии рассматриваются теоретические основы и практические аспекты налогообложения российских организаций, получающих доходы от деятельности на территории иностранных государств, иностранных организаций и физических лиц, получающих доходы от источников в Российской Федерации. Изложены особенности исчисления налога на прибыль и налога на добавленную стоимость (НДС) указанными организациями при различных формах их деятельности. Уделено внимание урегулированию международного двойного налогообложения. Рассматриваются механизмы таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности, порядок расчета таможенных пошлин, сборов, НДС и акцизов по внешнеторговым операциям, в том числе в условиях создания Таможенного союза России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии, а также присоединения России к ВТО.

Предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов экономических вузов и всех читателей, интересующихся проблемами исчисления доходов бюджета и формирования налоговой политики.

УДК 343.24

В. В. СВЕРЧКОВ,

доктор юридических наук, доцент, профессор

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЯМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (НАКАЗАНИЯ): ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ

Цель: раскрыть юридическую природу примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания), показать пути решения проблемы их применения.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, а также основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: на основе анализа и обобщения результатов следственно-судебной практики, положений законодательства и доктрины уголовного права раскрыты юридическая природа примечаний к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания), показаны пути решения проблемы их применения.

Научная новизна: установлены и разделены основания и условия освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в примечаниях к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, показаны пути решения проблемы применения уголовно-правовых положений, отраженных в этих примечаниях.

Практическая значимость: результаты проведенного исследования можно использовать в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, а также в учебном процессе юридических вузов и факультетов.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; примечание к статье; освобождение от уголовной ответственности (наказания).

Примечания к статьям нормативного правового акта, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности, известны и советскому, и досоветскому отечественному уголовному законодательству (см. примечания: к ст. 963 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., к ст. 143 УК РСФСР 1922 г., к ст. 118 УК РСФСР 1926 г., к ст. 174, 213.3, 218, 224 УК РСФСР 1960 г.).

В уголовных законах иных государств с развитой правовой системой, как правило, нет закрепленных к статьям примечаний, делающих возможным освобождение от уголовной ответственности (наказания) в связи с совершением преступных деяний. Такая возможность предусмотрена содержанием соответствующих статей, закрепляющих ответственность за конкретные преступления. Например, УК Республики Сан-Марино устранена наказуемость лица, если оно информирует власти до момента использования или распространения фальсифицированных либо измененных предметов при подделке, использовании поддельных монет, ценных бумаг или

кредитных документов с фальшивой подписью (ст. 402). УК Республики Болгария исключено наказание (при соответствующих условиях) лица, совершившего некоторые преступления против Республики (ст. 105, 109). В УК Испании предусмотрена возможность освобождения: а) от наказания (при определенных условиях) лиц в связи с совершением ими таких преступлений как оскорбление, клевета (ст. 208, 211, 216), взяточничество (ст. 427), дача ложного показания по уголовному делу (ст. 462); б) от ответственности некоторых лиц в связи с их позитивным посткриминальным поведением: супругов (ст. 268), лиц, упорядочивших свое налоговое или иное положение (ст. 305, 306), возместивших полученные суммы с годовыми процентами (ст. 308). УК Аргентины устранена наказуемость (при соответствующих условиях) врача за совершение им аборта женщине с ее согласия (см. ст. 86), предусмотрено освобождение от наказания лица, раскрывшего властям заговор до начала его осуществления (ст. 217). В УК Дании закреплены

условия прекращения уголовного преследования (§ 213, 262, 290) и отмены наказания (§ 214, 269, 272). Возможность освобождения лица от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от преступления (ст. 171), деятельным раскаянием (ст. 215) получила отражение в УК Турции (в ст. 288, 296, 405 закреплено освобождение лица от наказания). В УК государств, некогда входивших в состав СССР, также предусмотрено освобождение от уголовной ответственности нормами Особенной части (соответствующие примечания к статьям УК Грузии, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Республики Беларусь, в том числе к гл. 24, определенные статьи (части статей) УК Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Узбекистан (в ст. 273, 276 речь идет об освобождении лица от наказания), Украины).

В действующем российском уголовном законодательстве некоторые из оснований освобождения от уголовной ответственности (наказания), отраженные в статьях Общей части УК РФ, получили развитие и закрепление в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ.

Обобщение следственно-судебной практики показало, что *наиболее часто*, согласно примечаниям к статьям Особенной части УК РФ, освобождались от уголовной ответственности лица, уличенные в незаконном обороте / использовании наркотических средств или психотропных веществ (их аналогов), растений (частей), содержащих такие средства / вещества; *реже* – в незаконном обороте / использовании оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств; уклонении от уплаты налогов / сборов. Отмечены случаи освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к ст. 126 «Похищение человека», 291 «Дача взятки» УК РФ. Немала среди данных лиц, освобожденных от уголовной ответственности, согласно примечаниям к статьям УК РФ (их количество ежегодно снижается), доля имеющих *непогашенные / неснятые судимости* за ранее совершенные преступления. Несколько меньше доля освобожденных от уголовной ответственности *несовершеннолетних* лиц (в основе исследования лежат статистические данные, предоставленные Департаментом право-

вой информации Минюста России, Судебным департаментом при Верховном суде РФ).

Таким образом, освобожденными от уголовной ответственности в силу примечаний к статьям Особенной части УК РФ являются лица, совершившие исключительно *умышленные* преступные деяния. Львиную долю в числе примечаний к статьям Особенной части УК РФ ежегодно составляло применение судами России примечания к ст. 228 УК РФ. Эта закономерность не была бы странной (поскольку количественный уровень деяний, квалифицированных по данной статье, достаточно высок), если бы наркотизация населения России и наркопреступность не представляли собой реальную угрозу не только здоровью населения, но и сохранению нашего общества и безопасности государства.

В среднем каждый четвертый-пятый из освобожденных от уголовной ответственности вследствие примечания к статье Особенной части УК РФ имеет *непогашенную (неснятую) судимость*. И эта ситуация также не была бы странной (поскольку такое условие освобождения от уголовной ответственности, как «совершение преступления впервые», в указанных примечаниях, как правило, отсутствует), если бы заметная часть освобожденных лиц не привлекалась ранее к уголовной ответственности (и осуждалась) за то же преступление, в связи с совершением которого они освобождены от уголовной ответственности.

Применение ч. 2 ст. 28 УПК РФ (ч. 2 ст. 75 УК РФ) было связано со следующими законодательными установками: а) освобождение от уголовной ответственности возможно при наличии условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ; б) данные случаи освобождения должны быть специально предусмотрены соответствующими примечаниями к статьям Особенной части УК РФ.

Сложностей в понимании этих установок как будто бы не возникало. Исчерпывающий перечень условий дан (ч. 1 ст. 75 УК РФ), специальные случаи освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием предусмотрены примечаниями к ст. 126, 127.1, 178, 184 (частично), 198, 199, 204 (частично), 206, 208, 210, 222, 223, 228, 275, 282.1, 282.2, 291 (частично), 307 УК РФ. Позже появились примечания к ст. 200.1, 205.1, 205.3–205.5, 228.3, 291.1 УК РФ. Странное, на первый взгляд, изменение законодателем ч. 2 ст. 75

УК РФ и ч. 2 ст. 28 УПК РФ¹ может быть объяснено тем, что правоприменители, принимая решения о реализации положений ч. 2 ст. 75 УК РФ, не подкрепляли их наличием условий, закрепленных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, ограничивались условиями примечаний к статьям Особенной части УК РФ.

Думается, что условия освобождения от уголовной ответственности, закрепленные в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, не должны иметь приоритета перед условиями освобождения, предусмотренными ст. 75 УК РФ. Напротив, первые условия должны соотноситься со вторыми и действовать в тандеме. Однако фактически данные условия оказались рассогласованными. Подобная рассогласованность ведет к нарушению принципа справедливости. Например, для того чтобы лицу, совершившему похищение человека или захват заложника, быть освобожденным от уголовной ответственности в силу деятельного раскаяния, необходимо выполнить гораздо меньше условий, нежели для того, чтобы быть освобожденным от уголовной ответственности деятельно раскаявшимся в совершении однородного и менее опасного преступного деяния – незаконного лишения свободы. Попытка устранения этой рассогласованности предпринята законодателем посредством Федерального закона РФ № 153-ФЗ от 27.07.2006, которым примечания к статьям Особенной части УК РФ, вытекающие из ч. 2 ст. 75 УК РФ, по существу оказались отделенными от ст. 75 УК РФ, определяющей деятельное раскаяние.

Некоторые из условий, закрепленных в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, различными выражениями отражают по сути те же условия, которые закреплены в ч. 1 ст. 75 УК РФ (усиливают их). Так, *добровольная выдача предмета преступного посягательства* (примечания к ст. 200.1, 222, 223, 228, 228.3 УК РФ), *добровольное сообщение органу власти* (примечания к ст. 184, 204, 205.1, 205.3, 205.4, 275, 291, 291.1, 307 УК РФ) сви-

детельствуют о способствовании виновным лицом раскрытию и (или) расследованию совершенного преступления. *Добровольное прекращение преступления* (примечания к ст. 205.4, 205.5, 208, 210, 282.1, 282.2 УК РФ), *добровольное освобождение потерпевшего* (примечания к ст. 126, 127.1, 206 УК РФ) обретают несколько иной смысл, хотя и могут явиться фактором, инициирующим раскрытие/расследование указанных преступлений.

Вместе с тем «добровольность» в интерпретации правоприменительных органов зачастую звучит по-разному: виновный добровольно заявил органам власти о предметах преступного посягательства; лицо добровольно сдало/выдало органам власти указанные предметы. Так или иначе, речь идет о реальной возможности виновного лица продолжить преступное посягательство и о прекращении такового по собственной воле. При этом *мотивы* добровольного позитивного поведения виновного для освобождения его от уголовной ответственности значения не имеют². Главное, чтобы это поведение не было инициировано органами власти в связи с обнаружением ими преступления, предметов преступного посягательства, с задержанием лица по подозрению в совершении соответствующего преступления. Например, Д. выдал оружие и боеприпасы до обнаружения их представителями власти, т. е. добровольно (до начала производства обыска с целью обнаружения наркотических средств); его действия по выдаче оружия и патронов не являлись вынужденными, поскольку сотрудникам правоохранительных органов не было известно о наличии у него оружия³. Правда, без ответа остал-

² Определение Военной коллегии Верховного суда РФ по делу № 3-57/03 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2009. – № 9. – С. 38.

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ № 36-Д07-12 по делу Д. от 09.07.2007 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2008. – № 5. – С. 11–12.

¹ Федеральным законом РФ № 153-ФЗ от 27.07.2006 из ч. 2 ст. 75 УК РФ исключены слова «при наличии условий, предусмотренных частью первой настоящей статьи, может быть освобождено»; в ч. 2 ст. 28 УПК РФ вместо слов «по основаниям, указанным в части первой настоящей статьи, возможно» написаны слова «при деятельном раскаянии лица в совершенном преступлении осуществляется...».

До изменения Федеральным законом РФ № 162-ФЗ от 08.12.2003 примечаний к ст. 222 и 228 УК РФ выдача предметов преступного посягательства признавалась добровольной и в том случае, если лицо сдавало их (в связи с производством следственных действий по обнаружению и изъятию данных предметов) при вопросе к нему о том, имеются ли запрещенные к хранению оружие, наркотические средства, психотропные вещества

ся вопрос: почему уголовные дела в отношении виновных правоприменители порой *прекращали за отсутствием состава преступления, а не на основании ст. 28 УПК РФ (ранее – ст. 7 УПК РСФСР), ст. 75 УК РФ, соответствующего примечания к статье Особенной части УК РФ?*⁴.

В юридической литературе получило отражение легкомысленное заявление: «...любое примечание к статьям Особенной части, служащее основанием освобождения от уголовной ответственности, относится к институту деятельного раскаяния...» [1, с. 265, 278; 2, с. 194; 3, с. 4] Почему легкомысленное. Потому, что одним из главных аргументов в обосновании этого явилась проницательность автора приведенного высказывания, позволившая читать мысли законодателя и категорично утверждать: «Такова воля законодателя, решившего вопрос об институциональной принадлежности соответствующих примечаний именно в рамках понятия "деятельное раскаяние"» [1, с. 265]. Между тем деятельное раскаяние видится далеко не во всех примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, позволяющих освободить виновное лицо от уголовной ответственности.

Легковесность указанного заявления проявилась и в том, что под натиском аргументов, свидетельствовавших о том, что в примечании к ст. 205 УК РФ речь идет о добровольном отказе от совершения преступления, а в примечаниях к ст. 337 и 338 УК РФ – о стечении тяжелых обстоятельств, его автор попятился назад и сделал новое заявление: «С приведенной здесь оценкой представителями уголовно-правовой науки от-

дельных примечаний, содержащихся в Особенной части УК, трудно спорить – она, безусловно, верна», предложил дискуссию о терминах, отмечая, что «...понятие деятельного раскаяния в современном уголовном и уголовно-процессуальном праве России есть не более чем условное понятие, излишне тщательное грамматическое и лингвистическое толкование которого способно привести лишь к юридическим ошибкам... Законодатель сконструировал институт деятельного раскаяния в качестве некоего «собирающего» или «эклетиического» основания освобождения от уголовной ответственности («полиальтернативы»), объединив в его рамках различные по своей юридической природе явления» [1, с. 405–407]. Таким образом, предпринята попытка втянуть научную общественность в спор о терминах.

Необходимо разобраться, действительно ли безосновательно включение некоторыми учеными [4, с. 40, 41; 5, с. 57; 6, с. 45] в институт деятельного раскаяния примечаний к ст. 337 и 338 УК РФ. Совершение преступлений, ответственность за которые предусмотрена данными статьями, в результате стечения тяжелых обстоятельств вовсе не обязывает виновного деятельно раскаяться для того, чтобы можно было применить указанные примечания, поскольку преступное поведение лица спровоцировано чрезвычайными обстоятельствами. Здесь виновный действует под принуждением возникших объективных причин. Таковыми могут быть неуставные взаимоотношения между военнослужащими в воинской части и попустительство этому военачальников, тяжелая болезнь близкого родственника военнослужащего и отказ в предоставлении в связи с этим последнему краткосрочного отпуска командиром воинской части, другие подобные причины.

Приведенные примеры преступного поведения военнослужащего не связаны с причинением значительного вреда охраняемым законом интересам. Поэтому названные примечания к статьям не возлагают на виновного обязанность возмещения причиненного преступлением вреда, заглаживания его иным образом для освобождения от уголовной ответственности. Они не требуют от виновного лица способствования раскрытию преступления, поскольку в этом нет необходимости в связи с очевидностью произошедшего. Вместе с тем приведенные примеры должны отражать

(см. постановление Президиума Верховного суда РФ № 642-П06 по делу Космыкова // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2007. – № 8. – С. 16.

⁴ Постановление Президиума Верховного суда РФ № 112-П05 по делу Афанасьева // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2005. – № 10. – С. 9; Постановление Президиума Верховного суда РФ № 865п03 по делу Анаяна от 18.02.2004 // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2004. – № 11. – С. 17; Постановление Президиума Верховного суда Республики Дагестан от 23.08.2001 по делу Абдулмеджидова // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2003. – № 9. – С. 12–13; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 27.09.1996 по делу Савинова // Бюллетень Верховного суда РФ. – 1997. – № 5. – С. 12.

неблагоприятное для военнослужащего *стечение тяжелых обстоятельств*, что выражает дополнительное условие, как считал П. С. Яни [6, с. 45], а главную причину, достаточный повод – нормативное основание освобождения от уголовной ответственности. Раскаяния же достаточно в такой степени, чтобы виновный осознал неправомерность своего поведения, пусть даже вызванного непреодолимым для его душевного состояния принуждением внешними обстоятельствами. До введения в уголовное законодательство рассматриваемых примечаний подобные казусы разрешались правоприменителями с точки зрения допустимости причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

Представляется, что на основе стечения тяжелых обстоятельств сконструировано и примечание к ст. 151 УК РФ, в котором речь идет о вовлечении несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, если таковое совершено родителем вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования или отсутствием места жительства, а также примечания к ст. 184, 291 и 204 УК РФ в той части, в которой говорится о вымогательстве взятки или вознаграждения при подкупе.

Неоправданное расширение института деятельного раскаяния (в нынешней законодательной регламентации) порой осуществляется и в связи с включением в него примечания к ст. 205 УК РФ [4, с. 40, 41; 5, с. 57; 6, с. 45; 7, с. 19, 21], в котором отражены условия добровольного отказа от совершения преступления. Так как указанным в примечании отказом от преступления акт терроризма не совершается вовсе, он предотвращается, то и *посткриминальное деятельное раскаяние* невозможно⁵.

Со стороны юридической общественности звучали предложения еще более расширить пределы

⁵ Некоторые сомнения в этом вызывает альтернатива (совершению взрыва, поджога, иных действий) преступного поведения – угроза совершения указанных в ч. 1 ст. 205 УК РФ действий. Думается, что данная особенность (своеобразная *усеченность*) законодательной конструкции террористического акта не влияет на конструирование таких оснований освобождения от уголовной ответственности как *посткриминальное деятельное раскаяние* или добровольный отказ от преступления.

освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, во-первых, путем исключения из примечаний к статьям Особенной части УК ссылки на отсутствие иного состава преступления [7, с. 25; 8, с. 16]; во-вторых, вследствие введения новых примечаний к статьям, предусматривающим ответственность за совершение преступлений против собственности, в сфере экономической деятельности, экологии, должностных и других преступлений [9, с. 20; 10, с. 40].

Первое из названных предложений вряд ли действительно расширит практику освобождения от уголовной ответственности, поскольку правоприменение направлено на реализацию примечаний к статьям Особенной части УК РФ и при совершении виновными лицами иных (в том числе более тяжких) преступлений. Чаще данная реализация касалась примечания к ст. 222 УК РФ, а за *иное преступление* виновное лицо привлекалось к уголовной ответственности (Федеральным законом РФ № 306-ФЗ от 30.12.2012 в примечаниях к ст. 222 и 223 УК РФ слова «если в его действиях не содержится иного состава преступления» заменены словами «по данной статье»). Таким образом, лицо, совершившее преступное деяние, следовало полностью освободить от уголовной ответственности согласно соответствующему примечанию к статье Особенной части УК РФ, если в его поведении не содержалось в то же время иного состава преступления. Если же иной состав преступления имел место, то освобождение от уголовной ответственности возможно только в отношении рассматриваемого случая. В этом же направлении формировалась судебная практика⁶.

⁶ Постановление Президиума Верховного суда РФ № 109-П09 по делу К. и Н. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2010. – № 2. – С. 25; Постановление Президиума Верховного суда РФ № 606-П06 по делу Амшкова // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2007. – № 10. – С. 12–13; Постановление Президиума Верховного суда РФ № 907п99пр по делу Проворова // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2000. – № 5. – С. 13; Постановление Президиума Верховного суда РФ № 2-П08 по делу У. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2008. – № 11. – С. 12; Определение Военной коллегии Верховного суда РФ от 15.01.2009 № 3-57/03 по делу А. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2009. – № 8. – С. 26; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ № 91-Д12-2 по делу М. // Бюллетень Верховного суда

В некоторых случаях лицо, совершившее несколько преступлений (например, предусмотренных ст. 222 и 223 УК РФ), может быть освобождено от уголовной ответственности на основании нескольких примечаний к статьям УК РФ⁷.

Со вторым предложением о расширении института освобождения от уголовной ответственности можно согласиться по существу. Однако способы реализации данного предложения должны быть другими. Законодатель, например, предложил такой вариант расширения пределов применения освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: распространить ч. 1 ст. 75 УК РФ, ч. 1 ст. 28 УПК РФ на случаи совершения не только преступлений небольшой тяжести, но и средней тяжести (см. Федеральные законы РФ № 162-ФЗ от 08.12.2003 и № 58-ФЗ от 29.05.2002).

Предложенная указанными авторами детализация конкретных статей Особенной части УК, думается, лишь усложнит и без того отягощенное основание освобождения от уголовной ответственности «деятельное раскаяние» многочисленными подоснованиями. Условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием относительно тяжких и особо тяжких преступлений необходимо регламентировать *одной статьей Общей части УК РФ*. Основной массив преступлений указанных категорий, в связи с совершением которых возможно применение ч. 2 ст. 75 УК РФ, ч. 2 ст. 28 УПК РФ, должен формироваться вокруг *латентных* преступных деяний (совершаемых в сфере экономической деятельности, экологии, компьютерной информации и т.д.). В их число целесообразно включить и корыстные (не сопряженные с насилием) преступления. *Перечень* данных преступных деяний возможно закрепить в указанной статье Общей части УК РФ либо в примечании к данной статье (вместо примечаний к статьям Особенной части УК РФ). Условия деятельного раскаяния должны явиться

стимулирующей силой к раскрытию и расследованию этих и связанных с ними преступлений.

К идее об упразднении детализации деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности, закрепленного в ст. 75 УК РФ, подоснованиями, предусмотренными примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, в связи с формулированием единой нормы об освобождении от уголовной ответственности вследствие деятельного раскаяния (для групп преступлений определенной категории) положительно отнеслись 21 % респондентов контрольной группы – практических работников, компетентных принимать решения об освобождении от уголовной ответственности. О возможности регламентации специальных (особенных) оснований (подоснований) освобождения от уголовной ответственности в Общей части УК РФ указывалось и в научных исследованиях [1, с. 262–263; 11, с. 200, 206–207].

В проектируемой статье или отдельных статьях Общей части УК РФ желательно подобным деятельному раскаянию образом предусмотреть иные подоснования освобождения от уголовной ответственности (наказания), которые в настоящее время получили отражение в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ (в примечании 1 к ст. 134 УК РФ закреплено подоснование такого основания *освобождения от уголовного наказания*, как изменение обстановки (см. ст. 80.1 УК РФ)). Речь идет о добровольном отказе от совершения преступления, закрепленном в примечании к ст. 205 УК РФ, стечении тяжелых обстоятельств – в примечаниях к ст. 151, 337, 338, отчасти к ст. 184, 204 и 291 УК РФ, согласии «потерпевшего» на причинение вреда – в примечаниях к ст. 122, 230, 308, 316, 322 УК РФ, об освобождении от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, отраженном в примечаниях к ст. 198, 199 УК РФ. Таким образом будут решены и другие проблемы: а) *неоправданного дублирования* примечаниями к статьям Особенной части УК РФ норм Общей части УК РФ; б) *разноречивости и скудности* содержания рассматриваемых примечаний (например, в примечании к ст. 210 УК РФ условия освобождения от уголовной ответственности изложены более подробно, нежели в примечании к ст. 208 УК РФ, предусматривавшей ответственность за однородное преступление).

РФ. – 2013. – № 3. – С. 38; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 30.09.2008 № 64-О08-30СП по делу А. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2009. – № 7. – С. 21.

⁷ Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации за 2008 г. // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2009. – № 7. – С. 31.

Список литературы

1. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 544 с.

2. Фефелов П. А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. – Екатеринбург: УрГУ, 1999. – 256 с.

3. Чернова М. Б. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 24 с.

4. Аликуперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности. – М.; Воронеж: МПСИ-НПО «МОДЭК», 2001. – 128 с.

5. Аликуперов Х., Курбанова К. УК РФ и некоторые проблемы освобождения от уголовной ответственности // Государство и право. – 2000. – № 1. – С. 54–60.

6. Яни П. Специальный случай освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления // Российская юстиция. – 2000. – № 1. – С. 44–46.

7. Меньшикова Н. А. Деятельное раскаяние в уголовном праве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2002. – 28 с.

8. Леонтьевский В. А. Освобождение от уголовной ответственности: проблемы обеспечения законности процессуальных решений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2002. – 20 с.

9. Балкаров Б. Х. Поощрительные нормы права как средство формирования социально-правовой активности граждан в сфере охраны собственности // Межвуз. тематич. сб.: Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку / НВШ МВД России. – Н. Новгород, 1993. – Ч. 2. – С. 13–23.

10. Панченко П. Н. Стадии совершения преступления: лекция. – Н. Новгород: НЮИ МВД России, 1995. – 42 с.

11. Васильевский А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 2000. – 219 с.

В редакцию материал поступил 11.11.13

© Сверчков В. В., 2013

Информация об авторе

Сверчков Владимир Викторович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, Нижегородская академия МВД России

Адрес: 603600, ГСП – 268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: sverchkov14@mail.ru

Как цитировать статью: Сверчков В.В. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении от уголовной ответственности (наказания): юридическая природа и проблема применения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 259–266.

V. V. SVERCHKOV,

doctor of law, associate professor, professor

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Home Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

COMMENTS TO THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE ON INDEMNITY: JURIDICAL NATURE AND ISSUE OF IMPLEMENTATION

Objective: to reveal the legal nature of the comments to articles of the Criminal Code of the Russian Federation for indemnity, to show the ways of solving the problem of their implementation.

Methods: universal dialectic method of cognition, and general scientific, special and private law research methods based on it.

Results: on the basis of analysis and generalization of the results of the investigative and judicial practice, the provisions of the legislation and criminal law doctrine the author discloses the legal nature of the comments to articles of the Russian Criminal code for indemnity and ways to solve the problem of their implementation.

Scientific novelty: the grounds and conditions are set and differentiated for indemnity, enshrined in the comments to articles of the Russian Criminal Code; ways are shown to solve the problems of criminal-legal provisions of these comments.

Practical value: the results of the conducted survey can be used in scientific, legislative and law-enforcement activity and also in the educational process of law schools and faculties.

Key words: Criminal Code of the Russian Federation; comment on article; indemnity.

References

1. Golovko, L. V. *Al'ternativy ugovornomu presledovaniyu v sovremennom prave* (Alternatives for criminal prosecution in the modern law) Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2002, 544 p.
2. Fefelov, P. A. *Ugolovno-pravovaya kontseptsiya bor'by s prestupnost'yu: Osnovy obshchei teorii* (Criminal-legal concept of struggle with crime: Bases of general theory). Ekaterinburg: UrGU, 1999, 251 p.
3. Chernova, M. B. *Deyatel'noe raskayanie kak institut osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti (st. 75 UK RF)* (Active repentance as an institution of indemnity (Article 75 of the Russian Criminal-Procedural Code)). Saint Petersburg, 2006, 23 p.
4. Alikperov, Kh. D. *Osvobozhdenie ot ugovolnoi otvetstvennosti* (Indemnity). Moscow; Voronezh: MPSI-NPO "MODEK", 2001, 385 p.
5. Alikperov, Kh., Kurbanova, K. UK RF i nekotorye problemy osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti (The Russian Criminal-Procedural Code and some issues of indemnity), *Gosudarstvo i pravo*, 2000, No. 1, pp. 55–59.
6. Yani, P. Spetsial'nyi sluchai osvobozhdeniya ot ugovolnoi otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya (Special case of indemnity for tax crimes), *Rossiiskaya yustitsiya*, 2000, No. 1, pp. 46–46.
7. Men'shikova, N. A. *Deyatel'noe raskayanie v ugovolnom prave (problemy teorii i praktiki)* (Active repentance in criminal law (issues of theory and practice)). Vladivostok, 2002, 27 p.
8. Leont'evskii, V. A. *Osvobozhdenie ot ugovolnoi otvetstvennosti: problemy obespecheniya zakonnosti protsessual'nykh reshenii* (Indemnity: problems of ensuring legality of procedural decisions). Samara, 2002, 20 p.
9. Balkarov, B. Kh. Pooshchritel'nye normy prava kak sredstvo formirovaniya sotsial'no-pravovoi aktivnosti grazhdan v sfere ohrany sobstvennosti (Incentive legal norms as a means of forming the the social-legal activity of citizens in the sphere of property protection), *Mezhvuz. tematich. sb.: Povyshenie pravookhranitel'noi aktivnosti grazhdan v obespechenii perekhoda k rynku*. Nizhnii Novgorod, 1993, part 2, p. 20.
10. Panchenko, P. N. *Stadii soversheniya prestupleniya* (Stages of crime). Nizhnii Novgorod: NYuI MVD Rossii, 1995, 42 p.
11. Vasil'evskii, A. V. *Differentsiatsiya ugovolnoi otvetstvennosti i nakazaniya v Obshchei chasti ugovolnogo prava* (Differentiating of criminal liability and punishment in the general part of Criminal Code). Yaroslavl', 2000, 221 p.

Information about the author

Sverchkov Vladimir Viktorovich, doctor of law, associate professor, professor of the chair of criminal and criminal-executive Law, Nizhnii Novgorod Academy of the Ministry of Home Affairs
Address: 3 Ankundinovskoye Shosse, 603600, ГСП-268, Nizhniy Novgorod
E-mail: sverchkov14@mail.ru

How to cite the article: Sverchkov V.V. Comments to the Russian Federation criminal code on indemnity: juridical nature and issue of implementation, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 259–266.

© Sverchkov V.V., 2013

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.114:343.156

Н. Н. МАЗИНА,
мировой судья

судебный участок № 10, г. Набережные Челны, Россия

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: КОЛЛИЗИИ ПРЕДМЕТА И ПРЕДЕЛОВ ПРОВЕРКИ

Цель: методологически точное обоснование тезиса, что предмет и пределы деятельности суда апелляционной инстанции должны быть либо опосредованы исключительно заявленным интересом сторон, либо предопределены правилом эвокации – при обнаружении существенных нарушений закона.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, в соответствии с которым изучаемые явления анализируются во взаимосвязи и взаимообусловленности, и основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: обосновано, что апелляция – суть средство защиты нарушенного интереса сторон, в связи с чем предмет и пределы проверки должны быть изначально поставлены в зависимость от воли сторон. Инициативный и ревизионный выход суда за пределы заявленной воли допустим лишь по правилам эвокации.

Научная новизна: впервые в российской уголовно-процессуальной доктрине поставлена проблема дифференциации в определении предмета и пределов деятельности суда в зависимости от: «неполной» апелляции, направленной лишь на проверку заявленных требований сторон, и «полной» апелляции, призванной именно к новому пересмотру всего уголовного дела. Обосновано, что, являясь исключительно средством судебной защиты, апелляция не должна повсеместно использоваться для восстановления публичной законности.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические выводы, имея целью формирование оптимальной формы нового апелляционного производства, могут и должны быть использованы в научной, законодательской и практической судебной деятельности.

Ключевые слова: апелляционное производство; проверка приговора; пересмотр уголовного дела; ревизионное начало деятельности суда.

Введение

С 1 января 2013 г. в уголовном судопроизводстве России как данность и свершившийся юридический факт в полном объеме функционирует апелляционный порядок проверки судебных решений, нормативные основы которого определены Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г.¹ Российской уголовно-процессуальной доктрине и практике еще предстоит

оценить оптимальность данного уголовно-процессуального института и логическую согласованность норм, определяющих его процессуальную форму. Вместе с тем уже на данном этапе видится очевидным тот факт, что законодатель не смог однозначно определиться в центральном, методологическом вопросе нового апелляционного производства: о предмете и пределах деятельности суда.

Казалось бы, для подобной постановки вопроса в принципе нет оснований, поскольку на предмет деятельности апелляционного суда прямо указывают нормы ст. 389.9 УПК РФ, требующие от указанной судебной инстанции проверки и оценки свойств законности, обоснованности и справедливости приговора (иного судебного

¹ О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон № 433-ФЗ от 29.12.2010 // Российская газета. – 2010. – 31 декабря.

акта²), обжалованного сторонами и подлежащего проверке в исследуемом процессуальном порядке.

Как видим, в названной норме предметом непосредственной проверки и оценки суда апелляционной инстанции выступает **решение** суда нижестоящей инстанции, обжалованное сторонами и требующее проверки своей правосудности. Отчасти указанный вывод находит свое подтверждение и в ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ или, к примеру, в нормах ст. 389.15 УПК РФ. Однако в других нормах, регулирующих процессуальную форму проверки в апелляционном суде, законодатель, как выясняется, не столь однозначен в этом вопросе. К примеру, в нормах ст. 389.10 УПК РФ он апеллирует к срокам рассмотрения (в целом) **уголовного дела**. Подчеркнем, терминологически – именно рассмотрения, а не проверки, и не приговора, а в целом уголовного дела. По сути, в том же смысловом и нормативном контексте требование о рассмотрении уголовного дела идет в нормах ч. 3 ст. 389.11, ст. 389.13, ч. 1 ст. 389.14, ч. ч. 1–2 ст. 389.19, ч. 1 ст. 389.20, ст. 389.21 УПК РФ. О том, что законодатель, по сути, не видит принципиальных различий в средствах проверки приговора и рассмотрения (пересмотра по существу) в целом уголовного дела достаточно объективно свидетельствуют и нормы ст. 389.12 УПК РФ. Судя по наименованию данной статьи: речь идет именно о рассмотрении (пересмотре) уголовного дела в суде апелляционной инстанции. Тем не менее в ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ речь уже идет о рассмотрении (надо – проверке!) не уголовного дела в целом, а именно жалобы, представления апеллятора. Различие в предмете усилий суда и средствах его познавательной деятельности при содержательном сравнении указанных норм, как представляется, очевидно. Тем не менее законодатель отстаивает свои позиции в этих принципиальных моментах. В итоге закономерны вопросы как о реальном предмете проверки суда апелляционной инстанции, так и о тождестве или различии терминов «проверка» и «рассмотрение»

(читай – пересмотр), как установленных средств к познанию указанного выше предмета.

Столь же неоднозначно в нормативном и понятийном контексте, на наш взгляд, определены пределы деятельности апелляционного суда. Являясь во многом категорией синтеза, они для правильного своего понимания требуют анализа как всей системы норм УПК РФ, так и основополагающих положений научной доктрины и закономерностей складывающейся практики апелляционного производства. И здесь методологическая ясность и точность, по сути, заканчиваются, ибо действующие уголовно-процессуальные нормы, основополагающие тезисы научной доктрины, закономерности практики реализации апелляционного производства побуждают к весьма противоречивому толкованию пределов проверки в апелляционном суде. Более того, противоречия, как ранее отмечалось, заложены в понимании самой сути и назначения исследуемого процессуального института. В одних случаях резюмируется, что суть и назначение апелляции – исключительно в проверке доводов и притязаний сторон, изложенных в апелляционном отзыве и поддерживаемых перед вышестоящим судом, в других – речь идет об апелляционном пересмотре в целом уголовного дела (причем в известном публично-правовом интересе). В-третьих, термины и понятийные ряды «проверка» и «пересмотр» применительно к одному и тому же предмету деятельности или исследования, как видим, столь легко и непринужденно «замещают» друг друга как в доводах и суждениях отдельных исследователей, так и в позициях законодателя, что складывается суждение об их тождестве в едином синонимическом ряду. Между тем последнее методологически и практически пагубно, ибо «проверка» и «пересмотр» объективно предполагают различные средства деятельности суда, качественно различный характер взаимоотношений со сторонами, различное понимание свойств законности, обоснованности и мотивированности итоговых судебных решений.

Если апелляция – суть средство защиты (обеспечения) нарушенного интереса сторон, где суд оценивает и проверяет исключительно доводы сторон (апелляторов), не вникая в иные стороны приговора или в целом уголовного дела [1], речь идет именно о проверке обжалованного судебного акта и конвенциональной правосудности пригово-

² В дальнейшем мы будем в основном апеллировать к приговору как предмету апелляционной проверки, оговариваясь применительно к иным (обжалованным) актам суда, когда это действительно необходимо для целей исследования.

ра, постановленного по итогам данной проверки в апелляционном суде. Данная конвенциональность (в виду отсутствия заявленного спора сторон по иным обстоятельствам данного дела) признается как апелляторами, так и государством и обществом, позволяя обеспечить и правовую стабильность правовых отношений, и оптимальность в использовании предоставленных средств судебной защиты.

При данной конвенциональной конструкции суд, реализуя контрольные функции в процессе апелляционной проверки, в принципе не реагирует на несущественные нарушения закона, интересов и прав заинтересованных лиц. Если последние не указаны непосредственно в апелляционном отзыве заинтересованных лиц, суд исследует лишь те документы / доказательства, к которым апеллируют стороны. Пределы познания конвенционально определены лишь интересом сторон, что в принципе исключает излишнюю активность суда в познании иных материалов уголовного дела. В связи с этим, на наш взгляд, и методологически, и практически оправданы подходы законодателя, который в нормах п. 2 ст. 389.11, ч. 2 ст. 389.12, ч. ч. 5 и 8 ст. 389.13 УПК РФ отнес именно к субъективному усмотрению апелляционного суда вопрос о легитимных средствах доказывания/познания, правомерно позволяя суду по своему усмотрению (внутреннему убеждению) дискреционно разрешать ходатайства о непосредственном вызове в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц (п. 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК), не настаивать на передопросе свидетелей, допрошенных в суде первой инстанции (ч. 5 ст. 389.13 УПК), решать вопрос об исследовании доказательств посредством использования систем видеоконференц-связи (ч. 8 ст. 389.13 УПК). Именно разумные сроки разрешения заявленного спора сторон и обеспечение оптимальной судебной защиты превалируют в данном случае в реализации «неполной» апелляционной проверки, сущность и назначение которой всецело опосредованы интересом сторон. Не поиск объективной истины, не обеспечение публичной правосудности приговора (известной единой публичной законности), а принцип целесообразности в данном случае более полно и точно соответствует состязательной форме процесса и изначальному назначению исследуемой формы судебной защиты. Достаточно естественным и

правомерным видится и то обстоятельство, что как данный приговор, так и выявленные (в дальнейшем) несущественные нарушения закона не могут быть предметом кассационного или надзорного реагирования суда. Во-первых, в силу того, что они конвенционально остались за пределами предмета апелляционного спора сторон, к разрешению которого и призван беспристрастный и независимый суд. Во-вторых, в силу того, что предмет новой кассационной и надзорной проверки (гл. 47.1 и 48.1 УПК) и, соответственно, активного реагирования суда составляют исключительно существенные (фундаментальные) нарушения закона, искажающие смысл правосудия и суть итогового судебного акта. Не менее оправдана и категория «вправе», к которой апеллирует законодатель, нормативно определяя ревизионное начало деятельности апелляционного суда (ч. 1 ст. 389.19 УПК). При состязательном строе процесса и правильном понимании апелляции, – суть средства защиты интереса сторон, – вышестоящий суд именно вправе, а не обязан ревизионно проверять в полном объеме все производство по делу. В связи с этим ни с теоретических (доктринальных), ни с нормативных позиций апелляционному суду не может быть поставлено «в вину» отсутствие реагирования на несущественные нарушения закона, которые в целом не колеблют ни суть приговора, ни социально-нормативное назначение правосудия. Это квинтэссенция состязательной формы процесса, роли и назначения суда в правосудии, призванном лишь к разрешению спора сторон, а не к активному восстановлению единой законности и исправлению всех нарушений следственных органов. Соответственно, если речь идет исключительно о проверке доводов внесенного отзыва, если дело видится правильно разрешенным и суд считает возможным реализовать упрощенные формы познания (п. 2 ч. 1 ст. 389.11, ч. 2 ст. 389.12, ч. ч. 5, 7, 8 ст. 389.13 УПК), если объективно нет оснований к реализации в полном объеме порядка рассмотрения дела по правилам суда первой инстанции, речь должна идти именно об апелляционной проверке и, соответственно, конвенциональной правосудности апелляционного приговора.

И, напротив, если апелляторы в своих притязаниях (апелляционных отзывах) настаивают на новом, полном и всестороннем рассмотрении дела по существу в суде апелляционной инстан-

ции, ставят под сомнение коренные свойства постановленного приговора, апелляционный суд объективно не вправе по своему усмотрению дискреционно решать вопрос как о непосредственном предмете, так и необходимых процессуальных средствах разрешения спора сторон. Именно цель защиты нарушенного интереса сторон, настаивающих на новом рассмотрении (пересмотре!) дела по существу, требует нового всестороннего и объективного рассмотрения дела с непосредственным исследованием доказательств, состязательной процедуры разрешения спора, реализуемой по правилам суда первой инстанции. Проверка как средство контроля объективно не в состоянии обеспечить ни реализацию указанной формы, ни судебную защиту интересов сторон, настаивающих на конституционном праве на пересмотр уголовного дела и приговора в более опытным и компетентном суде. Соответственно, речь уже идет о пересмотре (в целом) уголовного дела, а не проверке исключительно приговора. В итоге суд обязан в полной мере обеспечить это средство и, естественно, необходимые познавательные средства судебной защиты. Именно к указанной ситуации нормы п. 2 ч. 1 ст. 389.11, ч. 2 ст. 389.12, ч. ч. 5, 7, 8 ст. 389.13 УПК РФ уже не столь однозначны. При необходимости рассмотрения / пересмотра дела (в полном объеме) они явно вступают в противоречие как с задачами «полной» апелляции, так и интересом сторон в реализации полноценного процесса доказывания.

К примеру, нормы п. 2 ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ позволяют апелляционному суду игнорировать ясно заявленное ходатайство сторон о вызове в судебное заседание (необходимых) свидетелей или специалистов. Суд субъективно оценивает обоснованность внесения такого ходатайства. Отклонение такого ходатайства лишает стороны средств законной защиты. При этом законодатель в принципе не поясняет: насколько указанное соотносится с нормами ч. 4 ст. 271 УПК РФ, согласно которым суд не вправе отказать в ходатайстве сторон о допросе свидетеля или специалиста, которые явились в суд по вызову одной из сторон. Между тем производство в суде апелляционной инстанции по буквальному смыслу закона осуществляется в порядке, установленном главами 35-39 УПК РФ (т. е. по правилам отправления правосудия в суде первой инстанции). Отметим,

что изъятий для ч. 4 ст. 271 УПК РФ в нормах апелляционного производства не установлено.

В соответствии с ч. 2 ст. 389.12 УПК РФ, «осужденному, содержащемуся под стражей и заявившему о своем желании присутствовать при рассмотрении апелляционного отзыва, по решению суда обеспечивается право участвовать в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи». Еще более императивно воля законодателя в этом вопросе изложена в нормах ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ. Согласно последней, суд вправе исследовать все доказательства с использованием систем видеоконференц-связи. О воле заинтересованных лиц (сторон / апелляторов) и их праве самостоятельно определять порядок представления и исследования доказательств в состязательном судебном процессе законодатель умалчивает. Между тем исследование доказательств с использованием систем видеоконференц-связи, как постоянно отмечается в российской уголовно-процессуальной доктрине, достаточно трудно согласуется с условием устности и непосредственности деятельности суда, отправляющего правосудие, не обеспечивает оптимальности судебной защиты.

По нормам ч. 5 ст. 389.13 УПК РФ свидетели, допрошенные в суде первой инстанции, допрашиваются в апелляционном суде, если суд признает их вызов необходимым. В итоге не стороны (в своем интересе, который, по идее, признан законом), а именно суд предreshает вопрос о значимых обстоятельствах, которые должны быть исследованы в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела.

В соответствии с ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ «с согласия сторон суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционные жалобу, представление без проверки доказательств, исследованных судом первой инстанции». В каком процессуальном порядке, на каком этапе производства по делу испрашивается указанное согласие, естественно, не поясняется. Равным образом не поясняется, требуется ли испрашивать согласие у стороны, фактически отсутствующей в зале судебного заседания, но обозначившей свой интерес в пересмотре данного дела. Между тем участие всех заинтересованных лиц (апелляторов) в заседании суда апелляционной инстанции не является обязательным в процессуальной форме нового апелляционного производства.

В итоге констатируем наличие явной и достаточно негативной коллизии между декларациями закона о том, что пересмотр уголовного дела в суде апелляционной инстанции должен быть обеспечен гарантиями суда первой инстанции (гл. 35–39 УПК) и явно дискреционными полномочиями апелляционного суда по ограничению или исключению указанных выше гарантий. Тем самым конституционное право судебной защиты, право на пересмотр приговора и дела более опытным и компетентным судом нивелировано субъективными установками законодателя по определению надлежащей процессуальной формы нового апелляционного производства (гл. 45.1 УПК).

На наш взгляд, исследуемые дискреционные полномочия суда в определении предмета и средств познавательной деятельности должны быть в принципе исключены из норм гл. 45.1 УПК РФ. Именно стороны (апелляторы) в соответствии со своим интересом должны определять круг обстоятельств, подлежащих доказыванию в апелляционном суде и необходимые средства такого доказывания, естественно, с известными юридическими последствиями, вытекающими из бремени такого доказывания. Вместе с тем и суд, имеющий своей непосредственной процессуальной задачей не столько проверку (обжалованного) судебного акта, сколько новый и всесторонний пересмотр уголовного дела, не может быть ограничен в реагировании на все выявленные нарушения закона, в использовании ревизионного начала судебного пересмотра для их устранения. Даже если стороны не апеллируют к указанным нарушениям закона или интересов и прав заинтересованных лиц, но они достаточно явны, очевидны для суда, последний обязан отреагировать на них в ревизионном порядке, обеспечив тем самым публичную законность, обоснованность и справедливость итогового судебного акта.

Полагаем, возможна третья ситуация «перехода» от апелляционной проверки приговора к апелляционному пересмотру в целом уголовного дела. На наш взгляд, тот же инициативный (ревизионный) выход суда за пределы требований сторон должен быть продиктован исключительными обстоятельствами/основаниями, которые столь явны и столь существенны (ст. 389.17 УПК), что не позволяют не только государству и обществу,

но и суду, как гаранту гражданского общества воспринимать приговор как акт правосудия. Именно существенность (фундаментальность) указанных нарушений в их причинно-следственной связи с правосудностью приговора не позволяет суду ограничиться проверкой и удовлетворением исключительно доводов и притязаний сторон, требует публичной активности и ревизионных средств деятельности в исправлении существенных нарушений закона. Определяющим для (определения) процессуальной формы деятельности суда в данном указанном случае должно стать правило эвокации [2], пока в принципе не воспринятое ни российской уголовно-процессуальной доктриной, ни практикой текущего апелляционного производства. При этом, естественно, суд более не связан ни доводами внесенного апелляционного отзыва, ни волей сторон в исследовании тех или иных доказательств. Единственное ограничение указанной эвокации достаточно известно практике реализации судебных контрольно-проверочных производств: посредством ревизионных усилий суда не может быть ухудшено положение осужденного (оправданного).

Несмотря на то, что процессуальная форма нового апелляционного производства, установленная нормами гл. 45.1 УПК РФ, в отличие от своего гражданско-процессуального аналога, не знает дифференциации на «полную» или «неполную» апелляцию, полагаем, пора определяться в этом принципиальном вопросе при условии, что мы действительно признаем, а не декларируем состязательную форму процесса, правовую определенность итоговых судебных решений, понимаем роль и назначение суда в разрешении социально-нормативного спора сторон.

Список литературы

1. Ковтун Н. Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1(14). – С. 179–184.
2. Головкин Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. – М.: Юрист, 2011. – С. 42–57.

В редакцию материал поступил 29.07.13

© Мазина Н. Н., 2013

Информация об авторе

Мазина Наталья Николаевна, мировой судья, судебный участок № 10 г. Набережные Челны
Адрес: 423802, г. Набережные Челны, пос. ГЭС, 8/76
E-mail: natalya.mazina@gmail.com

Как цитировать статью: Мазина Н. Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России: коллизии предмета и пределов проверки // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 267–272.

N. N. MAZINA,
magistrate

court district #10, Naberezhniye Chelny, Russia

**APPEAL PROCEDURE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE:
COLLISIONS OF THE SUBJECT AND LIMITS OF CONTROL**

Objective: to methodologically precisely substantiate the thesis that the object and limits of activity of the court of appeal shall be either exclusively mediated by the declared interest of the parties or predestinated rule evocation - with detection of significant violations of the law.

Methods: universal dialectic method of knowledge, in accordance with which the studied phenomena are analyzed in interconnection and interdependence, and general, special and private law research methods based on it.

Results: it is proved that the appeal is the essence of the means of parties' legal interest protection, thus the subject and scope of verification should initially be made dependent on the will of the parties. Proactive and revisionary exceeding the declared will limits by the court can be permissible only according to the rules of evocation.

Scientific novelty: for the first time in the Russian criminal procedural doctrine the problem was set of differentiation in the definition of the court's activities subject and limits depending on: "partial" appeal, aimed solely at the verification of the claims submitted by the parties, and "full" appeal, designed precisely to the new revision of all criminal case. It is substantiated that, being exclusively a remedy, an appeal should not be commonly used for reconstruction of the public law.

Practical value: the theoretical conclusions were formulated in the study, with the objective to form the optimal form of the new appeal proceedings, which can and should be used in research, legislative and practical judicial activities.

Key words: appeal proceedings; verification of the sentence; revision of the criminal case; revisionary beginning of the court activities.

References

1. Kovtun, N. N. Apellyatsiya, kassatsiya i nadzornoe proizvodstvo v ugovnom protsesse: obshchie konteksty zakonodatel'nykh novell ot 29 dekabrya 2010 g. (Appeals, cassation and review proceedings in the criminal procedure: general contexts of legislative innovations of December 29, 2010), *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2011, No. 1(14), pp. 179–184.

2. Golovko, L. V. Novelty UPK RF: progress ili institutsional'nyi khaos? (Innovations of the Russian Criminal-Procedural Code: progress or institutional chaos?), *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelty GPK RF, UPK RF. Pervyi opyt kriticheskogo osmysleniya*. Moscow: Yurist, 2011, pp. 42–57.

Information about the author

Mazina Nataliya Nikolayevna, magistrate, court district #10, Naberezhniye Chelny
Address: 8/76 GES settlement, 423802, г. Naberezhniye Chelny
E-mail: natalya.mazina@gmail.com

How to cite the article: Mazina N. N. Appeal procedure in the Russian criminal procedure: collisions of the subject and limits of control, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 267–272.

УДК 343. 131.4

Д. В. НАМЕТКИН,

кандидат юридических наук, доцент

*Нижегородская академия Министерства внутренних дел РФ,
г. Нижний Новгород, Россия*

А. О. ГРЯЗНОВ,

аспирант

*Нижегородский государственный университет им. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ПО НАПРАВЛЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ ДЛЯ УСТРАНЕНИЯ ПРЕПЯТСТВИЙ В ЕГО РАССМОТРЕНИИ

Цель: на основе данных доктрины и практики показать уровень развития принципа состязательности в российском уголовно-процессуальном законодательстве, а также выявить существующие проблемы в роли суда в уголовном процессе в части полномочий по возвращению дела прокурору, а также особенности выполнения роли государственного обвинителя и взаимодействия следователя и прокурора.

Методы: метод диалектики как общенаучный метод, позволяющий показать историческое развитие проблемы; анализа и синтеза – связь явлений; специально-юридический и сравнительно-правовой методы – закономерность развития процессуальных институтов.

Результаты: проведен анализ на основе использования большого числа доктринальных источников, а также данных практики, что позволило вывести работу с сугубо теоретического аспекта на уровень правоприменения и показать актуальность существующих проблем.

Научная новизна: на основе данных эмпирических исследований четко показано, что принцип состязательности в России на названной стадии уголовного процесса находится на невысоком уровне, а значит, имеют место коллизии и превышение полномочий. Предложены варианты решения проблемы. Объективность исследования придает ему новизну, так как в столь обширном аспекте, проблема почти не изучалась.

Практическая значимость: Данные работы можно применять как на практике, так и в сфере законотворчества, чтобы повысить эффективность работы институтов и в перспективе вывести работу данных органов на качественно иной уровень.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; состязательность; досудебное производство; прокурор; государственный обвинитель; следователь.

Введение

За последние 11 лет существования действующего уголовно-процессуального кодекса в нем было произведено бесчисленное количество дополнений и изменений, которые имеют существенное значение для функционирования всей системы уголовно-процессуального права. Данные изменения также коснулись рассматриваемого нами института. В доктрине вопрос реализации принципов уголовного процесса при осуществлении субъектами уголовного судопроизводства своих полномочий, неоднократно поднимался и обсуждался.

Цель данной статьи заключается в выявлении роли суда в уголовном процессе в части полномочий по возвращению дел прокурору, а также особенностей выполнения роли государственного обвинителя и взаимодействия следователя и прокурора.

Результаты исследования

В науке уголовно-процессуального права выделяют 2 типа уголовного судопроизводства: розыскной и состязательный, однако некоторые ученые-процессуалисты в качестве некоего промежуточного этапа выделяют так называемый сме-

шанный тип судопроизводства. Вопрос, к какому типу уголовного процесса относится наша страна, возникал в доктрине неоднократно. Большинство ученых, рассматривая данный вопрос, говорят о смешанном типе уголовного процесса, что подразумевает наличие розыскного предварительного расследования и состязательного судебного разбирательства.

Главным условием построения уголовного судопроизводства по состязательному типу является раздельное осуществление уголовно-процессуальных функций обвинения, защиты, разрешения уголовного дела организационно и функционально самостоятельными, независимыми друг от друга органами [1]. Таким образом, при состязательном типе уголовного судопроизводства судья имеет статус независимого арбитра, который при этом руководствуется собранными обеими сторонами доказательствами и принципом «свободы оценки доказательств», предусмотренным ст. 17 УПК РФ. А вот в судопроизводстве розыскного типа он, наоборот, максимально активен. Кроме того, при состязательном типе уголовного судопроизводства суд не уполномочен на соби́рание и проверку доказательств, однако наш законодатель пошел по своему пути и предусмотрел данные полномочия у суда (ст. 86–87 УПК РФ). Исследуя предпосылки и причины возникновения института возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования, мы приходим к выводу, что данный институт является продуктом розыскного типа уголовного процесса, где в деятельности суда сосредоточены все три основные уголовно-процессуальные функции [2]. Таким образом, дополнительное расследование, возникло как лиш́ний способ получения доказательств судом, с целью принятия законного и обоснованного решения.

Говоря же о смешанном типе уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что в нашей стране практика такого типа существовала. В результате судебной реформы 1864 г. судебная стадия уголовного судопроизводства строилась на базе принципа состязательности, что привело к пассивной роли суда как участника уголовного судопроизводства и отсутствию института возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования на судебных

стадиях. А дополнительное расследование применялось только на досудебной стадии уголовного процесса в рамках деятельности судебной палаты, которая непосредственно проверяла законность и обоснованность предъявленного обвинения. По большому счету судебная палата являлась прообразом института следственных судей, об этом пишут многие ученые. Деятельность данного органа проходила на стадии назначения судебного заседания и являлась неким «барьером», который осуществлял полномочия по судебному надзору за деятельностью органов, осуществляющих уголовное преследование. Что касается деятельности суда по назначению судебного заседания по действующему уголовно-процессуальному законодательству, то здесь принятие решения о назначении по своей сути носило формальный характер, а кульминацией данной стадии является принятие судьей решения об отсутствии препятствий для рассмотрения уголовного дела, зафиксированного в постановлении о назначении судебного заседания. Таким образом, судьей изучались исключительно обвинительное заключение и обвинительный акт, а доказательства, как правило, не исследовались.

С некоторой долей условности можно считать, что институт возвращения дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом появился в УПК РФ взамен существовавшего ранее института направления дела для производства дополнительного расследования [3]. Однако данную попытку законодателя отделить власть судебную от власти обвинительной, к сожалению, совсем нельзя назвать безупречной. Прежде всего, это связано с отсутствием четкой регламентации процедуры устранения препятствий и отсутствием процессуально предусмотренных сроков для их устранения, хотя положения о запрете на производство следственных и иных процессуальных действий с целью устранения пробелов предварительного расследования и пятидневный срок для устранения препятствий были предусмотрены положениями ст. 237 УПК РФ до внесения в нее изменений Федеральным законом № 226-ФЗ от 02.12.2008. Таким образом, в действующем УПК РФ эти пункты ст. 237 вообще отсутствуют.

Разумеется, предусмотренный ранее срок нельзя назвать оптимальным для устранения, так как наибольшее количество уголовных дел

направляется обратно в суд в течение месяца. Но отметим, что ограничение сроков необходимо, так по 18 % дел недостатки устраняются в предусмотренный законом 5-суточный срок, по 54 % дел – с нарушением срока до 1 месяца, 4 % – свыше трех месяцев, а 28 % уголовных дел в суд вообще не возвращаются [3]. Последний из указанных выше показателей как раз и говорит о необходимости указания на предельный срок устранения препятствий. Однако зачем разрешать следователю устранять нарушения, допущенные на стадии предварительного расследования? При возвращении судом дела для дополнительного расследования даже по ходатайству стороны обвинения суд становится соисполнителем деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, так как в этом случае он должен указать, какие именно действия следует выполнить, что противоречит ст. 15 УПК РФ [4]. Если верить статистическим данным Прокуратуры Нижегородской области за 2012 г. в порядке ст. 237 УПК РФ прокурору возвращено для устранения препятствий в рассмотрении 208 уголовных дел, из которых в Следственное управление Следственного комитета (далее – СУСК) – 37 уголовных дел, МВД (следствие) – 121 уголовное дело, МВД (дознание) – 40 уголовных дел. Всего же направлено в суд 14 337, из которых: 1965 – СУСК, 6208 – следователями МВД, 6164 – дознавателями МВД. Из представленных показателей можно вычислить процент от общего числа направленных в суд уголовных дел, а потом вернувшихся на дополнительное расследование, который составляет 1,5 % что является средним показателем по стране. Но по большому счету в этой статистике важно не то, сколько дел направлено в суд и сколько возвращено, а то, что эта деятельность суда порождает безответственность, а иногда и халатность следователей и прокуроров при осуществлении своих должностных обязанностей. Важным фактором, стимулирующим их работу, было бы более широкое использование судами права на вынесение частного определения для решения вопроса об ответственности за те или иные упущения. Кроме того, за 2012 г. судами Российской Федерации оправданы и прекращены уголовные дела по реабилитирующим основаниям в отношении 19 000 лиц, что составляет 5 % от всего объема рассмотренных уголовных

дел. А что если к этому объему прибавить еще примерно 4 тыс. уголовных дел, отправленных судами прокурору?

Таким образом, мы опять приходим к выводу о необходимости создания института следственных судей в России, в поддержку которого выступают не только теоретики, но и практики. Уже происходит некое внутреннее подразделение судей на тех, кто рассматривает уголовное дело в рамках стадии судебного разбирательства и тех, кто решает вопрос о назначении судебного разбирательства, а также рассматривают жалобы в порядке ст. 125 УПК и дают разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий. По мнению авторов, необходимость во введении данного института уже назрела. Но, учитывая затраты данного мероприятия, наиболее рационально на современном этапе пересмотреть функции контрольно-надзорного органа (Прокуратуры РФ). Особое внимание, следует уделить полномочиям прокурора (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ) и полномочиям руководителя следственного органа (п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Согласно положениям УПК РФ, у обоих этих субъектов есть полномочия по возвращению уголовных дел следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования, но не всегда они ими пользуются. Таким образом, у двух абсолютно разных органов, выполняющих разные задачи, предусмотрены одинаковые полномочия. А как же процессуальная независимость следователя? И возникает сразу ряд других вопросов: Не слишком ли много должностных лиц и органов осуществляют контрольно-надзорные полномочия за деятельностью следователя? И как быть с положениями ст. 237 УПК РФ, позволяющей направить дело прокурору, который в дальнейшем направит его следователю?

Данные вопросы требуют более тщательного рассмотрения и подробного изучения в науке. Для начала нужно определиться с ролью прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса, а именно его полномочиями по возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования. Помимо указанных полномочий у прокурора также есть полномочия на рассмотрение жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ, при производстве по которым прокурор непосредственно изучает материалы уголовного

дела и в случае обнаружения нарушений направляет соответствующие указания следователю. Поскольку прокурор наделен указанными полномочиями, то, возможно, более рационально было бы не загружать суды производствами по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, а направлять жалобы в прокуратуру? Кроме того, полномочия по возвращению уголовного дела для производства дополнительного следствия и согласования обвинительного заключения, а также решения вопроса о направлении дела в суд по окончании предварительного расследования необходимо закрепить, по мнению авторов, за руководителем следственного органа. Так как, во-первых: полномочия по направлению уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия предусмотрены у руководителя следственного органа и законодателю нужно быть последовательнее в реформировании; во-вторых: в результате такого перераспределения полномочий прокурор становится независимым от органов, осуществляющих предварительное расследование, что, непременно, приведет к более объективному подходу при участии прокурора в судебной стадии. Следовательно, прокурор будет более независим от позиции следователя и в случае выявления недоказанности тех или иных обстоятельств не будет поддерживать обвинение во чтобы то ни стало. В-третьих, чтобы в результате указанных изменений не ухудшилось качество предварительного расследования, необходимо следующим этапом ввести личную материальную ответственность следователя при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям. Что касается внедрения материальной ответственности следователя, то необходимость в этом возникла уже давно, так как в настоящее время сложно определить, кто именно виноват, следователь, расследовавший уголовное дело, или прокурор, который направил его в суд.

Таким образом, в результате указанных изменений у прокурора остаются полномочия по рассмотрению жалоб в порядке ст. 124 УПК РФ, в рамках производства по которым он и должен производить контроль и надзор за деятельностью органов предварительного расследования.

Кроме указанных выше изменений, не менее важно рассмотреть вопрос о том, кто более качественно может осуществить государственное обвинение? В сложившейся практике государственным обвинителем выступает прокурор (должностное лицо органов прокуратуры), однако п. 6 Федерального закона № 58-ФЗ от 29.05.2002 в первоначальный текст ст. 5 УПК РФ были внесены изменения, указывающие, что по поручению прокурора и в случаях, когда предварительное расследование произведено в форме дознания, государственным обвинителем также может быть назначен дознаватель, либо следователь. Разумеется, что в ныне действующей редакции УПК РФ данных положений нет, так как они были отменены Федеральным законом № 87-ФЗ от 05.06.2007. По мнению авторов, настало время переосмыслить, кто из субъектов уголовного судопроизводства обладает более полной картиной об обстоятельствах совершенного или готовящегося преступления. Наверное, более полной информацией обладают следователи и дознаватели, так как именно они непосредственно участвуют в сборе, проверке, а затем и оценке доказательств, избличающих лицо в совершении преступления. Кроме того, нередко у государственного обвинителя из-за загруженности нет возможности изучить все уголовное дело, что может привести к необоснованному отказу от обвинения полностью или в части.

Выводы

Таким образом, по мнению авторов, целесообразно создать отдельное, независимое от прокуратуры подразделение государственных обвинителей, на базе следственного комитета, а прокурорам, в свою очередь, сконцентрировать свои полномочия на производстве по жалобам в порядке ст. 124 УПК РФ и надзоре за вынесением законного обоснованного и справедливого приговора в стадии судебного разбирательства.

Не претендуя на исключительность и безошибочность предложенных в настоящей статье идей, считаем очевидной необходимость реформирования указанных институтов и создание в действительности состязательного судебного разбирательства.

Список литературы

1. Карякин Е. Взгляд на состязательное уголовное судопроизводство сквозь призму процессуальной формы // Уголовное право. – 2005. – № 4. – С. 68–71.

2. Тришева А. А. Институт следственных судей – необходимое условие состязательного судопроизводства // Законность. – 2009. – № 7. – С. 3–9.

3. Крюков В. Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. – Курск, 2010. – С. 67–78.

4. Руднев С. И. Нужно ли восстанавливать институт возвращения уголовных дел судом? // Законность. – 2006. – № 2. – С. 38.

В редакцию материал поступил 03.10.13

© Наметкин Д. В., Грязнов А. О., 2013

Информация об авторах

Наметкин Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, подполковник полиции, Нижегородская академия Министерства внутренних дел

Адрес: 603144, ГСП-268, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3

E-mail: nametkindv@mail.ru

Грязнов Артем Олегович, аспирант, преподаватель кафедры уголовно-процессуального права, Нижегородский государственный университет им. Лобачевского

Адрес: 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

E-mail: a.o.gryaznov@inbox.ru

Как цитировать статью: Наметкин Д. В., Грязнов А. О. Состязательность и полномочия суда по направлению уголовного дела прокурору для устранения препятствий в его рассмотрении // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4 (28). – С. 273–278.

D. V. NAMETKIN,

PhD (Law), associate professor

Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Home Affairs, Nizhniy Novgorod, Russia

A. O. GRYAZNOV,

post-graduate student

Nizhniy Novgorod State University named after Lobachevskiy, Nizhniy Novgorod, Russia

COMPETITIVENESS AND AUTHORITIES OF A COURT FOR SENDING THE CRIMINAL CASE TO A PROSECUTOR FOR ELIMINATING OBSTACLES IN ITS INVESTIGATION

Objective: on the basis of data doctrine and practice to show the level of development of the competition principle in the Russian criminal procedure legislation, as well as to identify the existing problems in the role of court in criminal proceedings concerning the powers to return the case to the Prosecutor, as well as features of the state Prosecutor's role and the interaction between the investigator and the Prosecutor.

Methods: the method of dialectics as general scientific method, which allows to show the historical development of the problem; analysis and synthesis – phenomena links; special-legislative and comparative-legislative methods – regularity of procedural institutions development.

Results: analysis was based on the use of a large number of doctrinal sources and practices data that allowed us to draw the work from theoretical aspect to the level of law enforcement and to show the relevance of the existing problems.

Scientific novelty: on the basis of empirical research it was clearly shown that the competitive principle is poorly developed in Russia during that stage of the criminal process, and thus results in conflicts and abuse of authority. Solutions to the problem are proposed. Objectivity of the study gives it a novelty, because the problem has not been studied in such a vast aspect.

Practical value: the data can be used in both practice and in law-making and to improve the efficiency of public institutions, as well as to bring the work of these bodies to the qualitatively new level.

Key words: criminal procedure; competitiveness; pre-trial proceedings; Prosecutor; State Prosecutor.

References

1. Karyakin E. Vzglyad na sostyazatel'noe ugovolnoe sudoproizvodstvo skvoz' prizmu protsessual'noi formy (View at criminal competitive legal procedure through procedural form), *Ugovolnoe pravo*, 2005, No. 4, pp. 68–71.

2. Trisheva A. A. Institut sledstvennykh sudei – neobkhodimoe uslovie sostyazatel'nogo sudoproizvodstva (Institution of investigating judges as a necessary condition for competitive legal procedure), *Zakonost'*, 2009, No. 7, pp. 3–9.

3. Kryukov V. F. *Ugolovnoe presледovanie v sudebnom proizvodstve: ugolovno-protsessual'nye i nadzornye aspekty deyatel'nosti prokurora* (Criminal prosecution in court procedure: criminal-procedural and observational aspects of Prosecutor's activity). Kursk, 2010, pp. 67–78.

4. Rudnev S. I. Nuzhno li vosstanavlivat' institut vozvrashcheniya ugovolnykh del sudom? (Should we restore the institution of returning criminal cases by court?), *Zakonnost'*, 2006, No. 2, p. 38.

Information about the authors

Nametkin Denis Valeryevich, PhD (Law), associate professor of the chair of criminal procedure, lieutenant colonel of police, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Home Affairs

Address: 3 Ankundinovskoye Shosse, 603144, ГСП-268, Nizhniy Novgorod

E-mail: nametkindv@mail.ru

Gryaznov Artem Olegovich, post-graduate student, lecturer of the chair of criminal-procedural law, Nizhniy Novgorod State University named after Lobachevskiy

Address: 23 Gagarina Avenue, 603950, Nizhniy Novgorod

E-mail: a.o.gryaznov@inbox.ru

How to cite the article: Nametkin D. V., Gryaznov A. O. Competitiveness and authorities of a court for sending the criminal case to a Prosecutor for eliminating obstacles in its investigation, *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2013, No. 4 (28), pp. 273–278.

© Nametkin D. V., Gryaznov A. O., 2013

Процессуальные, криминалистические, уголовно-правовые и криминологические проблемы ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в России и Германии: материалы Международного научно-практического форума в рамках Года Германии в России 2012/13, 4–5 апреля 2013 г. / отв. ред. А.Г. Никитин, Э.Ю. Латыпова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 452 с.

В сборнике представлены доклады по широкому спектру вопросов, касающихся квалификации, расследования и рассмотрения тяжких и особо тяжких преступлений в России и Германии.

Предназначен для научных и педагогических работников, практикующих юристов, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в России и Германии.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем и издателем журнала является частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)».

Рецензирование и редактирование рукописей (научное и стилистическое) осуществляет редакционная коллегия журнала в соответствии с требованиями к изданию научной литературы.

Тематика журнала представлена в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников: «Экономическая теория», «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятием, отраслями и комплексами)», «Экономика и управление народным хозяйством (маркетинг)», «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», «Трудовое право; право социального обеспечения», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность», «Международное право. Европейское право», «Административное право, финансовое право, информационное право» и др.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

1. Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» ответственному секретарю (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Объем статьи не должен превышать 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами).

Материалы принимаются в распечатанном и электронном виде (на любых носителях и могут быть направлены на e-mail: apel@ieml.ru).

2. К статье в виде отдельной справки необходимо приложить:

- список авторов на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках (ученая степень, звание, место работы (полное название организации и занимаемая должность), домашний и рабочий адреса и телефоны, электронный адрес, также необходимо указать, с кем вести переговоры);
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и английском языках (не более 10 строк по ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования»);
- список литературы (на русском языке и на латинице);
- ключевые слова на русском и английском языках;
- заявление;
- рекомендацию о публикации статьи, данную кафедрой или специалистом в соответствующей области, как правило, доктором наук (для статей, авторами которых являются лица без ученой степени или звания).

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, на ее размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т.д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), а также периодическом справочнике «Система ГАРАНТ» в информационном блоке «Законодательство Республики Татарстан».

Поступающие статьи проходят рецензирование, затем рассматриваются редакционной коллегией. На основании рецензии редколлегии может рекомендовать автору доработать статью. Принятые в печать статьи с замечаниями рецензента и редколлегии направляются автору. После внесения исправлений автор представляет в редакцию журнала 1 экземпляр статьи с электронным вариантом.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полуторный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – не более 10 строк. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения журнала в редакции достаточно передать в редакцию письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр журнала, с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 АКБ «БТА-Казань» ОАО г. Казань. (за журнал)

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию журнала.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции журнала:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Ответственный секретарь редакции: Гульназ Язкарвна Дарчинова

GENERAL INFORMATION

about the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. Its founder and publisher is a private educational establishment «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan).

The reviewing and editing of the typescripts (both scientific and stylistic) are carried out by the Journal editorial board in accordance with requirements for scientific literature publishing.

The Journal's themes correspond to the nomenclature of the research worker specialties: «Economics Theory», «Economics and Economy Management (Economics, Organization and Management of an Enterprise, Branches and Complexes)», «Economics and Economy Management (Marketing)», «Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law», «Labour Law; Social Provision Law», «Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law», «Criminal Process; Criminalistics and Court Expertise; Investigation and Search Operations», «International Law. European Law», «Administrative Law, Financial Law, Informational Law», etc.

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

1. The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The volume of the article should not exceed 0.5 author's sheets (20 000 characters, including word spaces).

The materials are accepted in print and as electronic documents (on any medium, and can be sent to e-mail: apel@ieml.ru).

2. The article should be accompanied by the following:

- the list of authors in Russian and English languages;
- information about the authors in Russian and English languages (scientific degree, title, place of work (full title of organization and position), home and office addresses and telephone numbers, electronic address, contact person);
- the article summary in Russian and English languages (not more than 10 lines by ГОСТ 7.9-95 «Abstract and Summary. General Requirements»);
- bibliography (in Russian and Roman);
- key words in Russian and English languages;
- application;
- recommendation for the article publication given by a department or a specialist in an appropriate field, as a rule, a doctor of science.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), as well as in the periodic reference book «GARANT System» in the «The Tatarstan Republic Legislation» information block.

The submitted articles are reviewed and examined by the editorial board. On the basis of the review the board can recommend the author to work further on the article. The article accepted for publication, together with the reviewer's and the editorial board's notes are transferred to the author. After making the amendments, the author submits 1 copy of the article with its electronic variant to the Journal's editorial board.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY (according to ГОСТ 7.5-98 «Journals, collections, information publications. Publishing typography of the published materials»)

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...
2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION to the Journal «Actual problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40 702 810 300 000 001 556, KPP 165501001, RCBIC 049205798, Corr Acc 30 101 810 900 000 000 798 JSCB «BTA-Kazan» (OJSC), Kazan (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Executive secretary: Gulnaz Ja. Darchinova